

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (список Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации) по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки, по которым присуждаются ученые степени:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки),
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки),
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки (юридические науки),
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки).

В соответствии с произведенным распределением журналов, входящих в перечень по категориям, журнал отнесен к категории «К2».

Редакционный совет:

АДИЛОВ Надир Адил оглы – доктор философии по юридическим наукам, доцент, Председатель правления Совета Медиации Азербайджанской Республики, член Комитета Организации Объединенных Наций по экономическим, социальным и культурным правам (Азербайджанская Республика, г. Баку);

АМИНЕВ Фарит Гизарович – доктор юридических наук, доцент, заслуженный юрист Республики Башкортостан, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета, член президиума Союза «Палата судебных экспертов имени Ю.Г. Корухова (СУДЭК)», председатель Общественного совета по экспертной деятельности в Республике Башкортостан (Российская Федерация, г. Уфа);

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна – доктор юридических наук, профессор, профессор департамента международного и публичного права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

БИРЮКОВ Павел Николаевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета Воронежского государственного университета (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВАН Ерп Сьеф – магистр права, профессор кафедры гражданского права и европейского частного права и заведующий департаментом частного права Маастрихтского университета, президент Нидерландской ассоциации сравнительного права, член исполнительного комитета Европейского юридического института (Нидерланды, г. Маастрихт);

ВИНОГРАДОВА Елена Валерьевна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права Российской академии наук, профессор кафедры судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

ВЛАСОВ Анатолий Александрович – доктор юридических наук, профессор, проректор Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева (Российская Федерация, г. Москва);

ВОРОНОВ Александр Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры гражданского и трудового права Воронежского института Федеральной службы исполнения наказаний России (Российская Федерация, г. Воронеж);

ВУЯДИНОВИЧ Драгика – доктор права, профессор кафедры теории, философии и социологии права юридического факультета университета г. Белград (Республика Сербия, г. Белград);

Периодическое печатное издание (журнал): «Евразийская адвокатура».

Учредитель: Автономная некоммерческая организация «Евразийский научно-исследовательский институт проблем права».

Свидетельство о регистрации средства массовой информации: ПИ № ФС77-50845 от 14.08.2012.

Регистрирующий орган: Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес издателя и редакции: 450006, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Ленина, д. 102, оф. 24.

Адрес типографии: ФГУП «Издательство Известия», 127254, Российская Федерация, г. Москва, ул. Добролюбова, д. 6, стр. 1, **тел.:** +7 (495) 650-38-80, **website:** izv-udprf.ru.

Дата выхода в свет: 23.08.2024. Формат 62x84 1/8. Усл. печ. л. 22. Тираж 500 экз. Свободная цена

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 41210

website: www.eurasian-advocacy.ru, **e-mail:** eurasian-advocacy@mail.ru, **тел.:** +7-917-40-61-340

ГАРАДЖАЕВ Джейхун – доктор юридических наук, судья Конституционного Суда Азербайджанской Республики, профессор кафедры конституционного права юридического факультета Бакинского государственного университета, член Комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания Совета Европы (Азербайджанская Республика, г. Баку);

ГАРМАЕВ Юрий Петрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Восточно-Сибирского филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий лабораторией сравнительного правоведения в странах Азиатско-Тихоокеанского региона Бурятского государственного университета (Российская Федерация, г. Улан-Удэ);

ГРУДЦЫНА Людмила Юрьевна – доктор юридических наук, доцент, адвокат, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ДЕХАНОВ Сергей Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного и гражданского права Государственного университета просвещения, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРОВА Мария Александровна – доктор юридических наук, профессор, начальник управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), заместитель председателя Исполнительного комитета Московского отделения Ассоциации юристов России, со-президент Международного союза юристов и экономистов (Российская Федерация, г. Москва);

ЕГОРЫШЕВ Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор, руководитель центра социологии права и правоохранительных органов Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Уфа);

ЖАНАБИЛОВ Нурлан Еркинович – доктор права, профессор, почетный работник образования Казахстана, Главный эксперт Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, первый вице-президент Международного Союза (Содружества) адвокатов, президент Международной ассоциации адвокатов «Азия Иньюколлегия» (Республика Казахстан, г. Астана);

ЗИНН Арндт – доктор права, профессор, руководитель Института экономического уголовного права и руководитель кафедры немецкого и европейского уголовного права и уголовного процесса, международного уголовного права и сравнительного правоведения Университета г. Оснабрюк, директор Центра европейских и международных исследований уголовного права (Федеративная Республика Германия, г. Оснабрюк);

КОСТЮК Михаил Федорович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова (Российская Федерация, г. Москва);

КУДРЯВЦЕВ Владислав Леонидович – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Санкт-Петербургского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции, руководитель магистерской программы (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург);

ЛЕВУШКИН Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Ульяновского государственного университета (Российская Федерация, г. Москва);

МЕЙЗА Исса – доктор частного права, профессор факультета права и политических наук Университета Джельфы (Алжирская народная демократическая республика, г. Джельфа);

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент, адвокат, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, главный редактор журнала «Евразийская адвокатура» (Российская Федерация, г. Москва);

РАХИМБЕРДИН Куат Хажумуханович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и уголовного процесса Восточно-Казахстанского государственного университета имени Сарсена Аманжолова, председатель Палаты юридических консультантов Восточно-Казахстанской области «Парасат» (Республика Казахстан, г. Усть-Каменогорск);

РОДРИГЕС Хосе Норонья – доктор права, адвокат, директор центра юридических и экономических наук, профессор права факультета экономики и управления Азорского университета (Республика Португалия, г. Понта Дельгада);

САНГАДЖИЕВ Бадма Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института Российского университета дружбы народов (Российская Федерация, г. Москва);

СВИРИН Юрий Александрович – доктор юридических наук, доцент, почетный адвокат России, действительный член Российской академии естественных наук, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений, профессор кафедры гражданского процесса и организации службы судебных приставов Всероссийского государственного университета юстиции (Российская Федерация, г. Москва);

ТАТАР Ольга Владимировна – доктор юридических наук, преподаватель кафедры частного права Комратского государственного университета Республики Молдова (Республика Молдова, г. Комрат);

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович – доктор юридических наук, руководитель центра международно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем права (Российская Федерация, г. Москва);

ХАЛИКОВ Аслям Наилевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры криминалистики Института права Башкирского государственного университета (Российская Федерация, г. Уфа);

ЧИХЛАДЗЕ Леван Теймуразович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права Юридического института Российского университета дружбы народов, и.о. заведующего кафедрой конституционного и муниципального права юридического факультета Московского государственного областного университета (Российская Федерация, г. Москва);

ШАГИЕВА Розалина Васильевна – доктор юридических наук, профессор, Первый проректор Российской академии адвокатуры и нотариата, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Российская Федерация, г. Москва);

ШАКИРОВ Тимур Равильевич – магистр права, правовой советник программы по Европе Международной комиссии юристов (Швейцария, г. Женева);

ЮРЬЕВ Сергей Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, адвокат, профессор кафедры адвокатуры Российской академии адвокатуры и нотариата (Российская Федерация, г. Москва);

ЯНГ Саймон Нгай ман – магистр права, профессор юридического факультета Университета Гонконга, адвокат (Гонконг);

ЯРТЫХ Игорь Семенович – доктор юридических наук, адвокат, вице-президент Федерального союза адвокатов России, профессор кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Института мировых цивилизаций (Российская Федерация, г. Москва).

Редакционная коллегия:

Главный редактор:

РАГУЛИН Андрей Викторович – доктор юридических наук, доцент.

Члены редакционной коллегии:

ДЁМИНА Елизавета Петровна – руководитель направления технической проверки материалов;

КАУРАКОВА Мария Викторовна – кандидат юридических наук, руководитель направления рецензирования научных публикаций;

КУЛАГИН Александр Владимирович – руководитель направления предпечатной подготовки;

МЕЛЬНИЧЕНКО Роман Григорьевич – кандидат юридических наук, доцент, руководитель направления SMM;

ПОЛЯНСКАЯ Вероника Владимировна – руководитель направления литературного редактирования;

РАГУЛИНА Индира Тагировна – кандидат юридических наук, заместитель главного редактора;

ФАРХУТДИНОВ Динар Инсурович – руководитель направления IT.

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published (list of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) in scientific specialties and the corresponding branches of science in which academic degrees are awarded:

5.1.1. Theoretical and historical legal sciences (legal sciences),

5.1.2. Public law (state law) sciences (legal sciences),

5.1.3. Private law (civil law) sciences (legal sciences),

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences).

In accordance with the distribution of the journals included in the list by category, the journal is classified as "K2".

Editorial Advisory Board:

ADILOV Nadir Adil oglu – PhD, Associate Professor, Chairman of the Board of the Mediation Council of the Republic of Azerbaijan, member of the United Nations Committee on Economic, Social and Cultural Rights (Azerbaijan Republic, Baku);

AMINEV Farit Gizarovich – LLD, Associate Professor, Honored Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, Member of the Presidium of the Union «Chamber of Judicial Experts named after Yu.G. Korukhov (SUDEKS)», Chairman of the Public Council for Expert Activity in the Republic of Bashkortostan (Russian Federation, Ufa);

BAGREEVA Elena Gennadijevna – LLD, Professor, Professor of the Department of International and Public Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

BIRJUKOV Pavel Nikolaevich – LLD, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Law faculty of the Voronezh State University (Russian Federation, Voronezh);

CHIHLDADZE Levan Teymurazovich – LLD, Professor, Head of the Department of Municipal Law of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia, Acting Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Faculty of Law of the Moscow State Regional University (Russian Federation, Moscow);

DEHANOV Sergey Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law of the State University of Education, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy (Russian Federation, Moscow);

EGOROVA Maria Aleksandrovna – LLD, Professor, Head of the Department of International Cooperation, Professor of the Department of Competition Law of the Moscow State Law University, Deputy Chairman of the Executive Committee of the Moscow Branch of the Russian Bar Association, Co-President of the International Union of Lawyers and Economists (Russian Federation, Moscow);

EGORYSHEV Sergey Vasilevich – LLD, Professor, Head of the Center of Sociology of Law and Law Enforcement Agencies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Ufa);

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich – LLD, Head of the Center of International Legal Studies of the Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law (Russian Federation, Moscow);

GARMAEV Yuri Petrovich – LLD, Professor, Honored Lawyer of the Republic of Buryatia, Professor of the Department of Criminal Procedure Law and Criminology of the East Siberian Branch of the Russian State University of Justice, Head of the Laboratory of Comparative Law in the Asia-Pacific Region of Buryat State University (Russian Federation, Ulan-Ude);

GRUDTSYNA Lyudmila Yurievna – LLD, Associate professor, Advocate, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

JURIEV Sergey Sergeevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Advocacy of the Russian Academy of Advocacy and Notaries (Russian Federation, Moscow);

KOSTYUK Mikhail Fedorovich – LLD, Professor, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics (Russian Federation, Moscow);

KHALIKOV Aslyam Nailevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Criminalistics of the Institute of Law of the Bashkir State University, (Russian Federation, Ufa);

KUDRYAVTSEV Vladislav Leonidovich – LLD, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the St. Petersburg institute (branch) of the All-Russian State University of Justice, Master program manager (Russian Federation, St. Petersburg);

LEVUSHKIN Anatoly Nikolaevich – LLD, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian State University of Justice, Professor of the Department of Civil and Commercial Law of the Ulyanovsk State University (Russian Federation, Moscow);

MAIZA Aissa – PhD, Professor of the Faculty of Law and Political Science of the Djelfa University (Algerian People's Democratic Republic, Djelfa);

QARACAYEV Ceyhun – LLD, the Judge of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department of Constitutional Law of the Faculty of Law of Baku State University, the member of the European Committee for the Prevention of Torture and Inhuman or Degrading Treatment or Punishment (Azerbaijan Republic, Baku);

RAGULIN Andrey Viktorovich – advocate, LLD, associate professor, head of the Centre for the study of the organization and operation of the advocacy of Eurasian Scientific Research Institute of Problems of Law, editor-in-Chief of the «Eurasian Advocacy» Journal (Russian Federation, Moscow);

RAKHIMBERDIN Kuat Hazhumukhanovich – LLD, Associate professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminal Procedure of the East Kazakhstan State University, Chairman of the «Parasat» Chamber of Legal Advisers of the East Kazakhstan Region (Republic of Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk);

RODRIGUES Jose Noronha – PhD, Advocate, Director of Center of Juridical and Economic Studies, Professor of Law of the Azores University (Portugal Republic, Ponta Delgada);

SANGADZHIYEV Badma Vladimirovich – LLD, Professor, Assistant of Chairman of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Russian Federation, Moscow);

SHAGIYEVA Rozalina Vasilyevna – LLD, Professor, First vice-rector of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Professor of the Department of State Disciplines of the Higher School of Law of the Institute of State Service and Government of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation (Russian Federation, Moscow);

SHAKIROV Timur Ravilyevich – LLM, Legal adviser of the Program for Europe of International Commission of Jurists (Switzerland, Geneva);

SINN Arndt – PhD, Professor, Head of Institute of Economic Criminal Law, Head of the Department of German and European Criminal Law and Criminal Trial, International Criminal Law and Comparative Jurisprudence of the University of Osnabruck, Director of the Center of the European and International Researches of Criminal Law (ZEIS) (Federative Republic of Germany, Osnabruck);

SVIRIN Yuri Alexandrovich – LLD, Associate Professor, Honorary Advocate of Russia, Full Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Head of the Department of Civil Law and Process of the Academy of Labor and Social Relations, Professor of the Department of Civil Procedure and Organization of the Bailiff Service of the All-Russian State University of Justice (Russian Federation, Moscow);

TATAR Olga Vladimirovna – LLD, Lecturer of the Department of Private Law of the Comrat State University of the Republic of Moldova (Republic of Moldova, Comrat);

VAN ERP Sjeff – LLM, Professor of the Department of Civil Law and European Private Law, Head of the Private Law Department of the Maastricht University, President of the Netherlands Comparative Law Association, Member of the Executive Committee of the European Law Institute (Netherlands, Maastricht);

VINOGRADOVA Elena Valerievna – LLD, Professor, Chief Researcher of the Constitutional Law and Constitutional Justice Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Judicial Authority, Law-Enforcement and Human Rights Activity of the Law Institute of the People's Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation);

VLASOV Anatoly Aleksandrovich – LLD, Professor, Vice-Rector of Russian University of Advocacy and Notaries Named by G.B. Mirzoev (Russian Federation, Moscow);

VORONOV Alexander Alekseevich – LLD, Professor, Advocate, Professor of the Department of Civil and Labor Law of the Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russian Federation, Voronezh);

VUJADINOVIC Dragica – PhD, Professor of the Faculty of Law of the University of Belgrade (Serbia Republic, Belgrade);

YARTYKH Igor Semenovich – LLD, Advocate, Vice-president of the Federal Union of Advocates of Russia, Professor of the Advocacy Department of the Moscow State Law University, Professor of the Department of Civil Law of the Institute of World Civilizations (Russian Federation, Moscow);

YOUNG Simon Ngai Man – LLM, Advocate, Professor of Faculty of Law of the University of Hong Kong (Hong Kong);

ZHANABILOV Nurlan Erkinovich – PhD, Professor, Honorable worker of education of Kazakhstan, Chief expert of the Kazakhstan Institute of Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, First vice-president of the International Union (Commonwealth) of Advocates, President of the International Association of Advocates «Asia Injurkollegiya» (Republic of Kazakhstan, Astana).

Editorial Board:

Editor-in-Chief:

RAGULIN Andrey Viktorovich – LLD, associate professor.

Members of the Editorial Board:

DEMINA Elizaveta Petrovna – Head of Technical Verification of Materials;

KAURAKOVA Maria Viktorovna – PhD, Head of Reviewing of Scientific Publications;

KULAGIN Alexandr Vladimirovich – Head of Preprinting Preparation;

MELNICHENKO Roman Grigoryevich – PhD, Associate professor, Head of SMM;

POLYANSKAYA Veronika Vladimirovna – Head of Literary Editing;

RAGULINA Indira Tagirovna – PhD, Deputy of the Editor-in-chief;

FARKHUTDINOV Dinar Insurovich – Head of IT.

Все права защищены и охраняются законодательством Российской Федерации об авторском праве. Ссылки на настоящее издание обязательны. За содержание опубликованной рекламы редакция ответственности не несет. Точка зрения авторов материалов, опубликованных в журнале, может не совпадать с точкой зрения Редакционного Совета и Редакционной коллегии журнала.

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная. Вы можете свободно: делиться (обмениваться) – копировать и распространять материал на любом носителе и в любом формате, адаптировать (создавать производные материалы) – делать ремиксы, видоизменять, а также создавать новое, опираясь на этот материал в любых целях, включая коммерческие. При этом вы должны обеспечить соответствующее указание авторства, предоставить ссылку на лицензию и обозначить изменения, если таковые были сделаны. Вы можете это делать любым разумным способом, но не таким, который подразумевал бы, что лицензиар одобряет вас или ваш способ использования произведения.

Содержание

ПЕРСОНА

- Кризис адвокатуры: есть ли выход?
Интервью с адвокатом прав человека Натальей Мацкевич9

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ

- БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна**
Кумулятивный эффект искусства и права
(к 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха)16

- ДЕХАНОВ Сергей Александрович**
Корпорации и учреждения: опыт становления
отдельных форм юридического лица21

- НИФТАЛИЕВА Ирина Алисаламовна**
Понимание справедливости в советской и
современной уголовно-правовой доктрине25

- САРВАРТДИНОВ Марат Рашитович**
Возникновение и развитие экологического права
в дореволюционный период России29

ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ АДВОКАТУРЫ

- БИРЮКОВ Павел Николаевич, РЕХОВСКИЙ Александр Федорович**
Формы адвокатских образований в Республике Корея33

- КРУГЛЯКОВ Сергей Валерьевич**
О некоторых вопросах оказания адвокатами бесплатной
юридической помощи: история и современность38

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АДВОКАТСКОЙ ПРАКТИКИ

- ГАРМАЕВ Юрий Петрович, ВИКУЛОВ Олег Валерьевич**
Оспаривание адвокатами доказательств, основанных на результатах
оперативно-розыскной деятельности: проблемы и пути решения ...47

- АСАНОВА Умутай Алибаевна**
Адвокатская тайна как процессуальная гарантия
прав подзащитного58

- КАРПОВА Светлана Васильевна**
Сущность и содержание понятий «бренд» и «брендинг»62

- КАУРАКОВА Мария Викторовна, ДАВЛИЕВА Венера Ильдусовна**
Отдельные вопросы таможенного оформления и
налогообложения внешнеэкономической деятельности66

- ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна**
Правовая природа цифровых (виртуальных) активов в соответствии
с российским и азербайджанским законодательством73

- АСИЛАЛОВ Джабраил Захарович**
Правовое регулирование капитальных и
некапитальных объектов77

- НИКОЛАЕВ Сергей Владимирович**
Понятие и правовая природа договорной конструкции дарения ...82

- РОЖКОВ Илья Вячеславович**
Особенности управления инструментами интернет-маркетинга
в цифровой среде86

- БАЛАШОВ Даниил Владимирович**
Актуальные вопросы передачи гражданам прав собственности
на земельные участки на дальневосточных и
арктических территориях89

- ЩЕБЛЕНКОВ Максим Евгеньевич**
К вопросу об определении понятия «виды разрешенного
использования земельных участков»95

- ТРОФИМОВ Илья Петрович**
Особенности правового регулирования договора
конвертируемого займа в США и Великобритании99

- НИКИФОРОВ Илья Евгеньевич**
Регулирование киберпространства
с помощью норм права103

- НИКОЛАЕВ Сергей Владимирович**
Договор дарения в современном гражданском праве
сквозь призму анализа его предметной стороны109

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- ПАНФИЛОВ Глеб Павлович**
Предоставление компенсаций жертвам преступлений за счёт
публичных фондов – благотворительность или
имущественная ответственность государства?114

- САДРИЕВА Дамира Наильевна**
Региональная правовая политика в социальной сфере:
понятие и основные приоритеты119

ПРАВОСУДИЕ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

- ЧВОРОВИЧ Драгана, БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна**
Международный опыт использования технических средств
при совершении уголовно-процессуальных действий124

- КРАСНЕНКОВА Елена Валерьевна, АЛЕШКО Борислав Евгеньевич**
Эффективность применения освобождения от
уголовной ответственности129

- КОПЕНКИН Игорь Олегович**
Уголовная ответственность за незаконный оборот
персональных данных в государствах – членах ЕАЭС134

- ДЁМИНА Елизавета Петровна, РИЗАЕВА Дана Эльдаровна**
Органы, осуществляющие государственный контроль за
исполнением природоохранного и экологического
законодательства, и их компетенция140

- КАСУМОВ Нихад Фирдовсиович**
Приоритеты информационного сопровождения судопроизводства
в законодательстве Российской Федерации145

- ВОЛКОЛУПОВ Владимир Георгиевич**
ВОЛКОЛУПОВА Валентина Александровна
Проблемы совершенствования норм, регламентирующих
обжалование процессуальных действий и решений
(либо бездействия) властных субъектов, и практики их
применения в стадии предварительного расследования149

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА ЕВРАЗИИ

- КОЛСАРИЕВА Назира Шаршенбековна**
Функции современной политической системы154

- ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич**
Акт органа исполнительной власти как элемент правового
регулирующего и основа для саморегулирования управления
государственными хозяйственными обществами159

- КЫРЛАН Марчел Георгиевич**
Правовое регулирование инвестиций в исламском банкинге: опыт
Российской Федерации и Азербайджанской Республики164

- БРЫКИН Константин Игоревич**
Цифровые валюты центральных банков государств – членов ЕАЭС:
концепции, финансово-правовое регулирование,
тенденции развития168

- СОЛДАТОВА Наталья Федоровна**
Практика применения технологии «зеленого камуфляжа»
в маркетинге и защита прав потребителей173

- УСТИНОВА Ольга Евгеньевна**
Особенности развития несырьевого неэнергетического
экспорта российских предпринимателей177

- РОЖКОВ Илья Вячеславович**
Сущность, характеристика и нормативно-правовое регулирование
управления клиентским опытом в цифровой среде182

- ЕВГРАФОВА Анна Георгиевна**
Проект «Семейный лес» как инструмент реализации
государственной политики в области народосбережения и
экологического благополучия186

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА И ДИСЦИПЛИНАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ АДВОКАТА

- МАРЧЕВА Полина Евгеньевна**
Риски, связанные с этическими аспектами профессиональной
деятельности адвоката, в работах зарубежных исследователей:
сущность и трактовки191

Contents

PERSONA

- The Crisis of the Legal Profession: Is There a Way Out?*
Interview with the Human Rights Lawyer Natalya Matskevich9

HISTORICAL EXPERIENCE

- BAGREEVA Elena Gennadievna**
The Cumulative Effect of Art and Law
(On the 150th Anniversary of the Birth of N.K. Roerich)16

- DEKHANOV Sergey Alexandrovich**
Corporations and Institutions: the Experience of Formation
of Individual Forms of Legal Entity21

- NIFTALIEVA Irina Alisalamovna**
Understanding Justice in Soviet and Modern Criminal Law Doctrine ...25

- SARVARTDINOV Marat Rashitovich**
The Emergence and Development of Environmental Law
in the Pre-Revolutionary Period of Russia29

PROBLEMS OF ORGANIZATION AND ADVOCACY PROFESSION FUNCTIONING

- BIRIUKOV Pavel Nikolaevich, REKHOVSKY Alexander Fedorovich**
Forms of Lawyer Firms in the Republic of Korea33

- KRUGLYAKOV Sergey Valeryevich**
On Some Issues of Providing Free Legal Aid by Lawyers: History and
Modernity38

ACTUAL PROBLEMS OF ADVOCACY PRACTICE

- GARMAEV Yury Petrovich, VIKULOV Oleg Valerevich**
Challenging Evidence Based on the Results of Operational
Investigative Activities by Advocates: Problems And Solutions47

- ASANOVA Umutay Alibayevna**
Attorney-Client Privilege as a Procedural Guarantee
of the Rights of the Defendant58

- KARPOVA Svetlana Vasilievna**
Essence and Content of the Concepts «Brand» and «Branding»62

- KAURAKOVA Maria Viktorovna, DAVLIEVA Venera Ildusovna**
Separate Issues of Customs Clearance and Taxation of Foreign
Economic Activity66

- SHAYDULLINA Venera Kamilevna**
Legal Nature of Digital (Virtual) Assets in Accordance
with Russian and Azerbaijani Legislation73

- ASILALOV Dzhabrail Zakharovich**
Legal Regulation of Capital and Non-Capital Facilities77

- NIKOLAEV Sergey Vladimirovich**
Concept and Legal Nature of Contractual Donation Construction82

- ROZHKOV Ilya Vyacheslavovich**
Features Of Managing Internet Marketing Tools
in a Digital Environment86

- BALASHOV Daniil Vladimirovich**
Topical Issues of Transferring Ownership of Land Plots to Citizens
in the Far Eastern and Arctic Territories89

- SHCHEBLENKOV Maxim Evgenievich**
Permitted Use of Land Plots: Some Problems
in Defining the Concept95

- TROFIMOV Ilya Petrovich**
Special Aspects of the Legal Regulation of a Convertible Loan
Agreement in the USA and United Kingdom99

- NIKIFOROV Ilya Evgenievich**
Regulating Cyberspace through Law103

- NIKOLAEV Sergey Vladimirovich**
A Gift Agreement in Modern Civil Law Through the Prism
of an Analysis of its Substantive Sides109

HUMAN RIGHTS IN EURASIAN SPACE

- PANFILOV Gleb Pavlovich**
Providing Compensation to Victims of Crime From
Public Funds – Charity or Property Liability of the State?114

- SADRIEVA Damira Nailiyevna**
Regional Legal Policy in the Social Sphere: the Concept and
Main Priorities119

JUSTICE AND LAW-ENFORCEMENT ACTIVITY IN THE EURASIAN SPACE

- CVOROVIC Dragana, BAGREEVA Elena Gennadievna**
International Experience in the Use of Technical Means
in the Commission of Criminal Procedural Actions124

- KRASNENKOVA Elena Valerievna, ALESHKO Borislav Evgenievich**
The Effectiveness of the Application of Exemption
from Criminal Liability129

- KOPENKIN Igor Olegovich**
Comparative Legal Analysis of the Criminal Legislation of the EAEU
Member States in the Field of Protection of Personal Data134

- DEMINA Elizaveta Petrovna, RIZAEVA Dana Eldarovna**
Organs Exercising State Control over the Implementation of
Environmental Protection and Environmental Legislation, and
their Competence140

- KASUMOV Nihad Firdovsiovich**
Priorities of Information Support of Legal Proceedings
in the Legislation of the Russian Federation145

- VOLKOLUPOV Vladimir Georgievich, VOLKOLUPOVA Valentina Alexandrovna**
Problems of Improving the Norms Governing the Appeal
of Procedural Actions and Decisions (or Inaction) of Government
Entities, and the Practice of Their Application
at the Stage of Preliminary Investigation149

POLICY AND ECONOMY OF EURASIA

- KOLSARIEVA Nazira Sharshenbekovna**
Functions of modern political system154

- YAKOVLEV Alexander Yurievich**
Act of the Executive Body as an Element of Legal Regulation and
the Basis for Governance Self-Regulation of State Companies159

- KYRLAN Marchel Georgievich**
Legal Regulation of Investments in Islamic Banking: Experience
of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan164

- BRYKIN Konstantin Igorevich**
Digital Currencies of the Central Banks of the EAEU Member States:
Concepts, Financial and Legal Regulation, Development Trends168

- SOLDATOVA Natalya Fedorovna**
The Practice of Using «Green Camouflage» Technology
in Marketing and Consumer Protection173

- USTINOVA Olga Evgenievna**
Peculiarities of Development of Non-Resource Exports
of Russian Entrepreneurs177

- ROZHKOV Ilya Vyacheslavovich**
Essence, Characteristics and Legal Regulation of Customer
Experience Management in the Digital Environment182

- EVGRAFOVA Anna Georgievna**
«Family Forest» Project as a Tool for the Realization of the State Policy
in the Field of Public Conservation and Environmental Well-Being186

PROFESSIONAL ETHICS AND DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF ADVOCATES

- MARCHEVA Polina Evgenievna**
Risks Associated with Ethical Aspects of Professional Activities
of an Advocate in Scientific Works of Foreign Researchers:
Highlights and Interpretations191

КРИЗИС АДВОКАТУРЫ: ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД?

Интервью с адвокатом прав человека Натальей Мацкевич.

THE CRISIS OF THE LEGAL PROFESSION: IS THERE A WAY OUT?

Interview with the Human Rights Lawyer Natalya Matskevich.

Визитная карточка:

Наталья Мацкевич – адвокат прав человека, с 1994 года работала адвокатом в Беларуси (г. Минск). Специализация: защита в уголовном процессе, в миграционных делах, защита прав человека в национальных судах и в органах ООН. В 2020–2021 гг. вела дела Сергея Тихановского и Виктора Бабарико, основных оппонентов Александра Лукашенко на президентских выборах, арестованных по уголовным обвинениям (приговорены к длительным срокам заключения, с начала 2023 года находятся в тюрьме инкоммунадо). В октябре 2021 года по инициативе Министерства юстиции по надуманным основаниям лишена в Беларуси адвокатского статуса. Является экспертом и научным координатором международных программ по правам человека для правозащитников и адвокатов, проводимых Центром конституционализма и прав человека Европейского гуманитарного университета, проводит исследования по темам адвокатуры, устройства правовой системы, стандартов справедливого разбирательства и др. В 2023 году белорусское правозащитное сообщество удостоило Наталью Мацкевич премии «Правозащитник года».

– Здравствуйте, уважаемая Наталья! Спасибо, что нашли время ответить на несколько вопросов. Прежде всего, я задам Вам наш традиционный вопрос. Расскажите, пожалуйста, когда и по какой причине Вы пришли в юридическую профессию и о Вашем профессиональном пути.

– В адвокатуру я пришла сразу после университета: в 1993 году – на стажировку, а в 1994-м получила лицензию. Тогда меня привлекала сама возможность работать с людьми и помогать им. К тому же это были времена, когда правовая система Беларуси после обретения ею независимости обновлялась, развивалась, и адвокатская практика казалась наиболее свободной юридической профессией.

С самого начала карьеры я стала специализироваться на защите по уголовным делам. В первой половине 2000-х в основном вела дела по обвинениям в должностных преступлениях (взятки, злоупотребление служебным положением). К этому времени я поняла, что положение защиты в уголовном процессе достаточно слабое; что у адвоката, получившего образование в белорусском вузе, недостаточно аргументов для того, чтобы вести процесс с точки зрения защиты человеческого достоинства, и инструментов для того, чтобы «поднять» дело на наднациональный уровень.

В 2005 г. мне повезло попасть в международную школу по правам человека, проводимую Хельсинкским фондом по правам человека в Варшаве, а в 2006-м – в белорусскую программу Bring International Standard Home, созданную известными правозащитниками Борисом Звозсковым и

Людмилой Уляшиной. Забегая вперед, отмечу, эта программа имплементируется под эгидой ряда белорусских правозащитных организаций до настоящего времени. С 2009 года я выступаю в ней в качестве эксперта, а с 2013-го – и координатора учебной программы.

В 2009–2011 гг. я прошла магистерскую программу «Международное и европейское право» в Европейском гуманитарном университете (Вильнюс, Литва), который уже около 20 лет работает как белорусский университет в изгнании. Получив комплексные и системные знания в области международных стандартов и механизмов защиты прав человека, я привнесла их в свою адвокатскую деятельность и сосредоточилась в основном на защите прав человека на национальном уровне и в Комитете по правам человека (органе по мониторингу и контролю за соблюдением государствами – участниками Международного пакта о гражданских и политических правах).

В моем профессиональном багаже есть несколько дел, по которым Комитетом по правам человека вынесены решения с признанием нарушения государством прав по Пакту. Это два дела по смертной казни, дело известного белорусского правозащитника, лауреата Нобелевской премии мира 2023 года Алеся Беляцкого, дело о лишение адвоката лицензии, дело о высылке, дело Виктора Бабарико – по первой из двух жалоб, поданных в КПЧ, он уже вынес решение и признал произвольным задержание этого политика, который мог стать основным соперником Лукашенко на выборах 2020 года [1]. Несколько обращений в Комитет по правам человека, поданных мной

(в том числе моя собственная жалоба на лишение меня статуса), находятся на рассмотрении КПЧ. В 2021 году Рабочая группа по произвольным задержаниям (специальная процедура Совета по правам человека ООН) приняла решение о том, что задержание в 2020 году другого ключевого оппонента режима – Сергея Тихановского – является произвольным [2].

В период 2011–2020 гг. ко мне часто попадали дела по защите правозащитников, общественных активистов, журналистов, политиков, потому что в этих делах основной вопрос, аргументация и инструментарий связаны с правами человека. А весной-летом 2020 г. на фоне начавшегося политического и правового кризиса в Беларуси я приняла защиту Виктора Бабарико, Сергея Тихановского и нескольких других людей из правозащитной и блогерской сферы. В это время вместе с другими адвокатами мы выступали с публичными заявлениями в защиту репрессированных коллег и против изменений, вносимых в Закон об адвокатуре. 2020–2021 годы были ознаменованы репрессиями и исключением из профессии множества адвокатов, проявивших принципиальную позицию. Это продолжается до настоящего времени. Меня же исключили из Минской городской коллегии адвокатов в октябре 2021 года, что было инициировано Министерством юстиции по письму одной из силовых структур.

Это произошло в самый разгар судебного процесса над Сергеем Тихановским, проходившего в закрытом режиме в СИЗО города Гомеля. А незадолго до этого, в конце июня 2021 г., я выступила с правозащитной речью в судебных прениях по делу Виктора Бабарико [3], которая была широко опубликована в СМИ. Эти обстоятельства, а также ничтожность тех претензий, которые стали поводом для исключения меня из коллегии адвокатов, не оставляют сомнений в том, что я была лишена профессионального статуса с целью воспрепятствовать моему участию в одном из наиболее громких политически мотивированных процессов и «наказания» за выполнение профессиональных обязанностей. Таких же оценок придерживаются правозащитное сообщество и международные профессиональные ассоциации адвокатов (American Bar Association, Lawyers for Lawyers, International Commission of Jurists, CCBE [4–8]).

После лишения меня права на профессию адвоката я еще два года продолжала жить в Беларуси и работать в образовательных программах, проводить исследования по адвокатуре (тем более ситуация с адвокатурой в Беларуси требовала

документирования и экспертной оценки происходящего). К лету 2023 года риски моего нахождения там и продолжения преподавательской и исследовательской работы возросли, и нам с семьей пришлось уехать из страны.

– В своем недавнем Докладе Специальный докладчик ООН по вопросу о положении в области прав человека в Беларуси Анаис Марин описала репрессивные меры, которые применяются против граждан внутри страны и за ее пределами.

Специальный докладчик обратила внимание на целенаправленное уничтожение независимых объединений, которое затронуло как организации и инициативы гражданского общества, политические партии, профсоюзы, религиозные организации, так и адвокатские объединения.

В докладе отмечено, что в 2021 году были внесены изменения в законодательство об адвокатуре и адвокатской деятельности в Беларуси (Закон № 113-З от 27 мая 2021 года), которые запретили адвокатам заниматься адвокатской деятельностью без членства в «территориальных» (местных) юридических консультациях, а также поставили под контроль Министерства юстиции назначение председателей и членов исполнительных органов коллегий адвокатов. Доступ к адвокатской деятельности стал зависеть от прохождения стажировки, которая требует одобрения кандидата Министерством юстиции, и последующего распределения советом «территориальной» (местной) коллегии адвокатов.

Также отмечается, что в период с 2020 года по ноябрь 2023 года 47 адвокатов были исключены из коллегий адвокатов по мотиву дисциплинарного взыскания в соответствии с процедурой, инициированной Министерством юстиции. Задержание и привлечение к административной ответственности адвоката, независимо от причины, являются достаточными основаниями для того, чтобы коллегия адвокатов пришла к выводу о совершении им дисциплинарного проступка, в то время как осуждение за некоторые административные правонарушения (такие как мелкое хулиганство, неповиновение законному распоряжению или требованию должностного лица или распространение экстремистских материалов) влечет за собой лишение лицензии. С 2021 года число имеющих лицензию адвокатов сократилось, по меньшей мере, на 431 человека.

В докладе также отмечается, что имеются сообщения о том, что коллегии адвокатов открыто поддерживают нарратив правительства, стирают различия между адвокатом и государственным чиновником или открыто защищают политику исполнительной власти, а не своих клиентов [9].

В связи с этим нашим читателям хотелось бы узнать у Вас, как у одного из ведущих экспертов по вопросам организации и развития адвокатуры, мнение о сегодняшнем состоянии адвокатуры в Беларуси.

– Прежде всего, необходимо актуализировать и дополнить названные цифры и факты. Спецдокладчик по вопросам независимости судей и адвокатов приводит данные только о тех адвокатах, которые лишены профессионального статуса в результате прекращения действия лицензии и исключения из коллегии адвокатов. На самом деле на настоящий момент 132 белорусских адвоката лишены права на профессию по неправомерным процедурам, включая непрохождение аттестации. 6 адвокатов находятся в заключении. К тому же не менее 250 человек ушли из адвокатуры в связи с принятием поправок к закону об адвокатуре 2021 года. Если на ноябрь 2021 года, по официальным данным, в Беларуси статус адвоката имели более 2000 человек, на конец апреля 2022 года в адвокатуре числилось лишь 1818 адвокатов, то в сентябре 2023 года их оставалось уже 1616 [10, с. 101; 11, с. 37]. То есть в результате репрессий и дискредитации адвокатской профессии число адвокатов неуклонно падает. И это учитывая то, что в адвокатуру, хоть и не массово, но все же прибывают новые юристы.

– Вы упомянули, что для лишения статуса адвоката может быть задействовано несколько процедур?

– Именно так. По международным стандартам прекратить статус адвоката может только независимый коллегиальный орган, преимущественно состоящий из самих адвокатов и действующий по справедливой процедуре (Комитет по правам человека признал, что эта процедура должна соответствовать гарантиям справедливого суда [12]). В Беларуси же существуют как минимум три процедуры.

Во-первых, это прекращение действия адвокатской лицензии Министерством юстиции как лицензирующим органом за грубое или систематическое нарушение лицензионных требований и условий, к чему могут быть отнесены действия адвоката, в которых Министерство усмотрит нарушение законодательства или норм адвокатской

этики. Эта процедура может быть инициирована сотрудниками Минюста по собственному усмотрению, затем Квалификационная комиссия по вопросам адвокатской деятельности при Минюсте, где адвокаты представлены в меньшинстве, выносит заключение. Окончательное решение принимается на коллегии Министерства, которая полностью состоит из его сотрудников. Эта процедура начала применяться в 2011 году, когда коллегии адвокатов отказывались исключать своих членов по требованию Министерства. В 2020 году Минюст напрямую лишил адвокатов лицензии за публичное выражение мнения и участие в мирных собраниях [13, с. 73–68].

Параллельно действует дисциплинарная процедура территориальных коллегий адвокатов, где вопрос о нарушении правил адвокатской этики или закона решается дисциплинарным органом, состоящим из адвокатов. Но если раньше это были дисциплинарные комиссии, выбранные адвокатами, то изменениями в Закон об адвокатуре 2021 года они были упразднены, и дисциплинарные кейсы рассматривает Совет коллегии – орган ее управления. Хотя его составляют адвокаты, они не могут быть избраны в Совет без утверждения Минюста (такая норма тоже появилась в Законе), то есть этот орган нельзя назвать независимым. По всем дисциплинарным делам, возбужденным министром юстиции (а он имеет такое полномочие), в последнее время принимаются решения об исключении адвокатов из коллегии.

Еще одним способом контроля над адвокатами и членами образованных ими органов, средством исключения из профессии, которое стало массово применяться с 2020 года, является аттестация адвоката, очередная (раз в 5 лет) или внеочередная. Минюст решает, где адвокат будет проходить такую аттестацию: у себя в коллегии или в уже упомянутой Квалификационной комиссии Министерства. В Минюст, понятно, направляются те адвокаты, от которых хотят избавиться. Там им задается неограниченный круг вопросов по отраслям права, при ответах на которые необходимо цитировать нормы, в противном случае адвокат объявляется «недостаточно квалифицированным» для осуществления этой деятельности, и у него забирается лицензия. По факту, это не способ проверки квалификации, а способ унижить адвоката и устранить его из профессии без всяких, даже мнимых, нарушений с его или ее стороны. При этом «неквалифицированными» объявляются адвокаты и с длительным безупречным стажем работы, и даже имеющие научную степень. Многие из тех, кого вызывают на атте-

стацию в Минюст, сразу уходят из адвокатуры, не желая подвергаться такому унижению.

Еще одним белорусским «ноу хау» можно назвать практику произвольных задержаний адвокатов, когда милиция фабрикует административное дело по неповиновению сотрудникам милиции или мелкому хулиганству, а привлечение к административной ответственности автоматически рассматривается как дисциплинарный проступок, ведущий к исключению из коллегии. В ноябре 2022 года органы милиции задержали одного, а в марте 2023 – не менее шести адвокатов, трое из них получили административные санкции в виде ареста (15–30 суток). Впоследствии все эти адвокаты лишились своего статуса. Адвокаты, задержанные в марте 2023 года, защищали политических заключенных, которые рассматриваются как основные противники режима, – Сергея Тихановского, Виктора Бабарико, Марию Колесникову, Николая Статкевича, Максима Знака, Игоря Лосика и которые с того времени содержатся в колониях и тюрьмах в режиме инкоммуникадо. Не у всех из них есть сегодня даже адвокаты, учитывая, что все их предыдущие защитники тоже были лишены лицензий в 2020–2022 годах.

– Вы сказали, что изменения 2021 года в Закон об адвокатуре вынудили множество адвокатов уйти из адвокатуры. Что это за изменения?

– Кроме упразднения дисциплинарных комиссий, фактического назначения Советов коллегий Минюстом и расширения его полномочий по аттестации адвокатов изменения в Закон об адвокатуре ликвидировали такие формы организации адвокатской деятельности, как бюро и индивидуальная практика. Остались только юридические консультации – наследие советских времен. За то время, пока развивались бюро (с 2012 по 2021 год), многие из них действовали как солидные юридические фирмы с соответствующей материальной базой и иностранной клиентурой. Теперь их адвокатам предлагалось перейти в юридические консультации, заведующие которых, имеющие значительный контроль над работой адвоката, по новым изменениям Закона тоже утверждаются Минюстом. Отсутствие независимости, естественно, отпугнуло таких адвокатов, и они сдали лицензии. Хотя, не будучи адвокатом, в Беларуси нельзя участвовать в суде даже по гражданским и экономическим делам. Но после этого была введена аттестация и для этих юристов, с таким же унижительным «экзаменом», как и для адвокатов, и многие из них, даже имеющие международные рейтинги, эту аттестацию не прошли. Государ-

ство таким образом уничтожает независимость любой юридической профессии, видя в ней угрозу и предпосылку повторения той ситуации, когда в 2020–2021 годах наиболее продвинутые ее представители проявили себя как принципиальные защитники и сознательные граждане.

– А по каким обвинениям шесть белорусских адвокатов приговорены к лишению свободы?

– В общем можно характеризовать это так: они лишены свободы за правомерное осуществление адвокатской деятельности. Однако ситуация такова, что по большинству дел мы не знаем даже существа обвинения и приговора, поскольку процессы проходили в закрытом режиме.

Таковым был суд по делу Максима Знака [14], который в сентябре 2021 года был осужден к 10 годам лишения свободы по обвинению в участии в заговоре с целью захвата власти неконституционным путем, создании экстремистского формирования и участии в нем, призывах к действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь. Так государство расценило его работу по оказанию правовой помощи в предвыборных кампаниях Виктора Бабарико (до отказа ему в регистрации в качестве кандидата в президенты) и Светланы Тихановской (до ее изгнания из страны).

Адвокат Александр Данилевич в 2023 году осужден к 6 годам лишения свободы. В основу его обвинения были положены те консультации и проекты документов, которые он давал и составлял в рамках юридической помощи ряду спортсменов, открыто выступавших против власти. Незадолго до задержания Минская городская коллегия объявила ему выговор за подписание антивоенной петиции.

К реальным сроками лишения свободы осуждены адвокаты Виталий Брагинец (защитник правозащитника Алеся Беляцкого), Юлия Юриглевич (защитница художника Алеся Пушкина, умершего в тюрьме), Анастасия Лазаренко и Алексей Бородко.

– А какую позицию заняли органы адвокатского самоуправления?

– То, что сейчас из себя представляют советы территориальных коллегий (по шести областям и города Минска) и Белорусской республиканской коллегии адвокатов (БРКА), вряд ли можно называть органами самоуправления. Можно сказать даже, что белорусская адвокатура не обладает признаками профессиональной ассоциации адвокатов – независимостью, самоуправлением и саморегулированием. Коллегии также не выпол-

няют своей функции по защите прав и независимости адвокатов. Напротив, как я говорила, они становятся инструментами репрессий и исключения адвокатов из профессии. Органы коллегии были фактически устранены от обсуждения изменений в Закон об адвокатуре в 2021 году. Адвокаты узнали о законопроекте случайно, из одного из частных телеграм-каналов, и только поэтому им дали возможность представить свои комментарии в БРКА в течение одного дня. И, конечно, эти комментарии не были никак учтены.

В апреле 2022 года А. Лукашенко на встрече с министром юстиции объявил, что «адвокатура должна быть под контролем» [15]. В июле 2022 года председатель БРКА Алексей Шваков на съезде адвокатов вторил, что «обязанность адвоката – это защита интересов государства» [16]. В последнее время органы управления адвокатурой занимаются в основном тем, что организуют адвокатов на субботники, возложение цветов, спортивные мероприятия, а в информационных источниках БРКА размещаются сообщения с нарративами государственной пропаганды, включая тот, что Беларусь «является союзником России, полностью разделяющим цели и задачи «специальной военной операции» [17].

Так что на какую-либо «позицию» этих органов рассчитывать не приходится. И, к сожалению, те адвокаты, которые еще работают в Беларуси, стараясь выполнить задачи и миссию этой профессии, остаются один на один с теми угрозами и рисками, которую она сегодня имеет.

– Могут ли адвокаты сопротивляться этим изменениям? В чем проявляется сопротивление?

– В 2020-2021 годах сообщество из нескольких десятков или даже сотен белорусских адвокатов, которое ситуативно сложилось как ответ на вызовы и ужесточение репрессий (массовые задержания и пытки, недопуск в места изоляции, преследование адвокатов), проявило себя как яркая профессиональная часть гражданского общества. Мы выпускали публичные заявления против насилия, координировали свои действия по защите жертв нарушений прав человека, массово приходили в судебные заседания по делам коллег, писали петиции в их поддержку, выступали с публичными комментариями происходящего. К сожалению, очень многие, если не все, адвокаты из этого сообщества были впоследствии лишены своего профессионального статуса, и многие из них вынуждены были покинуть страну. Но на начальном этапе указанные действия были эффективны, или, по крайней мере, пока они поддерживались

обществом и существовали независимые СМИ, влияли на общественное мнение.

Сейчас, когда разрушена адвокатура, ликвидированы и /или объявлены экстремистскими все правозащитные организации и негосударственные СМИ, активные граждане либо находятся в тюрьме, либо уехали из страны, и в Беларуси распространена атмосфера страха, подогреваемая непрекращающимися репрессиями, адвокаты внутри страны лишены всякого ресурса не только для сопротивления, но и для принципиального выполнения своих прямых обязанностей.

С другой стороны, значительная часть адвокатов, лишенных статуса в Беларуси, сейчас находится за ее пределами. Это огромный интеллектуальный потенциал, который не может не реализовываться, и важно его сохранять, поддерживать и развивать.

С конца 2020 года действует информационный портал «Право на защиту» (4 июня 2024 судом Ленинского района города Бреста признан «экстремистскими материалами») [18], который был создан по инициативе белорусских адвокатов. Он нацелен поддерживать в адвокатском сообществе понимание принципов правового государства, верховенства права и прав человека, сопротивляясь введению в норму практик по уничтожению и выхолащиванию этих ценностей. На нем размещаются аналитические и практические материалы, комментарии относительно текущей повестки, совместные заявления. Также важно то, что там ведутся мониторинг всех событий, происходящих в белорусской адвокатуре, и хроника преследования адвокатов. Мы рассчитываем, что информация, размещенная на нем, рано или поздно достигнет всех наших адвокатов и станет источником формирования сознания для новой адвокатуры.

Процесс документирования и анализа мы проводим также путем подготовки отчетов под эгидой Центра конституционализма и прав человека Европейского гуманитарного университета в партнерстве с белорусскими правозащитными организациями, American Bar Association, Lawyers for Lawyers («Кризис белорусской адвокатуры: как вернуть право на защиту» (период 2020–2022) [19]; «Беларусь. Кризис адвокатуры. Продолжение репрессий 2022–2023» [20, 21]).

В этих отчетах не только содержится ретроспективная оценка нарушений стандартов адвокатуры, прав и гарантий адвокатов в Беларуси, но и разработана программа будущих реформ для адвокатуры. Сейчас на основе этой программы эксперты разрабатывают проект Закона об адвокатуре.

Из адвокатов, которые были вынуждены покинуть Беларусь, уже к 2023 году сложилось сообщество, которое является голосом белорусских адвокатов, источником действий по солидарности с адвокатами, находящимися в заключении в Беларуси, и с теми, кто остается или выезжает из страны. Значительная часть сообщества входит в Белорусскую ассоциацию адвокатов прав человека [22], которая образовалась в апреле 2023 года при институциональной и методической поддержке Центра конституционализма и прав человека ЕГУ. Парламентская ассамблея Совета Европы призвала к признанию Белорусской ассоциации адвокатов прав человека как организации, на которую возложены продвижение и защита прав человека, юристов, лишенных права на профессию в Беларуси, и совершенствование оказания юридической помощи [23].

Это сообщество может стать основой возрождения адвокатуры и других юридических профессий в Беларуси. Поэтому сейчас мы видим для себя задачей наращивание компетенций адвокатов из Беларуси и других стран региона в области прав человека, международного уголовного, гуманитарного права, их экспертного потенциала и навыков разработки концепций реформ и законопроектов, способности выступать драйвером реализации таких реформ. На это нацелен цикл курсов Центра конституционализма и прав человека ЕГУ «Адвокаты за верховенство права. Просвещение и профессиональная подготовка», который осуществлялся в 2021–2022 и в 2023–2024 годах для адвокатов Азербайджана, Беларуси, Молдовы, России и Украины и планируется к продолжению. Итоговые конференции выпускников этих циклов помогают установить сетевое взаимодействие адвокатов прав человека разных стран и представить свой голос по вопросам адвокатуры, в частности, в Конвенции о профессии адвоката, которая разрабатывается в рамках Совета Европы.

Правозащитным образованием адвокатов занимается также программа International Law in Advocacy BY, которая реализуется партнерством белорусских правозащитных организаций.

Можно ли эти действия назвать сопротивлением в текущем моменте? Конечно. В той ситуации, когда мы уже не можем остановить репрессивные практики государства, важно сохранить и нарастить свой потенциал. Что, безусловно, дает долгосрочный эффект.

– 18 декабря 2023 года Межрегиональная общественная организация адвокатов и юристов «Инициатива 2018» из России направила в

ООН, международные ассоциации адвокатов и в правозащитные организации Обращение, в котором были отмечены такие негативные стороны деятельности органов корпоративного управления адвокатурой в России, как авторитаризм, подавление демократии, усиление государственного воздействия, цензура, коррупционные и финансовые злоупотребления, дискриминация, репрессивное корпоративное нормотворчество и дисциплинарное преследование адвокатов, игнорирование целей и задач объединений адвокатов, антиадвокатские законодательные инициативы [24, 25].

Как Вы считаете, много ли общих черт между современной организацией и деятельностью органов управления адвокатурой в Беларуси и России к настоящему моменту? Можно ли сказать, что российская адвокатура идет по «белорусскому сценарию»?

– Насколько я вижу по Обращению (могу ошибаться), основная проблема российской адвокатуры – в бездействии или недостойных действиях ФПА. Означает ли это, что если бы она действовала надлежащим образом, то государство бы «убрало руки» от адвокатуры? Если так, то белорусская ситуация значительно отличается. Законодательные рамки, фактически уничтожившие независимость адвокатуры, и интенсивные репрессии, сформировавшие атмосферу бессилия среди адвокатов, исходят именно от государства. И если даже представить, что так называемые органы адвокатского самоуправления в Беларуси напрягли бы все свои силы, то они вряд ли смогли бы этого остановить. Это не умаляет той оценки, что они отказались от своих основных функций и сами стали инструментом в руках государства, чему нужно было противостоять.

Кроме этого, масштаб репрессий в отношении белорусских адвокатов вряд ли сравним с тем, что сейчас происходит с российской адвокатурой. Если возвратиться к цифрам, то белорусская адвокатура за последние четыре года потеряла четверть своих членов, многие из которых наиболее профессиональны и привержены идеалам профессии.

Так что в чистом виде «белорусский сценарий» пока не реализуется в России (и пусть бы так и оставалось). Но мы видим, что авторитарные правительства очень быстро обмениваются и дополняют практики друг друга. Поэтому, если адвокатура в России рассматривается как угроза для властей, влияет на систему или на общественное мнение, то, очевидно, что они не оставят попыток ее подчинить.

– В чем, на Ваш взгляд, могли бы состоять основные направления по приведению организации и деятельности адвокатуры Беларуси и России к международным стандартам?

– Я говорила, что в своих исследованиях и отчетах мы уже пришли к конкретным выводам и программе восстановления адвокатуры и права на защиту [26], когда для этого будут возможности. Если коротко, то, во-первых, необходимы срочные меры по реабилитации репрессированных адвокатов и включению их в процессы реформирования адвокатуры. Нужно также публично признать, что государство и органы управления адвокатуры в предшествующие годы действовали вразрез со стандартами ее независимости. До принятия нового законодательства приостановить действие тех норм, которые служат инструментом подчинения адвокатуры и адвокатов государству (в Беларуси это полномочия Министерства юстиции).

Во-вторых, необходимо принятие нового Закона об адвокатуре и соотносимого с ним законодательства, прежде всего, процессуального, которое бы соответствовало международным стандартам.

От будущего демократического государства потребуются еще ряд практических действий в этом направлении: от изменения системы и содержания юридического образования до преодоления сложившихся практик нарушения или игнорирования прав и гарантий для адвокатов и их подзащитных.

Важен вопрос также относительно состава адвокатского корпуса. Вряд ли можно согласиться с тем, что в адвокатуре могут оставаться люди, которые участвовали в принятии неправомерных решений в отношении своих коллег или иным образом организовывали практики, несовместимые с моральными требованиями к профессии адвоката. Но это вопрос очень болезненный. И у нас пока нет на него ответа. В остальном же способами возрождения адвокатуры может стать образование для адвокатов, прежде всего, в области прав человека, установление реальной независимости адвокатуры и демократического самоуправления, а также здоровая, свободная конкурентная среда.

– Большое Вам спасибо за интервью!

Беседовал главный редактор, адвокат, доктор юридических наук, доцент А.В. Рагулин

Список источников

1. <https://respectprotectfulfill.org/news/kpch-vynes-pervoe-reshenie-po-sobytiyam-2020-go-delo-viktorababariko>.
2. <https://reform.news/275807-sergej-tihanovskij-vy-igral-delo-v-oon-ot-belarusskih-vlastej-budut-trebovat-ego-osvobozhdenija>.
3. <https://babariko.vision/news/rech-advokata-natalimaczkevich>.
4. <https://www.americanbar.org/news/abanews/abanews-archives/2021/11/statement-of-aba-president-reginald-turner-re-disbarment-of-bel/>.
5. <https://lawyersforlawyers.org/wp-content/uploads/2022/09/Final-Report-2022-continuous-crackdown-belarus.pdf>.
6. <https://www.icj.org/%d0%b1%d0%b5%d0%bb%d0%b0%d1%80%d1%83%d1%81%d1%8c-%d0%ba%d0%be%d0%bb%d0%bb%d0%b5%d0%b3%d0%b8%d0%b8-%d0%b0%d0%b4%d0%b2%d0%be%d0%ba%d0%b0%d1%82%d0%be%d0%b2-%d1%81%d0%bb%d0%b5%d0%b4%d1%83%d0%b5%d1%82/>.
7. <https://www.defenders.by/news/tpost/r83zp302x1-reaktsiya-mezhdunarodnogo-pravozaschitno>.
8. https://www.ccbe.eu/fileadmin/speciality_distribution/public/documents/HUMAN_RIGHTS_LETTERS/Belarus_-_Bielorussie/2021/EN_HRL_20211110_Belarus_Disbarment-of-lawyer-Natalia-Matskevich.pdf.
9. <https://www.ohchr.org/ru/documents/country-reports/ahrc5665-situation-human-rights-belarus-report-special-rapporteur>.
10. https://drive.google.com/file/d/1M6xC_U1Q1k-GASKZJc6xOzaRDdYEEtIYz/view.
11. <https://drive.google.com/file/d/1yvUuPG5pO9Gc6u7WoK-Ne1Wzk8SSZYy/view>.
12. <https://www.ohchr.org/ru/press-releases/2021/07/belarus-disqualifying-lawyer-former-presidential-candidate-violates-rights>.
13. https://drive.google.com/file/d/1M6xC_U1Q1k-GASKZJc6xOzaRDdYEEtIYz/view.
14. <https://www.maksimznak.org/solidarity>.
15. <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-advokatura-dolzha-byt-pod-kontrolom-i-dejstvovat-pozakonu-497418-2022/>.
16. <https://rka.by/news/sezd-advokatov-belarusi-sos-toyalsya-v-minske/>.
17. https://t.me/brka_news/2543.
18. <https://defendersbelarus.org>.
19. <https://report2022.defendersbelarus.org/>.
20. <https://drive.google.com/file/d/1yvUuPG5pO9Gc6u7WoK-Ne1Wzk8SSZYy/view>.
21. <https://defendlawyers.wordpress.com/2024/02/06/belarus-the-crisis-of-the-legal-profession-continued-repressions-2022-2023/>.
22. <https://bahrl.org>.
23. <https://telegra.ph/Parlamentskaya-assambleya-Soveta-Evropy-prizvala-podderzhat-Belarusskuyu-associaciyu-advokatov-prav-cheloveka-06-21>.
24. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraschenie-pravleniya-mezhregionalnoy-obshchestvennoy-organizatsii-advokatov-i-yuristov-initsiativa-2018-v-organy-organizatsii>.
25. <https://cyberleninka.ru/article/n/about-the-appeal-of-the-board-of-the-interregional-public-organization-of-advocates-and-lawyers-initiative-2018-to-the-united>.
26. <https://drive.google.com/file/d/1yvUuPG5pO9Gc6u7WoK-Ne1Wzk8SSZYy/view>.

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 16.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):16.

Исторический опыт

Научная статья

УДК 340

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_16

КУМУЛЯТИВНЫЙ ЭФФЕКТ ИСКУССТВА И ПРАВА (К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н.К. РЕРИХА)

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна

Доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Государственного университета по землеустройству

125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируется правовое и художественное творчество Н.К. Рериха, помогающее нам и сегодня сконцентрировать усилия по сохранению традиционных ценностей. Подчеркивается актуальность правовых документов, разработанных Н.К. Рерихом и положенных в основу международных договоров 1935 и 1954 гг. об ответственности стран по обеспечению сохранности культурных ценностей. В заключение формулируется вывод о кумулятивном эффекте воздействия идей художника и юриста при использовании социокультурного и силового регуляторов общественных отношений с целью устойчивого развития страны на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Ключевые слова: Н.К. Рерих, право, культура, традиционные духовно-нравственные ценности, искусство, картины, Пакт Рериха

Для цитирования: Багреева Е.Г. Кумулятивный эффект искусства и права (к 150-летию со дня рождения Н.К. Рериха) // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 16. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_16

Historical Experience

Original article

THE CUMULATIVE EFFECT OF ART AND LAW (ON THE 150TH ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF N.K. ROERICH)

BAGREEVA Elena Gennadievna

Doctor of Law, Professor, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Leading Researcher at the State University of Land Management

125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the legal and artistic work of N.K. Roerich, which helps us today to concentrate efforts on preserving traditional values. The relevance of the legal documents developed by N.K. Roerich and based on the international treaties of 1935 and 1954 on the responsibility of countries to ensure the preservation of cultural values is emphasized. In conclusion, the conclusion is formulated about the cumulative effect of the influence of the ideas of the artist and the lawyer when using socio-cultural and power regulators of public relations for the purpose of sustainable development of the country based on traditional Russian spiritual and moral values.

Keywords: N.K. Roerich, law, culture, traditional spiritual and moral values, art, paintings, the Roerich Pact

For citation: Bagreeva E.G. The Cumulative Effect of Art and Law (On the 150th Anniversary of the Birth of N.K. Roerich) = Eurasian advocacy. 2024;4(69):16. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_16

В стране, где 12 июня 2024 года подписан закон [1], устанавливающий административные штрафы в размере до 30 тысяч рублей за высадку из общественного транспорта инвалидов I группы в случае неоплаты ими проезда, еще остались нерешенные вопросы разбалансированности соотношения морали и права, минимального набора при передаче социокультурных норм, правил

и вековых традиций следующему поколению, проблемы с расширением правового поля и т. д.

Мир в очередной раз подходит к осознанию, что при всех технологических достижениях только опора на общечеловеческие ценности обеспечит его устойчивое развитие. И только те страны, которые придут к осмыслению данных путей и целей развития, поистине будут жить в мире и

благоденствию. И в этой связи необходимо отметить чрезвычайную актуальность Указа Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [2].

Напрашивается аналогия со временем Первой мировой войны и документом, который в этот период подготовил юрист и художник Н.К. Рерих. Сегодня Пакт Рериха – международный договор, признанный и даже подписанный почти 90 лет назад двадцатью одной страной, – вновь актуален. А настоятельное обращение к мировому сообществу о защите культуры вообще и культурных ценностей от варварства в период войн чрезвычайно своевременен. К великому сожалению, в настоящее время трудно опираться на международное право, на те международные договоренности, которые были достигнуты после Второй мировой войны. Мировое сообщество, потерявшее миллионы жизней, вновь обратилось к культуре и призвало к защите культурных ценностей в случае вооруженных конфликтов, подписав в 1954 году Гаагскую конвенцию и два Протокола к ней (1954 и 1999 гг.). В свою очередь, Конвенция ЮНЕСКО об охране всемирного наследия, принятая в 1972 году, была также вдохновлена идеей Пакта.

Действительно, каждый раз после вселенских трагедий мы ищем спасения в обращении к культуре, понимая культуру как «этическое и духовное самоусовершенствование человека, как творческие достижения, как претворение Красоты в жизнь, как любовь к человеку, как труд на Общее благо. Культура не есть развлечение и украшательство, а смысл нашей жизни. Культура включает в себя искусство, науку, образование, этику, философию, духовность; словом, Культура – это весь комплекс пространства познания, творчества и красоты, который делает человека человеком» [3].

Но неужели гибель миллионов людей недостаточна для осознания и убежденности в том, что «будущая эпоха – это эпоха сотрудничества между всеми людьми и между всеми народами на основе Культуры. Иными словами, отношения между народами и между людьми будут строиться не на доминировании одного над другим, не на власти сильного или власти денег. Веление будущего – это взаимное уважение и равноправное сотрудничество народов и людей на основе Культуры. Поэтому мир на Земле может быть достигнут именно через Культуру» [3].

Но вернемся к Н.К. Рериху... Рерих-юрист с большой вероятностью понимал, что, разработав

правовой документ в защиту культуры, сохранения произведений искусства и добившись подписания в 1935 году Пакта, он, реализуя свою цель, обратился к помощи силового регулятора общественных отношений – нормативно-правовому акту. Он, скорее всего, соглашался и с тем, что «заставить» людей этически и духовно самоусовершенствоваться, начать творить достижения, претворять красоту в жизнь, любить человека и добровольно трудиться на общее благо силой закона, принуждением невозможно.

Рерих-художник стремился разбудить чувства людей, «заставить» их испытать катарсис, чтобы проявить эмпатию, сострадание и обрести силы для созидания... И он пишет картины. Используя силу социокультурного и правового регулятора общественных отношений, он удваивает мощь реализации своей точки зрения, своих убеждений.

К началу прошлого века в мире усилились националистические настроения, вылившиеся в дипломатические кризисы, территориальные и экономические притязания. В России пожар двух революций, гражданская война ввергли страну в пропасть, и Рерих со всей гражданской ответственностью наглядно доказывает реальность пожара, призывая к восстанию духа народа во имя продолжения жизни [4, с. 130–156].

Николай Константинович Рерих остро ощутил угрожающую России опасность: осознавая российскую духовность, многовековую красоту культуры народа, он насыщает картину безумно страшным контрастом красок, который не только ошеломляет зрителя ощущением нависшей угрозы, но и заставляет народ восстать силой духа.

За сотню лет поклонники творчества Н. Рериха по-разному описывали свои впечатления от его картин этого периода. Неизменным было одно: они действительно призывают к подвигу человеческого духа, несмотря на, казалось бы, парализующий страх от действия ворогов. Безусловно, восприятие любой картины зависит от разного рода условий (от геополитических до семейно-бытовых), мимо которых не может пройти художник. Так и эта картина сегодня ассоциируется с болью России, вынужденной возрождаться из объявленного мир пламени. Присмотритесь, почувствуйте... мы и есть тот Пречистый град, построенный на духовно-нравственных ценностях любви и созидания, добра и справедливости – на многовековой культуре русского народа. Яростное озлобление врагов в ответ на стойкость, мужество, героизм и сплоченность русского народа. Отдадим должное художнику Н.К. Рериху за столь точный посыл к россиянам – во все времена беречь и от-

Рис. 1. Н.К. Рерих. Пречистый град – врагам озлобление. 1912.

Холст, темпера. 71,5 x 92,3 см. Россия. Москва. Международный Центр-Музей им. Н.К. Рериха.

стаивать во что бы то ни стало Пречистый град – Россию.

Историки, политологи характеризуют начало прошлого века как исторический период «нарушенного баланса сил» на мировой арене, который и «поджег» Первую мировую войну. В 1918 году, в разгар войны, Н. Рерих пишет картину «Жар земли» [5]. Заметим... земли! Не отдельного града, а уже Земли.

В это же время он продолжает работу над оттачиванием правовых формулировок международного документа – Пакта Рериха, которым призывает мировое сообщество к сохранению и защите культурных ценностей от последствий военных действий. В этом и состоит уникальный

кумулятивный эффект, используемый Н.К. Рерихом, возможностей искусства и права, силы их воздействия в качестве социокультурных и силовых регуляторов.

Глава Минвостокразвития Алексей Чекунов, испытав катарсис от картин Н.К. Рериха, так сформулировал механизм реализации правовых идей художника и юриста: «...для развития Дальнего Востока необходимо привлекать не бизнес, а «союз служителей и созидателей», который будет мотивировать гордость, а не только прибыль. ... Россия живет при «патриотическом социализме»: в стране высокий уровень социальной поддержки всех групп населения со стороны государства и высокий уровень консолидации общества

Рис. 2. Н.К. Рерих. Жар земли. Эскиз. #13. 1918. Фанера, темпера. 48.3 x 50.2 см. Россия. Москва. Международный Центр-Музей им. Н.К. Рериха.

вокруг государственных приоритетов, а «сугубо капиталистические механизмы... в нашем контексте сбоят». «Отсюда необходимость новых ролевых моделей служителей и созидателей для ускорения развития с учетом особенностей нашей истории, географии и менталитета. ...для того чтобы победить рыночное предпринимательство в международной конкурентной борьбе, нужно три принципа: соревновательность, справедливость и культура» [6].

Эти две картины великого Н.К. Рериха надо показывать каждое утро нашим врагам, чтобы день оказывался для них бессмысленным в желании победить Россию, а их усилия были направлены на подписание правовых актов о мире на планете.

Список источников

1. ria.ru/20240612/invalidy-1952341878.html.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.
3. Рерих Н.К. Милосердие // Рерих Н.К. О Вечном... М.: Политиздат, 1991.
4. Шапошникова Л.В. Великое путешествие: в 3 кн. Кн. 1: Мастер. М.: МЦР: Мастер-Банк, 2006.
5. Авторский путеводитель Л.П. Жоховой «Знаки и послания в карельских картинах Николая Рериха». СПб.: Петрозаводск, 2019.
6. <https://finance.rambler.ru/economics/52937755-glava-minvostokrazvitiya-predlozhl-kontseptsiyu-patrioticheskogo-sotsializma/>.

References

1. ria.ru>20240612/invalidy-1952341878.html.
2. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>.
3. Rerix N.K. Miloserdie // Rerix N.K. O Vechnom... M.: Politizdat,1991.
4. Shaposhnikova L.V. Velikoe puteshestvie: v 3 kn. Kn. 1: Master. M.: MCzR: Master-Bank, 2006.
5. Avtorskij putevoditel` L.P. Zhoxovoj «Znaki i poslaniya v karel`skix kartinax Nikolaya Rerixa». SPb.: Petrozavodsk, 2019.
6. <https://finance.rambler.ru/economics/52937755-glava-minvostokrazvitiya-predlozhil-kontseptsiyu-patrioticheskogo-sotsializma/>.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья
УДК 347.22
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_21

КОРПОРАЦИИ И УЧРЕЖДЕНИЯ: ОПЫТ СТАНОВЛЕНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ФОРМ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

ДЕХАНОВ Сергей Александрович

Доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права Российской таможенной академии 140015, Московская обл., г. Люберцы, Комсомольский пр., д. 4, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются исторические особенности и этапы формирования концепции юридического лица. Основываясь на трудах отечественных и зарубежных ученых, автор анализирует формирование и эволюционное развитие концепции юридического лица в римском праве, рассматривает роль легистов и канонистов в этом процессе, подробно разбирает иные концепции, оказавшие влияние на становление современных корпоративных и унитарных юридических лиц.

Ключевые слова: Римское право, collegia, universitates, societas, легисты, канонисты, основные теории юридического лица, корпорации, учреждения

Для цитирования: Деханов С.А. Корпорации и учреждения: опыт становления отдельных форм юридического лица // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 21. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_21

Original article

CORPORATIONS AND INSTITUTIONS: THE EXPERIENCE OF FORMATION OF INDIVIDUAL FORMS OF LEGAL ENTITY

DEKHANOV Sergey Alexandrovich

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Russian Customs Academy 140015, Moscow region, Lyubertsy, Komsomolsky Ave., 4, Russian Federation

Abstract: The article deals with the historical features of the formation of the concept of a legal entity. The author analyzes the formation and evolutionary development of the concept of a legal entity in Roman law, examines the role of legalists and canonists in this process, and examines in detail other concepts that influenced the formation of modern corporate and unitary legal entities.

Keywords: Roman law, collegia, universitates, societas, legalists, canonists, basic theories of legal entity, corporation, institution

For citation: Dekhanov S.A. Corporations and Institutions: the Experience of Formation of Individual Forms of Legal Entity = Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):21. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_21

Большую часть времени в объективном праве субъектом прав и обязанностей был только человек. Конструкция юридического лица насчитывает не более двух тысячелетий; в современный же период ведутся дискуссии о возможности наделяния правосубъектностью искусственного интеллекта. Правосубъектность искусственного интеллекта не может не вызывать отторжения, но первоначально так было и с юридическим лицом, которому тоже было не просто «завоевать свое место под солнцем».

Работ по истории становления концепции юридического лица огромное множество, но тема

эта обширна, интерес к ней не ослабевает, а поток публикаций не уменьшается.

Как всегда в таких случаях, начнем с классиков.

Профессор Д.И. Азаревич под юридическим лицом понимал «все то, что, не будучи человеком, способно быть правовым субъектом, т. е. способно иметь права и обязанности» [5]. Но юридическое лицо не носит, «подобно физическому лицу, в самом себе естественного условия правоспособности» [5].

Исследуя тему происхождения правовой конструкции юридического лица, известный русский

юрист, профессор Н.С. Суворов пришел к выводу о том, что «основные признаки и черты юридического лица были выявлены римскими правоведами» [5]. Следует указать, что подобную точку зрения разделяют далеко не все специалисты.

Схема, обосновывающая необходимость юридического лица, в римском праве такова. Экономические отношения присвоения требовали от римского государства создать правовой режим, способный по-иному регулировать отношения публичной и частной собственности. Правом физических лиц (римских граждан) было гражданское право *ius privatum* (*ius civile*), но оно не предоставляло эффективной правовой защиты новым нарождающимся субъектам. Необходимо было что-то предпринимать и создавать нечто принципиально новое, позволяющее использовать конструкцию права собственности не только в отношении физических лиц, но и тех правовых субъектов, которые фактически уже были инкорпорированы в правовую систему, например муниципалитетов. Римские муниципалитеты, возможно, были первыми, кто наравне с физическими лицами стал обладать, пусть и ограниченной, но правосубъектностью. Вслед за муниципалитетами такое право было распространено на *collegia*, *universitates* и *societas*, которые в течение непродолжительного времени стали равноправными участниками гражданских правоотношений и приобрели права юридической личности (*corpus habere*). После приобретения *collegia*, *universitates*, *societas* прав юридической личности (*corpus habere*) к ним стал применяться термин «корпорация». Профессор Д.И. Азаревич применяет к союзу лиц термин *universitas* [1].

Современный российский ученый М.А. Горбунов в статье «Юридические лица в римском праве» отмечает, «что если в методологических целях попробовать дать весьма приблизительную классификацию всего многообразия римских юридических лиц, то можно прийти к выводу, что первый подход находил свое воплощение в коллегиях и корпорациях (*collegia*), второй – в товариществах (*societas*), а третий – в многочисленных организациях – фискал (*fiscus*), гражданских общинах (*municipes*, *civitas*), военных легионах (*legion*) и учреждениях (*prae corporae*, *prae cause*)» [2]. То есть М.А. Горбунов выделяет, как минимум, шесть типов, или организационно-правовых форм, юридических лиц римского права.

«Для возникновения корпорации нужно было принимать устав (*lex college*), в то время как для образования товарищества заключался кон-

сенсуальный контракт (*contractum cocitas*). Для принятия устава корпорации требовалось волеизъявление не менее трех лиц, для заключения *contractum cocitas* – не менее двух, как и для любого контракта» [2].

В этой части М.А. Горбунов, на наш взгляд, абсолютно прав и последователен. В качестве недостатка следует назвать отсутствие в его работе обоснованных выводов об отличиях между коллегиями и корпорациями. Думается, эти институты не являются тождественными. В этой связи представляется возможным сформулировать вывод о том, что корпорации и коллегии – это не равные по объему институты: корпорация римского права по объему шире, так как термин *corpus habere* (права юридической личности) применялся только к корпорации, явных свидетельств того, что и коллегии претендовали на то, чтобы называться юридической личностью в смысле значения *corpus habere*, нет.

Корпорации подразделялись на разрешенные (дозволенные) и запрещенные (недозволенные) (*collegia licita*, *collegia illicita*).

Принято считать, что среди разрешенных корпораций выделялись торговые и ремесленные корпорации, пользовавшиеся различными льготами и поддержкой императора. Однако и с этим широко распространенным мнением не все так просто. Например, профессор Л.С. Таль в своем известном труде «Трудовой договор: цивилистическое исследование» в одном месте работы указывает, что «всякие попытки объединения лиц, занятых ремесленным трудом, в союзы встречали отпор со стороны государственной власти и сурово подавлялись ею» [6], а в другом, напротив, отмечает, что «все же «некоторые категории свободных лиц по соображениям финансовой и аграрной политики прикрепляются к определенной корпорации...» [6].

Анализируя процесс расширения корпоративных форм организации, следует сказать о том, что «при христианских императорах начинают развиваться и расширять свою деятельность благотворительные учреждения, оказывается некоторое покровительство коллегиям малоимущих лиц, преследовавших цели взаимопомощи (*collegia tenuiorum*, *funeraticia* и др.)» [6].

Далеко не все корпорации и учреждения признавались римской политической властью и правопорядком. К числу нежелательных и даже запрещенных относили те союзы, которые, уже с последних времен республики, имели стремление переродиться в политические клубы. Поэтому создание подобных союзов без особого разре-

шения императора или сената было запрещено под страхом наказания.

История запрета учреждения подобных союзов еще не раз повторится. Так, например, хотя Французская революция во многом была обязана деятельности ассоциаций (философские кружки, клубы, секции, народные общества) и провозгласила свободу собраний и ассоциаций, она ввела, тем не менее, запреты в отношении: религиозных орденов (17 февраля 1790 г.), присяжных (2–17 марта 1791 г.), объединений рабочих и ремесленников (14–17 июня 1791 г.), кавалерских орденов (30 июля 1791 г.), политической деятельности обществ и клубов (29 сентября 1791 г.), монашеских орденов (18 августа 1792 г.), женских клубов и обществ (30 октября 1793 г.). Наполеон Бонапарт отказался от идеи законодательного установления запретов на деятельность ассоциаций по их видам и запретил их вовсе.

Несмотря на то, что в настоящее время по гражданскому законодательству России и многих зарубежных стран создать корпорацию может и одно лицо (например, общество с ограниченной ответственностью), классическая корпорация – обязательно объединение лиц для достижения определенной цели.

Современный вид корпорации придали легисты и канонисты [3, с. 43–49; 4, с. 54–61].

Корпоративистской концепцией легистов охватывались любые юридические субъекты, не совпадающие с естественным (физическим) лицом. К таким субъектам (лицам) применялись римские термины «universitas» и «collegium». К universitates причислялась также и «ecclesia», именно в смысле местного союза, т. е. при тогдашнем церковном устройстве, конечно, не в смысле местного общества верующих, а в смысле клерикальной ассоциации или совокупности духовных лиц, состоящих при церкви.

Канонисты первыми стали применять по отношению к universitas термин «persona».

Канонисты не оспаривали фиктивной природы universitatis как существа бездушного и некрещеного.

Наряду с корпоративными юридическими лицами существовали и такие юридические лица, правосубъектность которых основывалась на совокупности имущества, им принадлежащего.

Профессор Д.И. Азаревич приводит следующие образцы таких юридических лиц: «при hereditas субъект возникает вследствие смерти лица, обладавшего имущественными правами; в *riae causae* – вследствие юридически прочного учреждения, предназначенного для благой цели.

Таким образом, имущество обращается в учреждение вследствие действительной юридической сделки (*inter vivos*, или *mortis causa*, причем эта последняя закрепляется смертью) и назначения его для известной цели» [1].

Общего названия для этого вида юридических лиц не существовало. В одних случаях использовалось определение *riae causae* (благие причины, благотворительные учреждения), в других – *ria corpora*.

К учреждениям такого рода относились все имущественные пожертвования отдельным богам – Иисусу Христу, святым мученикам, т. е. имущество храма или церкви. «Если под церковью понимать церковную общину, то мы будем иметь дело уже не с учреждением, а с корпорацией. Далее, под *ria corpora* понимаются имущества, пожертвованные с определенной целью на устройство благотворительного заведения, как, например, воспитательных домов (Траяна), богадельни, больницы, дома призрения и т. д.» [1].

Переломный момент в истории изучения юридического лица наступает в XIX в. в связи с научной деятельностью Ф.К. Савиньи [8] и его последователей Виндшайда [9], Г. Пухты [7] и других ученых.

Именно этим ученым принадлежит первенство в создании научной теории, претендующей на объяснение природы юридического лица.

В связи с изложенным можно сделать вывод о том, что для появления «нового» субъекта права должны быть сформированы объективные предпосылки, свидетельствующие о невозможности прежней системы субъектов права отвечать на современные технологические вызовы, обусловленные совершенствованием социально-экономических отношений. Так было с юридическим лицом, так будет и с искусственным интеллектом.

Список источников

1. Азаревич Д.И. Из курса лекций по римскому праву. Ярославль, 1882 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/823/901/40638?view=1>.
2. Горбунов М.А. Юридические лица в римском праве [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-litsa-v-rimskom-prave/viewer>.
3. Деханов С.А. Свобода ассоциаций (объединений) как источник легитимизации организационно-правовых форм юридических лиц гражданского права // Человек. Общество. Инклюзия. 2020. № 3 (43). С. 43–49.
4. Деханов С.А. Свобода объединений (ассоциаций) как доминанта организационно-правовых форм адвокатских образований // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 54–61.

5. Суворов Н.С. Об юридических лицах по римскому праву [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/8>.

6. Таль Л.С. Трудовой договор: цивилистическое исследование. Ч. 1: Общие учения. С. 211 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaprava.ru/read/?id=56954>.

7. Puchta G.F. Cursus der Institutionen, 1798–1846. University of California Libraries. 1841 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/cursusderinstitu01puch>.

8. Savigny F.C.V. System des heutigen romischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840.

9. Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Bd. I. 8. Aufl. Frankfurt, 1900.

References

1. Azarevich D.I. Iz kursa lekcij po rimskomu pravu. Yaroslavl, 1882 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaprava.ru/catalog/435/823/901/40638?view=1>.

2. Gorbunov M.A. Yuridicheskie licza v rimskom prave [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yuridicheskie-litsa-v-rimskom-prave/viewer>.

3. Dekhanov S.A. Svoboda asociacij (ob`edinenij) kak istochnik legitimizacii organizacionno-pravovy`x form yuridicheskix licz grazhdanskogo prava // Chelovek. Obshhestvo. Inklyuziya. 2020. № 3 (43). S. 43–49.

4. Dekhanov S.A. Svoboda ob`edinenij (associacij) kak dominantna organizacionno-pravovy`x form advokatskix obrazovanij // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 11 (75). S. 54–61.

5. Suvorov N.S. Ob yuridicheskix liczah po rimskomu pravu [Электронный ресурс]. URL: <http://civil.consultant.ru/elib/books/8>.

6. Tal` L.S. Trudovoj dogovor: civilisticheskoe issledovanie. Ch. 1: Obshhie ucheniya. S. 211 [Электронный ресурс]. URL: <https://naukaprava.ru/read/?id=56954>.

7. Puchta G.F. Cursus der Institutionen, 1798–1846. University of California Libraries. 1841 [Электронный ресурс]. URL: <https://archive.org/details/cursusderinstitu01puch>.

8. Savigny F.C.V. System des heutigen romischen Rechts. Bd. II. Berlin, 1840.

9. Windscheid B. Lehrbuch des Pandektenrechts. Bd. I. 8. Aufl. Frankfurt, 1900.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 16.06.2024.

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 16.06.2024.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 343.01
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_25

ПОНИМАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТИ В СОВЕТСКОЙ И СОВРЕМЕННОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ

НИФТАЛИЕВА Ирина Алисаламовна

Кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права учебно-научного комплекса по предварительному следствию в органах внутренних дел Волгоградской академии Министерства внутренних дел России

400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрены позиции ученых-правоведов советского периода с точки зрения идеи справедливости, а также представлены подходы к интерпретации названного принципа в современной уголовно-правовой доктрине.

Ключевые слова: справедливость, категория, идея, принцип, уголовное право, уголовно-правовая доктрина, уголовная ответственность, наказание

Для цитирования: Нифталиева И.А. Понимание справедливости в советской и современной уголовно-правовой доктрине // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 25. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_25

Historical experience

Original article

UNDERSTANDING JUSTICE IN SOVIET AND MODERN CRIMINAL LAW DOCTRINE

NIFTALIEVA Irina Alisalamovna

Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law of the Educational and Scientific Complex for Preliminary Investigation in the Internal Affairs Bodies of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia
400075, Volgograd, st. Historical, 130, Russian Federation

Abstract: The article examines the positions of legal scholars of the Soviet period from the point of view of the idea of justice, and also presents approaches to the interpretation of this principle in modern criminal law doctrine.

Keywords: justice, category, idea, principle, criminal law, criminal law doctrine, criminal liability, punishment

For citation: Niftalieva I.A. Understanding Justice in Soviet and Modern Criminal Law Doctrine = Eurasian advocacy. 2024;4(69):25. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_25

Становление советской юридической науки ознаменовалось трансформацией большинства правовых категорий, а также интенсивной разработкой теорий и концепций, соответствующих марксистско-ленинскому мировоззрению. Опубликованные после Октябрьской революции 1917 г. научные труды стали отражением политического (классового) подхода к определению основных положений уголовного права и предопределили понимание основополагающей идеи справедливости.

В первые годы советской власти правоведы осуществляли разработку проблем, связанных с уголовной ответственностью и ее основаниями. Так, М.Ю. Козловский в статье «Пролетарская

революция и уголовное право» 1919 г. указывал на то, что вид и размер наказания зависят исключительно от объективного вреда, причиненного действиями преступника, а основная цель мер уголовно-правового воздействия заключается в обеспечении классового интереса. На страницах научного изыскания правоведа прослеживается также отказ от важнейшего положения уголовного права – принципа субъективной ответственности.

М.Ю. Козловский настаивал на том, что советский законодатель в деле защиты социального строя не должен принимать во внимание количество лиц, принимавших участие в совершении преступления. Ответственность исполнителей,

подстрекателей, пособников и прикосновенных лиц, исходя из его воззрений, не подлежит дифференциации [1, с. 236, 238–239].

Я. Берман в статье «К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства», также вышедшей в 1919 г., обозначал позицию, согласно которой в основу определения мер ответственности должен быть положен критерий социальной опасности личности. Более того, он настаивал на отказе от принципа адекватности наказания совершенному преступлению [2, с. 43].

Противоречащую современным представлениям о справедливости позицию высказывали некоторые теоретики уголовного права относительно учений о предварительной преступной деятельности. К примеру, С.П. Мокринский в статье «Покушение и приготовление в советском праве» 1927 г. отмечал, что понятия «приготовление» и «покушение» в целом потеряли свое значение, так как степень подготовленности преступления и близость наступления его последствий подлежат свободной оценке суда [3, с. 56–81].

Нельзя также обойти вниманием неприемлемые сегодня положения по вопросам соучастия, высказанные А.Я. Вышинским в 1949 г. В работе «Вопросы теории государства и права» автор обозначал позицию, которая на практике позволяла привлекать к уголовной ответственности за соучастие в государственных преступлениях лиц, в действительности их не совершавших.

А.Я. Вышинский отрицал необходимость установления между соучастниками соглашения, направленного на совершение преступления, считал излишним определение причинной связи между действиями пособника или подстрекателя и исполнителя. Кроме того, теоретик допускал возможность ответственности за неосторожное подстрекательство к совершению преступления [4, с. 117–118].

С 1950-х гг. представления о справедливости в теории уголовного права меняются. Так, в 1954–1955 гг. ученые признали, что единственным основанием уголовной ответственности является наличие в деянии лица состава преступления, установленного статьей уголовного закона. Именно такая позиция была отражена в учебниках по общей части советского уголовного права.

П.С. Дагель в своей кандидатской диссертации определял перечень принципов советского уголовного права [5, с. 11]. Далее советские ученые предпринимали попытки выявить сущность базовых уголовно-правовых идей. По мнению П.А. Фефелова, уголовно-правовые принципы характеризуются как руководящие начала, определя-

ющие содержание права и получающие объективизацию в нем. Эти идеи способствуют обнаружению связи преступления и наказания; они помогают разобраться в политической и юридической сути правовых норм и институтов. Будучи выработанными в результате обобщения практики борьбы с преступностью, принципы уголовного права призваны придать законодательной и правоприменительной деятельности адресный характер [6, с. 22].

Исследуемую категорию П.А. Фефелов упоминал в контексте справедливого наказания, обеспечиваемого реализацией принципов неотвратимости и индивидуализации наказания, адекватности и экономии репрессии [6, с. 15]. Учет характера и степени общественной опасности деяния, личности виновного, отягчающих и смягчающих обстоятельств позволяет при полном и своевременном раскрытии преступления назначить виновному справедливое наказание [6, с. 51].

В 1988 г. в свет вышла работа С.Г. Келиной и В.Н. Кудрявцева, специально посвященная принципам советского уголовного права, в том числе справедливости. В ней авторы раскрывали генезис уголовно-правовых принципов, показывали их связь с типом государства и этапами развития политической системы, определяли соотношение с правовыми нормами, а также обозначали перспективы дальнейшего совершенствования законодательства [7, с. 33].

Таким образом, в работах советских ученых, датированных 1919–1949 гг., содержались положения с искаженным пониманием справедливости в уголовном праве. Однако в советской доктрине 1950–1980-х гг. происходит признание этой категории.

Несмотря на то, что с принятием в 1996 году Уголовного кодекса Российской Федерации справедливость закреплена в качестве одного из его принципов, в современной уголовно-правовой доктрине утвердился подход к справедливости как к фундаменту нравственных оснований уголовного права. Именно справедливость позволяет гармонизировать репрессивное начало уголовного права с общественным запросом на соответствие содеянного и воздаяния за причиненный вред [8, с. 62].

Принципу справедливости принадлежит ведущая роль при разрешении различных коллизий. Он направлен на установление взаимодействия всех элементов механизма уголовно-правового регулирования общественных отношений. Справедливость рассматривается в качестве «высшего принципа» или «сверхпринципа». Это «ис-

ходное начало», обуславливающее другие принципы уголовного права, влияющее на уголовное законодательство и определяющее содержание уголовно-правовых норм [9, с. 79].

Сегодня ученые выделяют роль справедливости в законотворчестве и правоприменительной деятельности, а также в жизни человека и общества. В процессе законотворчества анализируемый принцип требует от законодателя мотивированно проводить процессы криминализации и декриминализации деяний, устанавливать виды и размеры наказаний за них с учетом общественного мнения. При принятии, изменении или отмене уголовно-правовых норм следует руководствоваться не только объективными потребностями человека, общества и государства, но и представлениями людей о справедливости и несправедливости.

Принцип справедливости имеет большое значение в правоприменительной деятельности. Соблюдение требований принципа справедливости повышает авторитет государственных органов, позволяет минимизировать судебные ошибки и сужает судебское усмотрение. Данный принцип, воздействуя на должностных лиц правоприменительных органов, требует от них глубокого восприятия предписаний уголовного права, способствует соблюдению прав и интересов граждан, а также стабильной уголовной политике.

Значение принципа справедливости для общества в целом проявляется в том, что он оказывает непосредственное информационное воздействие на граждан, в значительной степени содействуя формированию их правосознания. Ознакомление граждан с содержанием принципов уголовного права позволяет установить их отношение к уголовному закону и практике его применения, в том числе ориентироваться в собственных правах и возможностях в сфере борьбы с преступностью и общественного контроля над ней.

В современном уголовном праве, соответственно, признается существенное значение принципа справедливости. Он необходим законодателю и правоприменителю, отдельному человеку и обществу в целом. Рассматриваемый принцип формирует правосознание людей, их представления о справедливости и несправедливости уголовного законодательства и правосудия [10, с. 54–56].

Таким образом, в советской науке уголовного права в понимании справедливости выделяются два этапа.

Первый этап (1919–1949 гг.) связан с ослаблением влияния категории справедливости на уго-

ловное законодательство. Характеризуется тем, что позиции ученых относительно различных уголовно-правовых вопросов (прежде всего, это касается теории опасного состояния личности) не соответствовали идеям справедливости.

Второй этап (1950–1980-е гг.) связан с восстановлением в законодательстве приоритета основополагающих общечеловеческих ценностей. Справедливость стала рассматриваться в качестве принципа уголовного права. Несмотря на отсутствие прямого законодательного закрепления, на уровне уголовно-правовой доктрины принцип справедливости подвергался тщательному анализу. Советская наука не только оказала заметное влияние на актуальные учения о принципах уголовного права, но и внесла непомерный вклад в развитие идеи справедливости.

На современном этапе активно исследуются различные аспекты уголовно-правового принципа справедливости. Особое внимание уделяется статусу и значению этого принципа для общества и государства. Принцип справедливости как правовая категория на протяжении долгого времени будет представлять научный интерес для активной познавательной деятельности ученых-криминалистов.

Список источников

1. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Октябрьский переворот и диктатура пролетариата. 1919. С. 231–240.
2. Берман Я. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1919. № 2–4. С. 35–52.
3. Мокринский С.П. Покушение и приготовление в советском праве // Советское право. 1927. № 1. С. 56–81.
4. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М.: Госюриздат, 1949.
5. Дагель П.С. Роль уголовной репрессии в период развернутого строительства коммунизма: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1962.
6. Фефелов П.А. Понятие и система принципов советского уголовного права. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1970.
7. Келина С.Г., Кудрявцев В.Н. Принципы советского уголовного права. М.: Наука, 1988.
8. Лопашенко Н.А. Введение в уголовное право: учеб. пособ. М.: Волтерс Клувер, 2009.
9. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2020.
10. Нифталиева И.А. Принцип справедливости в уголовном праве: проблемы реализации в законодательстве и правоприменительной практике: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022.

References

1. Kozlovskij M.Yu. Proletarskaya revolyuciya i ugovnoe pravo // Oktyabr'skij perevorot i diktatura proletariata. 1919. S. 231–240.
2. Berman Ya. K voprosu ob ugovnom kodekse socialisticheskogo gosudarstva // Proletarskaya revolyuciya i pravo. 1919. № 2–4. S. 35–52.
3. Mokrinskij S.P. Pokushenie i prigotovlenie v sovetskom prave // Sovetskoe pravo. 1927. № 1. S. 56–81.
4. Vy'shinskij A.Ya. Voprosy` teorii gosudarstva i prava. M.: Gosyurizdat, 1949.
5. Dageľ P.S. Rol` ugovnoy repressii v period razvernutogo stroitel'stva kommunizma: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. L., 1962.
6. Fefelov P.A. Ponyatie i sistema principov sovetskogo ugovnogo prava. Sverdlovsk: Sredne-Ural'skoe kn. izd-vo, 1970.
7. Kelina S.G., Kudryavcev V.N. Principy` sovetskogo ugovnogo prava. M.: Nauka, 1988.
8. Lopashenko N.A. Vvedenie v ugovnoe pravo: ucheb. posob. M.: Volters Kluver, 2009.
9. Naumov A.V. Rossijskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lekcij. 6-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2020.
10. Niftalieva I.A. Princip spravedlivosti v ugovnom prave: problemy` realizacii v zakonodatel'stve i pravoprimeritel'noj praktike: dis. ... kand. jurid. nauk. Volgograd, 2022.

Статья поступила в редакцию 31.07.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 31.07.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Исторический опыт

Научная статья
УДК 349.6
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_29

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД РОССИИ

САРВАРДИНОВ Марат Рашитович

Аспирант Уфимского университета науки и технологий
450039, г. Уфа, ул. З. Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается историческое становление и развитие нормативного регулирования отношений природопользования и охраны окружающей среды в дореволюционный период России.

Ключевые слова: развитие нормативного регулирования экологического права, природоохранное законодательство, исторические этапы становления экологического права

Для цитирования: Сарвардинов М.Р. Возникновение и развитие экологического права в дореволюционный период России // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 29. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_29

Historical Experience

Original article

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF ENVIRONMENTAL LAW IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD OF RUSSIA

SARVARTDINOV Marat Rashitovich

Postgraduate Student of Ufa University of Science and Technology
450039, Ufa, Z. Validi str., 32, Russian Federation

Abstract: The article examines the historical formation and development of regulatory regulation of relations between nature management and environmental protection in the pre-revolutionary period of Russia.

Keywords: the development of regulatory regulation of environmental law, environmental legislation, historical stages of the formation of environmental law

For citation: Sarvartdinov M.R. The Emergence and Development of Environmental Law in the Pre-Revolutionary Period of Russia= Eurasian advocacy. 2024;4(69):29. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_29

Рассматривая исторический путь развития экологического права, целесообразно выделить основные этапы, которые определяются влиянием на его становление и функционирование различных политическими, экономических и социальных факторов.

В истории развития права, регулирующего отношения по охране природы и природопользования, а также права собственности на природные ресурсы, выделяют три периода [11, с. 35–37]. Первый этап связан с приходом советской власти и определяется периодом до 1917 г., соответственно, второй этап выделяется как советский период, а время после развала Советского Союза относят к третьему периоду, называя его современностью.

В данной статье мы остановимся подробнее на первом этапе становления экологического права.

Нельзя начинать изучение экологического права с издания первого нормативного акта, посвященного экологическим правоотношениям, поскольку необходимо понимать проблемы, предпосылки и сложившиеся правила, повлиявшие на его создание.

На заре человечества, когда человек был един с дикой природой, его жизнь существовала по законам природы.

С древности, во времена, когда не существовало законов в виде нормативно-правовых актов, люди использовали всевозможные суеверия, обычаи для достижения баланса при использовании

природных ресурсов. Таким образом осуществлялось регулирование отношений по охране и использованию природных ресурсов.

Обычай исторически является самым ранним источником, устанавливающим правила поведения, которые носят обязательный характер. За неповиновение таким правилам сформировавшейся общественной властью применялись меры принудительного характера [2, с. 165–166]. Таким образом, появившись как основные регуляторы общественных отношений ещё до возникновения права, обычаи выступали регуляторами поведения в обществе. Передаваемые из поколения в поколение обычаи содержали наиболее полезные для человека правила поведения по отношению к природе [1, с. 71–75]. Такие правила не были обличены в каких-то документах, а переходили из уст в уста, из поколения в поколение. За многие столетия своего существования эти правила также были сформированы в различные традиции и приметы, которые должны были обязательно соблюдаться.

Одним из ключевых факторов становления таких правил являлось место обитания людей. Влияние на окружающую среду в то время было минимальным, население преимущественно было занято различными видами промыслового хозяйства (бортничество, охота и т. д.). Но несмотря на это, устанавливались запреты, связанные с жизненно важными природными ресурсами, а неоправданное разрушение природной среды каралось у многих народов [5, с. 299]. Так, устанавливались запреты охоты на определенные виды животных, нельзя было собирать определенные ресурсы (урожай, мед от диких пчёл, различные ягоды и орехи), косить траву в определенное время [11, с. 35].

Со становлением государства и развитием городов взаимоотношения с природой, а точнее основания и цели таких взаимоотношений стали меняться. Вводя определенные ограничения, государство уже не преследовало единой цели по сохранению жизненно важных биологических ресурсов. Теперь важную роль играла необходимость обеспечения населения жилищем и пропитанием (социальная сторона), их защита (военная сторона), а также пополнение казны (экономическая сторона).

С развитием государства развивается и потребление природных ресурсов. Увеличиваются военные базы, растёт скотоводство и охотничий промысел, распахиваются новые поля, а лес эксплуатируется ещё интенсивнее.

Важную роль в охране природных ресурсов сыграло принятие «Русской правды» в 1016 г.

Важной чертой данного акта является то, что нормативное регулирование данного периода осуществлялось через охрану права собственности. Таким образом, природный ресурс подпадал под защиту лишь в том случае, если он относился к чьей-либо собственности (общинной собственности либо собственности князя). К примерам можно отнести установление штрафа за кражу дров, повреждение борти [3, с. 136–146]. Несмотря на то, что в «Русской правде» не были затронуты все аспекты охраны природных ресурсов, добываемых в то время (рассматривалась защита права собственности, а, к примеру, не предотвращение истощения природных ресурсов), так начало формироваться бережное отношение к природе, пусть и через охрану права собственности.

Законодательство до XVII века кардинально не меняло своего подхода, регулируя вопросы охраны природных ресурсов и промыслового хозяйства. При этом в это время активно уделяется внимание вопросам санитарной охраны. Вводятся системы удаления бытовых отходов, правила захоронений погибших во время эпидемий, правила охраны источников водоснабжения. Особое внимание уделяется борьбе, связанной с различными эпидемиями, поскольку инфекционные заболевания в то время были одной из самых страшных проблем, являющихся следствием отсутствия санитарных правил и низкой экологической грамотности населения [11, с. 35–36].

С XVII века законодательство стало отходить от охраны природных ресурсов через защиту права собственности. Особое значение в охране природных ресурсов приобретают публичные интересы. Ограничения начинают вводиться с учетом противопожарных мероприятий, санитарных и военных интересов [7].

Защита населения играла немаловажную роль. Устанавливались оборонительные лесные засеки, защищающие от набегов врагов. Вырубка таких лесов предусматривала не только штраф, но и отсечение руки.

Существенные изменения в развитии природоохранного права связаны с правотворчеством при Петре I. Особое внимание им уделялось защите леса как стратегического объекта. Устанавливались различные запреты на рубку деревьев определенных пород, запреты на рубку леса вдоль рек, вводился заповедный статус лесов. Устанавливалась серьёзная ответственность за нарушение принятых норм. Так, незаконная вырубка специально разведенных корабельных лесов наказывалась серьёзным штрафом и конфискацией имущества либо ударами кнутом [4, с. 144].

В 1719 году указом было установлено право пользования недрами. При этом строго наказывалось воспрепятствование добыче руды и сокрытие нахождения полезных ископаемых. Также были введены правила рационального использования земель. К примеру, уборка хлеба теперь могла осуществляться исключительно косой в целях исключения нарушения плодородного слоя земли [9, с. 264].

Законотворчеством Петра Великого было положено начало формированию природопользования и охраны водных объектов. Указом 1719 г. запрещалось сбрасывать в реку Неву различный мусор и отходы. Данное деяние могло повлечь, в том числе, и ссылку в Сибирь [14].

Петр I активно вводил ограничения по охране животного мира. Вводились запреты на охоту в отдельных заповедных местах, а также охоту без разрешения с использованием способов массового истребления живых существ.

Активное нормотворчество в период Петра I связано в первую очередь с развитием государства, его влияния на общество и окружающую среду.

Активное развитие природоресурсного законодательства было продолжено и после Петра I. Несмотря на то, что им были заложены основы для дальнейшего нормотворчества, страна не должна была отставать от своих соседей в развитии промышленности, вследствие чего всё активнее росла нагрузка на потребление природных ресурсов.

Так, в целях обеспечения охраны лесов в 1802 году был принят Лесной устав. Данный устав фактически является первым лесным кодексом, собравшим все основные положения по государственному регулированию лесного хозяйства того времени [6, с. 151]. Основными целями данного устава являлось решение таких проблем, как предотвращение сокращения лесов и создание системы управления лесным хозяйством. Для этого был отдельно создан Лесной департамент [12, с. 55–57]. Положения первого лесного кодекса легли в основу создания Лесного устава 1905 года, который основывался на всех предыдущих редакциях Лесного устава, а также законодательных актах, принятых задолго до принятия Лесного устава 1802 года.

В 1833 г. были изданы правила, касающиеся размещения частных заводов. Промышленные предприятия были разделены на три категории, при этом третья категория предприятий не должна была размещаться в черте города [8, с. 1–20].

С конца XIX века активно велась работа по созданию заповедников. Так, в 1882 году создан

заповедник на Камчатке, в 1903 году создан заповедник на острове Аскольда. В 1916 году учрежден государственный заповедник «Баргузинский». В том же году был подготовлен и представлен Закон об охране природы.

Лесной устав 1905 года служит показателем развития экологического законодательства того времени. Данный устав разделял леса на три категории: частные, общественные и государственные [13]. Он более детально регламентировал порядок разведения лесов, заготовки древесины, межевания и управления лесным хозяйством, а также охрану лесов от самовольной рубки и пожаров [10].

Несмотря на направленность норм на защиту частной собственности, нельзя умалять заложенные основы в области защиты окружающей среды. Правовые меры данного этапа были направлены на охрану лесов, объектов водного и животного мира, на охрану и использование природных ресурсов, которые от примитивного выживания и защиты от неблагоприятных факторов переросли в становление фундамента развития экологического права. Заложенные основы стали ориентиром и были продолжены следующими государственными деятелями.

Список источников

1. Бринчук М.М. Экологический обычай как источник экологического права // Астраханский вестник экологического образования. 2019. № 1(49).
2. Бринчук М.М. Законы природы и общества: монография: в 2 ч. Ч. II. М.: Юрлитин-форм, 2015.
3. Булгаков М.Б., Ялбулганов А.А. Природоохранные акты: от «Русской правды» до петровских времен // Государство и право. 1996. № 8. С. 136–146.
4. Ведров С.В. О лесосохранении по русскому праву. СПб., 1878.
5. Гладков Н.А., Михеев А.В., Галушин В.М. Охрана природы. М.: Просвещение, 1975.
6. Кочнов Д.И., Мальдонадо-Попова А.А., Меркулова Т.А. и др. Правовое регулирование использования и охраны лесов по законодательству Российской Федерации и зарубежных стран: монография / отв. ред. Ю.И. Шуплецова. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016.
7. Лисина Н.Л. История развития российского законодательства по охране окружающей среды в городах (X в. – первая четверть XVIII в.) // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2017. Т. 27. Вып. 2. С. 127–132 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-po-ohrane-okruzhayuschey-sredy-v-gorodah-x-v-pervaya-chetvert-xviii-v/viewer>.
8. Малышко Н.И. Государственный контроль за охраной атмосферного воздуха. Киев, 1982. С. 19–20.

9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Мысль, 1993. Т. 7–8.

10. Пуряева А.Ю. Устав о лесах 1905 года как источник лесного законодательства дореволюционной России // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustav-o-lesah-1905-goda-kak-istochnik-lesnogo-zakonodatelstva-dorevoljucionnoj-rossii>.

11. Фефелова И.А. История возникновения и развития экологического права // История государства и права. 2010. № 10.

12. Шибяев В.В. История лесного законодательства и управления лесным хозяйством уральских заводов в первой половине XIX в. // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 14. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.

13. Положение о сбережении лесов // Полн. собр. законов Российской Империи. 1888. Собр. 3-е. Т. VIII.

14. Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. Т. V. 1715–1719. № 3382. Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830.

References

1. Brinchuk M.M. E`kologicheskij oby`chaj kak istochnik e`kologicheskogo prava // Astraxanskij vestnik e`kologicheskogo obrazovaniya. 2019. № 1(49).

2. Brinchuk M.M. Zakony` prirody` i obshhestva: monografiya: v 2 ch. Ch. II. M.: Yurlitin-form, 2015.

3. Bulgakov M.B., Yalbulganov A.A. Prirodooxranny`e akty`: ot «Russkoj pravdy» do petrovskix vremen // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 8. S. 136–146.

4. Vedrov S.V. O lesosoxranenii po russkomu pravu. SPb., 1878.

5. Gladkov N.A., Mixeev A.V., Galushin V.M. Oхрана природы`. М.: Prosveshhenie, 1975.

6. Kochnov D.I., Mal`donado-Popova A.A., Merkulova T.A. i dr. Pravovoe regulirovanie ispol`zovaniya i ohrany` lesov po zakonodatel`stvu Rossijskoj Federacii i zarubezhny`x stran: monografiya / otv. red. Yu.I. Shuplecova. М.: Institut zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya pri Pravitel`stve Rossijskoj Federacii: INFRA-M, 2016.

7. Lisina N.L. Istoriya razvitiya rossijskogo zakonodatel`stva po ohrane okruzhayushhej sredy` v gorodax (X v. – pervaya chetvert` XVIII v.) // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2017. Т. 27. Вы`п. 2. S. 127–132 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-rossijskogo-zakonodatelstva-po-ohrane-okruzhayuschey-sredy-v-gorodah-x-v-pervaya-chetvert-xviii-v/viewer>.

8. Maly`shko N.I. Gosudarstvenny`j kontrol` za ohranoj atmosfernogo vozduxa. Kiev, 1982. S. 19–20.

9. Solov`ev S.M. Istoriya Rossii s drevnejshix vremen. М.: My`sl`, 1993. Т. 7–8.

10. Puryaeva A.Yu. Ustav o lesax 1905 goda kak istochnik lesnogo zakonodatel`stva dorevoljucionnoj Rossii // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2011. № 3 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustav-o-lesah-1905-goda-kak-istochnik-lesnogo-zakonodatelstva-dorevoljucionnoj-rossii>.

11. Fefelova I.A. Istoriya vzniknoveniya i razvitiya e`kologicheskogo prava // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 10.

12. Shibaev V.V. Istoriya lesnogo zakonodatel`stva i upravleniya lesny`m khozyajstvom ural`skix zavodov v pervoj polovine XIX v. // Dokument. Arxiv. Istoriya. Sovremenost`. Вы`п. 14. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014.

13. Polozhenie o sberezhonii lesov // Poln. sobr. zakonov Rossijskoj Imperii. 1888. Sobr. 3-е. Т. VIII.

14. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii s 1649 goda. Т. V. 1715–1719. № 3382. Тип. II Otdeleniya Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kancelyarii, 1830.

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 01.05.2024; принята к публикации 01.05.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 01.05.2024; accepted for publication 01.05.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 33.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):33.

Проблемы организации и функционирования адвокатуры

Научная статья

УДК 347.965

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_33

ФОРМЫ АДВОКАТСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

БИРЮКОВ Павел Николаевич

Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права Воронежского государственного университета
394018, Россия, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1, Российская Федерация

РЕХОВСКИЙ Александр Федорович

Кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Дальневосточного федерального университета
690090, г. Владивосток, остров Русский, поселок Аякс, д. 10, Российская Федерация

Аннотация: Настоящая статья является второй из цикла про адвокатуру Республики Корея. В статье рассматриваются обязанности адвокатов и формы адвокатских образований в Южной Корее. Авторы описывают правовую базу деятельности адвокатов. Подробно рассматривается вопрос о форме адвокатских образований. Исследуется процедура учреждения адвокатских бюро, фирм и коллегий. В завершение сделан вывод, что система адвокатуры в Корее представляет собой сочетание традиционно корейских и западных правовых принципов. Она отличается высоким профессионализмом и способностью адвокатов представлять интересы клиентов на высоком уровне. Важно отметить, что в системе существует строгий контроль качества услуг, что обеспечивает надежную защиту прав клиентов.

Ключевые слова: Республика Корея, адвокатура, формы адвокатских образований, обязанности адвоката и адвокатского образования

Для цитирования: Бирюков П.Н., Реховский А.Ф. Формы адвокатских образований в Республике Корея // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 33. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_33

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

FORMS OF LAWYER FIRMS IN THE REPUBLIC OF KOREA

BIRIUKOV Pavel Nikolaevich

Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law of Voronezh State University
394018, Russia, Voronezh, University Square, 1, Russian Federation

REKHOVSKY Alexander Fedorovich

Candidate of Law, Associate Professor, Head of Department of Justice, Prosecutor's Supervision and Criminalistics of Far Eastern Federal University
690090, Vladivostok, Russky Island, Ayaks village, 10, Russian Federation

Abstract: This article is the second in a series about the legal profession of the Republic of Korea. The article discusses the responsibilities of lawyers and forms of legal firms in South Korea. The authors describe the legal framework for the activities of lawyers. The issue of the form of lawyer entities is considered in detail. The procedure for establishing law offices, firms and colleges is examined. In conclusion, it is concluded that the legal profession system in Korea is a combination of traditional Korean and Western legal principles. It is distinguished by high professionalism and the ability of lawyers to represent clients' interests at a high level. It is important to note that the system has strict quality control of services, which ensures reliable protection of customer rights.

Keywords: Republic of Korea; advocacy; forms of lawyer entities; responsibilities of a lawyer and lawyer firms

For citation: Biriukov P.N., Rekhovskiy A.F. Forms of Lawyer Firms in the Republic of Korea = Eurasian advocacy. 2024;4(69):33. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_33

История формирования института и правовая база деятельности адвокатов в Южной Корее, вопросы получения статуса адвоката и допуска иностранных юридических консультантов были рассмотрены авторами в предыдущей статье [1].

В рамках данной статьи мы рассмотрим вопросы о форме адвокатских образований в Южной Корее. Статья базируется на правовых нормах, действующих на момент ее написания.

Введение

В 2021 году в Корее были утверждены в новой редакции: закон об адвокатах (변호사법 [시행 2021.1.5.]) и Кодекс этики Корейской ассоциации адвокатов (변호사윤리장전 [2021.5.31. 개정]); в 2022 г. – закон об экзамене на адвоката (변호사시험법. [시행 2022.12.27.]); в 2023 г. – закон об уголовном процессе (형사소송법 [시행 2022.9.10.]), в январе 2024 г. – Указ Президента № 22937 «Министерство юстиции и дочерние организации» (법무부와 그 소속기관 직제 [시행 2024.1.18.]). Указанные документы затрагивают практически все аспекты института адвокатуры: взаимодействие с Минюстом, обязанности адвокатов, формы адвокатских фирм, этику, отношения адвокатов с клиентами, ответственность адвокатов и т. д.

Таким образом, юридическая основа функционирования адвокатуры и адвокатских образований претерпела значительные изменения. В силу изложенного отечественная литература по данной проблематике (и так немногочисленная и не рассматривающая формы адвокатских образований) нуждается в обновлении.

Адвокатские образования

В Корее функционируют шесть видов адвокатских образований.

1. Адвокатская контора (법률사무소)

Адвокат вправе открыть одну адвокатскую контору (АК). Она должна находиться в районе деятельности местной коллегии (МК) адвокатов, к которой он принадлежит. При этом адвокат должен иметь стаж работы не менее пяти лет в качестве: а) судьи, прокурора, адвоката; б) юриста в органе государственной власти или местного самоуправления, публичном учреждении или корпорации; в) чиновника в международной организации, международной корпорации, учреждении из перечня министра юстиции; г) доцента или профессора права в университете (ст. 42 (1) Закона об организации судов (법원조직법 [시행 2022.1.27.])).

Корейская ассоциация адвокатов (КАА) предварительно проводит проверку условий для

учреждения АК и представляет заключение министру юстиции, который и дает разрешение на открытие конторы.

2. Адвокатская фирма (법무법인)

Глава 5 Закона об адвокатах посвящена созданию и деятельности адвокатских фирм (АФ). К ним также применяются положения Коммерческого кодекса (상법 [시행 2020.12.29.]) о полных товариществах.

Адвокаты (количеством не менее трех) готовят учредительный договор и направляют его в КАА и Министерство юстиции. Договор включает в себя следующую информацию: 1) название АФ (включая слова «адвокатская фирма»), цель создания, местонахождение офиса; 2) имена участников, паспортные данные и адреса учредителей; 3) виды инвестиций в АФ и их стоимость; 4) вопросы, связанные с членством; 5) порядок формирования и деятельности общего собрания членов; 6) руководитель и представитель АФ; 7) активы и бухгалтерский учет АФ; 8) другие вопросы, предусмотренные законом.

После получения разрешения министра на создание фирма должна быть зарегистрирована в течение двух недель (ст. 43 закона).

Третьи лица не вправе использовать название зарегистрированной фирмы (идентичное или сходное до степени смешения). Нарушение этого положения образует самостоятельный состав правонарушения и влечет крупный штраф по закону об адвокатах.

АФ может открывать филиалы, правила учреждения которых определяются Указом Президента. Об изменении своего адреса или открытии филиала фирма должна незамедлительно сообщить КАА и министру юстиции. Члены фирмы не вправе иметь отдельные адвокатские конторы (ст. 48 закона).

Предусмотрены для АФ и ограничения правил ведения бизнеса. К примеру, фирма не может предоставлять адвокатскую помощь по делам, в которых она оказывала нотариальные услуги. Исключения перечислены в указах Президента РК.

Министр юстиции может отменить разрешение на создание фирмы, если: а) число адвокатов-учредителей стало менее трех; б) в течение трех месяцев фирма не известила об изменении адреса своего офиса или филиала; в) фирма или ее члены грубо нарушают законы Кореи и правила ведения дел (в том числе этические нормы).

Фирма должна быть ликвидирована при наличии следующих оснований: 1) наличие обстоятельств, предусмотренных учредительным договором; 2) согласие всех участников; 3) слияние с

другой компанией; 4) банкротство; 5) отзыв разрешения Минюста (ст. 54 закона).

В соответствии со ст. 55-2 закона фирма с согласия Минюста может изменить свою организационно-правовую форму, став ООО или ассоциацией. При этом долги фирмы переходят к правопреемнику, а участники несут полную ответственность по долгам в течение двух либо пяти лет (в зависимости от оснований) после реорганизации.

3. Адвокатская фирма с ограниченной ответственностью (법무법인 (유한))

Глава 5-2 закона посвящена адвокатским ООО. К ним также применяются положения Коммерческого кодекса.

Процедура создания этого адвокатского образования аналогична ранее описанной. Вместе с тем имеются различия, вытекающие из юридической природы ООО. В частности, в уставе дополнительно необходимо указывать уставной капитал и количество долей каждого участника (ст. 58-4 закона). Уставной капитал ООО должен составлять не менее 500 миллионов вон, а стоимость одной доли – 10 000 вон.

Число учредителей должно быть не менее семи (ст. 58-5). В собственности каждого участника ООО должно находиться не менее 3 000 акций.

При этом по меньшей мере двое участников общества должны иметь возраст не ниже 45 лет и не менее 10 лет отработать в качестве: а) судьи, прокурора, адвоката; б) юриста в органе государственной власти или местного самоуправления, публичном учреждении или корпорации; в) доцента или профессора права в университете (ст. 42 (1) Закона об организации судов).

При уменьшении активов на конец года ниже размера уставного капитала необходимо в течение шести месяцев либо компенсировать нехватку, либо ликвидироваться (ст. 58-7 закона).

За ущерб, связанный с принятыми обществом делами, ответственный адвокат (если он не назначен, то все члены ООО) несет солидарную ответственность с организацией. Данное правило не применяется, если фирма докажет, что при ведении дела адвокаты «не пренебрегали осторожностью» (ст. 58-11 закона).

При принятии дела к производству общество должно в договоре указать размер ответственности за возможный ущерб клиенту. В ООО создается резервный фонд для покрытия возможных убытков, и заключается договор страхования (ст. 58-12). Указанные средства не могут использоваться для иных целей, кроме возмещения ущерба, а договор страхования не может быть расторгнут без согласия министра юстиции.

Министр юстиции может отозвать разрешение на создание ООО при наличии серьезных нарушений (уменьшение активов ниже размера уставного капитала, дисквалификация директоров, серьезные нарушения правил бухгалтерского учета, законодательства и т. д.).

4. Ассоциация / объединение адвокатов (법무조합)

Глава 5-3 закона посвящена ассоциациям (объединениям) адвокатов (АА). К ним применяются также положения Гражданского кодекса (민법 [시행 2023.6.28.]) о товариществах.

В уставе АА отражаются: 1) название ассоциации, цели создания, местонахождение головного офиса и филиалов; 2) имена членов, их данные, а также сведения о лице, которое будет представлять ассоциацию при регистрации; 3) членство в Ассоциации; 4) виды и стоимость вкладов и их оценка; 5) распределение прибылей и убытков; 6) управление ассоциацией; 7) активы и бухгалтерский учет; 8) другие вопросы, предусмотренные законодательством.

Устав и соответствующие документы направляются через МК по месту нахождения главного офиса в Министерство юстиции.

После получения согласия Минюста ассоциация должна представить в КАА устав, заявление о регистрации и необходимые документы в течение двух недель (ст. 58-21 закона). После одобрения все документы о деятельности ЮА хранит местная коллегия адвокатов (МК) по месту нахождения офиса.

В Ассоциации должно быть не менее семи адвокатов, минимум два из которых отработали свыше 10 лет на должностях, указанных в ст. 42 (1) Закона об организации судов. Ассоциация может создавать руководящий комитет (исполком). Члены ассоциации несут ответственность по ее долгам.

В силу ст. 58-25 в случае возникновения ущерба ответственность за возмещение ущерба, причиненного виновными действиями, несет «ответственный адвокат» в отношении принятого дела. К ответственности солидарно привлекается также адвокат, который непосредственно руководил и контролировал ответственного адвоката, за исключением случаев, когда «доказано, что при проведении и надзоре не пренебрегали осторожностью».

Вопросы ответственности за ущерб указываются в договоре о приемке дела в соответствии с Указом Президента.

Министр юстиции может отозвать разрешение на создание ассоциации при наличии основа-

ний, в числе которых: 1) уменьшение количества членов ниже семи; 2) неформирование компенсационных резервов или незаключение договора страхования; 3) нарушение законов и правил, касающихся ведения бизнеса.

5. Местная коллегия адвокатов (지방변호사회)

Корея делится на 16 административно-территориальных единиц (девять провинций, шесть городов «федерального значения» и столица Сеул). В каждой из них функционирует местный (окружной) суд (지방법원). В силу ст. 64 закона в районе действия каждого местного суда создается одна МК адвокатов в форме корпорации.

Адвокаты разрабатывают устав и получают одобрение министра юстиции через КАА (ст. 65). В уставе должны быть отражены: 1) название и местонахождение офиса коллегии; 2) членство; 3) состав, полномочия и проведение заседаний общего собрания, совета директоров и иных органов управления; 4) порядок избрания, срок полномочий и обязанности руководителя; 5) права и обязанности членов коллегии; 6) активы и учет; 7) другие вопросы.

В МК имеются следующие органы управления: председатель, вице-президент, исполнительный директор, дисциплинарный комитет, совет по этике. Председатель руководит коллегией и представляет ее в отношениях с «внешним миром». В общем собрании участвуют все адвокаты – члены коллегии. Однако если их число превышает 200, собрание может состоять из представителей, избранных членами, если это предусмотрено уставом. Совет директоров решает текущие вопросы деятельности коллегии. Исполнительный директор занимается обеспечением текущей деятельности коллегии.

МК реализуют системы защитников по назначению и медиаторов по Закону о гражданской медиации (민사조정법 [시행 2020.3.5.]).

МК контролируются КАА и министром юстиции. Так, решения общих собраний незамедлительно направляются в КАА и министру юстиции. Если министр считает, что решение нарушает законодательство или корпоративные нормы, он запрашивает мнение КАА и может отменить решение (ст. 77-1 закона).

6. Корейская ассоциация адвокатов (대한변호사협회)

В соответствии со ст. 79 закона КАА является корпорацией и действует на основании Устава КАА в редакции 2023 г. (Bylaws of the Korean the Bar Association).

В уставе помимо традиционных отражаются вопросы: а) связанные с проектами юридической

помощи КАА; б) связанные с подготовкой адвокатов; в) дисциплинарные взыскания в отношении адвокатов; г) руководства и надзора за адвокатами и местными коллегиями.

В КАА действуют следующие органы управления: президент, вице-президент, исполнительный директор, совет по этике, дисциплинарный комитет.

В 1993 г. Ассоциация приняла «Дисциплинарные правила для адвокатов» 대한변호사협회 변호사징계규칙 (ред. 26.02.2007). Правила в деталях регламентируют процедуру привлечения виновных к дисциплинарной ответственности.

Корейские адвокаты периодически проходят обучение в КАА «с целью повышения профессионализма и этического сознания» (ст. 85 закона). КАА может делегировать обучение местным коллегиям либо структурам Минюста или юридическим вузам.

КАА находится под надзором министра юстиции. Она незамедлительно представляет министру решения общих собраний, который вправе отменить их.

Обязанности адвокатских образований

Согласно ст. 24 закона об адвокатах, адвокат должен следовать уставам местной коллегии адвокатов (МК) и общенациональной Корейской ассоциации адвокатов (КАА). Он не вправе совершать какие-либо действия, наносящие ущерб его или ее достоинству. Адвокат не вправе защищать лицо или представлять интересы без представления в суд или следственному органу адвокатского ордера, поручения, доверенности (ст. 29-2).

Существует прямой запрет адвокату (в том числе бывшему) на разглашение информации, ставшей ему известной в ходе выполнения обязанностей. Исключения из этого правила устанавливаются законом (например, УПК, Закон о Национальной разведывательной службе и т. д.).

В Корею также предусмотрены жесткие правила относительно рекламы для адвокатских образований. В частности, в каждой МК и КАА действует комитет по рекламе, работа которого регламентируется правилами КАА.

Адвокаты и адвокатские образования обязаны раскрывать информацию об образовании, опыте, основных задачах, результатах работы. Запрещены рекламные объявления: 1) отображающие ложную информацию о работе адвоката; 2) безосновательно утверждающие, что адвокаты имеют определенные квалификации или титулы; 3) вводящие потребителей в заблуждение; 4) вызывающие у потребителей несправедливые

ожидания относительно результатов деятельности адвокатов; 5) содержащие клевету на других адвокатов или образования; 6) наносящие ущерб достоинству адвокатов; 7) могущие нанести вред общественным интересам или добросовестной юридической практике либо причинить вред потребителям (перечень определяет КАА).

В соответствии с законом об адвокатах и правилами КАА адвокаты должны заниматься деятельностью в общественных интересах более определенного количества часов в год.

Каждый адвокат должен вести журнал поручений. В журнале указываются: дата принятия дела, объем поручения, личность доверителя, подробности судебного дела или принятой юридической работы, а также другие вопросы, предусмотренные указом Президента РК. В конце года каждый адвокат информирует свою МК о количестве принятых дел и сумме полученных гонораров (ст. 28-2 закона).

КАА определяет правила найма персонала, обучения, отчетности и другие необходимые вопросы для персонала адвокатского образования. В офисе адвоката не могут работать: 1) осужденные на основании Закона об адвокатах или ст. 129–132 УК (대한민국 형법 [시행 2023.8.8.]) (дача и получение взяток, посредничество во взяточничестве), других законов в течение определенного срока с момента окончания исполнения приговора; 2) бывшие государственные чиновники, если с момента увольнения прошло менее трех лет; 3) лица, находящиеся под опекой.

В силу ст. 30 Закона адвокаты и сотрудники их офисов не вправе раскрывать перед клиентами личные отношения, в частности, с чиновниками, иными лицами, участвующими в судебной или следственной работе, с целью принятия дела или рекламы.

Адвокат не вправе принимать к своему производству дело, если ранее: а) он участвовал в деле в качестве должностного лица, медиатора или арбитра; б) консультировал другую сторону. Адвокат, ранее работавший судьей, прокурором, военным судьей, открывший впоследствии адвокатскую практику (так называемый государственный юрист в отставке), в течение первого года работы вправе участвовать лишь в делах по назначению и делах своих родственников. В остальных случаях он может лишь консультировать ответственного адвоката и получать вознаграждение за фактическое участие.

Заключение

В настоящий момент, согласно данным КАА, Ассоциация объединяет почти 26 000 адвокатов и 1500 юридических фирм. Все адвокаты и образования тщательно контролируются местными коллегиями, Ассоциацией и Министром юстиции

Адвокаты рассматриваются как профессионалы, исполняющие общественные обязанности по защите прав человека и обеспечению социальной справедливости. Также стоит отметить, что в Корее традиционно начинают адвокатскую карьеру лишь после приобретения опыта работы в качестве судьи или прокурора.

Квалификационные и иные стандарты для корейских адвокатов очень строги. Этические правила адвокатов налагают на лиц этой профессии строгие ограничения. Они будут рассмотрены в следующей статье.

Список источников

1. Бирюков П.Н., Реховский А.Ф. Адвокатура в Республике Корея: история формирования, получение статуса адвоката // Евразийская адвокатура. 2024. № 3 (68). С. 32.

References

1. Biryukov P.N., Rexovskij A.F. Advokatura v Respublike Koreya: istoriya formirovaniya, poluchenie statusa advokata // Evrazijskaya advokatura. 2024. № 3(68). S. 32.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 10.04.2024; принята к публикации 11.04.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 10.04.2024; accepted for publication 11.04.2024.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОКАЗАНИЯ АДВОКАТАМИ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

КРУГЛЯКОВ Сергей Валерьевич

Адвокат Адвокатской палаты Московской области, аспирант кафедры адвокатуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, Российская Федерация

Аннотация: В статье проанализированы вопросы оказания адвокатами Российской Федерации бесплатной юридической помощи, затронута история этого вопроса, теоретические вопросы и современный этап деятельности адвокатуры.

Ключевые слова: адвокат, адвокатура, Федеральная палата адвокатов Российской Федерации, адвокатская деятельность, квалифицированная юридическая помощь, социально-правовая функция, правовая помощь по назначению, бесплатная юридическая помощь, pro bono

Для цитирования: Кругляков С.В. О некоторых вопросах оказания адвокатами бесплатной юридической помощи: история и современность // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С.38. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_38

Problems of Organization and Advocacy Profession Functioning

Original article

ON SOME ISSUES OF PROVIDING FREE LEGAL AID BY LAWYERS: HISTORY AND MODERNITY

KRUGLYAKOV Sergey Valeryevich

Advocate of the Moscow Region Chamber of Advocates, Postgraduate Student of the Department of Advocacy of the Moscow State Law University
125993, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya St., 9, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the issues of free legal aid provided by lawyers of the Russian Federation, touches on the history of this issue, theoretical issues and the current stage of the activity of the bar.

Keywords: advocate, lawyer, advocacy, The Russian Federal Bar Association, qualified legal assistance, social and legal function, legal assistance by appointment, free legal assistance, pro bono

For citation: Kruglyakov S.V. On Some Issues of Providing Free Legal Aid by Lawyers: History And Modernity = Eurasian advocacy. 2024;4(69):38. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_38

Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, что закреплено в ч. 1 ст. 7 Конституции России [1].

Социальное назначение государства проявляется и конкретизируется в его функциях, под которыми принято понимать основные направления деятельности государства по решению стоящих перед ним задач [2, с. 8]. Цель социальной функции состоит в реализации конституционных положений о государстве, в котором обеспечи-

вается поддержка инвалидов, малообеспеченных и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты малообеспеченных граждан, инвалидов. Такая поддержка осуществляется, в том числе, путем организации предоставления бесплатной юридической помощи тем, кто не может себе позволить возмездные юридические услуги, чтобы защитить свои права в сложной жизненной ситуации. Немаловажное значение в этом отводится адвокатуре.

Правовой основой получения юридической помощи являются конституционные положения о гарантиях каждого на получение квалифицированной юридической помощи. При этом в определённых случаях юридическая помощь может быть оказана бесплатно (ч. 1 ст. 48) [13].

Сегодня одной из главных задач Российской Федерации является борьба с бедностью. Согласно статистическим данным, предоставленным Федеральной службой государственной статистики, в 2023 г. численность населения с денежными доходами ниже границы бедности (величины прожиточного минимума) в целом по Российской Федерации составляла 13,5 миллиона человек, или 9,3 % от общей численности населения России [31].

Ещё древнегреческий философ-идеалист Платон в своём труде «Государство» писал о «счастливым государстве, в котором рассчитывали найти справедливость», и приводил слова Сократа, что «бедность ведёт к низостям и злодеяниям» [3, с. 138–139].

Преодоление бедности является сутью социального государства. Так, 21 декабря 2023 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам президент Российской Федерации В.В. Путин, контролируя ход исполнения ранее данных поручений, сказал: «Наша экономика должна стать экономикой квалифицированных кадров и хороших, высоких заработных плат. Именно в этом ключ к повышению доходов граждан, к преодолению проблем бедности» [4].

Если обратиться к истории вопроса оказания бесплатной юридической помощи, в дореволюционной России «одной из основных обязанностей адвоката являлось ведение дел по праву бедности» [11, с. 250–252]. В 1904 г. выдающийся правовед и присяжный поверенный Российской империи И.В. Гессен в своей работе «Юридическая помощь населению» писал о важности оказания квалифицированной юридической помощи простому народу, подчеркивая, что народ «нуждается в юридической поддержке для судебного осуществления или охранения своих прав» [12, с. 6].

Современная адвокатура России является институтом гражданского общества и оказывает квалифицированную юридическую помощь всем нуждающимся гражданам. Это имело важное и первостепенное значение во все времена деятельности адвокатуры России.

А.Г. Кучерена полагает, что критерием квалифицированности будет обладать правовая помощь, оказанная лицами, подтвердившими свою квалификацию в соответствующей области, к

которым в Российской Федерации можно отнести исключительно адвокатов [24, с. 6]. Эта точка зрения основана на толковании положений Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон № 63-ФЗ), в котором указано, что адвокатской деятельностью является именно квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, физическим и юридическим лицам (далее – доверители) в целях защиты их прав, свобод и интересов, а также обеспечения доступа к правосудию (п. 1 ст. 1, пп. 1-10 п. 2 ст. 2) [13].

В отдельных случаях адвокатами может оказываться бесплатная юридическая помощь гражданам Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» (далее – Закон № 324-ФЗ) – в рамках государственной системы бесплатной юридической помощи и за счёт субъекта Российской Федерации, а также негосударственной (ст. 26) [7].

Законы № 324-ФЗ и № 63-ФЗ не содержат определения «юридической помощи», в том числе бесплатной. Отсутствие законодательного закрепления этого понятия делает его дискуссионным и оценочным.

Так, О.П. Мелешко и Ю.Г. Кипселиди дают определение «юридической помощи»: это осуществляемое средствами юридического характера адресное невластное профессиональное и организованное содействие реализации правовых возможностей субъекта права в целях преобразования проблемной правовой ситуации и максимально благоприятного удовлетворения его индивидуальных интересов [26]. Из этого определения не ясно, о какой юридической помощи идёт речь, о возмездной или безвозмездной.

В Резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей 20 декабря 2012 г. № 67/187, утверждены «Принципы и руководящие положения Организации Объединённых Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия», где под юридической помощью понимаются консультирование по юридическим вопросам, помощь и представительство для лиц, задержанных, арестованных или находящихся в заключении, подозреваемых, обвиняемых или привлекаемых к ответственности в связи с совершением уголовного преступления, а также для потерпевших и свидетелей в процессе уголовного правосудия, которые предоставляются бесплатно

лицам, не имеющим достаточных средств, или когда этого требуют интересы правосудия [27, с. 5].

В научных кругах ведётся полемика о различиях между терминами «юридическая помощь» и «юридические услуги». Однако Г.М. Резник обращает внимание на то обстоятельство, что законодательством между указанными понятиями не проводится различий [31].

Под термином «бесплатно» национальное право России понимает безвозмездный договор, по которому одна сторона обязуется предоставить что-либо другой стороне без получения от нее платы или иного встречного предоставления (п. 2 ст. 423) [21].

Таким образом, можно сделать вывод, что критериями предоставления бесплатной юридической помощи являются безвозмездность, отсутствие достаточных средств у получателя такой помощи, или случаи, когда этого требуют интересы правосудия.

Закон № 324-ФЗ определяет, что бесплатная юридическая помощь в рамках исполнения этого закона оказывается в виде: правового консультирования в устной и письменной форме; составления заявлений, жалоб, ходатайств и других документов правового характера; представления интересов гражданина в судах, государственных и муниципальных органах, организациях в случаях и в порядке, которые установлены настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации (ст. 6) [7].

В Российской Федерации данные об адвокатах, которые лично и бесплатно оказывают юридическую помощь нуждающимся людям, приведены в двух разных списках, размещённых на веб-сайтах региональных адвокатских палат. Это список адвокатов, которые являются участниками субсидируемой юридической помощи, и список адвокатов, которые являются участниками бесплатной юридической помощи. Например, информация о списке адвокатов Московской области, участвующих в оказании субсидируемой и бесплатной юридической помощи, размещена на сайте Адвокатской палаты Московской области [5]. Эти два списка имеют разные источники финансирования. Субсидируемая юридическая помощь финансируется Правительством России, а бесплатная юридическая помощь – за счет расходной части бюджета субъектов федерации.

Таким образом, социально-правовая функция адвокатуры России по предоставлению бесплатной юридической помощи условно разделена на несколько основных категорий:

1. Субсидируемая государством юридическая помощь, или адвокат по назначению;

2. Предоставление адвокатами бесплатной юридической помощи в рамках государственной и негосударственной системы бесплатной юридической помощи, установленной Законом № 324-ФЗ;

3. Предоставление адвокатами бесплатной юридической помощи на добровольных началах – «Pro bono».

Теперь рассмотрим подробно эти три категории социально-правовой функции адвокатуры России.

Первая категория. Субсидируемая государством юридическая помощь, или адвокат по назначению. Это предоставление адвокатами квалифицированной юридической помощи на основе назначения по уголовному делу, гражданскому делу, административному делу, а также в связи с выполнением требований Конституционного Суда для всех граждан, имеющих такое право (ст. 50, ч. 2, 3 ст. 53 ГПК РФ, ст. 25.5 КоАП РФ, ч. 4 ст. 54 КАС РФ, ст. 50, 51 УПК РФ). Участие адвоката по назначению обеспечивается на основании ассигнований (субсидий), предусмотренных в федеральном бюджете на текущий год, выделяемых на основании Постановления Правительства России [28].

В международной практике адвокат по назначению называется «ex officio» (лат. по обязанности). Под этим термином подразумевается адвокат, занимающийся частной практикой, назначаемый судьёй или иным должностным лицом суда представлять интересы неимущего подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу или имеющего право на юридическую помощь по иным основаниям [6]. В нашей стране этот термин никогда не использовался, но он схож с понятием «адвокат по назначению», используемым в судебной практике России.

В этой первой категории имеются определённые противоречия между правом на бесплатную юридическую помощь и последующим возмещением процессуальных издержек. Так, к процессуальным издержкам относятся: суммы, выплачиваемые адвокату за оказание им юридической помощи в случае участия адвоката в уголовном судопроизводстве по назначению, которые при отказе обвиняемого от защитника, не принятом судом, возмещаются за счет средств федерального бюджета. Суд вправе взыскать с осужденного процессуальные издержки, за исключением сумм, выплаченных переводчику и защитнику в случаях, предусмотренных частями четвертой и пятой настоящей статьи. Процессуальные издержки

могут быть взысканы и с осужденного, освобожденного от наказания (ч. 1, п. 5 ч. 2 ст. 131, ч. 2, 4 ст. 132) [22]. Такая конструкция уголовно-процессуального закона позволяет суду взыскать с осужденного денежные средства, выплаченные адвокату по назначению за участие в суде первой, второй и последующей инстанции, о чём суд указывает в резолютивной части приговора или постановления. Это в конечном итоге делает право лица на бесплатную юридическую помощь по уголовному делу гипотетическим, поскольку выплаченные государством адвокату деньги зачастую потом взыскиваются с осужденного. Чтобы этого не происходило, адвокату по назначению необходимо в суде выяснять материальное положение своего подзащитного, доказывать его финансовую несостоятельность, просить суд освободить подзащитного от возмещения процессуальных издержек, выплаченных государством адвокату по назначению. Если этого не сделать, тогда суд взыщет процессуальные издержки с осужденного, а после к месту отбывания осужденного будет направлен исполнительный лист, который осужденный должен будет погасить, и непогашение долга может явиться препятствием для условно-досрочного освобождения.

Вторая категория. Предоставление адвокатами бесплатной юридической помощи в рамках государственной и негосударственной системы бесплатной юридической помощи, установленной Законом № 324-ФЗ, а также в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации о бесплатной юридической помощи [7].

Под государственной системой предоставления бесплатной юридической помощи понимается предоставление такой помощи органами государственной власти субъектов Российской Федерации в государственных юридических бюро с привлечением к участию адвокатов [19]. Финансирование расходов государственных юридических бюро и оплата труда привлечённых адвокатов с компенсацией их расходов на оказание такой помощи осуществляются за счёт расходной части бюджета субъектов Российской Федерации (ст. 15, 29 Закона № 324-ФЗ) [7].

Законом г. Москвы от 4 октября 2006 г. № 49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» устанавливаются порядок и правила оказания адвокатами бесплатной юридической помощи в городе Москве, порядок компенсации расходов адвокату, категории граждан, имеющие право на бесплатную юридическую помощь [32].

В целях оказания гражданам бесплатной юридической помощи адвокаты, адвокатские образования, адвокатские палаты субъектов Российской Федерации могут создавать негосударственные центры бесплатной юридической помощи (ч. 1 ст. 24 Закона № 324-ФЗ) [7]. Информация о негосударственных центрах бесплатной юридической помощи размещена на официальном сайте Министерства юстиции России в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в разделе «Бесплатная юридическая помощь» [19].

Третья категория. Предоставление адвокатами бесплатной юридической помощи «Pro bono» (от лат. pro bono publico – ради общественного блага). Эта сфера оказания правовой помощи не субсидируется государством, но она дополняет первые две категории.

В Декларации принципов Pro Bono Международной ассоциации юристов (IBA) от 16 октября 2008 г. даётся определение понятия «оказание юридической помощи на основе Pro Bono». Это «оказание юридической помощи с тем же уровнем качества, который предоставляется коммерческим клиентам, без вознаграждения или ожидания вознаграждения и в связи с поддержкой малообеспеченных, уязвимых и оказавшихся на обочине жизни общества слоев населения, а также сообществ и организаций, предоставляющих им поддержку. Предоставлять правовую помощь бесплатно или по сниженным расценкам отдельным лицам, группам лиц или организациям, занимающимся защитой гражданских прав, гражданских свобод или общественных интересов, или филантропическим, благотворительным, религиозным, общинным, государственным и учебным организациям и заведениям в делах, связанных с выполнением поставленных перед ними задач, в том случае, если стандартные расценки за юридические услуги нанесут непоправимый ущерб финансовому состоянию организации или окажутся нецелесообразными в каком-либо другом смысле; оказывать юридическую помощь по значительно сниженным расценкам лицам с ограниченными средствами; участвовать в деятельности по совершенствованию законодательства, судебной системы или юридической профессии» [10].

В.В. Россиев считает обязанностью государства и регионов финансировать труд субъектов, оказывающих правовую помощь «Pro Bono» [25, с. 38–48]. Это ошибочное мнение, поскольку помощь «Pro Bono» – это исключительно добровольное оказание адвокатами и юристами юридической помощи на безвозмездной основе, и оно не

предусматривает какую-либо компенсацию от государства за предоставленную получателю бесплатную юридическую помощь.

И.С. Яртых считает, что «оказание юридической помощи совершенно безвозмездно и вне государственной системы бесплатной юридической помощи с точки зрения реализации принципа Pro Bono выглядит для адвокатуры значительно привлекательнее» [8]. С этой точкой зрения можно согласиться лишь отчасти, поскольку не все адвокаты могут себе позволить оказание людям бесплатной юридической помощи «Pro Bono», но эти адвокаты активно участвуют в первых двух категориях – в делах по назначению и в государственной и негосударственной системе бесплатной юридической помощи.

Понятие «Pro Bono» не закреплено в законодательстве России; по своей сути это благотворительная деятельность адвокатов, юристов, добровольно оказывающих бесплатную юридическую помощь людям.

В этой части следует отметить, что Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее – Закон № 135-ФЗ) определяет, что благотворительная и добровольческая (волонтерская) деятельность осуществляется, в том числе, и в целях оказания бесплатной юридической помощи и правового просвещения населения.

В тексте Закона № 135-ФЗ не упоминаются адвокаты, но указано, что юридические лица вправе беспрепятственно осуществлять благотворительную и добровольческую (волонтерскую) деятельность на основе добровольности и свободы выбора ее целей (ст. 2, 4) [9]. Из положения Закона № 63-ФЗ следует, что коллегия адвокатов, юридическая консультация, адвокатская палата являются юридическими лицами (п. 8 ч. 5 ст. 22, 24, п. 5 ст. 29) [13]. Таким образом, перечисленные выше адвокатские образования могут оказывать бесплатную юридическую помощь и правовое просвещение населения, осуществляя благотворительную и добровольческую (волонтерскую) деятельность на основании Закона № 135-ФЗ.

Что касается качества оказания адвокатами по назначению бесплатной юридической помощи, в том числе и Pro Bono, высказываются различные точки зрения. Так, Н.С. Манова, Г.И. Сибирцев считают, что квалифицированность не тождественна качеству, это лишь необходимая предпосылка оказания качественной юридической помощи [29, с. 80–81]. В.В. Россиев считает, что статус адвоката не будет гарантировать квали-

фицированность оказываемой юридической помощи [25, с. 38–48].

Вместе с тем следует учитывать, что только адвокат связан законом, присягой и этическим нормами Кодекса профессиональной этики адвоката (КПЭА), где определено, что обязанности адвоката, установленные действующим законодательством, при оказании им юридической помощи бесплатно в случаях, предусмотренных законодательством, или по назначению органа дознания, органа предварительного следствия или суда не отличаются от обязанностей при оказании юридической помощи за гонорар (п. 7 ст. 15, п. 8 ст. 10) [14]. Это предполагает высокий уровень оказания бесплатной юридической помощи, и эти требования КПЭА о качестве предоставления адвокатами бесплатной юридической помощи распространяют своё действие на все три вышеназванные категории социально-правовой функции адвокатуры.

Помимо этого, адвокат по назначению руководствуется также Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве от 20 апреля 2017 г., где изложены минимальные, но достаточно высокие требования к деятельности адвоката, осуществляющего защиту по уголовному делу, которые адвокат обязан выполнить при осуществлении защиты по уголовному делу [30]. За невыполнение этих требований адвокат может быть привлечён к дисциплинарной ответственности вплоть до прекращения статуса адвоката. В 2021 г. статус был прекращён у 153 адвокатов, а в 2022 г. – у 295 [15, с. 43–49]. Меры дисциплинарной ответственности являются важнейшим стимулом для добросовестного осуществления адвокатами своих обязанностей перед доверителем при оказании бесплатной юридической помощи и дополняют финансовые стимулы.

С 1 июня 2024 г. вступил в силу Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2024 г. № 157 «Об утверждении стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 и 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», и порядка обеспечения контроля за соблюдением его требований» [33]. Интересным и заслуживающим внимания, на наш взгляд, является раздел V Стандарта – «Критерии доступности и качества оказания бесплатной юридической помощи». По результатам оказанной бесплатной юридической помощи будет проводиться опрос получателя юридической помощи о его удовлетворённости

качеством бесплатной юридической помощи и корректным отношением со стороны консультирующего лица, в том числе и адвоката.

Одним из проблемных вопросов реализации адвокатурой социально-правовой функции также является доступность субсидируемой и бесплатной юридической помощи малоимущим лицам, проживающим в отдаленных от областных и районных центров посёлках Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, а также в высокогорных сёлах Республики Алтай и Северного Кавказа, где адвокаты либо отсутствуют, либо их слишком мало. На сегодняшний день самыми малочисленными являются адвокатские палаты: Ненецкого автономного округа – 8 адвокатов, Чукотского автономного округа – 42 адвоката, Республики Алтай – 54 адвоката, Еврейской автономной области – 59 адвокатов [15, с. 7], что не позволяет или затрудняет жителям отдалённых районов получить юридическую помощь, в том числе и бесплатную.

Проблема доступности юридической помощи всегда находилась на контроле руководства страны и в настоящее время решается совместно с Федеральной палатой адвокатов России. Так, региональными адвокатскими палатами России совместно с органами юстиции с 8 по 14 июля 2024 г. проведена большая работа по оказанию бесплатной юридической помощи в отдалённых районах субъектов РФ, осуществлены выезды мобильных офисов, в которых жители всех отдалённых населённых пунктов получили бесплатные юридические консультации от адвокатов. Для граждан, которые не смогли лично посетить эти мероприятия, была предусмотрена возможность обращения через «горячие линии», действующие в каждом регионе [16].

Анализ статистических данных 2020–2023 гг., содержащихся в Отчёте Совета Федеральной палаты адвокатов РФ касательно реализации адвокатами социально-правовых функций, показывает, что в 2020 г. защиту в уголовном судопроизводстве по назначению оказали 32860 адвокатов, в 2021 г. – 34831 адвокат, в 2022 г. – 34270 адвокатов. В гражданском судопроизводстве по назначению судов участвовало в 2020 г. – 9480 адвокатов, в 2021 г. – 10584 адвокатов, в 2022 г. – 10283 адвокатов.

Большая работа проведена адвокатским сообществом и по оказанию адвокатами бесплатной юридической помощи в соответствии с Законом 324-ФЗ. Так, в 2021 г. общее количество адвокатов, предоставлявших бесплатную юридическую помощь, составило 20597 человек. Из них 8293 адвокатов оказывали бесплатную юридическую

помощь в государственной системе бесплатной юридической помощи, 177 адвокатов были назначены государственными юридическими бюро. В негосударственной системе бесплатной юридической помощи участвовали 2769 адвокатов, а на безвозмездной основе (Pro Bono) оказывали юридическую помощь 9358 адвокатов. В 2022 г. общее количество составило 22332 адвокатов. Из них 8480 адвокатов участвовало в государственной системе бесплатной юридической помощи, по привлечению государственных юридических бюро – 79 адвокатов. В негосударственной системе бесплатной юридической помощи участвовало 2977 адвокатов, на безвозмездной основе (Pro Bono) – 10796 адвокатов. Приведенные данные свидетельствуют об увеличении количества дел по назначению с 2020 по 2022 г., в которых бесплатную квалифицированную юридическую помощь оказывали адвокаты. Что касается оказания в рамках Закона 324-ФЗ, то за последние два года также можно проследить увеличение спроса граждан на бесплатную юридическую помощь, которую оказывают именно адвокаты. Так, в 2021 г. адвокаты оказали бесплатную квалифицированную юридическую помощь в рамках Закона 324-ФЗ 42022 гражданам, а в 2022 г. – 45513 гражданам [15, с. 50–57].

Приведенные статистические данные показывают, что граждане России заинтересованы в получении всех категорий бесплатной юридической помощи именно от адвокатов в процессе реализации адвокатским сообществом своей социально-правовой функции.

Важным этапом улучшения качества и доступности бесплатной юридической помощи явилось введение Комплексной информационной системы адвокатуры России. Упростился процесс сбора документов, необходимых гражданам для получения помощи у адвокатов, он осуществляется через систему межведомственного электронного взаимодействия и документооборота [17].

Помимо вышеизложенного, с 10 сентября 2022 г. Федеральная палата адвокатов РФ в ответ на обеспокоенность, выраженную Президентом РФ В.В. Путиным степенью юридической защищенности граждан Российской Федерации, проявила инициативу и на сайте «Адвокатской газеты» создала общероссийский проект «Адвокаты – гражданам» по оказанию бесплатной юридической помощи для всех нуждающихся людей. В этом проекте участвуют адвокаты региональных адвокатских палат. Федеральной палатой адвокатов РФ проведено широкое освещение этого проекта в прессе. Как итог, с сентября 2022 г. по февраль

2023 г. через сайт «Адвокатской газеты» поступило 750 вопросов от граждан из разных регионов России. Проект зарекомендовал себя как важная инициатива по реализации социально-правовой функции адвокатуры России на доступ людей к бесплатной юридической помощи, повышающая престиж и авторитет адвокатуры в обществе [15, с. 55–57].

Проект «Адвокаты – гражданам» зарекомендовал себя с положительной стороны. Этот проект нуждается в постоянном освещении, поскольку многие люди, которые имеют право на получение бесплатной юридической помощи, не знают о такой инициативе и становятся жертвами неквалифицированных юристов или мошенников, которые начали использовать высокие технологии, в том числе технологии искусственного интеллекта, подменяя видеоизображение и поддельвая голос [18]. Этот вызов ставит задачу постоянного совершенствования проекта «Адвокаты–гражданам».

О.Е. Кутафин [20] определял адвокатуру как одно из правоохранительных учреждений, которое имеет свои специфические черты, но не как государственную организацию, а добровольное объединение лиц, профессионально занимающихся адвокатской деятельностью [2]. Исходя из этого, адвокатам, оказывающим бесплатную, субсидируемую юридическую помощь всем нуждающимся людям, в том числе и юридическую помощь «Pro Vopo», необходимо делать это постоянно, с высоким качеством, при этом пропагандировать уважение к закону и законопослушному поведению.

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы. Бесплатная юридическая помощь является чрезвычайно важной для всех нуждающихся людей и обеспечивается, в том числе, за счёт реализации адвокатурой Российской Федерации своей социально-правовой функции. Адвокатскому сообществу России необходимо продолжать деятельность по оказанию всего перечня бесплатной юридической помощи с высоким уровнем качества, что в целом повышает авторитет адвокатуры в обществе.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution>.
2. Кутафин О.Е. Основы государства и права: учеб. пособ. М., 2000. С. 8.
3. Платон. Государство, Академический проект. М., 2015, С. 138–139.

4. Заседание Совета по стратегическому развитию и национальным проектам [Электронный ресурс]. URL: [https:// http://www.kremlin.ru/events/president/news/73083](https://http://www.kremlin.ru/events/president/news/73083).

5. Адвокатская палата Московской области [Электронный ресурс]. URL: <https://apmo.ru/advokaty-palaty>.

6. Доступ к правосудию. Правовая защита и помощь. С. 33, 12 [Электронный ресурс]. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_2_Justice_4_ebook.pdf.

7. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>.

8. Яртых И.С. Бесплатная юридическая помощь: история, мифы и реальность // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 12 (61). Декабрь [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosch-istoriya-mify-i-realnost/viewer>.

9. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037027>.

10. Международная ассоциация юристов – глобальный голос юридической профессии [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ibanet.org/document?id=C4B06FD6-A807-44D4-A98A-C73B464589C6>.

11. История русской адвокатуры: Сословная организация адвокатуры, 1864–1914 гг. Т. 2 / под ред. М.Н. Гернет. М.: Изд. Советов Присяжных Поверенных, 1916. С. 250–252.

12. Гессен И.В. Юридическая помощь населению. СПб., 1904. С. 6.

13. Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346>.

14. Кодекс профессиональной этики адвоката [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/12130519>.

15. Отчет о деятельности Совета Федеральной палаты адвокатов РФ за период с апреля 2021 года по апрель 2023 года. С. 7, 8, 50–57 [Электронный ресурс]. URL: https://fparf.ru/upload/medialibrary/c1e/y1ape23956d6gzqpc9uo1vpous0b1m7w/Otchet-Soveta-FPA_2023.pdf.

16. В России стартовала Неделя правовой помощи по вопросам защиты интересов семьи [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50205/>.

17. Общая информация о КИС АР [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/cisar/>.

18. Фролова М. Попали в нейросети: хакеры начали использовать в своих схемах ChatGPT. Эксперты рассказали, почему мошенники стали интересоваться искусственным интеллектом // Известия [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1529956/mariia-frolova/popali-v-neiroseti-khakery-nachali-ispolzovat-v-svoikh-skhemakh-chatgpt>.

19. Как организовано оказание бесплатной юридической помощи в субъектах Российской Федерации? // Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/660/>.

20. Олег Емельянович Кутафин [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oimsla.edu.ru/page/o-deyatelnosti-oe-kutafina>.

21. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ (ред. от 16.05.2023) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>.

22. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (ред. 29.05.2024) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>.

23. Уровень бедности в России по годам: 1992–2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>.

24. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. А.Г. Кучерены. М.: Деловой двор, 2009.

25. Россиев В.В. Бесплатная юридическая помощь в Российской Федерации и некоторых постсоветских странах // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2022. Т. 19. № 4. С. 38–48 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosch-v-rossiyskoy-federatsii-i-nekotoryh-postsovetских-stranah/viewer>.

26. Мелешко О.П., Кипселиди Ю.Г. О понятии юридической помощи // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-yuridicheskoy-pomoschi/viewer>.

27. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН от 20 декабря 2012 года [по докладу Третьего комитета (A/67/458)] 67/187, Принципы и руководящие положения Организации Объединенных Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n12/489/84/pdf/n1248984.pdf?token=WEDaAP4s9V9h42U2MA&fe=true>.

28. Постановление Правительства РФ от 01.12.2012 № 1240 (ред. от 13.06.2024) «О порядке и размере возмещения процессуальных издержек, связанных с уголовным судопроизводством, издержек в связи с рассмотрением дела арбитражным судом, гражданского дела, административного дела, а также расходов в связи с выполнением требований Конституционного Суда Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых актов Совета Министров РСФСР и Правительства Российской Федерации» (ред. от 13 июня 2024 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478660/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/#dst100005.

29. Манова Н.С., Сибирцев Г.И. Сущность и цели уголовно-процессуальной защиты // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11 (75). С. 78–87.

30. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве, утвержденный 20 апреля 2017 г., принятый VIII Всероссийским съездом адвокатов [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings>.

31. Резник Г.М. К вопросу о конституционном содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь» // Адвокат. 2007. № 4.

32. Закон г. Москвы от 4 октября 2006 г. № 49 «Об оказании адвокатами бесплатной юридической помощи гражданам Российской Федерации в городе Москве» (с изменениями на 27 марта 2024 года) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3668435>.

33. Приказ Министерства юстиции Российской Федерации от 20 мая 2024 г. № 157 «Об утверждении стандарта оказания бесплатной юридической помощи субъектами, указанными в пункте 4 части 1 и части 2 статьи 15, части 2 и 22 Федерального закона от 21.11.2011 № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации», и порядка обеспечения контроля за соблюдением его требований» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3668435>.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny'm golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny'mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution>.

2. Kutafin O.E. Osnovy' gosudarstva i prava: ucheb. posob. M., 2000. S. 8.

3. Platon. Gosudarstvo, Akademicheskij proekt. M., 2015, S. 138–139.

4. Zasedanie Soveta po strategicheskomu razvitiyu i nacional'ny'm proektam [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://http://www.kremlin.ru/events/president/news/73083>.

5. Advokatskaya palata Moskovskoj oblasti [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://apmo.ru/advokaty-palaty>.

6. Dostup k pravosudiyu. Pravovaya zashhita i pomoshh'. S. 33, 12 [E'lektronny'j resurs]. URL: https://www.unodc.org/pdf/criminal_justice/10-52547_2_Justice_4_ebook.pdf.

7. Federal'ny'j zakon ot 21 noyabrya 2011 g. № 324-FZ (red. ot 25.12.2023) «O besplatnoj yuridicheskoy pomoshhi v Rossijskoj Federacii» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102152039>.

8. Yarty'x I.S. Besplatnaya yuridicheskaya pomoshh': istoriya, mify' i real'nost' // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2015. № 12 (61). Dekabr' [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosch-istoriya-mify-i-realnost/viewer>.

9. Federal'ny'j zakon ot 11.08.1995 № 135-FZ (red. ot 27.11.2023) «O blagotvoritel'noj deyatelnosti i dobrovol'chestve(volonterstve)» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102037027>.

10. Mezhdunarodnaya associaciya yuristov – global'ny'j golos yuridicheskoy professii [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.ibanet.org/document?id=C4B06FD6-A807-44D4-A98A-C73B464589C6>.

11. Istoriya russkoj advokatury': Soslovnaya organizaciya advokatury', 1864–1914 gg. T. 2 / pod red. M.N. Gernet. M.: Izd. Sovetov Prisyazhny'x Poverenny'x, 1916. S. 250–252.

12. Gessen I.V. Yuridicheskaya pomoshh' naseleniyu. SPb., 1904. S. 6.

13. Federal'nyj zakon ot 31.05.2002 № 63-FZ (red. ot 01.07.2024) «Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102076346>.

14. Kodeks professional'noj etiki advokata [Elektronnyj resurs]. URL: <https://base.garant.ru/12130519>.

15. Otchet o deyatelnosti Soveta Federal'noj palaty advokator RF za period s aprelya 2021 goda po aprel' 2023 goda. S. 7, 8, 50–57 [Elektronnyj resurs]. URL: https://fparf.ru/upload/medialibrary/c1e/y1ape23956d6g-zqpc9uo1vpous0b1m7w/Otchet-Soveta-FPA_2023.pdf.

16. V Rossii startovala Nedelya pravovoj pomoshhi po voprosam zashhity interesov sem'i [Elektronnyj resurs]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/50205/>.

17. Obshhaya informaciya o KIS AR [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fparf.ru/cisar/>.

18. Frolova M. Popali v nejroseti: xakery nachali ispol'zovat v svoix sxemax ChatGPT. E'ksperty rasskazali, pochemu moshenniki stali interesovat'sya iskusstvenny'm intellektom // Izvestiya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://iz.ru/1529956/mariia-frolova/popali-v-neiroseti-khakery-nachali-ispolzovat-v-svoikh-skhemakh-chatgpt>.

19. Kak organizovano okazanie besplatnoj juridicheskoy pomoshhi v sub'ektax Rossijskoj Federacii? // Ministerstvo yusticii Rossijskoj Federacii [Elektronnyj resurs]. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/appeals/faq/660/>.

20. Oleg Emel'yanovich Kutafin [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.oimsla.edu.ru/page/o-deyatelnosti-oe-kutafina>.

21. Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii ot 30 noyabrya 1994 goda № 51-FZ (red. ot 16.05.2023) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239>.

22. Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2001 goda № 174-FZ (red. 29.05.2024) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073942>.

23. Uroven' bednosti v Rossii po godam: 1992–2023 [Elektronnyj resurs] URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723>.

24. Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu ot 31 maya 2002 g. № 63-FZ «Ob advokatskoj deyatelnosti i advokature v Rossijskoj Federacii» / pod obshh. red. d-ra jurid. nauk, prof. A.G. Kuchereny. M.: Delovoj dvor, 2009.

25. Rossiev V.V. Besplatnaya juridicheskaya pomoshh' v Rossijskoj Federacii i nekotoryx postsovetskix stranax // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2022. T. 19. № 4. S. 38–48 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/besplatnaya-yuridicheskaya-pomosch-v-rossiyskoj-federatsii-i-nekotoryh-postsovetskix-stranah/viewer>.

26. Meleshko O.P., Kipselidi Yu.G. O ponyatii juridicheskoy pomoshhi // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 8 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-yuridicheskoy-pomoschi/viewer>.

27. Rezolyuciya, prinyataya General'noj Assambleej

OON ot 20 dekabrya 2012 goda [po dokladu Tret'ego komiteta (A/67/458)] 67/187, Principy i rukovodyashhie polozheniya Organizacii Ob'edinennyx Nacij, kasayushhiesya dostupa k juridicheskoy pomoshhi v sistemax ugovolnogo pravosudiya [Elektronnyj resurs]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n12/489/84/pdf/n1248984.pdf?token=WEDaAP4s9V9h42U2MA&fe=true>.

28. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 01.12.2012 № 1240 (red. ot 13.06.2024) «O poryadke i razmere vozmeshheniya processual'nyx izderzhkek, svyazannyx s ugovolnym sudoproizvodstvom, izderzhkek v svyazi s rassmotreniem dela arbitrazhny'm sudom, grazhdanskogo dela, administrativnogo dela, a takzhe raschodov v svyazi s vy'polneniem trebovanij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii i o priznanii utrativshimi silu nekotoryx aktov Soveta Ministrov RSFSR i Pravitel'stva Rossijskoj Federacii» (red. ot 13 iyunya 2024 g.) [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_478660/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/#dst100005.

29. Manova N.S., Sibircev G.I. Sushhnost' i celi ugovolno-processual'noj zashhity // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 11 (75). S. 78–87.

30. Standart osushhestvleniya advokatom zashhity v ugovolnom sudoproizvodstve, utverzhennyj 20 aprelya 2017 g., prinyatyj VIII Vserossijskim s'ezdom advokator [Elektronnyj resurs]. URL: <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/standard-implementation-of-a-defence-counsel-in-criminal-proceedings>.

31. Reznik G.M. K voprosu o konstitucionnom soderzhanii ponyatiya «kvalificirovannaya juridicheskaya pomoshh'» // Advokat. 2007. № 4.

32. Zakon g. Moskvy ot 4 oktyabrya 2006 g. № 49 «Ob okazanii advokatami besplatnoj juridicheskoy pomoshhi grazhdanam Rossijskoj Federacii v gorode Moskve» (s izmeneniyami na 27 marta 2024 goda) [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3668435>.

33. Prikaz Ministerstva yusticii Rossijskoj Federacii ot 20 maya 2024 g. № 157 «Ob utverzhenii standarta okazaniya besplatnoj juridicheskoy pomoshhi sub'ektami, ukazanny'mi v punkte 4 chasti 1 i chasti 2 stat'i 15, chasti 2 i 22 Federal'nogo zakona ot 21.11.2011 № 324-FZ «O besplatnoj juridicheskoy pomoshhi v Rossijskoj Federacii», i poryadka obespecheniya kontrolya za soblyudeniem ego trebovanij» [Elektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/3668435>.

Статья поступила в редакцию 16.07.2024; одобрена после рецензирования 21.07.2024; принята к публикации 21.07.2024.

The article was submitted 16.07.2024; approved after reviewing 21.07.2024; accepted for publication 21.07.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 47.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):47.

Актуальные проблемы адвокатской практики

Научная статья

УДК 343.14

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_47

ОСПАРИВАНИЕ АДВОКАТАМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ, ОСНОВАННЫХ НА РЕЗУЛЬТАТАХ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

ГАРМАЕВ Юрий Петрович

Доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, процесса и криминалистики Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а, Российская Федерация

ВИКУЛОВ Олег Валерьевич

Адвокат адвокатской палаты Республики Бурятия

670031, г. Улан-Удэ, ул. Солнечная, д. 7а, офис 507, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы, связанные с многочисленными пробелами в законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности (ОРД), которые закономерным образом формируют противоречивую правоприменительную практику. Она, в свою очередь, по мнению множества опрошенных адвокатов, складывается чаще всего не в пользу законных интересов стороны защиты, поскольку в деятельности представителей стороны обвинения и отдельных судей зачастую проявляется пресловутый обвинительный уклон. В результате у значительной части адвокатов наблюдается феномен отрицания эффективности всяких попыток оспаривания доказательств, полученных в результате ОРД (кратко – феномен отрицания). Анализируются типичные доводы адвокатов, характеризующие этот феномен, формулируются аргументы для их опровержения.

Цель исследования – предложить основанные на законе и судебной практике рекомендации, обеспечивающие эффективную защиту по уголовным делам. Аргументы в опровержение феномена отрицания формулируются со ссылками на практикообразующие решения высших судов. Структура работы, помимо традиционных (введение, методика исследования и выводы), включает еще три раздела, посвященные доводам феномена отрицания и их опровержению, уровню квалификации отдельных адвокатов, а также стратегии и тактике защиты, направленным на компромисс сторон.

Методологическая основа исследования: диалектический метод, системный подход, общенаучные методы анализа и синтеза, специально-юридические, социологические методы, включая анкетирование, интервьюирование. Специальными методами исследования также стали инициирование и последующий анализ дискуссии по видеоконтенту в Интернете, анализ результатов занятий по повышению квалификации адвокатов и следователей.

В результате сформулированы выводы о том, что, помимо пробелов в законодательстве и обвинительного уклона, одной из причин феномена отрицания является невысокий уровень квалификации отдельных адвокатов в вопросах, связанных с ОРД. Профессиональным защитникам предложена не только система правовых аргументов, но и принципы, тактические приемы эффективной защиты. Область применения результатов исследования – практическая деятельность сторон в уголовном процессе и преподавание.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, нарушения закона, беседы об ОРД, адвокаты по уголовным делам, тактика достижения компромиссов в уголовном процессе, провокация преступления

Для цитирования: Гармаев Ю.П., Викулов О.В. Оспаривание адвокатами доказательств, основанных на результатах оперативно-розыскной деятельности: проблемы и пути решения // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 47. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_47

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

CHALLENGING EVIDENCE BASED ON THE RESULTS OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES BY ADVOCATES: PROBLEMS AND SOLUTIONS

GARMAEV Yury Petrovich

Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics of Buryat State University

670000, Ulan-Ude, Smolina str., 24a, Russian Federation

VIKULOV Oleg Valerevich

Advocate, Member of Advocate Chamber of the Republic of Buryatia

670000, Ulan-Ude, Smolina str., 24a, Russian Federation

Abstract: The article examines the problems associated with numerous gaps in the legislative regulation of operational investigative activities (OIA), which naturally form a contradictory law enforcement practice. In turn, according to many interviewed lawyers, it often develops not in favor of the legitimate interests of the defense, since the notorious accusatory bias often manifests itself in the activities of representatives of the prosecution and individual judges. As a result, a significant part of lawyers experience the phenomenon of denying the effectiveness of any attempts to challenge evidence obtained as a result of the OIA (in short, the phenomenon of denial). Typical arguments of lawyers characterizing this phenomenon are analyzed, arguments for their refutation are formulated.

The purpose of the study is to propose recommendations based on law and judicial practice that ensure effective protection in criminal cases. Arguments to refute the phenomenon of denial are formulated with references to the practice-forming decisions of the higher courts. The structure of the work, in addition to the traditional ones: introduction, research methodology and conclusions, includes three more sections devoted to: the arguments of the phenomenon of denial and their refutation; the level of qualification of individual lawyers; strategies and tactics of defense aimed at compromise of the parties.

Methodological basis of the research: dialectical method, systematic approach, general scientific methods of analysis and synthesis, special legal, sociological methods, including questionnaires, interviews. Special research methods also included initiation and subsequent analysis of discussions on video content on the Internet, analysis of the results of training sessions for lawyers and investigators.

As a result, the conclusions are formulated that, in addition to gaps in legislation and accusatory bias, one of the reasons for the phenomenon of denial is the low level of qualification of individual lawyers in matters related to the OIA. Professional defenders are offered not only a system of legal arguments, but also principles and tactics of effective defense. The scope of application of the research results is the practical activities of the parties in criminal proceedings and teaching.

Keywords: operational investigative activities, violations of the law, conversations about gangs, criminal defense lawyers, tactics of reaching compromises in the criminal process, provocation of a crime

For citation: Garmaev Yu.P., Vikulov O.V. Challenging Evidence Based on the Results of Operational Investigative Activities by Advocates: Problems And Solutions = Eurasian advocacy. 2024;4(69):47. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_47

Введение

Всем практикующим в уголовном судопроизводстве хорошо известна проблема многочисленных пробелов в законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности (ОРД), в частности, в отношении порядка проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), оформления, документирования их результатов и, главное, условий допустимости их использования в доказывании по уголовным делам [1, с. 358–359; 2, с. 5–6; 3]. Закономерным образом это порождает множество вопросов у правоприменителей относительно того, что из, условно говоря, дефектов ОРД следует признавать нарушениями закона. И если таковые признаны нарушениями, то какие из них можно признать существенными / несущественными и устранимыми / неустранимыми.

Отсутствие в законодательстве об ОРД конкретных ответов на эти вопросы формирует противоречивую правоприменительную практику.

По мнению опрошенных адвокатов, эта практика в спорных ситуациях по конкретным делам складывается чаще всего не в пользу стороны защиты. У значительной части адвокатов наблюдаются негативные настроения, а зачастую и неконструктивные подходы по типу: «Оспаривать результаты ОРД на судебных и досудебных стадиях процесса бесперспективно и нецелесообразно». Обозначим это негативное, по нашему мнению, явление как феномен отрицания адвокатами эффективности попыток оспаривания доказательств, полученных в результате ОРД (кратко – феномен отрицания).

1. Методика исследования

Настоящее исследование в своей эмпирической части основано на результатах опроса и анкетирования респондентов – адвокатов, специализирующихся на защите по уголовным делам. В исследовании участвовали свыше 670 адвокатов. Опросы и анкетирования проводились, в том чис-

ле, в рамках более 40 онлайн- и офлайн-лекций и семинаров, вебинаров по повышению квалификации адвокатов в 12 регионах России. Кроме того, много лет мы осуществляем видеозапись и выкладываем на YouTube видеоролики в рамках онлайн-проекта «Беседы об ОРД» [4] (на данный момент – 75 серий). В беседах обсуждаются различные вопросы открытого характера, касающиеся использования результатов ОРД в уголовном процессе. В каждом видео с учетом принципа состязательности демонстрируются типичные нарушения закона, а также средства выявления, устранения этих нарушений для сторон защиты и обвинения. Онлайн-проект позволяет получать сотни, тысячи комментариев и отзывов на предложения и рекомендации, излагаемые в беседах. Есть возможность не только инициировать опросы, но и участвовать в масштабных онлайн-дискуссиях, куда вовлекаются сотни и даже тысячи зрителей-респондентов. Чаще всего свои мнения в комментариях к видео излагают именно адвокаты и их доверители.

Суждения и выводы об уровне профессиональной квалификации правоприменителей – адвокатов и следователей основаны также на многолетнем исследовании, проводимом в рамках занятий по повышению квалификации в различных регионах. Были обобщены результаты проведения занятий со следующими категориями практикующих юристов: 330 адвокатов, 245 следователей. Порядок проведения таких занятий вполне типичен: сначала лекции, затем – семинары, практические занятия. На практических занятиях, кроме прочих дидактических средств, обучающимся предлагались печатные раздаточные материалы – так называемые «антиобразцы» обезличенных оперативно-служебных документов от органов – субъектов ОРД. Помимо прочих формулировалось такое задание: за определенное время нужно выявить и письменно изложить аргументы о нарушениях закона, допущенных оперативными сотрудниками. Соответственно, всего собрано 575 документов – выполненных полностью или частично заданий (330 – от адвокатов, 245 – от следователей).

В целом результаты выполнения таких заданий, мягко говоря, не впечатляют. И это не вина, а скорее, беда практикующих юристов. ОРД, особенно в контексте противодействия типичным нарушениям закона, не учат ни в вузах, ни где-либо еще. Лишь 24 % адвокатов (79 человек) и 28 % следователей (68 человек) выполняют задание, то есть выявляют какие-то из допущенных в «антиобразцах» нарушения закона. Остальные

обучающиеся либо уклоняются от выполнения задания, либо прямо говорят, что пытались, но не смогли его выполнить. Из числа выполнивших более 73 %, выявляя отдельные нарушения, не могут дать им должную правовую оценку, то есть не определяют, какие конкретные правовые нормы нарушены и как это обосновать практикой высших судов.

Выявлена и еще одна проблема: из 79 документов от адвокатов только в 12 (15 %) были выявлены почти все нарушения. Однако ни один адвокат ни устно, ни письменно не смог обосновать существенность и неустранимость допущенных нарушений закона, даже таких очевидных в своей существенности, как провокация и отсутствие оснований для проведения оперативно-розыскных мероприятий. Между тем изучение судебной практики показывает, что обоснование в жалобе, ходатайстве адвоката существенности и неустранимости допущенных нарушений имеет важное, а порой и определяющее значение для принятия важнейших правовых решений (см., например: ч. 1 ст. 389.17 УПК РФ, п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре», п. 3 Постановления Конституционного Суда РФ от 08.12.2003 № 18-П «По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан» и другие).

Адвокатами в решении разнообразных задач, при выполнении заданий, помимо правовых, допускается множество тактических, с позиции защиты, ошибок. Например, выявляя признаки «оперативной» провокации (в значении пункта 34 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»), большинство адвокатов либо просто, без всякого обоснования и уточнения указывают на то, что «допущена провокация», либо дают ей правовую оценку по признакам преступления, предусмотренного ст. 304 УК РФ – «Провокация взятки...». Между тем в заданном контексте речь идет о нарушении требований ч. 8 ст. 5 Федерального закона от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД), а не о преступлении [5; 6, с. 21–40]. Не только с правовых позиций, но и с точки зрения тактики защиты требовать от следствия, суда признания «оперативной» провокации преступлением совершенно не эффективно. В подобных

ситуациях обычно суд легко и формально вполне обоснованно указывает, что состава преступления в действиях оперативных сотрудников нет, например, в силу отсутствия обязательного признака субъективной стороны – цели «искусственного создания доказательств совершения преступления или шантажа». Оценки действий с позиции нарушения ФЗ об ОРД в подобных ситуациях по своей инициативе суд обычно не дает.

2. Доводы адвокатов в контексте «феномена отрицания» и их опровержение

Вернемся к феномену отрицания. Из 670 опрошенных адвокатов 362 человека, то есть более 54 %, высказались в пользу бесполезности или очень низкой эффективности оспаривания допустимости результатов ОРД. Далее собраны и представлены наиболее типичные, яркие комментарии к видеороликам проекта «Беседы об ОРД» [4]. Не можем утверждать, что они размещены именно адвокатами. Учитывая смысл высказываний и стиль, скорее всего, их авторами являются доверители. Свои знания о практике использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве они приобрели в ходе предварительного расследования и / или судебного разбирательства по своему делу. Собственный негативный опыт авторы комментариев, как правило, не связывают с недостатками работы своего защитника, а объясняют в целом сложившейся в уголовном судопроизводстве практикой игнорирования стороной обвинения и судом нарушений законодательства об ОРД. Это обстоятельство дает нам основания предполагать, что их скептический настрой в отношении перспективности оспаривания результатов ОРД в известной мере сформирован отношением к этой проблеме их защитников-адвокатов. Что наверняка можно утверждать, так это то, что авторы комментариев – точно не из числа представителей стороны обвинения или суда. При цитировании мы сохраним стилистику, но исправим орфографию и пунктуацию участников дискуссий. Сначала приведем яркие, емкие цитаты, а затем обобщим, типизируем сомнения респондентов:

– «Не становится это (документ с нарушениями закона – здесь и далее в скобках – примечания авторов) недопустимым доказательством. Суд признает это технической ошибкой...»;

– «...Не вижу толку от всего этого (от рекомендаций авторов). Судам вообще все равно, что им представляешь в суде. А адвокаты – бывшие прокуроры и следователи – в этом помогают своим бездействием...»;

– «...Это все здесь на видео и в лекции, в книжке вашей про ОРД красиво, а в суде все не так, вплоть до наоборот...»;

– «...Допросят оперов и понятых в суде (по поводу выявленных адвокатом нарушений закона). Те хором расскажут, «как все происходило». После этого суд в приговоре напишет: «судом установлены фактические обстоятельства, и противоречия / сомнения устранены».

И вот еще одно яркое высказывание в контексте бесполезности ссылок адвоката на любую судебную практику, включая решения Конституционного Суда РФ, в обоснование выявленного им нарушения закона:

– «Уважаемый Гармаев Ю.П. и его гости! Не надо приводить единичные факты, выдавая их за обычную судебную практику. Никакие ОРМ в данном деле (видеоролик был посвящен анализу нарушений законодательства об ОРД по конкретному уголовному делу [10]) незаконными не признают, несмотря на то, что Вы правы! Позиция Конституционного Суда РФ давно является неким рудиментом в судебной практике, практически не влияющим на работу судов... Так что поменьше пафоса, Юрий Петрович...».

Таковы доводы «феномена отрицания». Безусловно, приведенные доводы, сам феномен отрицания имеют под собой определенные основания. Зачастую он является следствием негативно-го личного практического опыта адвоката и (или) его доверителя, участвовавших в дискуссии. Но об этом ниже. Между тем общеизвестно, что по своей юридической природе решения Конституционного Суда РФ являются правовыми актами особого рода, обладающими определенными прецедентными и преюдициальными свойствами [11, с. 164], а по своей юридической силе относятся к высшему (конституционному) уровню правового регулирования ОРД наряду с Конституцией РФ [12, с. 52; 13, с. 6].

Далее обобщим и типизируем возражения адвокатов относительно целесообразности оспаривания доказательств обвинения по мотивам нарушения требований законодательства об ОРД. Здесь же изложим наши тезисы и аргументы в их опровержение.

1. Многие адвокаты не видят смысла обращать внимание следователя, прокурора и суда на нарушения требований оперативно-розыскного законодательства, поскольку, в силу пресловутого обвинительного уклона [14, с. 150], сторона обвинения и суд либо игнорируют соответствующие доводы, либо немотивированно отвергают их, не утруждая себя аргументацией выводов. Вот, на-

пример, еще одно яркое высказывание респондента-адвоката по этому поводу: «...Невозможно Ваши мысли реализовать на практике – факт! Если попытаться сделать все правильно, то подставишь под удар своего клиента. Результат очевиден: система заточена на обвинительный приговор. Слушая Ваши речи, улыбаются все, и прокуроры, и адвокаты. Прокуроры хихикают, адвокаты истерическим смехом от беспомощности» [15].

Действительно, пресловутый обвинительный уклон в уголовном процессе распространен достаточно широко. Это доказано многими научными исследованиями [16; 17, с. 5; 18]. Однако он проявляется вне зависимости от того, какие именно исследуются доказательства – полученные процессуальным путем или путем использования результатов ОРД.

В любом случае обвинительный уклон не может служить оправданием бездействия со стороны адвоката. Защитник, исполняющий роль статиста, не оспаривающий доказательства, полученные вопреки требованиям закона, нарушает нормы Кодекса профессиональной этики адвоката (ст. 8 и другие) и не только. Такое отношение к исполнению профессионального долга противоречит положениям закона, согласно которым адвокат обязан честно, разумно и добросовестно отстаивать права и законные интересы доверителя всеми не запрещенными законодательством РФ средствами (см. п. 1 ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»). За неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей адвокат несет ответственность, предусмотренную указанным Федеральным законом (ч. 2 ст. 7) [19, с. 294–300].

2. Многие адвокаты объясняют свою вынужденную беспомощность также тем, что любые нарушения требований оперативно-розыскного законодательства сторона обвинения или суд все равно устраняют, например, допросив оперативных сотрудников и содействовавших им лиц, истребовав дополнительные оперативно-служебные документы и материалы и т. п.

Не можем полностью согласиться и с этим аргументом. Некоторые нарушения действительно можно устранить проведением соответствующих следственных или судебных действий. Но многие нарушения являются неустраняемыми. Нельзя устранить, например, явную провокацию при проведении ОРМ [20], отсутствие судебного разрешения на прослушивание телефонных переговоров или проведение оперативного эксперимента в отсутствие соответствующего постановления

руководителя органа, осуществляющего ОРД [21], и т. п.

Настоящее исследование, многолетняя адвокатская и консультационная практика авторов показали, что зачастую попытки государственного обвинителя и суда устранить нарушения оперативно-розыскного закона или игнорировать их имеют успех благодаря пассивной позиции защитника, отсутствию с его стороны должного законного, мотивированного противодействия.

3. Некоторые адвокаты оправдывают свое нежелание оспаривать результаты ОРД тем, что ФЗ об ОРД пробелен, причем в интересах стороны обвинения, не дает определения видов ОРМ, обязательного порядка их проведения, документирования и т. д. А потому массовые нарушения закона, такие как подмена одного ОРМ другим [22, с. 6] и многие иные, стороне защиты доказать сложно или даже невозможно.

Как мы ранее отмечали, ФЗ об ОРД действительно крайне пробелен. Но многие пробелы, по сути, восполнены постановлениями и определениями Конституционного Суда РФ, постановлениями Пленума и обзорами Верховного Суда РФ, его апелляционными, кассационными и надзорными решениями по конкретным уголовным делам, практикой кассационных судов общей юрисдикции. Отмечается, что судебный прецедент фактически в российском судопроизводстве уже давно применяется [23].

Судебная практика накопила достаточно прецедентов, в том числе – по видам недопустимых доказательств, и они могут применяться по различным делам в типичных ситуациях вне зависимости от объективных отличий во времени, месте, субъектах и иных обстоятельствах рассматриваемых дел. Конечно, никто не дает гарантий, что ссылки адвоката на практикообразующие и иные решения высших судов гарантируют искомый результат. Но предпринимать соответствующие попытки адвокат обязан.

4. Многие адвокаты также считают, что требования к порядку проведения ОРМ по большей части содержатся в засекреченных ведомственных правовых актах органов, осуществляющих ОРД. Не имея допуска к сведениям, составляющим государственную тайну, сторона защиты не имеет возможности ознакомиться с этими приказами и выявить нарушения содержащихся в них требований. Подтверждение определенной распространенности такого рода практики мы вновь находим в литературе [24, с. 1, 3].

И все же это отрицание – тоже распространенное и вредное заблуждение. Во-первых, мно-

гие ведомственные нормативные правовые акты, регламентирующие отдельные вопросы ОРД, не являются секретными и опубликованы. Например, упомянутая выше Инструкция о порядке представления результатов ОРД органу дознания, следователю или в суд, приказ МВД РФ от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации ОРД в системе МВД России», Инструкция о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» (утв. приказом МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199), Инструкция о порядке изъятия из незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, инструментов и оборудования, находящихся под специальным контролем, используемых для производства и изготовления наркотических средств и психотропных веществ, а также их учета, хранения, передачи, использования и уничтожения (утв. приказом МВД РФ, Минюста РФ, Минздрава РФ, Минэкономики РФ, ГТК РФ, ФСБ РФ и ФПС РФ от 9 ноября 1999 г. № 840, 320, 388, 472, 726, 530, 585) и некоторые другие.

Во-вторых, следует учитывать, что в соответствии с Конституцией РФ любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ). Следовательно, если ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий ОРД, затрагивает права человека, он подлежит публикации. Если такие акты не опубликованы, то они не могут применяться. При этом существует множество правовых гарантий соблюдения прав человека и гражданина при проведении ОРМ. Они подробно описаны в литературе [25, 26, 27] и эффективно применяются лучшими адвокатами страны. А вот адвокатам с невысоким уровнем профессиональной квалификации очень удобно ссылаться на секретность в ОРД и пробелы в оперативно-розыскном законодательстве. Остановимся на этой проблеме подробнее.

3. Об уровне профессиональной квалификации отдельных адвокатов

Как уже заметно из изложенного, у феномена отрицания есть еще одна неявная, субъективная причина. Зачастую этот феномен у многих адвокатов тесно связан с недостатком необходимых знаний и навыков в сфере использования резуль-

татов ОРД в уголовном процессе и нежеланием отдельных (подчеркиваем) юристов их восполнять. А обвинительным уклоном не вполне профессионально подготовленные адвокаты зачастую лишь прикрывают свою некомпетентность.

Опрошенные следователи часто весьма нежелательно отзываются об уровне профессионализма в работе адвокатов по делам, где используются результаты ОРД. В интервьюировании встречалось множество реплик о безграмотно составленных ходатайствах, жалобах стороны защиты, об их немотивированности [28]. Респонденты часто высказывают предположение, что многим профессионально не подготовленным адвокатам просто удобно в общении со своими юридически неграмотными доверителями оправдывать собственную беспомощность тем, что: 1) торжествует обвинительный уклон; 2) законодательство проблемно и противоречиво; 3) «пишу жалобы, но все бесполезно» и т. п. Повторимся, такими доводами легко оправдать свое нежелание повышать квалификацию и даже стремление решить дело в пользу доверителя преступными коррупционными методами.

Представленные выше результаты эмпирического исследования доказывают тезисы об уровне квалификации не всех, но некоторых адвокатов. Выскажем еще один небесспорный аргумент. По результатам проведения множества описанных выше занятий по повышению квалификации адвокатов отмечена закономерность: во время лекций больше всех с репликами о бесполезности обжалования выступают те адвокаты (их хоть и немного, но всегда есть, в любой аудитории), кто далее, в ходе семинаров хуже других выполняют практические задания.

Не раз в научной и практической, в том числе консультационной деятельности, анализируя материалы уголовных дел, доказательства обвинения, основанные на результатах ОРД, мы отмечаем, что некоторые адвокаты не ссылаются на иные нарушения закона, кроме как на провокацию при проведении ОРМ «оперативный эксперимент» или «проверочная закупка» (п. 4 и 14 ч. 1 ст. 6 ФЗ об ОРД). Иных, порой более очевидных и грубых нарушений закона не вполне компетентные защитники не замечают. Причем доводы о провокации заявляются и при наличии на это оснований, и при полном их отсутствии. Неполнота у отдельных адвокатов личного инструментария, пригодного для оспаривания результатов ОРД, – одна из важных причин отклонения следователями или судом соответствующих доводов стороны защиты.

Приведем один дидактический прием, используемый одним из авторов статьи. В ходе любого занятия в самой доброжелательной манере просим адвокатов, выступивших с типичными репликами феномена отрицания, выслать на электронную почту примеры своих лучших (по их собственному мнению) жалоб и ходатайств по уголовным делам, где они выявляли нарушения законодательства в сфере ОРД. К сожалению, далеко не все соглашались на такую переписку. О причинах можно лишь догадываться... И все же такие согласия случаются. Однако за более чем 15 лет проведения занятий по повышению квалификации адвокатов не было ни одного случая, чтобы отправленные «отрицающим» адвокатом ходатайства и жалобы представляли собой профессионально, качественно составленные документы.

Позволим себе выдвинуть гипотезу о том, что недостатки правоприменительной и прежде всего судебной практики в части признания недопустимыми доказательств, сформированных на основе результатов ОРД, конечно же, не во всем, но во многом сформировались в некую закономерность благодаря пассивной позиции не всех, но многих представителей стороны защиты, зачастую необоснованно отказывающихся от выявления нарушений закона и профессионально подобранных аргументов оспаривания результатов ОРД.

Понимаем некоторую оценочность и субъективизм такого рода суждений и гипотезы. Однако есть с чем сравнить. После каждого такого занятия в выходном анонимном анкетировании получаем положительные отзывы от подавляющего большинства адвокатов по поводу предложенных рекомендаций об аргументах и действиях по защите доверителей по уголовным делам, где используются результаты ОРД. Анализ отзывов показывает, что обучаемые успешно избавляются от заблуждений, составляющих феномен отрицания. После занятий мы предлагаем переписку уже не отдельным, а всем присутствующим адвокатам и получаем множество весьма профессионально составленных документов от коллег, кто при этом ни слова не говорил о феномене отрицания. Далее используем их, с письменного согласия авторов, как образцы для других занятий.

Так что повторимся, сравнить есть с чем. Имеются все основания гордиться тем, что в стране множество адвокатов обеспечивают высочайшие стандарты работы по уголовным делам с результатами ОРД. И это несмотря на, как уже отмечалось, почти полное отсутствие соответствующего

обучения, недостаточность прикладных разработок на эту тему (однако отдельные публикации, помимо уже упомянутых, конечно же, есть) [29]. Такой уровень квалификации адвокатов – это в основном результат многолетнего опыта и постоянного стремления к совершенствованию профессионального мастерства.

4. Стратегия и тактика защиты, направленная на достижение компромиссов по уголовному делу

Многие адвокаты необоснованно недооценивают реальных не только правовых средств, но и тактических приемов оспаривания доказательств, основанных на результатах ОРД. Безусловно, выявить и обосновать такие нарушения, которые бы привели к прекращению уголовного дела в отношении доверителя по реабилитирующим основаниям либо к его оправданию судом, достаточно сложно. Тем не менее такие результаты, благодаря работе квалифицированных и добросовестных адвокатов – далеко не редкость [30, 31].

Однако выявленные адвокатом нарушения могут привести и к другим, также благоприятным для подзащитного результатам. На упомянутых занятиях постоянно предлагаем адвокатам одну из самых эффективных стратегий защиты – стратегию, основанную на приоритете компромисса в уголовном процессе [32]. Характерно, что большинство опрошенных адвокатов (более 85 %) признают эффективность этой стратегии.

В основе стратегии лежит идея о накопительном эффекте, или об эффекте накопления массы нарушений законодательства в сфере ОРД и иных (иначе называем его «принципом кумулятивного эффекта»); подробно об этом – на лекции в рамках очередного вебинара ФПА РФ по совершенствованию профессионального мастерства [7]). Накопив сведения о 15–20 и более нарушениях законодательства в сфере ОРД, процессуальных, иных нарушениях, обосновав их существенность и неустранимость, адвокат принимает тактическое решение о том, как и когда, в каком объеме предъявить эти сведения (нарушения) стороне обвинения и / или суду. Подробности этой стратегии, пожалуй, тема для отдельной статьи или практического пособия.

Здесь лишь отметим, что такая стратегия позволяет защитнику добиваться положительного результата, хоть и не всегда связанного с прекращением уголовного преследования по реабилитирующему основанию, но, тем не менее, в конкретных ситуациях защиты вполне приемлемого для подзащитного: назначения условного наказа-

ния, максимально мягкого наказания, наказания ниже низшего предела, переквалификации на менее тяжкую статью УК РФ и т. п.

По результатам анкетирования около 45 % респондентов-адвокатов согласились с утверждением: «...в ситуации рассмотрения дела в общем порядке размер наказания обратно пропорционален количеству и «качеству» нарушений закона, допущенных следствием и выявленных защитой...». В сущности, мотивированные доводы стороны защиты о недопустимости доказательств, основанных на результатах ОРД, могут являться базой для компромиссного разрешения процессуального спора.

Зачастую возникают следственные, судебные ситуации, когда ни сторона обвинения, ни сторона защиты не может быть полностью уверена в своем выводе о наличии нарушения либо его отсутствии. Еще сложнее с оценочными суждениями по поводу существенности / несущественности и устранимости / неустранимости нарушений закона. Более того, и у суда нередко возникают сомнения по этому вопросу. При таких обстоятельствах считаем допустимым достижение компромисса (в криминалистическом значении этого термина; о том, что такой компромисс может быть основан не только на нормах уголовного и уголовно-процессуального закона, но и на тактико-криминалистических средствах и методах, см., например [8]), который всегда предполагает взаимные уступки как между участниками уголовного судопроизводства со стороны защиты и стороны обвинения, так и между сторонами (одной из них) и судом.

Один из типовых алгоритмов компромисса в реальной правоприменительной практике включает, например, следующие взаимные уступки:

1) со стороны государственного обвинителя – основанные на законе: переквалификация действий подсудимого по статье УК РФ, предусматривающей более мягкое наказание, исключение из объема обвинения некоторых эпизодов, просьба к суду о применении положений ст. 73, 64 УК РФ и др.;

2) со стороны защиты – согласованные с доверителем: отзыв ходатайства о признании недопустимыми доказательств, отказ от обжалования судебного решения, согласие с переквалификацией действий подзащитного, согласие на особые порядки, предусмотренные гл. 40 и 40.1 УПК РФ, признание вины, возмещение ущерба, просьба к суду о применении положений ст. 73 УК РФ и др.;

3) со стороны судьи – согласие с основанной на законе переквалификацией, учет смягчающих

ответственность обстоятельств, применение ст. 73, 64 УК РФ, назначение нетипичного для данной судебной ситуации мягкого наказания и т. п.

Результат компромисса и условие его реализации для сторон: взаимный отказ от обжалования итогового правового решения (приговора и др.); обвинение получает желаемый, хотя и мягкий, но все же обвинительный приговор; защита – желаемое, относительно мягкое наказание.

Более того, компромисс может носить «молчаливый» характер. Это такие следственные, судебные ситуации, когда стороны (или стороны и суд) вербально ни о чем не договариваются, не оглашают того, в чем будут заключаться их взаимные уступки и результаты.

Выводы

Безусловно, в уголовном судопроизводстве все еще существуют такие негативные явления, как обвинительный уклон как со стороны обвинения, так и со стороны отдельных судей. Действительно, актуальна проблема распространенности фактов игнорирования доводов стороны защиты о нарушениях законодательства в сфере ОРД, иных нарушениях, немотивированного отказа в удовлетворении ходатайств и жалоб. С такими негативными проявлениями необходимо бороться на всех уровнях. Однако это не оправдывает тех адвокатов, что говорят о бесперспективности и нецелесообразности оспаривания дефектных результатов ОРД. Феномен отрицания далеко не всегда, но часто является следствием невысокого уровня квалификации отдельных адвокатов, их нежелания защищать доверителя широким спектром предлагаемых незапрещенных законом средств.

Препятствий для стороны защиты, оспаривающей доказательства, полученные на основе результатов ОРД, действительно много. Но они во многом связаны с недостатками правоприменительной и, прежде всего, судебной практики, которая сформировалась, в том числе, «благодаря» пассивной позиции некоторого количества представителей стороны защиты. И в то же время множество высококвалифицированных и добросовестных адвокатов по уголовным делам регулярно выигрывают в состязательных поединках в интересах своих подзащитных.

Широко известна максима, автором которой принято считать знаменитого авиаконструктора Сергея Павловича Королёва: «Не согласен – критикуй, критикуешь – предлагай, предлагаешь – делай, делаешь – отвечай!».

Да, мы критикуем феномен отрицания. При этом предлагаем в публикациях и на занятиях, в

онлайн-курсах [6] аргументы и действия для оспаривания нарушений законодательства в сфере ОРД, а также принципы, эффективную тактику достижения компромиссов.

Предлагая, делаем все возможное, чтобы адвокаты, действительно желающие повышать квалификацию, владели аргументами и алгоритмами действий, получали весь необходимый инструментарий.

Отвечать за эффективность предлагаемого, при всем желании, не так просто. Повышение квалификации адвокатов по делам, где используются результаты ОРД, массовый отказ от вредных ментальных установок – результат столь же трудно достижимый, сколь и преодоление пресловутого обвинительного уклона. Однако дорогу осилит идущий. Осознание наличия проблемы и ее причин – уже большой шаг к ее решению.

Список источников

1. Шумилов А.Ю. Оперативно-розыскная наука в Российской Федерации: монография: в 3 т. М.: Издательский дом И.И. Шумиловой, 2013. Т. I.
2. Железняк Н.С. Вопросы актуализации Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»: монография. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019.
3. Чупилкин Ю.Б. Качество правового регулирования оперативно-розыскной деятельности как гарантия соблюдения прав личности // Развитие юридической науки в новых условиях: единство теории и практики–2020: сб. докладов по материалам Международной научно-практической конференции. Ростов н/Д: Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. С. 532–535.
4. Проект «Беседы об ОРД» [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/TSwnJ>.
5. Борков В.Н. Отграничение провокатора от подстрекателя, даже если это одно и то же лицо // Законность. 2021. № 3. С. 46–49.
6. Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 9. С. 35–40.
7. Нарушения законодательства в сфере ОРД: новые тренды в работе адвоката [Электронный ресурс]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/kumulyativnyy-effekt-sushchestvennykh-narusheniy-zakona/>.
8. Гармаев Ю.П. Компромисс как общая задача сторон защиты и обвинения в уголовном судопроизводстве. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс: Комментарии законодательства».
9. Ошибки и нарушения законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://legalacademy.ru/course/6040740>.
10. «Досмотр» в рамках оперативно-розыскной деятельности не допустим! (Беседы об ОРД. Серия 74) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/JmqTVi7JmUM>.
11. Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010.
12. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Инфра-М, 2018.
13. Оперативно-розыскная деятельность в решениях Конституционного Суда Российской Федерации: науч.-практич. пособ. / А.Е. Четчин, И.Д. Шадохин, А.А. Шмидт. Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2022.
14. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. С. 149–154.
15. О качестве жалоб, ходатайств адвокатов по поводу ОРД и многом ином (Беседы об ОРД. Серия 7) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/6duBq7cddZE>.
16. Воскобитова Л.А. Обвинение или обвинительный уклон? // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 3. С. 455–462.
17. Горелик В.Я. Торжество обвинительного уклона // ЭЖ-Юрист. 2015. № 15.
18. Чупилкин Ю.Б. Пороки российского уголовного правосудия XXI в. // История государства и права. 2015. № 4. С. 32–35.
19. <https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?ysclid=lzven44pfl767592500>.
20. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 31 января 2012 г. № 11-О12-1 [Электронный ресурс]. URL: <http://internet.garant.ru>.
21. Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22 сентября 2008 г. № 69-О08-37 [Электронный ресурс]. URL: <http://internet.garant.ru>.
22. Брестер А.А. Обыск, осмотр, обследование: права человека и интересы следствия. М.: Институт права и публичной политики, 2022.
23. https://zakon.ru/blog/2024/2/7/u_nas_ne_precedentnoe_pravo_zachem_ssylatsya_na_sudebnuyu_praktiku.
24. Колоколов Н. Секретно = неподконтрольно // ЭЖ-Юрист. 2017. № 13.
25. Гусев В. А. Проблемы реализации конституционного права на получение квалифицированной юридической помощи в сфере оперативно-розыскных правоотношений // Конституционализация оперативно-розыскной деятельности: материалы международной научно-практической конференции. Омск: Омская академия МВД России, 2022. С. 38–42.
26. Чупилкин Ю.Б. Участие адвоката в оперативно-розыскных мероприятиях // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 32–40.
27. Чупилкин Ю.Б. Гарантии права личности на частную жизнь при прослушивании телефонных переговоров // Российский судья. 2019. № 7. С. 17–21.
28. О качестве жалоб, ходатайств адвокатов по поводу ОРД и многом ином (Беседы об ОРД. Серия 7) [Электронный ресурс]. URL: <https://youtu.be/6duBq7cddZE>.
29. Чупилкин Ю.Б. Интегрирование стандартов ЕСПЧ, гарантирующих защиту личности от провокации при проведении оперативно-розыскных мероприятий, в российское уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2018. № 6. С. 61–63.

30. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 25 июня 2020 г. № 77-1008/2020. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Приговор Железнодорожного районного суда г. Орла от 28.06.2016 по делу № 1-41/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://zheleznodorozhny--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=65016286&case_uid=b5aef60b-f44a-41ac-b027-fed29bb47163&delo_id=1540006.

32. Гармаев Ю.П., Попова Е.И. Концепция криминалистического обеспечения реализации упрощенных форм уголовного судопроизводства: постановка проблемы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2021. № 1. С. 10–16.

References

1. Shumilov A.Yu. Operativno-rozy'sknaya nauka v Rossijskoj Federacii: monografiya: v 3 t. M.: Izdatel'skij dom I.I. Shumilovoj, 2013. T. I.

2. Zheleznyak N.S. Voprosy` aktualizacii Federal'nogo zakona «Ob operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti»: monografiya. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii, 2019.

3. Chupilkin Yu.B. Kachestvo pravovogo regulirovaniya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti kak garantiya soblyudeniya prav lichnosti // Razvitie yuridicheskoy nauki v novy`x usloviyax: edinstvo teorii i praktiki–2020: sb. dokladov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Rostov n/D: Taganrog: Yuzhny`j federal'ny`j universitet, 2020. S. 532–535.

4. Proekt «Besedy` ob ORD» [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://clck.ru/TSwnJ>.

5. Borkov V.N. Otgranichenie provokatora ot podstrekatelya, dazhe esli e`to odno i to zhe liczo // Zakonnost`. 2021. № 3. S. 46–49.

6. Yani P.S. Novoe Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda o vzyatochnichestve // Zakonnost`. 2013. № 9. S. 35–40.

7. Narusheniya zakonodatel'stva v sfere ORD: novy`e trendy` v rabote advokata [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/kumulyativnyy-effekt-sushchestvennykh-narusheniy-zakona/>.

8. Garmaev Yu.P. Kompromiss kak obshhaya zadacha storon zashhity` i obvineniya v ugovolnom sudoproizvodstve. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus: Kommentarii zakonodatel'stva».

9. Oshibki i narusheniya zakonodatel'stva v sfere operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://legalacademy.ru/course/6040740>.

10. «Dosmotr» v ramkax operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti ne dopustim! (Besedy` ob ORD. Seriya 74) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://youtu.be/JmqTVi7JmUM>.

11. Zor`kin V.D. Sovremenny`j mir, pravo i Konstituciya. M.: Norma, 2010.

12. Teoriya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti: uchebnik / pod red. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinskogo. 4-e izd., pererab. i dop. M.: Infra-M, 2018.

13. Operativno-rozy'sknaya deyatel'nost` v resheniyax Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: nauch.-praktich. posob. / A.E. Chechetin, I.D. Shatoxin, A.A. Shmidt. Barnaul: Barnaul'skij yuridicheskij institut MVD Rossii, 2022.

14. Nazarov A.D. Obvinitel'ny`j ukлон v deyatel'nosti sub`ektov, vedushhix ugovolny`j process, kak faktor, spsobstvuyushhij poyavleniyu oshibok v ugovolnom sudoproizvodstve // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2015. № 9. S. 149–154.

15. O kachestve zhalob, xodatajstv advokatov po povodu ORD i mnogom inom (Besedy` ob ORD. Seriya 7) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://youtu.be/6duBq7cddZE>.

16. Voskobitova L.A. Obvinenie ili obvinitel'ny`j ukлон? // Aktual'ny`e problemy` rossijskogo prava. 2014. № 3. С. 455–462.

17. Gorelik V.Ya. Torzhestvo obvinitel'nogo uklona // E`Zh-Yurist. 2015. № 15.

18. Chupilkin Yu.B. Poroki rossijskogo ugovolnogo pravosudiya XXI v. // Istoriya gosudarstva i prava. 2015. № 4. S. 32–35.

19. https://fparf.ru/documents/fpa-rf/documents-of-the-congress/the-code-of-professional-ethics-of-lawyer/?y_scld=Izven44pfl767592500.

20. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 31 yanvarya 2012 g. № 11-O12-1 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://internet.garant.ru>.

21. Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22 sentyabrya 2008 g. № 69-O08-37 [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://internet.garant.ru>.

22. Brester A.A. Oby`sk, osmotr, obsledovanie: prava cheloveka i interesy` sledstviya. M.: Institut prava i publichnoj politiki, 2022.

23. https://zakon.ru/blog/2024/2/7/u_nas_ne_precedentnoe-pravo_zachem_ssylatsya_na_sudebnuyu_praktiku.

24. Kolokolov N. Sekretno = nepodkontrol'no // E`Zh-Yurist. 2017. № 13.

25. Gusev V. A. Problemy` realizacii konstitucionnogo prava na poluchenie kvalificirovannoj yuridicheskoy pomoshhi v sfere operativno-rozy'skny`x pravootnoshenij // Konstitucionalizaciya operativno-rozy'sknoj deyatel'nosti: materialy` mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Omsk: Omskaya akademiya MVD Rossii, 2022. S. 38–42.

26. Chupilkin Yu.B. Uchastie advokata v operativno-rozy'skny`x meropriyatiyax // Ugolovny`j process. 2018. № 6. S. 32–40.

27. Chupilkin Yu.B. Garantii prava lichnosti na chastnuyu zhizn` pri proslushivanii telefonny`x peregovorov // Rossijskij sud`ya. 2019. № 7. S. 17–21.

28. O kachestve zhalob, xodatajstv advokatov po povodu ORD i mnogom inom (Besedy` ob ORD. Seriya 7) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://youtu.be/6duBq7cddZE>.

29. Chupilkin Yu.B. Integrirovaniye standartov ESPCh, garantiruyushhix zashhitu lichnosti ot provokacii pri provedenii operativno-rozy'skny`x meropriyatij, v rossijskoe ugovolnoe sudoproizvodstvo // Rossijskaya yusticiya. 2018. № 6. С. 61–63.

30. Kassacionnoe opredelenie Vtorogo kassacionnogo suda obshhej yurisdikcii ot 25 iyunya 2020 g. № 77-1008/2020. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus».

31. Prigovor Zheleznodorozhnogo rajonnogo suda g. Orla ot 28.06.2016 po delu № 1-41/2016 [E`lektronny`j resurs]. URL: https://zheleznodorozhny--orl.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=65016286&case_uid=b5aef60b-f44a-41ac-b027-fed29bb47163&delo_id=1540006.

32. Garmaev Yu.P., Popova E.I. Konceptiya kriminalisticheskogo obespecheniya realizacii uproshhenny`x

form ugolovnogo sudoproizvodstva: postanovka problemy` // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. E`konomicheskie i yuridicheskie nauki. 2021. № 1. S. 10–16.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.01.2024; одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 25.01.2024; approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

АДВОКАТСКАЯ ТАЙНА КАК ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ ПРАВ ПОДЗАЩИТНОГО

АСАНОВА Умутай Алибаевна

Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ошского государственного университета
723500, г. Ош, ул. Ленина, д. 331, Кыргызская Республика

Аннотация: В работе проанализированы законодательство, взгляды и позиции исследователей относительно адвокатской тайны в уголовном судопроизводстве, что позволило автору объективно оценить ее роль и значение.

Ключевые слова: адвокат, адвокатская тайна, конфиденциальность

Для цитирования: Асанова У.А. Адвокатская тайна как процессуальная гарантия прав подзащитного // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 58. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_58

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

ATTORNEY-CLIENT PRIVILEGE AS A PROCEDURAL GUARANTEE OF THE RIGHTS OF THE DEFENDANT

ASANOVA Umutay Alibayevna

Senior Lecturer of the Department of Theory and History of State and Law of Law Faculty of Osh State University
723500, Osh, Lenina st., 331, Kyrgyz Republic

Abstract: The article reveals the legislation, views and positions of researchers are analyzed, which allowed the author to objectively assess the role and importance of the attorney-client privilege in the criminal proceedings.

Keywords: lawyer, attorney-client privilege, confidentiality

For citation: Asanova U.A. Attorney-Client Privilege as a Procedural Guarantee of the Rights of the Defendant = Eurasian advocacy. 2024;4(69):58. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_58

Современное уголовное судопроизводство немислимо без участия адвоката, оно считается незаконным без его участия. Адвокат является одним из главных участников уголовного судопроизводства.

Адвокат – гражданин Кыргызской Республики, получивший в установленном законом порядке лицензию на право занятия адвокатской деятельностью и являющийся членом адвокатуры [1]. По закону, адвокат наделен определенными полномочиями, что приводит к порождению обязанностей. Соблюдение и неразглашение адвокатской тайны – одна из основных обязанностей адвоката. Что же из себя представляет столь важный правовой институт, как «адвокатская тайна»?

Адвокатской тайной являются любые сведения, связанные с оказанием адвокатом юридической помощи своему доверителю. Адвокат не мо-

жет быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием [2].

Как известно, адвокат – лицо, имеющее высшее образование в сфере юриспруденции, а значит сведущее в праве; он осведомлен об ответственности за разглашение тайны, касающейся частной или же семейной жизни подзащитного. Право доступа адвоката к тайнам подзащитного не дает ему права их разглашать, а наоборот, как теоретически, так и практически усиливает его ответственность за их разглашение. Для положительного исхода процесса адвокат имеет право использовать информацию, полученную от подзащитного, но не разглашать ее. Конечно, любая адвокатская помощь не обходится без сохранения тайны. Но без ее использования невозможно

оказать квалифицированную помощь, это надо делать профессионально, без риска ее разглашения. Здесь складывается неординарная ситуация, которая, с одной стороны, не дает права разглашать тайну, а с другой – без ее использования нельзя выстроить линию защиты. В любом случае адвокат должен соблюдать адвокатскую тайну, не только согласно закону и предусмотренной ответственности, но и в интересах подзащитного.

Итак, адвокатскую тайну, информацию, полученную адвокатом в ходе уголовного судопроизводства и в целях оказания правовой помощи подзащитному, он не имеет права предавать огласке. Этого не позволяют ни закон, ни кодекс о профессиональной этике адвоката, ни морально-этические нормы. В данной ситуации справедливо возникает вопрос «А как же быть тогда?». Да, в таких ситуациях адвокат предстает перед выбором неразглашения и использования тайны в ходе уголовного судопроизводства. Конечно, задача не из простых, но имеющая решение.

В подобных ситуациях сторона защиты должна руководствоваться Конституцией, законом о деятельности адвоката и другими нормативно-правовыми актами, обеспечивающими правовое регулирование адвокатской деятельности. Но в некоторых случаях причиной огласки адвокатской тайны становятся не только адвокаты, но и должностные лица, оказав на них давление. Понятие «адвокатская тайна» в различных источниках интерпретируется по-разному. К примеру, в специальных юридических учебниках под адвокатской тайной понимают правовой режим, направленный на обеспечение безопасности подзащитного, что означает недопустимость незаконного получения сведений о нем, известных адвокату, и запрет на их незаконную огласку стороной защиты. Но, к сожалению, настоящие законы не обращают особого внимания на разглашение адвокатской тайны как на преступление. На наш взгляд, такое отношение связано с тем, что адвокат наделен правом на конфиденциальные встречи с подзащитным, и результаты составляют предмет личного разговора. В отличие от уголовного и уголовно-процессуального кодекса, в законе об адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности ответственности за разглашение адвокатской тайны некое внимание уделяется.

Иного мнения придерживаются ученые, полагающие, что адвокатская тайна вбирает в себя все без исключения сведения, ставшие известными защитнику в ходе следствия.

Проблема о сути и содержании адвокатской тайны решается в законодательствах разных стран

по-разному. К примеру, если в Кыргызской Республике данному вопросу не уделяется должного внимания, то в России это вопрос стоит во главе угла действующего уголовного законодательства. Что подтверждает действующее уголовное и конституционное законодательство Российской Федерации. Нормы УПК РФ (п. 2 ч. 3 ст. 56, п. 2.1 ч. 2 ст. 75, ст. 450.1) утверждают, что адвокатская тайна распространяется на сведения, ставшие известными адвокату-защитнику в связи с обращением к нему за юридической помощью и в связи с ее оказанием, то есть сведения, входящие в производство адвоката по делам его доверителей [3]. А значит, изучаемая нами проблема обладает некой актуальностью в современной правовой науке, ибо тайна как секретная информация охраняется законами страны.

Иную позицию занимает группа ученых, подразумевающих под адвокатской тайной те данные, которые не выходят за рамки следствия, а также сокрытие которых не препятствует следствию. Иными словами, они сужают понятие «адвокатская тайна». Если некоторые ученые-теоретики придавали всей информации, полученной адвокатом в ходе работы с подзащитным, статус тайны, то другие ограничили данное понятие. Мы думаем, что подобное сужение осуществляется, во-первых, с целью конкретизации понятия, во-вторых, чтобы адвокат не утаил вверенные ему сведения, а некоторые из них мог довести до следствия в интересах судопроизводства. Вторая причина, по которой, на наш взгляд, сужаются рамки понятия адвокатской тайны, облегчит деятельность самого адвоката: он не будет скрывать необходимую для следствия информацию. Естественно, в подобных случаях подзащитный со своим адвокатом-защитником не смогут пойти против закона, нарушая установленные им рамки. Иными словами, и доверитель, и адвокат имеют возможность придать информации, скрывающейся от следствия как тайна, конфиденциальность.

Но современная практика, несмотря на нормы закона, положения конституции, показывает, что в последнее время со стороны должностных лиц и государственных органов участились случаи нарушения закона об адвокатской деятельности относительно адвокатской тайны. Адвокатов стали привлекать к ответственности, незаконно задерживать, заставлять их разглашать тайную информацию. Наиболее распространенными являются вызовы адвокатов на допросы. Такое отношение к ним можно расценивать как посягательство на адвокатскую тайну. И никто из должностных лиц, посягнувших на адвокатскую тайну, не привле-

кается к соответствующей ответственности, что порождает страх правового беспредела как у адвокатов, так и у подзащитных. Такое положение дел предполагает, что в скором времени в стране может сложиться обстановка, когда будут применяться все средства проведения уголовного судопроизводства, как правовые, так и неправовые, вследствие чего адвокат может потерять вотум доверия не только у лиц, обратившихся к нему за юридической помощью, но и у общества в целом.

Следовательно, под понятием «адвокатская тайна» следует понимать предметы и данные, полученные адвокатом в рамках уголовно-процессуального законодательства с целью выполнения своих адвокатских обязанностей. Целесообразно подчеркнуть, что в адвокатскую тайну не следует включать орудия преступления, информацию, имеющую какое-либо отношение к расследуемому преступлению. Только в таком случае действия адвоката будут правомерными и законными, так как даже он не вправе скрывать от следствия информацию, которая может повлиять на его ход.

В ходе исследования данной темы возникает вопрос о распространении режима адвокатской тайны на сведения, полученные адвокатом в ходе следствия от подзащитного. Найти однозначный ответ на этот вопрос невозможно, так как все зависит от хода следствия и от того, имеют ли эти сведения какое-либо значение, а также от поведения и действий самих участников уголовного судопроизводства. При ответе на данный вопрос мы считаем правильным обратиться к мнению профессора Л.А. Цыпкина: «на документы или предметы не распространяются правила, относящиеся к адвокатской тайне» [4, с. 55–86]. А это значит, что они не составляют адвокатскую тайну. Чисто теоретически позицию профессора Л.А. Цыпкина можно применить как ответ на данный вопрос, но на практике эффективнее согласиться с позицией авторов, полагающих, что указанные ранее предметы, изъятые из свободного оборота, нельзя считать адвокатской тайной, это означает, что они получены не от адвоката и самого подзащитного.

Анализируя эти противоположные позиции, следует сделать некоторые заключения. Нарушения законов могут совершаться при непредвиденных обстоятельствах и при различных психологических состояниях преступника. Предметы или сведения, доказывающие причастность к совершенному преступлению и скрытые адвокатом от следствия, могут привести к тому, что он может предстать в качестве лица, умышленно скрывшего доказательства. Требуется подчеркнуть, что хранить тайну и скрывать доказательства – два раз-

ных понятия. Ни закон, ни государственный орган не допустит, чтобы адвокат или защитник скрыл доказательства о совершенном преступлении. Такие действия уже сами будут рассматриваться как преступление. Введение в нормативно-правовые акты данного термина, естественно, предусматривает и ответственность за нарушение.

На сегодняшний день, как уже упоминалось выше, проблемой остается и то, что адвокаты допрашиваются в качестве свидетелей исключительно в целях получения показаний. К сожалению, практике уголовного судопроизводства известны даже случаи задержания адвокатов. Конечно, мы не возражаем, что должностные лица, участники уголовного судопроизводства, могут получить от них сведения, полученные во время следственных экспериментов, с результатами которых подзащитный не согласен, и он располагает иными сведениями. В таких случаях такая информация не должна быть тайной. К примеру, в ходе судебного разбирательства судья интересуется у адвоката о результатах следственных действий и мнении его подзащитного по поводу результатов. В таких случаях действия судьи не противоречат нормам адвокатской тайны, и он получает необходимую информацию. Сами нормы, регулирующие адвокатскую тайну, не допускают привлечения адвокатов в качестве свидетеля, а тем более вызов их на допрос. Толкование норм об адвокатской тайне и его статусе подтверждают, что они запрещают использовать адвоката в качестве свидетеля, а также заставлять его давать показания по поводу информации своего подзащитного. Действия судьи и должностного лица – это совершенно разные действия, судья просит проинформировать адвоката о результатах следствия, а должностное лицо преследует цель овладения адвокатской тайной. В связи с чем действия судьи адвокат не расценивает как нарушение нормы об адвокатской тайне, ибо он и его подзащитный заинтересованы в проведении справедливого и объективного судебного разбирательства.

Практике известны случаи, когда обвиняемый не соглашается с результатами следствия и убежден в обратном в силу того, что он располагает иными сведениями, а огласить их не может в связи с личными убеждениями. Как поступить в таких ситуациях адвокату? Правильно, на наш взгляд, в данной ситуации убедить клиента, что лучше использовать имеющуюся информацию в его же интересах, чем быть наказанным за не совершенное преступление. Соответственно, не всегда и ни во всех случаях защите удастся сохранить адвокатскую тайну без каких-либо затрудне-

ний. Изучение практической деятельности адвокатов свидетельствует, что имеются случаи утечки или разглашения информации, не подлежащей огласке. Анализируя адвокатскую практику, мы согласны с авторами, выделившими причины утечки адвокатской тайны. К ним относятся следующие:

1) когда по вине адвоката тайна получает огласку в случаях преднамеренного нарушения, или когда не соблюдены меры предосторожности. В первом случае адвокат под давлением сам разглашает тайну. Во втором он по своей халатности и невнимательности позволяет получить доступ третьим лицам. Конечно, речь здесь идет о разглашении без умысла;

2) хранение и передача информации через социальные сети, которые на сегодняшний день подвержены взлому;

3) в случаях угрозы и давления со стороны должностных лиц и государственных органов.

В случаях утечки адвокатской тайны к адвокату могут быть предъявлены претензии, применены меры ответственности, прописанные в законе и, конечно, меры этического характера. Установленные законом меры – это штраф, возмещение причиненного вреда и даже лишение адвокатской лицензии. А этические меры – это утрата доверия как подзащитного, так и общества, что может негативно повлиять на дальнейшую его профессиональную репутацию, а также потеря клиентуры, что не только влияет на адвоката в моральном плане, но и может повлечь негативные последствия в плане материальном. Но порой допускаются случаи, когда адвокатской тайне возможно придать статус тайны: когда защищаемый дает письменное разрешение на огласку тайны в случае возбуждения уголовного дела в отношении адвоката, а также в случаях, прописанных в нормах международного права, и когда возникает необходимость ее огласки по требованиям международных норм.

Как итог можно сделать следующие обобщения. Во-первых, адвокатская тайна – это режим, включающий все виды сведений относительно обвиняемого и его окружения, например факты и доказательства, подтверждающие непричастность его и его родных; гонорар адвоката; разговор адвоката и его подзащитного; другие данные, представляющие тайну. В связи с этим меры безопасности в целях неразглашения адвокатской тайны могут предусмотреть обе стороны. Какие же меры они могут предпринять? Во-первых,

проводить встречи в местах, где невозможно подслушать, во-вторых, исключить вероятность прослушивания их беседы, в-третьих, не сохранять информацию, а моментально ее уничтожить, в-четвертых, прибегать к помощи технических средств с максимальной защитой. Данные меры безопасности требуют от стороны защиты, как носителя тайны, обширных знаний в сфере IT, так как в век цифровизации делопроизводство переходит в электронный вид.

Таким образом, полагаясь на вышеизложенное, можно заключить, что под адвокатской тайной подразумевается доверие подзащитного к адвокату, а также придание сведениям, переданным им адвокату, конфиденциальности, кроме того, сюда следует включить право подзащитного на сохранение его тайны. В силу этого в обязанности адвоката, предусмотренные законом, входит соблюдение и неразглашение адвокатской тайны. Что равносильно защите прав и свобод человека и гражданина, составляющей основное содержание спектра обязанностей адвоката как стороны защиты.

Список источников

1. Закон Кыргызской Республики от 14 июля 2014 года № 135 «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», статья 15.
2. Закон Кыргызской Республики от 14 июля 2014 года № 135 «Об Адвокатуре Кыргызской Республики и адвокатской деятельности», статья 30.
3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc.
4. Цыпкин А.Л. Адвокатская тайна // Вопросы адвокатуры. 2001. № 2 (30). С. 55–86.

References

1. Zakon Ky`rgy`zskoj Respubliki ot 14 iyulya 2014 goda № 135 «Ob Advokature Ky`rgy`zskoj Respubliki i advokatskoj deyatel`nosti», stat`ya 15.
2. Zakon Ky`rgy`zskoj Respubliki ot 14 iyulya 2014 goda № 135 «Ob Advokature Ky`rgy`zskoj Respubliki i advokatskoj deyatel`nosti», stat`ya 30.
3. https://www.consultant.ru/document/cons_doc.
4. Cypkin A.L. Advokatskaya tajna // Voprosy` advokatury`. 2001. № 2 (30). S. 55–86.

Статья поступила в редакцию 04.08.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 04.08.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

СУЩНОСТЬ И СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЙ «БРЕНД» И «БРЕНДИНГ»

КАРПОВА Светлана Васильевна

Доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Совета Некоммерческого Партнерства «Гильдия маркетологов» 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируются современные подходы к определению понятий «бренд» и «брендинг». Проводится исследование определений рассматриваемых понятий. Выделены основные составляющие брендинга: атрибуты бренда, имидж бренда, эмоциональный и функциональный бренды, коммуникация бренда. Рассмотрена схема взаимодействия моделей брендинга. Сделан вывод о необходимости учета современных трактовок понятий «бренд» и «брендинг» и их составляющих в процессе совершенствования законодательства в области защиты авторских прав и товарных знаков.

Ключевые слова: бренд, брендинг, потребитель, товар, услуга, взаимодействие

Для цитирования: Карпова С.В. Сущность и содержание понятий «бренд» и «брендинг» // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 62. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_62

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

ESSENCE AND CONTENT OF THE CONCEPTS «BRAND» AND «BRANDING»

KARPOVA Svetlana Vasilievna

Doctor of Economic Sciences, Professor, Head of the Department of Marketing of Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Council of the Non-Commercial Partnership «Guild of Marketers» 125167, Moscow, Leningradsky pr., 49/2, Russian Federation

Abstract: The article analyzes modern approaches to defining the concepts of «brand» and «branding». A study of the definitions of the concepts under consideration is carried out. The main components of branding are highlighted: brand attributes, brand image, emotional and functional brands, brand communication. The scheme of interaction of branding models is considered. A conclusion is made about the need to take into account modern interpretations of the concepts of «brand» and «branding» and their components in the process of improving legislation in the field of copyright and trademark protection.

Keywords: brand, branding, consumer, product, service, interaction.

For citation: Karpova S.V. Essence and Content of the Concepts «Brand» and «Branding» = Eurasian advocacy. 2024;4(69):62. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_62

Современная научная и бизнес-литература дает большое количество определений как брендинга, так и бренда, включающих большее или меньшее количество функций и признаков, характеристик и особенностей [5]. С точки зрения исследования сущности и содержания понятий «бренд» и «брендинг» важно понимание их составляющих.

Брендинг – это процесс, направленный на бренд, как следует из этимологии данного слова,

тогда как бренд является объектом, с которым совершают действие.

В общем смысле брендинг – это процесс создания и управления брендом. Но для того чтобы понять более детально то, чем конкретно занимается брендинг, предлагается рассмотреть определения бренда, которые дают наиболее авторитетные научные источники.

В книге «Технологии брендинга» И.А. Быков предлагает классификацию понятий бренда по

степени их «виртуализации», то есть расположению на шкале от более предметных и продукто-ориентированных определений до определений, раскрывающих суть бренда как нематериального актива, добавленной «виртуальной стоимости», которую получает продукт благодаря бренду. Первый тип определений характерен для классических определений бренда, таких как определение Американской маркетинговой ассоциации: «Бренд – название, термин, знак, символ, рисунок или их сочетание, предназначенные для идентификации товаров и услуг производителя или группы продавцов и их дифференциации от товаров или услуг конкурентов» [1].

Д.А. Шевченко пишет: «Бренд – знак, символ, слова или их сочетание, помогающие потребителям отличить товары или услуги одной компании от другой» [7].

По определению знаменитого маркетолога Ф. Котлера, «бренд – это название, термин, символ или дизайн (либо комбинация всех этих понятий), обозначающие определенный вид товара или услуги отдельно взятого производителя (либо группы производителей) и выделяющие его среди товаров и услуг других производителей» [6].

Определение бренда, которым предлагает пользоваться автор статьи, сочетает в себе наработки научной и бизнес-среды и звучит следующим образом: «Бренд – это развернутая система точек взаимодействия владельцев бренда (компании, менеджмента) и потребителей конечных услуг компании, заключающихся в предоставлении товара / услуги, визуальной и текстовой информации о нем / ней, создании физического и эмоционального опыта его / ее получения и употребления, а также установлении связи с другими потребителями, поставщиками и самой компанией через данное взаимодействие, которая определяет ценность и значение продукта / услуги для общества».

Кроме понятия бренда и брендинга существует еще несколько связанных определений. К ним относятся:

1. Атрибуты бренда – функциональные или эмоциональные ассоциации потребителя, присваиваемые им бренду, внешние признаки поставляемого товара или услуги, предложенной брендом информации, создаваемого опыта и бренд-сообщества, воспринимаемые потребителем посредством зрения, слуха, осязания, обоняния или вкуса [3].

2. Имидж бренда – воспринимаемое качество бренда у потребителей [2]. Степень его ценности и значения для потребителей.

3. Эмоциональный и функциональный бренды, или бренды, основанные на эмоциях и логи-

ке, – два диаметрально противоположных подхода к брендингу. Функциональные бренды основываются на предположении, что, выбирая товар или услугу, потребители действуют рационально, и, соответственно, им нужны физически подтвержденные причины купить продукт. Эмоциональные бренды – бренды, предполагающие, что все, что требуется, – это установить эмоциональную связь с потребителем, обращаясь (напрямую или скрыто) к его желаниям и мечтам. В настоящее время считается, что оба подхода верны и должны сочетаться друг с другом. Степень использования того или иного характера бренда зависит от товарной категории, особенностей целевой аудитории и других признаков.

4. Коммуникация бренда – ключевые сообщения бренда, основная идея, которую бренд доносит потребителю и посредством которой пробуждает его интерес к покупке, устанавливает с ним связь. Коммуникационное сообщение основывается на идентичности и личности бренда и доносится до потребителя через атрибуты бренда, рекламу, мероприятия бренда [4].

К другим определениям относятся определения некоторых моделей брендинга, популярных в научной и бизнес-литературе и используемых практиками создания и управления брендом.

Для удобства представления используется схема соотношения ключевых моделей брендинга (рис. 1), предложенная в книге «The science and art of branding», авторами которой являются Gier Franzen и Sandra Mariarty [8].

Рассмотрим подробнее ее составляющие.

Бренд как система – предположение, что бренд является не единичным явлением, а комплексной структурой взаимосвязанных элементов, для работы которой нужно, чтобы работал каждый элемент в отдельности. Сущность бренда как системы отражена в предложенном определении бренда.

Бренд в контексте – предположение, что, являясь продуктом взаимодействия компании-владельца бренда и потребителя, бренд может быть растолкован по-разному в зависимости от контекста данного взаимодействия. Предположение также означает, что не имеет смысла подходить к брендингу всех товаров и услуг одинаково, обязательно стоит учитывать их уникальные особенности в рамках существующего контекста.

Функции бренда – задачи, которые решает бренд для своего производителя и для своего покупателя. Могут различаться в различных точках взаимодействия с покупателем, например до покупки товара или услуги, во время и после.

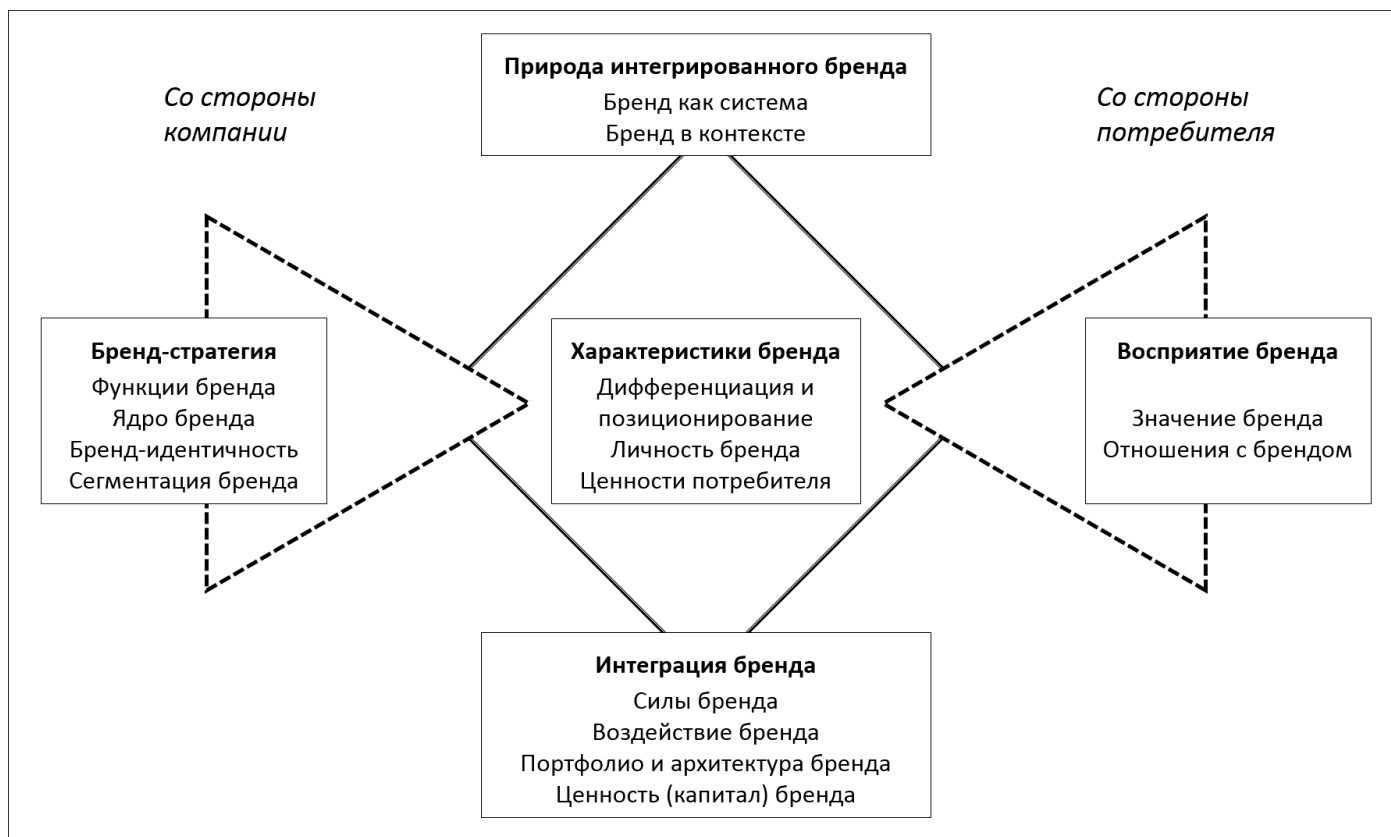

Рисунок 1. Взаимодействие моделей брендинга [8]

Ядро бренда – репрезентация базовых характеристик бренда. Ядро бренда служит для четкого определения того, что представляет собой бренд. Это концепция, вокруг которой строится вся идентичность, позиционирование и диалог с потребителем.

Бренд-идентичность – набор отличительных эмоциональных и функциональных особенностей бренда, которые определяют дальнейшую коммуникацию и стратегию бренда.

Сегментация бренда – разделение всей категории товаров или услуг, к которой принадлежит бренд, на смысловые территории согласно ключевым признакам. Служит для определения сегмента рынка, целевой аудитории, к которой обращается бренд, и выбора сегментной стратегии.

Значение бренда – символическое или материальное значение, которое бренд имеет для потребителя и которое строится на ассоциациях с брендом и опыте, который потребитель получает из взаимодействия с брендом.

Отношения с брендом – предположение, что потребитель устанавливает связь с брендами так же, как если бы они были людьми, то есть входит в персональное и персонифицированное взаимодействие с ними, основанное на эмоциональной связи.

Силы бренда – ключевые характеристики товара или услуги, являющиеся уникальными или

наиболее выраженными относительно характеристик товаров или услуг конкурентов, на коммуникации которых строится бренд.

Воздействие бренда – влияние функциональных и эмоциональных характеристик бренда на принятие решений потребителем, а также степень влияния бренда на категорию товаров и услуг, к которой он принадлежит.

Портфолио и архитектура бренда – организация элементов бренда, суббрендов, линеек продуктов и услуг в одну поддерживающую себя систему, служащую для облегчения продуктовой навигации, определения сходств и различий, идентичности различных элементов системы.

Ценность (капитал) бренда – оценка стоимости бренда. Со стороны потребителя заключается в степени полезности и эмоциональной связи с брендом. Со стороны компании-владельца бренда заключается в финансовой оценке того, как влияет бренд на продажи и стоимость компании, отношения с поставщиками и потребителями.

Дифференциация и позиционирование – выделение ключевых характеристик товара или услуги, отличных от или превосходящих характеристики конкурентов. Выбор целевого сегмента и апелляция к целевому сегменту, выделенному в процессе сегментации.

Личность бренда – проекция человеческих качеств на бренд, основанная на идее, что люди

устанавливают связи с брендами так же, как и с другими людьми. Личность бренда строится на идентичности бренда.

Ценности потребителя – идеи, мысли и мечты, важные для потребителя, на которых основывается компания при выстраивании бренда и его коммуникации.

Таким образом, можно заключить, что современные понятия «бренд» и «брендинг» являются сложной системой взаимосвязанных категорий, понимание которых во многом определяет ценность предложения компании для потребителя, а следовательно, эффективность всей маркетинговой деятельности субъектов рыночных отношений. При совершенствовании нормативно-правового регулирования в области защиты авторских прав и товарных знаков важно глубокое понимание составляющих современного брендинга, которое должно отражаться в регулирующих нормах российского законодательства.

Список источников

1. Быков И.А. Технологии брендинга: конспект лекций. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2009.
2. Глоссарий по маркетингу: учеб. пособ. для бакалавров / под ред. С.В. Карпова. М.: Палеотип, 2013.
3. Карпова С.В. и др. Инновационный маркетинг: учебник для бакалавриата и магистратуры / под ред. С.В. Карповой. М.: Юрайт, 2018.
4. Карпова С.В., Рожков И.В., Воронина В.С. Особенности влияния рекламных стимулов на поведение потребителей // Экономика и управление в машиностроении. 2019. № 5. С. 43–46.
5. Карпова С.В., Захаренко И.К. Брендинг: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.

6. Котлер Ф. Основы маркетинга: пер. с англ. М.: Бизнес-книга: ИМА-Кросс. Плюс, 1995.
7. Шевченко Д.А., Пономарева Е.В. Управление брендом: учебник. М.: Директ-Медиа, 2022.
8. Franzen G., Moriarty S. The science and art of branding. Armonk: M.E. Sharpe, 2009.

References

1. By`kov I.A. Texnologii brendinga: konspekt lekcij. SPb.: Sankt-Peterburgskij gosudarstvenny`j universitet, 2009.
2. Glossarij po marketingu: uceb. posob. dlya bakalavrov / pod red. S.V. Karpova. M.: Paleotip, 2013.
3. Karpova S.V. i dr. Innovacionny`j marketing: uceb-nik dlya bakalavriata i magistratury` / pod red. S.V. Karpovoj. M.: Yurajt, 2018.
4. Karpova S.V., Rozhkov I.V., Voronina V.S. Osobennosti vliyaniya reklamny`x stimulov na povedenie potrebitel'ej // E`konomika i upravlenie v mashinostroenii. 2019. № 5. S. 43–46.
5. Karpova S.V., Zaxarenko I.K. Brending: uceb-nik i praktikum dlya prikladnogo bakalavriata. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023.
6. Kotler F. Osnovy` marketinga: per. s angl. M.: Biznes-kniga: IMA-Kross. Plyus, 1995.
7. Shevchenko D.A., Ponomareva E.V. Upravlenie brendom: uceb-nik. M.: Direkt-Media, 2022.
8. Franzen G., Moriarty S. The science and art of branding. Armonk: M.E. Sharpe, 2009.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТАМОЖЕННОГО ОФОРМЛЕНИЯ И НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КАУРАКОВА Мария Викторовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, эксперт Российского газового общества 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

ДАВЛИЕВА Венера Ильдусовна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Казанского Филиала Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) 420126, г. Казань, ул. Фатыха Амирхана, зд. 14, Российская Федерация

Аннотация: Цель работы – освещение отдельных вопросов таможенного оформления и налогообложения внешнеэкономической деятельности. Основу настоящего исследования составляют диалектический, системный методы и метод моделирования.

В настоящем исследовании показаны особенности налогообложения сделок транспортной экспедиции. Отражены особенности оспаривания классов решения о присвоении кодов ТН ВЭД. Рассмотрены особенности ввоза и применения на территории РФ ветеринарных препаратов из Республики Беларусь. Проанализированы отдельные вопросы поставки промышленного оборудования и оказания шеф-монтажных услуг в Республике Казахстан. Отражена специфика экспорта в Республику Казахстан продуктов питания. Рассмотрены особенности правовой охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности в рамках внешнеэкономической деятельности. Уделено внимание особенностям подтверждения нулевой ставки НДС при экспорте. Отражена специфика проведения расчетов по внешнеэкономическим сделкам в криптовалюте.

В статье даются ответы на наиболее актуальные вопросы таможенного оформления и налогообложения внешнеэкономических сделок.

Ключевые слова: экспорт, внешнеэкономическая деятельность, НДС, ввоз, таможенное оформление

Для цитирования: Кауракова М.В., Давлиева В.И. Отдельные вопросы таможенного оформления и налогообложения внешнеэкономической деятельности // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 66. [https:// doi. org/ 10.52068/2304-9839_2024_69_4_66](https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_66)

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

SEPARATE ISSUES OF CUSTOMS CLEARANCE AND TAXATION OF FOREIGN ECONOMIC ACTIVITY

KAURAKOVA Maria Viktorovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

DAVLIEVA Venera Ildusovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines of Kazan Branch of All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia) 420126, Kazan, Fatykh Amirkhan str., zd. 14, Russian Federation

Abstract: Purpose of article is to highlight certain issues of customs clearance and taxation of foreign economic activity. The methodological basis of the study is dialectical, systemic and modeling method.

In the present paper have been shown the specifics of taxation of transport expedition transactions. Reflected the specifics of challenging the classes of the decision to assign codes to Commodity Nomenclature of Foreign Economic Activity. Discussed the specifics of the import and use of veterinary drugs produced in the Republic of Belarus on the

territory of the Russian Federation. Considered certain issues of industrial equipment supply and provision of installation supervision services in the Republic of Kazakhstan. Reflected the specifics of food exports to the Republic of Kazakhstan. Considered the peculiarities of legal protection and protection of intellectual property in the framework of foreign economic activity. Considered the specifics of confirming the zero VAT rate on exports. Reflected the specifics of settlements on foreign economic transactions in cryptocurrency.

The article answers the most pressing issues in customs clearance and taxation of foreign economic transactions.

Keywords: export, foreign economic activity, VAT, import, customs clearance

For citation: Kaurakova M.V., Davlieva V.I. Separate Issues of Customs Clearance and Taxation of Foreign Economic Activity = Eurasian advocacy. 2024;4(69):66. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_66

Особенности налогообложения сделок транспортной экспедиции

При возникновении у отечественного бизнеса вопроса, связанного с возможностью компетентного налогового органа РФ обязать иностранного экспедитора открыть в России представительство по причине реализации заключенного с российским заказчиком договора транспортной экспедиции, когда: 1) у такой иностранной компании открыт счет в российском банке, и по этой причине она поставлена на учет налоговым органом РФ (п. 4.9 ст. 83 НК РФ, Письмо ФНС России от 07.08.2023 № КВ-4-14/10123@), 2) платежи по такому договору осуществляются в валюте РФ, 3) учредитель иностранной компании является собственником российской компании-экспедитора, – следует иметь в виду следующее.

Оказание иностранными организациями услуг по транспортной экспедиции грузов в отношении российских юридических лиц как деятельность, связанная с международной перевозкой грузов (абз. 2 пп. 8 п. 1 ст. 309 НК РФ), не создает постоянное представительство и не ведет к налогообложению налогом на прибыль в порядке, предусмотренном статьей 306 НК РФ. В п. 8 последней статьи прямо предусмотрено, что ввоз или вывоз товаров, которые не всегда осуществляются на основе данной разновидности договоров, но опосредуются ими, при отсутствии указанных в п. 2 данной статьи признаков постоянного представительства (такие признаки, как правило, отсутствуют в рамках данной деятельности), ни при каких обстоятельствах не могут рассматриваться в качестве деятельности, приводящей к образованию представительства в РФ. По этой причине при получении оплаты в российских рублях на счет, открытый в российском банке, оснований для открытия отдельного представительства компании, зарегистрированной, например в Дубае, для цели реализации данного вида деятельности нет. Более подробная информация по данному вопросу содержится в Приказе Минфина России от 28.12.2018 № 293н, Письме Минфина России от 15.10.2012 № 03-08-05, Письме ФНС России от

30.06.2020 № ВД-4-17/10595@, Письме Минфина России от 07.04.2014 № 03-08-05/15428.

При этом в рамках реализации таких договоров транспортной экспедиции у отечественного бизнеса возникают разного рода проблемы, в том числе связанные с доначислением таможенным органом таможенной стоимости товаров, когда непосредственные перевозчики соответствующего груза, связанные договорными отношениями не с заказчиками, а с экспедиторами, в своих счетах на оплату услуг по перевозке не выделяют стоимость оказанных ими услуг до границы ЕАЭС и после границы ЕАЭС, о чем заказчики не знают и, безусловно, не должны знать. В таком случае, несмотря на представленные заявителями (заказчиками по договорам транспортной экспедиции) при таможенном оформлении грузов акты оказанных услуг, счета и счета-фактуры, в которых отдельно выделяется стоимость оказанных услуг до границы ЕАЭС и после границы ЕАЭС, таможенный орган в нарушение принципа общеприменимости (п. 11 ст. 38 ТК ЕАЭС) учитывает всю стоимость оказанных услуг по доставке грузов, включая перевозку по территории ЕАЭС.

В связи с тем, что в пп. 4 п. 1 ст. 40 ТК ЕАЭС прямо предусмотрено, что при определении таможенной стоимости ввозимых товаров по стоимости сделки с ними к цене, фактически уплаченной за товары, добавляются расходы на перевозку (транспортировку) ввозимых товаров до места их прибытия на таможенную территорию ЕАЭС, в рассматриваемых случаях решения ФТС России подлежат оспариванию в компетентных судебных инстанциях. Указанные расходы, оказывая непосредственное влияние на действительную стоимость перевозимых товаров, подлежат учету при таможенной оценке грузов как один из компонентов их таможенной стоимости (см. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49). Если при таможенном декларировании заявителями представлены достоверные сведения, основанные на действительных документах (в которых такие расходы выделены – см. Определение Судебной коллегии по экономии-

ческим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2020 № 307-ЭС20-13121 по делу № А66-5900/2019), призванных обеспечить соблюдение применимых актов права ЕАЭС, а также национальных нормативных правовых актов РФ, такие заявители не должны отвечать за действия третьих лиц, с которыми они не связаны ни договорными, ни корпоративными, ни любыми иными отношениями. По этой причине отсутствие позитивной практики разрешения таких споров в настоящих реалиях не является основанием для отказа в защите нарушенных либо оспариваемых прав и законных интересов в порядке, предусмотренном действующим законодательством Российской Федерации.

Особенности оспаривания классов решения о присвоении кодов ТН ВЭД

При оспаривании классов решения о присвоении кодов ТН ВЭД товару (аспирационная система) по описанию, а не по назначению, когда при ввозе декларантом был присвоен код ТН ВЭД 8414, однако таможенный орган вынес класс решения ТН ВЭД 9018, следует руководствоваться положениями ТН ВЭД ЕАЭС, Пояснениями, рекомендованными к применению Коллегией ЕЭК от 07.11.2017 № 21, Основными правилами интерпретации ТН ВЭД, Международной конвенцией по гармонизированной системе описания и кодирования товаров от 14.06.1983, п. 21 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49, Определением Верховного Суда РФ от 03.10.2022 № 309-ЭС22-13336 по делу № А07-16494/2020, Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2023 № Ф05-11751/2023 по делу № А40-193706/2022, Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2021 № 19АП-6499/2021 по делу № А14-3684/2021, Постановлением Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2022 № 15АП-7275/2022 по делу № А32-20246/2021, Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2022 № 09АП-199/2022 по делу № А40-153539/2021.

Особенности ввоза и применения на территории РФ ветеринарных препаратов

Ряд вопросов возникает при ввозе и реализации на территории Российской Федерации отдельных товаров, которые произведены и зарегистрированы в Республике Беларусь, но не в отечественном правовом порядке. Здесь следует иметь в виду, что для реализации на территории РФ лекарственных средств для ветеринарного приме-

ния основным требованием является включение в государственный или евразийский реестр лекарственных средств и наличие регистрационного свидетельства (см. Постановление Правительства РФ от 15.09.2008 № 688).

В соответствии со ст. 13 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ в отечественном правовом порядке обеспечивается ввод в обращение лекарственных препаратов при их регистрации в Россельхознадзоре в порядке, предусмотренном национальным и международными актами (правом ЕАЭС). Такая регистрация осуществляется по результатам экспертизы таких препаратов в срок, не превышающий 120 рабочих дней со дня принятия заявления о государственной регистрации лекарственного препарата для ветеринарного применения (см. Приказ Россельхознадзора от 28.07.2021 № 846, Письмо Минсельхоза России от 14.08.2015 № 25/2347). На уровне ЕАЭС Решением Совета ЕЭК от 21.01.2022 № 1 установлен Порядок регистрации ветеринарного лекарственного препарата или осуществления иных процедур, связанных с регистрацией (см. раздел V). Легальность препарата проверяется путем обращения в соответствующие реестры:

– <https://fsvps.gov.ru/files/gosudarstvennyj-reestr-lekarstvennyh-sredstv-dlja-veterinarnogo-primeneniya-perechen-lekarstvennyh-preparatov-proshedshih-gosudarstvennuju-registraciju/>;

– <https://eec.eaeunion.org/comission/department/depsanmer/veterinarno-sanitarnye-mery/reestr.php>.

Помимо прочего, следует иметь в виду, что за покупку на иностранных маркетплейсах российским юридическим лицом такой продукции, чьи производители более не поставляют ее на территорию РФ, с целью ее последующей реализации в розничных магазинах предусматривается как административная (ст. 6.33 и ст. 14.10 КоАП РФ), так и уголовная ответственность (ст. 238.1 УК РФ). «Предприниматель должен и мог знать о том, что использование продукции с нанесенным на нее товарным знаком, охраняемым законом, любым указанным в законе и не противоречащим ему способом может быть осуществлено только с разрешения правообладателя или его официального представителя на территории Российской Федерации. Приобретая продукцию у третьего лица в целях ее дальнейшей розничной продажи, предприниматель обязан удостовериться, что лицо, реализующее товар, имеет соответствующие права, и приобретаемая продукция не является контрафактной, а также принять все необходимые меры для приобретения такого права в целях последующего использования продукции с товар-

ным знаком в предпринимательских целях» (см. Постановление Верховного Суда РФ от 19.03.2015 № 308-АД15-751 по делу № А32-35022/2012). В данном случае, как правило, никаких разрешений нет. Параллельный импорт не действует в отношении данной продукции. Розничная торговля такими товарами запрещена.

Вопросы поставки промышленного оборудования и оказания шеф-монтажных услуг в Республике Казахстан

В случае, если имеет место поставка промышленного оборудования из России российской компанией на территорию Республики Казахстан с последующим осуществлением работ сотрудниками такой компании по ее проекту в рассматриваемом порядке, следует иметь в виду следующее. В зависимости от применимого в данной связи кода ТН ВЭД ЕАЭС в отношении вывозимого на территорию Казахстана оборудования решается вопрос о необходимости соблюдения разрешительного порядка такого вывоза, установленного, к примеру, Постановлением Правительства РФ от 09.03.2022 № 312.

Обращаем внимание на то, что, по общему правилу, между Россией и Казахстаном в рамках ЕАЭС осуществляется свободное перемещение товаров без применения таможенного декларирования и государственного контроля, будь то ветеринарно-санитарный, карантинный, транспортный, санитарный либо фитосанитарный контроль. Исключения составляют случаи, предусмотренные Договором о ЕАЭС (см. пп. 5 п. 1 ст. 25). Однако в целях обмена информацией о перемещаемых товарах осуществляется ведение статистики взаимной торговли товарами в соответствии с Методологией ведения статистики взаимной торговли товарами государств – членов ЕЭК, утвержденной Решением Коллегии ЕЭК от 25.12.2018 № 210 (п. 4 Приложения № 4 к Договору о ЕАЭС).

При реализации договора поставки оборудования должны быть надлежащим образом составлены и представлены следующие документы: упаковочный лист (заранее проверенный и согласованный сторонами в установленные сроки); счет на оплату, счет-фактура; транспортная накладная; документы, необходимые для ввоза (декларации / сертификаты соответствия ТР ТС, протоколы испытаний); сертификат о происхождении товаров по форме СТ-1, документы, необходимые для последующего ввоза в эксплуатацию и применения оборудования (технический паспорт и пр.); а также иные разрешительные документы, исходя из применимого кода ТН ВЭД ЕАЭС.

При этом в соответствии с ч. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС при осуществлении шеф-монтажных и иных работ на территории Казахстана не требуется получение разрешений на осуществление трудовой деятельности, призванных обеспечить защиту национального рынка труда. Эти ограничения, устанавливаемые национальными правовыми актами, в рамках ЕАЭС упразднены и не действуют.

Специфика экспорта в Республику Казахстан продуктов питания

Если речь идет не о промышленном оборудовании, а о продуктах питания, то для экспорта в Республику Казахстан этой разновидности товаров необходимы следующие надлежаще оформленные документы со сроком действия, соответствующим требованиям применимых актов:

1) поставленный на учет контракт, который содержит существо внешнеэкономической сделки и отражает ответы на принципиальные вопросы таможенного, валютного и налогового регулирования, как это предусмотрено в ТК ЕАЭС, ФЗ от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», НК РФ, КоАП РФ и прочих применимых в этой связи нормативных правовых актов Российской Федерации и Республики Казахстан;

2) коммерческие документы (счет, спецификация, отгрузочный (упаковочный) лист на соответствующую поставку), транспортные (перевозочные) документы (коносамент и прочие документы, удостоверяющие право собственности на товар), таможенные документы, как это определено в ст. 2 ТК ЕАЭС и единообразно применяется в России и Казахстане;

Исходя из применимого к экспортируемым товарам кода ТН ВЭД ЕАЭС:

3) лицензия на импорт отдельных видов товаров при введении количественных ограничений (квот) (см. Приказ Министра сельского хозяйства Республики Казахстан от 23 октября 2023 года № 367. Зарегистрирован в Министерстве юстиции Республики Казахстан 26 октября 2023 года № 33571);

4) документ, удостоверяющий безопасность пищевой продукции по законодательству Республики Казахстан (см. Закон Республики Казахстан от 21 июля 2007 года № 301 «О безопасности пищевой продукции»);

5) сертификат о происхождении товара (ст. 31 ТК ЕАЭС), иные сертификаты и разрешения (когда это применимо).

При этом следует иметь в виду, что до заключения сделки необходимо определиться, в течение какого срока изготавливаются все эти документы и кто возьмет ответственность за их получение либо изготовление, исходя из согласованного сторонами договора базиса поставки (см. соответствующую редакцию Международных правил толкования торговых терминов, к примеру «Инкотермс 2000») для цели эффективного и оперативного таможенного оформления груза.

Особенности правовой охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности в рамках внешнеэкономической деятельности

Любая внешнеэкономическая деятельность сопряжена с различного рода рисками, которые необходимо своевременно предупреждать и минимизировать. Так, к примеру, при осуществлении ввоза на территорию РФ продукции – модели промышленного оборудования, которая была разработана резидентом РФ, изготовлена на территории дружественного государства и успешно продавалась через дилерские сети, необходимо своевременно осуществлять комплекс мер, необходимых для обеспечения правовой охраны и защиты объектов интеллектуальной собственности, на основе которых разработана такая модель, если по истечении нескольких лет эффективных продаж на рынок выйдет конкурент с аналогичной продукцией, ввозимой из дружественного правопорядка.

Обращаем внимание на то, что в основе любого продукта, вводимого в обращение, лежит чье-то право на соответствующий результат интеллектуального труда. Этому праву повсеместно предоставляется правовая охрана на основе территориального принципа. Это значит, что в дружественном правопорядке должен быть зарегистрирован соответствующий промышленный образец или товарный знак (в каждом конкретном случае речь идет о различном объеме правовой охраны). Также он должен быть зарегистрирован в России в компетентном ведомстве – Роспатенте.

С даты соответствующей регистрации по заявлению правообладателя сведения о таком объекте интеллектуальной собственности вносятся в таможенный реестр объектов интеллектуальной собственности (ТРОИС) в порядке, предусмотренном ТК ЕАЭС, или ФЗ от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Посредством такого внесения в ТРОИС можно запретить ввоз соответствующих товаров на территорию Российской Федерации и иных государств

ЕАЭС. Если же сведений в ТРОИС нет, правообладатель может обратиться в компетентный арбитражный суд по месту нарушения его прав, обосновывая заявляемые требования заключением экспертизы, при проведении которой учитывается тождество и сходство охраноспособных элементов.

Особенности подтверждения нулевой ставки НДС при экспорте

Отдельные проблемы у отечественного бизнеса возникают при подтверждении нулевой ставки НДС при экспорте товаров, когда, к примеру, товар вывезен с таможенной территории ЕАЭС, ввезен в государство места его назначения и принят грузополучателем, что подтверждает транспортная накладная с соответствующей отметкой, однако при подаче декларации у российского экспортера отсутствует таможенная декларация с отметками таможенного органа в составе пакета документов для обоснования применения указанной ставки; в личном кабинете УВЭД ФТС информация о вывозе отсутствует, и таможенный орган возвращает заявление экспортера с пометкой «нет сведений».

В таком случае необходимо рассчитать и начислить НДС, а также уплатить пени (см. Письмо ФНС России от 18.11.2021 № СД-4-3/16138@), так как имеет место неправомерное применение нулевой ставки НДС к реализации товаров на экспорт (ст. 165, 169, 172 НК РФ). Обращаем внимание на то, что для совершенствования государственного контроля по предотвращению случаев необоснованного возврата НДС российским лицам разработан специальный порядок действий должностных лиц таможенных органов при подтверждении фактического вывоза товаров с таможенной территории Российской Федерации (см. Приказ ФТС РФ от 18.12.2006 № 1327). Основным требованием является предоставление в налоговые органы документов или их копий с отметками таможенных органов, которые подтверждают фактический вывоз товаров.

В подобных случаях налоговый орган информируется о направлении в его адрес письма, содержащего сведения о фактическом вывозе товаров (с указанием номера и даты письма). Проводится камеральная проверка. По результатам проверки выявляется необоснованное применение такой ставки в связи с неполнотой представленных документов, подтверждающих право на указанный налоговый вычет. Налоговый орган выносит решение с предложением уплатить в бюджет все неуплаченные либо неправомерно

возмещенные суммы, пени за просрочку уплаты налога и штраф за неполную уплату налога. Для защиты своих прав в случае принятия такого решения инспекцией налогоплательщики могут обратиться в арбитражный суд с требованием к ИФНС о признании такого решения недействительным (см. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 3 апреля 2007 года № 14974/06; Письмо ФНС России от 18.11.2021 № СД-4-3/16138@).

Специфика проведения расчетов по внешнеэкономическим сделкам в криптовалюте

С середины прошлого года некоторые российские банки начали публиковать информацию о скором запуске трансграничных платежей в криптовалюте, однако пока что такой счет в российском банке не открыть. Проведение расчетов резидентов по внешнеэкономическим сделкам в криптовалюте ограничено действием отдельного нормативного правового акта, предусматривающего следующее: «Юридические лица, личным законом которых является российское право, филиалы, представительства и иные обособленные подразделения международных организаций и иностранных юридических лиц, компаний и других корпоративных образований, обладающих гражданской правоспособностью, созданные на территории Российской Федерации, физические лица, фактически находящиеся в Российской Федерации не менее 183 дней в течение 12 следующих подряд месяцев, не вправе принимать цифровую валюту в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг)» (см. п. 5 ст. 14 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

В Российской Федерации запрещается распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве встречного предоставления за передаваемые ими (им) товары, выполняемые ими (им) работы, оказываемые ими (им) услуги или иного способа, позволяющего предполагать оплату цифровой валютой товаров (работ, услуг) (см. п. 7 ст. 14 ФЗ от 31.07.2020 № 259-ФЗ). Более подробно по сделкам в криптовалюте указано в Определении Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020).

Список источников

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ.
3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ.
4. Определение Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 305-ЭС21-14094 по делу № А41-4212/2020.
5. Определение Верховного Суда РФ от 03.10.2022 № 309-ЭС22-13336 по делу № А07-16494/2020.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.12.2020 № 307-ЭС20-13121 по делу № А66-5900/2019.
7. Письмо Минсельхоза России от 14.08.2015 № 25/2347.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.06.2023 № Ф05-11751/2023 по делу № А40-193706/2022.
9. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2021 № 19АП-6499/2021 по делу № А14-3684/2021.
10. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.03.2022 № 09АП-199/2022 по делу № А40-153539/2021.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 49.
12. Постановление Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.06.2022 № 15АП-7275/2022 по делу № А32-20246/2021.
13. Приказ Россельхознадзора от 28.07.2021 № 846.
14. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза.
15. Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».
16. Федеральный закон от 3 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».
17. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

References

1. Dogovor o Evrazijskom e`konomicheskom soyuze (Podpisan v g. Astane 29.05.2014).
2. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ.
3. Nalogovy`j kodeks Rossijskoj Federacii (chast` pervaya) ot 31.07.1998 № 146-FZ.
4. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 10.08.2021 № 305-E`S21-14094 po delu № А41-4212/2020.
5. Opredelenie Verhovnogo Suda RF ot 03.10.2022 № 309-E`S22-13336 po delu № А07-16494/2020.
6. Opredelenie Sudebnoj kollegii po e`konomicheskim sporam Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.12.2020 № 307-E`S20-13121 po delu № А66-5900/2019.
7. Pis`mo Minsel`xozza Rossii ot 14.08.2015 № 25/2347.

8. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga ot 27.06.2023 № F05-11751/2023 po delu № A40-193706/2022.

9. Postanovlenie Devyatnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 15.12.2021 № 19AP-6499/2021 po delu № A14-3684/2021.

10. Postanovlenie Devyatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 24.03.2022 № 09AP-199/2022 po delu № A40-153539/2021.

11. Postanovlenie Plenuma Verxovnogo Suda RF ot 26.11.2019 № 49.

12. Postanovlenie Pyatnadczatogo arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 17.06.2022 № 15AP-7275/2022 po delu № A32-20246/2021.

13. Prikaz Rossel'hoznadzora ot 28.07.2021 № 846.

14. Tamozhennyj kodeks Evrazijskogo e'konomicheskogo soyuza.

15. Federal'nyj zakon ot 10.12.2003 № 173-FZ «O valyutnom regulirovanii i valyutnom kontrole».

16. Federal'nyj zakon ot 3 avgusta 2018 g. № 289-FZ «O tamozhenom regulirovanii v Rossijskoj Federacii i o vnesenii izmenenij v otдел'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii».

17. Federal'nyj zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyy`x finansovy`x aktivax, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v otдел'ny'e zakonodatel'ny'e akty` Rossijskoj Federacii».

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 09.06.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 15.06.2024.

The article was submitted 09.06.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 15.06.2024.

Научная статья
УДК 347.961
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_73

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЦИФРОВЫХ (ВИРТУАЛЬНЫХ) АКТИВОВ В СООТВЕТСТВИИ С РОССИЙСКИМ И АЗЕРБАЙДЖАНСКИМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ

ШАЙДУЛЛИНА Венера Камилевна

Кандидат юридических наук, доцент юридического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук

119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается цифровая революция как особенный этап, вносящий кардинальные изменения в социальную, правовую и экономическую сферы общества. Автор выявляет различия в подходах к регулированию цифровых активов, отмечая особенности и сходства в законодательстве России и Азербайджана. Анализируя сущность цифровых активов, автор подчеркивает их ценность, упор на использовании цифровой технологии, нематериальную природу и способность к собственному обороту. Особое внимание уделяется цифровым финансовым активам, цифровой валюте и виртуальным активам. В ходе исследования установлено, что в России акцент сделан на цифровых финансовых активах и цифровой валюте, в то время как в Азербайджане приоритет отдается виртуальным активам, исключая некоторые виды активов из этой категории.

Ключевые слова: цифровые активы, виртуальные активы, утилитарные цифровые права, криптовалюта, виртуальные валюты, стоимость

Для цитирования: Шайдуллина В.К. Правовая природа цифровых (виртуальных) активов в соответствии с российским и азербайджанским законодательством // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 73. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_73

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

LEGAL NATURE OF DIGITAL (VIRTUAL) ASSETS IN ACCORDANCE WITH RUSSIAN AND AZERBAIJANI LEGISLATION

SHAYDULLINA Venera Kamilevna

Candidate of Law, Associate Professor of Faculty of Law of State Academic University for the Humanities

119049, Moscow, Maronovsky lane, 26, Russian Federation

Abstract: The article examines the digital revolution as a special stage that brings fundamental changes to the social, legal and economic spheres of society. The author identifies differences in approaches to the regulation of digital assets, noting the features and similarities in the legislation of Russia and Azerbaijan. Analyzing the essence of digital assets, the author emphasizes their value, emphasis on the use of digital technology, intangible nature and ability to circulate on their own. Particular attention is paid to digital financial assets, digital currency and virtual assets. The study found that in Russia the emphasis is on digital financial assets and digital currency, while in Azerbaijan priority is given to virtual assets, excluding some types of assets from this category.

Keywords: digital assets, virtual assets, utilitarian digital rights, cryptocurrency, virtual currencies, cost

For citation: Shaydullina V.K. Legal Nature of Digital (Virtual) Assets in Accordance With Russian and Azerbaijani Legislation = Eurasian advocacy. 2024;4(69):73. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_73

Современный этап развития общества характеризуется как «цифровая», или «технологическая», революция. Как и любая иная революция, «цифровая революция» приводит к кардинальным изменениям в жизни общества, социальной

и правовой сфере, политике, экономике и пр. Любые процессы, направления и виды деятельности, так или иначе, ощутили на себе ее проявления [1, с. 53]. В условиях стремительного развития и массового распространения передовых цифровых

технологий сформировалась определенная основа для развития качественно нового гражданско-правового регулирования.

Цифровые активы, являясь порождением «цифровой революции», обладают разной природой происхождения. Этим обуславливается специфичность отношений с их участием. Соответственно, правовое регулирование отношений, объектом которых выступают цифровые активы, должно разрабатываться с учетом их специфики. Сказанное обуславливает необходимость определения правовой природы таких активов.

При этом индустрия цифровых финансовых активов демонстрирует стремительный рост (в 2023 г. общий объем выпуска цифровых финансовых активов составил 41 101 млн руб.). Рассмотренная статистика подтверждает заинтересованность крупных банков в развитии сегмента цифровых активов, увеличение интереса к ним со стороны участников рынка и инвесторов, а также значимость таких активов для российского финансового рынка [9]. Объем рынка утилитарных цифровых прав в России оценивается в 6–8 млрд руб. При этом возможно увеличение потенциала данного сегмента до 500 млрд руб. [2] По поводу цифровой валюты отметим, что уже сегодня общий объем средств в цифровой валюте у россиян оценивается в 15 трлн руб., а сделки с криптовалютой достигают около 5 млрд долларов США ежегодно [5]. Несмотря на это, единый подход к пониманию правовой природы цифровых активов в отечественной науке не сформирован до сих пор. Так, в совместном исследовании Ю.С. Харитоновой и Л.В. Санниковой цифровые активы определяются в качестве объектов, обладающих технико-информационной природой. Данные объекты, по мнению исследователей, имеют форму данных, представленных как код [8, с. 26]. Похожая позиция изложена в исследовании М.А. Рожковой, описывающей цифровые активы в качестве объектов, имеющих электронную форму [6, с. 4]. Недостаток рассматриваемых определений в том, что они не раскрывают всей полноты исследуемого понятия. Первое определение обладает больше техническим характером, а второе не учитывает вышеприведенные сущностные признаки цифровых активов.

В.А. Лаптев сформулировал более точное определение цифровых активов. Оно также не учитывает всей совокупности признаков, но в большей степени отражает сущность исследуемых объектов. Так, под цифровыми активами исследователь предлагает понимать объекты гражданских прав, совершение сделок с которыми

возможно посредством технологии распределенного реестра (блокчейн) [4, с. 159]. Недостатком этого определения можно назвать то, что автор определяет цифровые активы в качестве объектов гражданских прав. Дело в том, что цифровые активы не во всех странах признаются разрешенным (легальным) объектом имущественного оборота. Соответственно, подобное определение не может претендовать на универсальность.

Наличие различных подходов в понимании данного понятия обуславливает кардинальное отличие правового регулирования данного явления в различных странах. Рассмотрим указанное на примере России и Азербайджана: такой анализ имеет важное значение с точки зрения понимания различий и сходств в подходах к данной сфере в разных странах. Сравнительный анализ правовой природы цифровых активов может помочь выявить основные признаки цифровых активов. Кроме того, исследование сравнения регулирования цифровых активов в различных странах также способствует обмену опытом и передаче лучших практик между государствами. Это может способствовать развитию глобальных стандартов регулирования цифровых активов и созданию более благоприятной международной среды для дальнейшего развития цифровой экономики и финансов.

Таким образом, исследование сравнения регулирования цифровых активов в России и Азербайджане является важным шагом к пониманию особенностей развития данной сферы в различных странах и может способствовать улучшению законодательства и практики в этой области на международном уровне (таблица 1).

Проведя сравнительный анализ правовой природы цифровых активов в России и Азербайджане, можно отметить различия в подходе к регулированию данной сферы. В Российской Федерации основное внимание уделяется цифровым финансовым активам и цифровой валюте, что отражено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ. В то время как в Азербайджанской Республике приоритетом являются виртуальные активы, исключение из этой категории составляют цифровой эквивалент национальной и иностранной валюты, ценные бумаги и производные финансовые инструменты [3, с. 97]. Для регулирования виртуальных активов в Азербайджане принят Порядок совершения операций с виртуальными активами через постановление Правления Центрального банка. При этом в Азербайджанской Республике под виртуальным активом понимается цифровое выражение стоимости. Данное понятие использу-

**Сравнительный анализ правовой природы цифровых (виртуальных) активов
в соответствии с российским и азербайджанским законодательством**

Цифровой актив	Российская Федерация	Азербайджанская Республика
Сущность и виды	Цифровая валюта	Виртуальные активы как цифровое выражение стоимости, в которые не входят цифровой эквивалент национальной и иностранной валюты, ценных бумаг, производные финансовые инструменты
	Цифровые финансовые активы	Не являются виртуальными активами
	Утилитарные цифровые права	
Регулирование	Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»	Постановление Правления Центрального банка Азербайджанской Республики от 24 февраля 2023 года № 11/1 «Об утверждении «Порядка совершения операций с виртуальными активами в Азербайджанской Республике»

ется для обозначения цифровых форм представления ценности. В контексте цифровых активов и криптовалют это понятие отражает способ представления и передачи ценности с использованием цифровых технологий и криптографии.

Таким образом, каждая страна выбрала уникальный подход к регулированию цифровых активов, уделяя внимание различным аспектам данной области в соответствии с особенностями своего законодательства и экономической политики. Однако первый шаг в разработке определения сущности любого явления с целью гармонизации законодательств рассматриваемых стран – это выявление признаков, которыми оно обладает. Признаки цифровых активов исследованы в научной литературе достаточно обстоятельно. Обобщив ряд научных трудов [7, с. 46], выделим следующие наиболее существенные признаки:

1. Первый признак – наличие ценности и оборотоспособности. Цифровые активы могут в условиях имущественного оборота приносить выгоду своему обладателю. Нецифровой объект, облеченный в цифровую форму, подобным признаком может и не обладать. Соответственно, он не будет иметь статуса цифрового актива.

2. Вторым признаком – использование для создания цифрового актива особой цифровой технологии. Техническая основа и практическая реализация данной технологии – кодирование. Следовательно, каждый цифровой актив создан на основе специально прописанного кода, что неприменимо к иным объектам, находящимся в имущественном обороте.

3. Третий признак цифровых активов заключается в том, что они обладают нематериальной природой, не требуя физического воплощения, характерного для других объектов имущественных прав.

4. С четвертым признаком связана способность цифровых активов к собственному обращению как объектов имущественных прав. Это означает, что цифровые активы могут быть использованы в гражданском обороте в различных

странах, и этот аспект важно рассматривать в рамках законодательства о правомочности оборота цифровых активов в определенном государстве.

Список источников

1. Багреева Е.Г. Влияние цифровизации общества на баланс силовых и социокультурных регуляторов // Юридический мир. 2018. № 8. С. 53–56.
2. Инвестиции на основе УЦП стали реальностью в России // CNews [Электронный ресурс]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-11-09_investitsii_na_osnove_utsp.
3. Кырлан М. Правовой режим цифровой валюты через призму судебной практики // Правовое регулирование экономической деятельности. ПРЭД. 2023. № 4. С. 96–101.
4. Лаптев В.А. Цифровые активы как объекты гражданских прав // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2. С. 159–204.
5. Масштабы криптовалютного рынка в России – исследование «РБК-Крипто» // vc.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/crypto/732232-masshtaby-kriptovalyutnogo-rynka-v-rossii-issledovanie-rbk-kripto>.
6. Рожкова М.А. Является ли цифровое право отраслью права и нужно ли ожидать появления Цифрового кодекса? // Хозяйство и право. 2020. № 4. С. 3–13.
7. Саидов Р.Ф. К вопросу о понятии цифровых активов в гражданском обороте // Аграрное и земельное право. 2022. № 6(210). С. 46–47.
8. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы как объекты предпринимательского оборота // Право и экономика. 2018. № 4. С. 25–30.
9. Статистика выпуска цифровых финансовых активов (ЦФА). Совет по профессиональным квалификациям финансового рынка [Электронный ресурс]. URL: <https://asprof.ru/news/corpnnews/pub/5665>.

References

1. Bagreeva E.G. Vliyanie cifrovizatsii obshchestva na balans silovy`x i sociokul`turny`x regul`yatorov // Yuridicheskiy mir. 2018. № 8. S. 53–56.
2. Investitsii na osnove UCzP stali real`nost`yu v Rossii // CNews [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.cnews.ru/news/line/2023-11-09_investitsii_na_osnove_utsp.
3. Ky`rlan M. Pravovoj rezhim cifrovoj valyuty` cherez prizmu sudebnoj praktiki // Pravovoe regulirovanie

e`konomicheskoy deyatel`nosti. PRE`D. 2023. № 4. S. 96–101.

4. Laptev V.A. Cifrovyye aktivy` kak ob`ekty` grazhdanskix prav // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2018. № 2. S. 159–204.

5. Masshtaby` kriptovalyutnogo ry`nka v Rossii – issledovanie «RBK-Kripto» // vc.ru [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://vc.ru/crypto/732232-masshtaby-kriptovalyutnogo-rynka-v-rossii-issledovanie-rbk-kripto>.

6. Rozhkova M.A. Yavlyaetsya li cifrovoe pravo otrasl`yu prava i nuzhno li ozhidat` poyavleniya Cifrovogo kodeksa? // Hozyajstvo i pravo. 2020. № 4. С. 3–13.

7. Saidov R.F. K voprosu o ponyatii cifrovyy`x aktivov v grazhdanskom oborote // Agrarnoe i zemel`noe pravo. 2022. № 6(210). S. 46–47.

8. Sannikova L.V., Xaritonova Yu.S. Cifrovyye aktivy` kak ob`ekty` predprinimatel`skogo oborota // Pravo i e`konomika. 2018. № 4. S. 25–30.

9. Statistika vy`puska cifrovyy`x finansovy`x aktivov (CzFA). Sovet po professional`ny`m kvalifikaciyam finansovogo ry`nka [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://asprof.ru/news/corpnews/pub/5665>.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья
УДК 349.442
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_77

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КАПИТАЛЬНЫХ И НЕКАПИТАЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ

АСИЛАЛОВ Джабраил Захарович

Аспирант Государственного университета землеустройства
105064, г. Москва, ул. Казакова, д.15, Российская Федерация

Аннотация: В современных общественных отношениях градостроительная деятельность занимает важное место, требует особого внимания, порядка и законодательного регулирования. Одними из ключевых элементов в этой сфере являются объекты капитального строительства и некапитальные объекты, определение которым дается в Градостроительном кодексе Российской Федерации. Важно различать капитальные и некапитальные объекты, поскольку их регулирование имеет существенное значение для организации процесса строительства и использования территории.

Ключевые слова: объекты капитального строительства, некапитальные объекты, правовое регулирование, строительство, размещение

Для цитирования: Асилалов Д.З. Правовое регулирование капитальных и некапитальных объектов // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 77. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_77

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

LEGAL REGULATION OF CAPITAL AND NON-CAPITAL FACILITIES

ASILALOV Dzhabraail Zakharovich

Postgraduate Student at the State University of Land Management
105064, Moscow, Kazakova str., 15, Russian Federation

Abstract: In modern public relations, urban development occupies an important place, requires special attention, order and legislative regulation. One of the key elements in this area are capital construction and non-capital facilities, which are defined in the Urban Planning Code of the Russian Federation. It is important to distinguish between capital and non-capital facilities, since their regulation is essential for the organization of the construction process and the use of the territory.

Keywords: capital construction facilities, non-capital facilities, legal regulation, construction, placement

For citation: Asilalov Dz.Z. Legal Regulation of Capital and Non-Capital Facilities = Eurasian advocacy. 2024;4(69):77. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_77

В современном мире существует множество различных объектов, которые могут быть классифицированы как капитальные и некапитальные. Каждый из них имеет свои особенности и характеристики, которые определяют их статус и значение в градостроительном и гражданско-правовом аспекте.

Согласно Градостроительному кодексу Российской Федерации, к объектам капитального строительства относятся здания, строения, сооружения, строительство которых не завершено.

Капитальный объект – это прежде всего объект, созданный в результате строительства, ко-

торый имеет особое значение для экономики и инфраструктуры города или региона. Как правило, к таким объектам относятся более сложные с точки зрения строительных процессов объекты, которые имеют длительный срок службы и высокую стоимость.

Одновременно с этим в Градостроительном кодексе Российской Федерации дается определение некапитальным строениям и сооружениям, к которым относятся объекты, не имеющие прочной связи с землей, конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую

сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений).

Некапитальные объекты, напротив, представляют собой объекты, которые не имеют длительного срока службы и могут быть легко перемещены или заменены. Некапитальные объекты характеризуются как быстровозводимые и имеющие низкую стоимость по сравнению с капитальными объектами.

В градостроительном аспекте капитальные объекты играют ключевую роль в формировании городской среды и инфраструктуры. Они определяют архитектурный облик города, обеспечивают жителей необходимыми условиями и удобствами, а также способствуют развитию экономики и социальной сферы. Некапитальные объекты, в свою очередь, выполняют вторичные функции и обеспечивают комфорт и удобство для жителей.

Процесс создания объектов капитального строительства, а именно экспертиза проектной документации, получение разрешения на строительство, получение разрешения на ввод в эксплуатацию, согласование архитектурного облика полностью урегулированы Градостроительным кодексом Российской Федерации, специальными законами и нормативно-правовыми актами субъектов Российской Федерации, что нельзя сказать о некапитальных объектах. Следовательно, объекты капитального строительства являются объектами строительного надзора со стороны уполномоченных органов, тогда как надзор за размещением некапитальных объектов не осуществляется.

Исчерпывающий перечень некапитальных объектов, их возможные характеристики, а также архитектурные решения законодательно также не определены.

Кроме того, в соответствии с частью 3 статьи 36 Градостроительного кодекса Российской Федерации действие градостроительного регламента распространяется в равной мере на все земельные участки и объекты капитального строительства, расположенные в пределах границ территориальной зоны, обозначенной на карте градостроительного зонирования.

Таким образом, установленные градостроительные регламенты не имеют прямого действия на некапитальные объекты, а косвенно могут влиять, исходя из их действия, на земельные участки, на которых располагаются такие объекты.

В гражданско-правовом аспекте капитальные и некапитальные объекты также имеют противоположное правовое регулирование.

Согласно статье 130 Гражданского кодекса Российской Федерации, к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства.

В соответствии с пунктом 1 статьи 141.3 Гражданского кодекса Российской Федерации здания и сооружения являются недвижимыми вещами. Здания и сооружения создаются в результате строительства.

Отдельно определение зданию и сооружению дается в Федеральном законе от 30.12.2009 № 384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений». Так, согласно пунктам 6 и 23 части 2 статьи 2 указанного закона, здание – результат строительства, представляющий собой объемную строительную систему, имеющую надземную и (или) подземную части, включающую в себя помещения, сети инженерно-технического обеспечения и системы инженерно-технического обеспечения и предназначенную для проживания и (или) деятельности людей, размещения производства, хранения продукции или содержания животных; а сооружение – результат строительства, представляющий собой объемную, плоскостную или линейную строительную систему, имеющую наземную, надземную и (или) подземную части, состоящую из несущих, а в отдельных случаях и ограждающих строительных конструкций и предназначенную для выполнения производственных процессов различного вида, хранения продукции, временного пребывания людей, перемещения людей и грузов.

Таким образом, получается, что сооружения могут быть и капитальными, и некапитальными, все зависит от процесса, в результате которого они создаются.

Также путем сопоставления положений норм гражданского и градостроительного законодательства можно сделать вывод, что некапитальные объекты не относятся к недвижимым вещам, то есть являются движимым имуществом. Гражданско-правовой оборот некапитальных объектов осуществляется по правилам движимого имущества.

Вместе с тем понятия «объект капитального строительства» и «объект недвижимого имущества» не следует считать тождественными. Понятие «объект недвижимого имущества», или «объект недвижимости», имеет более широкое значение.

В 2013 году Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации также указал, что термин «объект капитального строительства» является специальным понятием градостроительного законодательства, поэтому им нельзя подменять правовую категорию «объект недвижимого имущества», имеющую иные отраслевую принадлежность, объем и содержание (Постановление Президиума ВАС РФ от 24.09.2013 № 1160/13 по делу № А76-1598/2012).

Некапитальные объекты не подлежат постановке на государственный кадастровый учет, сведения о регистрации прав на такие объекты не подлежат внесению в Единый государственный реестр недвижимости. Сделки с некапитальными объектами осуществляются по правилам движимого имущества.

Некапитальные объекты лишены возможности подключения к сетям газораспределения (Постановление Правительства РФ от 13.09.2021 № 1547), а также возможности получения лицензий на отдельные виды деятельности.

Вместе с тем согласно статье 132 Гражданского кодекса Российской Федерации предприятие в целом как имущественный комплекс признается недвижимостью. В состав предприятия как имущественного комплекса входят все виды имущества, предназначенные для его деятельности, включая земельные участки, здания, сооружения, оборудование, инвентарь, сырье, продукцию, права требования, долги, а также права на обозначения, индивидуализирующие предприятие, его продукцию, работы и услуги (коммерческое обозначение, товарные знаки, знаки обслуживания), и другие исключительные права, если иное не предусмотрено законом или договором.

Согласно части 6 статьи 1 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» государственной регистрации подлежат право собственности и другие вещные права на недвижимое имущество и сделки с ним в соответствии со статьями 130, 131, 132, 133.1 и 164 Гражданского кодекса Российской Федерации. То есть, получается, что некапитальный объект в составе предприятия может быть объектом кадастрового учета и регистрации прав.

Основная проблема заключается в том, что на практике указанные выше признаки капитальных и некапитальных объектов, а также относимость объекта к недвижимому или движимому имуществу посредством визуального осмотра установить невозможно.

Как отмечается в информационном письме Росреестра от 28.12.2023 № 11-03201/23, «более

четких качественных характеристик объектов недвижимости, а также иных критериев, позволяющих отнести объект к объектам недвижимого имущества либо к объектам, не являющимся таковыми, действующее законодательство не содержит, равно как не наделяет полномочиями по разграничению движимых и недвижимых вещей какие-либо органы власти, организации.

В этой связи и в целях определения возможности отнесения вещи к объекту недвижимости следует обратить внимание на сложившуюся судебную практику».

В соответствии с пунктом 38 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 при решении вопроса о признании вещи недвижимостью независимо от осуществления государственной регистрации права собственности на нее необходимо установить наличие у нее признаков, способных отнести ее в силу природных свойств или на основании закона к недвижимым объектам.

В итоге необходимо отметить, что определение капитальности / некапитальности требует специальных познаний, а также проведения исследования (экспертизы).

Такие исследования (экспертиза) могут проводить организации, эксперты и кадастровые инженеры, имеющие соответствующую квалификацию в области строительства и кадастровой деятельности.

К примеру, согласно пункту 2 части 2 статьи 29.1 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности», кадастровый инженер обязан отказаться от заключения договора подряда на выполнение кадастровых работ в случае, если объект, в отношении которого заказчик кадастровых работ предполагает выполнение таких работ, не является объектом недвижимости, в отношении которого осуществляется кадастровый учет в соответствии с Федеральным законом от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости».

За внесение заведомо ложных сведений в межевой план, технический план, акт обследования, проект межевания земельного участка законом предусмотрена административная и даже уголовная ответственность.

При определении объекта в качестве капитального или некапитального необходимо установить:

– наличие прочной связи с землей, а именно заглубленного фундамента, или подземного этажа;

– наличие инженерных коммуникаций, позволяющих использовать объект постоянно, независимо от сезона и погодных условий;

– наличие возможности разобрать и (или) переместить объект без соразмерного ущерба его назначению.

Таким образом, вывод в отношении объекта, а именно заключение составляется по итогам всестороннего исследования объекта.

При рассмотрении судами споров, связанных с самовольными постройками или об оспаривании прав на объекты, судами для определения правовой природы объекта назначается строительно-техническая экспертиза.

Так, согласно пункту 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2023 № 44 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при применении норм о самовольной постройке», статья 222 Гражданского кодекса Российской Федерации не распространяется на объекты, которые в силу прямого указания закона подчинены режиму недвижимых вещей, но не являются таковыми в силу своих природных свойств (например, подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания), объекты движимого имущества (например, нестационарные торговые объекты), неотделимые улучшения земельного участка (в том числе заомощения, ограждения).

Таким образом, правовые последствия и дальнейшая судьба объекта зависят от того, к какой категории относится объект – к капитальным или некапитальным.

В целях урегулирования порядка размещения некапитальных объектов, зачастую являющихся объектами благоустройства, органами государственной власти и местного самоуправления принимаются различные правовые акты, имеющие как общее, так и отраслевое регулирование.

Так, в 2014 году принято постановление Правительства Российской Федерации от 03.12.2014 № 1300 «Об утверждении перечня видов объектов, размещение которых может осуществляться на землях или земельных участках, находящихся в государственной или муниципальной собственности, без предоставления земельных участков и установления сервитутов», которое содержит перечень различных объектов, для размещения которых не требуется разрешения на строительство.

Или, к примеру, принятое Правительством Москвы постановление от 13.11.2012 № 636-ПП содержит огромный перечень объектов, не явля-

ющихся объектами капитального строительства, и объектов, размещение которых осуществляется без предоставления земельных участков и установления сервитутов, публичных сервитутов.

Однако указанные правовые акты имеют действие и устанавливают порядок только в отношении участков государственной и муниципальной собственности и не распространяются на земельные участки частной собственности.

В целях гармонизации развития городской территории и установления единого порядка размещения некапитальных объектов на земельных участках частной и федеральной собственности Правительством Москвы принято постановление от 05.06.2024 № 1255-ПП. Указанное постановление устанавливает требования к размещению некапитальных объектов и порядок согласования архитектурно-художественного решения таких объектов, а также демонтажа таких объектов, размещенных с нарушением порядка. Вступает в силу данное постановление с 01.09.2024.

Таким образом, Москва стала первым субъектом, который решил полностью зарегулировать отношения, связанные с размещением некапитальных объектов.

Подводя итог, хочется отметить, что развитие института некапитальных объектов наравне с объектами капитального строительства играет важную роль в развитии экономики России, особенно в условиях санкционного давления. Принятие нормативно-правового документа федерального уровня, предусматривающего установление критериев и класса некапитальных объектов, а также их размещение в зависимости от разрешенного использования земельных участков, послужило бы толчком для развития и упорядочивания отношений, связанных с такими объектами, не только в столице, но и в других субъектах Российской Федерации.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution>.
2. Водный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03.06.2006 № 74-ФЗ. М.: Юридическая литература, 2018.
3. Градостроительный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2004 № 190-ФЗ (с изм. и доп. от 21.07.2014, № 219-ФЗ). М.: Юридическая литература, 2017.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-

ФЗ (ред. от 30.12.2015, № 457-ФЗ). М.: Юридическая литература, 2015.

5. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.01 № 136 (с изм. и доп. от 30.12.2015, № 460-ФЗ). М.: Юридическая литература, 2016.

6. О государственной регистрации недвижимости: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 03.07.16 с изм. и доп., вступ. в силу с 02.01.2017). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант 2017».

7. Варламов А.А. Система государственного и муниципального управления: учеб. пособ. / ФГБОУ ВПО «Государственный университет по землеустройству». М., 2014. С. 395.

4. Grazhdanskiy kodeks Rossijskoj Federacii (chast' pervaya): Federal'ny`j zakon ot 30.11.1994 № 51-FZ (red. ot 30.12.2015, № 457-FZ). М.: Yuridicheskaya literatura, 2015.

5. Zemel'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny`j zakon ot 25.10.01 № 136 (s izm. i dop. ot 30.12.2015, № 460-FZ). М.: Yuridicheskaya literatura, 2016.

6. О gosudarstvennoj registracii nedvizhimosti: Federal'ny`j zakon ot 13.07.2015 № 218-FZ (red. ot 03.07.16 s izm. i dop., vstup. v silu s 02.01.2017). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tant 2017».

7. Varlamov A.A. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya: ucheb. posob. / FGBOU VPO «Gosudarstvenny`j universitet po zemleustrojstvu». М., 2014. S. 395.

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii (prinyata vsenarodny`m golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrenny`mi v xode obshherossijskogo golosovaniya 01.07.2020) [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://pravo.gov.ru/constitution>.

2. Vodny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny`j zakon ot 03.06.2006 № 74-FZ. М.: Yuridicheskaya literatura, 2018.

3. Gradostroitel'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii: Federal'ny`j zakon ot 29.12.2004 № 190-FZ (s izm. i dop. ot 21.07.2014, № 219-FZ). М.: Yuridicheskaya literatura, 2017.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья

УДК 347.472

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_82

ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРНОЙ КОНСТРУКЦИИ ДАРЕНИЯ

НИКОЛАЕВ Сергей Владимирович

Студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: В настоящей статье анализируется правовая природа договора дарения. Устанавливается, что доктринально спорную конструкцию в виде реальной модели дарения надлежит причислять к числу соглашений, являющихся договором и порождающих непосредственный вещный (распорядительный) эффект, поскольку механизм реального договора, закрепленный в ст. 433 ГК РФ, спроектирован исключительно на договорные отношения с обязательственно-правовой направленностью, чего нельзя сказать о самой конструкции реальной модели дарения, исполняемой в момент его заключения (исполнение осуществляется передачей имущества) и не преломляющейся сквозь фазу договорного обязательства, где само исполнение договора является начинающей и завершающей стадией договорного правоотношения (реальная модель дарения буквально «перескакивает» сквозь стадии возникновения, существования и прекращения обязательства). Также констатируется, что реальную модель дарения надлежит квалифицировать исключительно в качестве реального договора в значении ст. 433 ГК РФ, исключая при этом возможность использования конструкции вещного договора, основанной строго на определении вещи как материальной (телесной) субстанции и не адаптированной к новым, нетрадиционным объектам гражданских прав, в отношении которых может быть совершена сделка дарения. Помимо этого, делается важный акцент на анализе признаков договора дарения, отличающих исследуемую сделку от иных сходных безвозмездных правоотношений. К отличительным признакам конструкции дарения надлежит причислять безвозмездность, намерение дарителя облагодетельствовать одаряемого, увеличение имущества одаряемого за счет соответствующего уменьшения имущества дарителя, а также согласие одаряемого на получение дара, присутствующее как в консенсуальном, так и в реальном договоре дарения.

Ключевые слова: дарение, реальный договор, обязательство, правовая природа, вещь, имущество, безвозмездность

Для цитирования: Николаев С.В. Понятие и правовая природа договорной конструкции дарения // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С.82. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_82

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

CONCEPT AND LEGAL NATURE OF CONTRACTUAL DONATION CONSTRUCTION

NIKOLAEV Sergey Vladimirovich

Student of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, st. Azovskaya, 2, bldg. 1, Russian Federation

Abstract: This article analyzes the legal nature of a gift agreement, where it is established regarding the controversial construction in the form of a real gift model that doctrinally it should be counted among the agreements that are a contract and generate a direct real (administrative) effect, since the mechanism of a real contract is designed exclusively for contractual relations with a binding legal orientation, which cannot be said actually, about the very design of the real donation model, executed at the time of its conclusion, where the execution itself is the beginning and final stage of the contractual relationship. It is also stated that the real model of donation should be qualified exclusively as a real contract within the meaning of Article 433 of the Civil Code of the Russian Federation, while excluding the possibility of using the construction of a real contract based strictly on the definition of a thing as a material (bodily) substance.

Keywords: donation, real contract, obligation, legal nature, thing, property, gratuitousness

For citation: Nikolaev S.V. Concept and Legal Nature of Contractual Donation Construction = Eurasian advocacy. 2024;4(69):82. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_82

В системе отдельных видов обязательств, в разделе IV главы 32 ГК РФ, располагается крайне востребованная в гражданском обороте после купли-продажи договорная конструкция «дарение», являющаяся древнейшим инструментом оформления перехода права собственности не только в отечественном, но и в зарубежных правовых порядках. По данному договору, согласно п. 1 ст. 572 ГК РФ, одна сторона (даритель) безвозмездно передает или обязуется передать другой стороне (одаряемому) вещь в собственность либо имущественное право (требование) к себе или к третьему лицу, либо освобождает или обязуется освободить ее от имущественной обязанности перед собой или перед третьим лицом. Из приведенной законодательной формулировки логично следует, что рассматриваемый односторонний договор [1, с. 354] может заключаться по консенсуальной либо реальной модели дарения, последняя из которых в силу специфики своей правовой природы порождает в доктрине серьезные споры среди исследователей, дискутирующих относительно причисления такой договорной модели к категории реального либо вещного договора.

Решение обозначенной проблематики поставлено в зависимость от ответа на крайне непростой вопрос: порождает ли реальная модель дарения возникновение обязательства, и в какой момент времени такая договорная модель считается заключенной. Для обоснования ответа в целях понимания сущности института дарения надлежит рассмотреть указанный вопрос в динамике, через компетентные мнения ученых-цивилистов. Так, Д.И. Мейер [2, с. 3] в своем исследовании отчетливо разделял договор дарения как институт обязательственного права, органично укладывающегося в конструкцию гражданско-правового договора, и правоотношения по безвозмездному отчуждению права собственности, оформляющие лишь отношения по передаче титула как самостоятельное основание возникновения права собственности. К.П. Победоносцев [3, с. 36] же усматривал смысл договора дарения исключительно в значении перенесения права собственности в момент достижения согласия сторонами и воспринимал его в качестве реального договора. О.С. Иоффе [4, с. 395], в свою очередь, четко разграничивал консенсуальную и реальную модель дарения и впервые среди исследователей квалифицировал последнюю в качестве вещного договора, отождествляя при этом передачу вещи с фактом заключения договора. Точка зрения О.С. Иоффе активно поддерживается М.И. Брагинским [5, с. 331], считающим, что такой договор

заключается без соглашения посредством действий в виде передачи имущества, и его надлежит квалифицировать в качестве вещного, отходя от использования классификационного основания в зависимости от момента возникновения обязательства, поскольку договор дарения, построенный по реальной модели, в отличие от иных реальных договоров (например, договора займа, безвозмездного пользования, хранения и др.) не влечет возникновение привычного обязательственно-правового эффекта между сторонами, а его целью является исключительно перенос права собственности.

Немного отличную позицию занимает А.Г. Карапетов, также не усматривающий обязательственно-правового элемента в исходном правоотношении, но разбивающий его на отдельные временные периоды: а) момент заключения предварительного соглашения о заключении договора, не порождающего правовых связей между сторонами, и б) взаимные волевые действия по передаче и принятию имущества [6, с. 320]. Кардинально иную позицию в представленной дискуссии занимает А.В. Мышкин [7], утверждающий существование в реальном договоре дарения обязательства с усеченным составом (внешне скрытого обязательства), что объясняет совершение дарителем активных действий по передаче имущества одаряемому, ведь сами по себе действия в виде передачи вещи не могут не иметь под собой определенного правового основания, возникшего не иначе как из соглашения, порождающего появление самостоятельного договорного обязательства.

Представленные выше авторские позиции уважаемых исследователей относительно обозначенной проблематики основаны на убедительных доводах и, безусловно, имеют право на существование, однако отдельные аспекты приведенных положений могут быть оспорены. Так, доводы, утверждающие отсутствие соглашения в реальном договоре дарения, не стыкуются с положениями п. 2 ст. 433 ГК РФ, презюмирующей в таком договоре наличие соглашения посредством использования в тексте правовой нормы формулировки «также». Кроме того, в таких доводах прослеживается логическая ошибка, ведь, согласно п. 1 ст. 420 ГК РФ, любой договор основан на соглашении. Помимо этого, представляется не вполне обоснованным исключительное применение к реальным и консенсуальным договорам классификационного основания в виде момента возникновения обязательства, ведь в названии нормы ст. 433 ГК речь идет о моменте заключения договора, и подмена

понятий в данных условиях ведет к формированию правовой неопределенности. Более того, аргумент, что реальную модель дарения надлежит квалифицировать исключительно в качестве вещного договора, также подлежит сомнению, поскольку объектом рассматриваемой конструкции может быть не только вещь, но и иные категории, например утилитарное цифровое право в виде токена, а следовательно, в данной ситуации будет неуместно ссылаться на вещную характеристику договора, и, по логике М.И. Брагинского, к такому реальному договору, квалифицируемому как внешнеобязательственный, не подлежит применению привычная конструкция разделения договоров на реальные и консенсуальные. Также исключается возможность отнесения такого договора к разряду вещных, в результате чего реальная модель дарения будет выпадать из общей систематики договоров, что, конечно же, ведет к абсурду, поскольку вызвано упомянутой ранее логической ошибкой исследователя, увязывающего ст. 433 ГК РФ только с моментом возникновения обязательства. Производить подобное логически неверное увязывание неправильно, поскольку не стоит забывать, что в гражданском праве есть соглашения, порождающие непосредственный вещный (распорядительный) эффект и считающиеся при этом договором (например, соглашение об установлении сервитута), к коим относится и сам реальный договор дарения.

Относительно позиции А.В. Мыскина также следует возразить: заявленный аргумент, что даритель прилагает усилия по доведению договорного интереса к конечному результату, не подтверждает вывод исследователя о существовании договорного обязательства с усеченным составом. Речь идет о бытовой обязанности, возникшей из договоренности с распорядительным эффектом, не обеспеченной обязанностью надлежащего исполнения в контексте понимания классического договорного обязательства. Обозначенное обосновывается тем, что до завершения акта передачи соответствующего материального блага при наличии имеющегося соглашения даритель может отказаться от заключения договора, что соответствует охранительной концепции реального договора, оберегающего стороны от вступления в договорное правоотношение до передачи имущества. Представить иначе построение правовой мысли, допуская существование договорного обязательства, хоть и в урезанном виде, не представляется возможным, поскольку конструкция реального дарения, закрепленная в ст. 572 ГК РФ, не стыкуется с концепцией ст. 307 ГК РФ, предо-

ставляющей кредитору право требовать от должника исполнения его обязанности. Обозначенное объясняется тем, что механизм реальной модели дарения, закрепленный в ст. 433 ГК РФ, спроектирован на договорные отношения с обязательно-правовым эффектом, чего нельзя сказать о реальном договоре, исполняемом в момент его заключения (исполнение осуществляется передачей имущества) и не преломляющемся сквозь фазу договорного обязательства, поскольку само исполнение договора является начинающей и завершающей стадией договорного правоотношения, где реальная модель дарения «перескакивает» сквозь стадии возникновения, существования и прекращения обязательства.

Таким образом, правовая конструкция дарения, располагаемая в разделе IV ГК РФ и представляющая с позиции правовой природы одностороннее обязывающий договор (за исключением пожертвования, являющегося взаимным договором), в зависимости от формулировки своего предмета может строиться по консенсуальной либо реальной договорной модели. Исследуемая сделка в системе отдельных видов договорных обязательств имеет особое положение ввиду специфики правовой природы реальной модели дарения, не порождающей по сравнению с иными реальными договорами обязательно-правового эффекта между сторонами. Обозначенную модель дарения надлежит квалифицировать исключительно в качестве реального договора в значении ст. 433 ГК РФ, исключая при этом возможность использования конструкции вещного договора, зиждущейся на определении вещи как материальной (телесной) субстанции и не адаптированной к новым, нетрадиционным объектам гражданских прав (цифровые права, бездокументарные ценные бумаги и др.), в отношении которых может быть совершена сделка дарения.

Список источников

1. Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. Т. 3. М.: Статут, 2020.
2. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч. Ч. 1. М., 1997. (Классика российской цивилистики).
3. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Т. II. СПб., 1896.
4. Иоффе О.С. Обязательственное право. М.: Юрид. лит., 1975.
5. Брагинский М.И. Договорное право: договоры о передаче имущества / под ред. В.В. Витрянского. 4-е изд. М.: Статут, 2011.
6. Карапетов А.Г. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации /

А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.

7. Мыскин А.В. Договор будущего дарения: практический взгляд на теоретическую проблему // Нотариус. 2018. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

References

1. Suxanov E.A. Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 4 t. T. 3. М.: Statut, 2020.

2. Mejer D.I. Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 1. М., 1997. (Klassika rossijskoj civilistiki).

3. Pobedonoscev K.P. Kurs grazhdanskogo prava. T. II. SPb., 1896.

4. Ioffe O.S. Obyazatel'stvennoe pravo. М.: Yurid. lit., 1975.

5. Braginskij M.I. Dogovornoe pravo: dogovory` o peredache imushhestva / pod red. V.V. Vitryanskogo. 4-e izd. М.: Statut, 2011.

6. Karapetov A.G. Ispolnenie i prekrashhenie obyazatel'stva: kommentarij k stat'jam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / A.O. Batišhev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov i dr.; отв. red. A.G. Karapetov. М.: М-Logos, 2022.

7. Мы`skin A.V. Dogovor budushhego darenija: praktičeskij vzglyad na teoreticheskuyu problemu // Notarius. 2018. № 8. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tant Plyus».

Статья поступила в редакцию 04.08.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 04.08.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

ОСОБЕННОСТИ УПРАВЛЕНИЯ ИНСТРУМЕНТАМИ ИНТЕРНЕТ-МАРКЕТИНГА В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

РОЖКОВ Илья Вячеславович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и спортивного бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Некоммерческого партнерства «Гильдия маркетологов» 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается феномен современного интернет-маркетинга через призму управления его инструментами. Отмечается, что современные технологии интернет-маркетинга характеризуются рядом отличительных особенностей и преимуществ по сравнению с традиционными методами рыночной деятельности. В качестве основных инструментов интернет-маркетинга выделяют: контент-маркетинг, e-mail-маркетинг, SEO-оптимизацию, платную рекламу, размещение на маркетплейсах, маркетинг в социальных сетях. Делается вывод о необходимости нормативно-правового определения и регулирования управления инструментами интернет-маркетинга в целях защиты конкуренции и прав потребителей.

Ключевые слова: реклама, маркетинговые инструменты, интернет-маркетинг, цифровой профиль

Для цитирования: Рожков И.В. Особенности управления инструментами интернет-маркетинга в цифровой среде // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 86. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_86

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

FEATURES OF MANAGING INTERNET MARKETING TOOLS IN A DIGITAL ENVIRONMENT

ROZHKOV ILYA VYACHESLAVOVICH

Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing and Sports Business of Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Non-Commercial Partnership «Guild of Marketers» 125167, Moscow, Leningradsky pr., 49/2, Russian Federation

Abstract: The article examines the phenomenon of modern Internet marketing through the prism of managing its tools. It is noted that modern Internet marketing technologies are characterized by a number of distinctive features and advantages compared to traditional methods of market activity. The main types of Internet marketing tools include: content marketing, email marketing, SEO optimization, paid advertising, placement on marketplaces, and social media marketing.

Keywords: advertising, marketing tools, internet marketing, digital profile, target audience

For citation: Rozhkov I.V. Features Of Managing Internet Marketing Tools in a Digital Environment = Eurasian advocacy. 2024;4(69):86. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_86

В законодательстве Российской Федерации наиболее близкое к маркетингу понятие – реклама. Согласно Федеральному закону № 38-ФЗ «О рекламе», «Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке» [1].

При этом на современном этапе развития рыночных отношений технологии рекламы активно развиваются, стимулируя появление новых маркетинговых направлений, таких как интернет-маркетинг, который пока не имеет четкого нормативно-правового определения.

Отдельные исследователи считают, что цифровой маркетинг представляет собой процесс взаимодействия компании с потребителями в целях совместного создания ценности предлагае-

мых продуктов, услуг и информации. Используемые при этом цифровые технологии способствуют уменьшению информационной асимметрии на рынке за счет глубокого анализа информации о потребителях и их действиях, что позволяет точнее диагностировать потребности целевого рынка и эффективнее их удовлетворять [8].

Интернет-продвижение предоставляет множество преимуществ по сравнению с традиционным маркетингом. Эти преимущества включают в себя:

- экономию затрат;
- охват широкого круга целевых аудиторий независимо от их местоположения;
- возможность дать потенциальным покупателям гораздо более полное представление о продукте с меньшим количеством временных и трудовых затрат на поиск этой информации;
- развитие личных отношений с клиентами и создание базы лояльных клиентов;
- оптимизацию эффективности маркетинговой кампании с помощью различных аналитических инструментов и систем;
- быстрое A/B тестирование различных версий рекламных сообщений и креативов, а также последующую оценку реакции целевой аудитории на них [3].

Развитие интернет-маркетинга открыло перед компаниями целый мир возможностей для взаимодействия со своими клиентами более эффективным и персонализированным образом. Используя возможности Интернета, компании теперь могут быстро и легко находить целевых потребителей, реагировать на события и изменения в мире и получать ценную информацию с помощью исследований [4]. Кроме того, растущее число пользователей Интернета способствовало разработке новых инструментов интернет-маркетинга, которые могут помочь компаниям построить прочные отношения со своей клиентской базой и увеличить продажи с меньшей стоимостью привлечения клиента [2].

Рассмотрим подробнее основные инструменты интернет-маркетинга, а также особенности, определяющие специфику их маркетингового управления.

1. Контент-маркетинг – инструмент для роста и развития бизнеса, включающий создание и распространение высококачественных, актуальных и ценных информационных материалов, которые могут содержать информацию, размещаемую на официальном сайте организации в сети «Интернет», корпоративную информацию в виде отчетов, презентаций, обзоров, записи обучающих

вебинаров и подкастов [6]. Контент-маркетинг через веб-сайт позволяет:

- представлять необходимую потенциальным потребителям информацию об ассортименте продукции организации;
- привлекать SEO-трафик на страницу;
- повышать уровень доверия к компании;
- выступать точкой контакта с заинтересованными сторонами.

Основными недостатками можно назвать:

- долгое ожидание эффекта от органического траффика;
- существенные временные и трудовые затраты.

2. E-mail-маркетинг является важным инструментом для продвижения товаров и услуг. Он позволяет компаниям обращаться к своим клиентам и потенциальным покупателям через электронную почту, устанавливая отношения и поощряя повторные покупки. Кроме того, маркетинг по электронной почте позволяет компаниям поддерживать связь со своими клиентами, повышать лояльность и развивать отношения с ними.

В этой группе инструментов большую роль играет сегментация, которую можно проводить путем цифрового профилирования потребителей [5].

Преимущества сегментации на основе цифрового профилирования потребителей многочисленны: от увеличения числа открываемых писем и коэффициентов конверсии за счет более персонализированных и целевых предложений до увеличения срока жизни потребителя и уменьшения количества жалоб на спам.

3. SEO-оптимизация (сокр. от англ. Search engine optimization – поисковая оптимизация и продвижение сайтов) – инструмент, который помогает вывести веб-сайт на первое место в результатах поисковой системы. Оптимизируя внутреннюю структуру веб-сайта и получая внешние ссылки с других веб-страниц, компании могут быть уверены, что их веб-сайт увидят нужные люди. Этот метод необходим компаниям для обеспечения максимально сильного присутствия в Интернете. Кроме того, его можно использовать для таргетирования по определенным ключевым словам и характеристикам потребителей из цифрового профиля, помогая повысить видимость веб-сайта и привлекая больше потенциальных клиентов.

4. Платная реклама, также известная как PPC (сокр. от англ. Pay per click – оплата за клик), позволяет компаниям быстро привлекать внимание в Интернете и направлять его к желаемому адресату [7]. Она включает в себя контекстную,

медийную и таргетированную рекламу. Среди ее разновидностей выделяют контекстную рекламу, медийную рекламу, таргетированную рекламу в соцсетях.

К преимуществам платной рекламы можно отнести широкий охват целевой аудитории, а к недостаткам – демонстрацию рекламного объявления одному и тому же человеку.

5. Размещение на маркетплейсах – продажа товаров через Wildberries, Ozon, Яндекс.Маркет.

Эти платформы предлагают множество преимуществ, таких как уже существующая аудитория торговой платформы, дополнительные ресурсы продвижения и улучшенные рейтинги в поисковых системах. Однако модерация этих сайтов может занять много времени, и каждая платформа имеет собственный набор требований, которые необходимо брать во внимание. Кроме того, отслеживание поведения посетителей в магазине на сайте может быть затруднено из-за ограниченных возможностей аналитики. При условии развития технологий цифрового профилирования на маркетплейсах использование данного вида продвижения в диджитал-среде может стать более эффективным.

6. SMM (сокр. от англ. Social Media Marketing – маркетинг в социальных сетях) – это продвижение в социальных сетях, которое возможно на сегодняшний день в России на трех основных площадках: Одноклассники, ВКонтакте, Telegram.

Активное развитие перечисленных инструментов интернет-маркетинга определяет необходимость совершенствования российского законодательства в области рекламы для регулирования вопросов их применения в бизнес-практике. Это позволит обеспечить более прозрачное использование инструментария интернет-маркетинга компаниями-рекламодателями, будет стимулировать развитие добросовестной конкуренции, защитит права потребителя в цифровой среде.

Список источников

1. Федеральный закон «О рекламе»: Федеральный закон № 38-ФЗ (принят Государственной Думой 16 сент. 2003 г., одобрен Советом Федерации 22 фев. 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

2. Интернет-маркетинг: учебник для вузов / О.Н. Жильцова и др.; под общ. ред. О.Н. Жильцовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023.

3. Лазарев Б.Я. Инструменты интернет-маркетинга, используемые современными предприятиями // StudNet. 2022. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-internet-marketinga-ispolzuemye-sovremennymi-predpriyatiyami>.

4. Рожков И.В. Информационный маркетинг как новая форма управления рыночной деятельностью инновационных предприятий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2011. Т. 155. С. 348–353.

5. Рожков И.В. Состояние рынка программного обеспечения автоматизации маркетинговой деятельности // Управленческие науки. 2012. № 1. С. 98–103.

6. Рожков И.В. Информационные основы становления и развития теории и практики маркетинга // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 4. С. 28–37.

7. Рожков И.В. Методические подходы к формированию осознанного покупательского поведения в цифровой среде // Экономика и управление в машиностроении. 2020. № 2. С. 48–52.

8. Kannan P.K., Hongshuang L. Digital marketing: A Framework, review and research agenda // International Journal of Research in Marketing. 2016. Vol. 34. I. I. P. 22–45.

References

1. Federal'ny`j zakon «O reklame»: Federal'ny`j zakon № 38-FZ (prinyat Gosudarstvennoj Dumoj 16 sent. 2003 g., odobren Sovetom Federacii 22 fev. 2006 g.) [E`lektronny`j resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58968/.

2. Internet-marketing: uchebnik dlya vuzov / O.N. Zhil'czova i dr.; pod obshh. red. O.N. Zhil'czovoj. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2023.

3. Lazarev B.Ya. Instrumenty` internet-marketinga, ispol'zuemy`e sovremenny`mi predpriyatiyami // StudNet. 2022. № 1 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-internet-marketinga-ispolzuemye-sovremennymi-predpriyatiyami>.

4. Rozhkov I.V. Informacionny`j marketing kak novaya forma upravleniya ry`nochnoj deyatel`nost`yu innovacionny`x predpriyatij // Nauchny`e trudy` Vol`nogo e`konomicheskogo obshhestva Rossii. 2011. T. 155. S. 348–353.

5. Rozhkov I.V. Sostoyanie ry`nka programmno go obespечeniya avtomatizacii marketingovoj deyatel`nosti // Upravlencheskie nauki. 2012. № 1. S. 98–103.

6. Rozhkov I.V. Informacionny`e osnovy` stanovleniya i razvitiya teorii i praktiki marketinga // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2015. № 4. S. 28–37.

7. Rozhkov I.V. Metodicheskie podxody` k formirovaniyu osoznannogo pokupatel`skogo povedeniya v cifrovoj srede // E`konomika i upravlenie v mashinostroenii. 2020. № 2. S. 48–52.

8. Kannan P.K., Hongshuang L. Digital marketing: A Framework, review and research agenda // International Journal of Research in Marketing. 2016. Vol. 34. I. I. R. 22–45.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья
УДК 349.4
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_89

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРЕДАЧИ ГРАЖДАНАМ ПРАВ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ НА ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ И АРКТИЧЕСКИХ ТЕРРИТОРИЯХ

БАЛАШОВ Даниил Владимирович

Аспирант Государственного университета по землеустройству
105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация: Обеспечение динамичного стратегического развития Дальнего Востока и Арктики в настоящее время является одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации. Затрудняет развитие данных территорий актуальный вопрос снижения естественного прироста населения и миграционного оттока. Для его решения разработаны и применяются государственные программы «Дальневосточный гектар» и «Гектар Арктики». В статье рассмотрены основные отличия программ, а также некоторые примеры правоприменительной практики при предоставлении земельных участков гражданам.

Ключевые слова: стратегическое развитие Дальнего Востока и Арктики, дальневосточный гектар, гектар Арктики, права на землю, судебная практика

Для цитирования: Балашов Д.В. Актуальные вопросы передачи гражданам прав собственности на земельные участки на дальневосточных и арктических территориях // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 89. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_89

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

TOPICAL ISSUES OF TRANSFERRING OWNERSHIP OF LAND PLOTS TO CITIZENS IN THE FAR EASTERN AND ARCTIC TERRITORIES

BALASHOV Daniil Vladimirovich

Postgraduate Student at the State University of Land Management
105064, Moscow, Kazakova str., 15, Russian Federation

Abstract: Ensuring the dynamic strategic development of the Far East and the Arctic is currently one of the key directions of the state policy of the Russian Federation. The development of these regions is hindered by pressing issues such as the decline in natural population growth and migratory outflow. To address these issues, the state programs «Far Eastern Hectare» and «Arctic Hectare» have been developed and implemented. The article examines the main differences between these programs and reviews some examples of law enforcement practices in providing land plots to citizens.

Keywords: Strategic Development of the Far East and the Arctic, Far Eastern Hectare, Arctic Hectare, Land Rights, Judicial Practice

For citation: Balashov D.V. Topical Issues of Transferring Ownership of Land Plots to Citizens in the Far Eastern and Arctic Territories = Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):89. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_89

Вопросы сохранения и повышения качества жизни населения Российской Федерации в последнее время стали носить определяющий характер в политической и экономической повестках. Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи определены Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 ключевыми нацио-

нальными целями развития Российской Федерации [1].

Повышение качества жизни должно выступать как неоспоримый государственный приоритет при формировании единого государства, утверждении стратегических государственных задач и подготовке программ, направленных на развитие регионов России. Так, на совещании

Владимира Владимировича Путина с главами арктических регионов в Архангельске 11 декабря 2023 года ключевое внимание уделено вопросам качества жизни людей, современному облику и будущему северных городов и посёлков [2].

Особенно остро вопрос качества жизни и создания необходимых для её поддержания условий встает при освоении непростых для обустройства территорий, к которым можно отнести рассматриваемые в данной статье территории Дальнего Востока и Арктики.

Государственная земельная политика по освоению восточных и северных территорий страны имеет глубочайшие исторические традиции и приоритетное значение для утверждения России как самостоятельной цивилизации. Несмотря на то, что богатейшие природные ресурсы и свободные земли всегда были мощным стимулом для продвижения вглубь страны, активное системное развитие этих регионов началось со второй половины XIX века. Важнейшим этапом этого процесса стала реформа Председателя Правительства Российской империи Петра Аркадьевича Столыпина, который сформулировал и претворил в жизнь идею о том, что основой преобразования окраинных земель России должно являться переселение, то есть укрепление их человеческого потенциала. Результатом этой политики стало прибытие только в Сибирь в 1906–1914 гг. свыше 3 млн человек из густонаселенных губерний центральной России, Малороссии, Беларуссии, Балтийского края и других регионов [3].

При этом основополагающим фактором столыпинской реформы послужило именно решение земельного вопроса. Предоставление государственных земель переселенцам с одновременным выделением им ссуд и созданием необходимой инфраструктуры (строительство дорог, школ и больниц, обеспечение сельхозтехникой и семенами и т. д.) дало мощнейший импульс освоению новых земель.

В настоящее время обеспечение динамичного стратегического развития Дальнего Востока и Арктики является одним из ключевых направлений государственной политики Российской Федерации. При выработке и реализации правовых, экономических институциональных механизмов развития данных регионов следует как опираться на исторический опыт, так и учитывать современные вызовы и проблемы. Как и ранее, эффективная реализация любых национальных и международных проектов невозможна без привлечения людей на эти земли, отличающиеся экстремальными природно-климатическими условиями и

низким уровнем социально-экономической инфраструктуры.

Однако на сегодняшний день именно снижение естественного прироста населения, миграционный отток и, соответственно, сокращение численности населения являются одними из наиболее острых проблем государственной политики России на этих территориях.

Так, согласно данным Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, численность населения на территории современного Дальневосточного федерального округа за 27 лет сократилась в 1,3 раза – с 10,5 млн человек в 1991 году до 8,2 млн человек в 2019 году, а число жителей Дальневосточного федерального округа ежегодно уменьшается на 0,3–0,5 %.

Успешное решение обозначенной проблемы предполагает скоординированную деятельность органов публичной власти, субъектов предпринимательства, институтов гражданского общества при активном участии непосредственно граждан России, что требует принятия действенных мер как на федеральном, так и на региональном уровнях.

Поскольку важнейшим и слабо освоенным ресурсом дальневосточной и арктической зон является земля, эффективное использование земельных ресурсов способно стать самостоятельным фактором пространственного развития России, а также обеспечить реализацию задач в сфере социально-экономической, демографической и культурной политики.

Базовые нормативные документы стратегического развития Дальнего Востока и Арктики устанавливают баланс двух приоритетов [4]: с одной стороны, упрощение порядка предоставления гражданам земельных участков в целях осуществления экономической и иной не запрещенной законом деятельности как фактор развития арктических территорий; с другой – охрана окружающей среды и защита исконной среды обитания и традиционного образа жизни коренных малочисленных народов как необходимое условие землепользования и осуществления хозяйственной деятельности в арктических регионах.

Конкретные формы решения земельного вопроса на этих территориях определены в государственных программах «Дальневосточный гектар» и «Гектар Арктики», регулируемых Федеральным законом от 01.05.2016 № 119-ФЗ «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муници-

пальной собственности и расположенных в арктической зоне Российской Федерации и на других территориях Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (Закон № 119-ФЗ).

Анализ положений указанного Закона, а также принятых в его развитие подзаконных актов позволяет сделать вывод о создании гибкого и в целом эффективного правового механизма освоения земель северных и дальневосточных территорий:

– безвозмездность передачи земли в пользование с возможностью ее получения в собственность через 5 лет;

– удобная инновационная форма подачи заявки через Федеральную информационную систему «надальнийвосток.рф», которая дает возможность самостоятельно подготовить схему и образовать земельный участок;

– возможность получения до 10 гектаров при условии совместной заявки (до 10 участников), что мотивирует к объединению усилий в освоении земель;

– возможность осуществлять любой не запрещенный законом вид деятельности и достаточный срок (2 года) для определения способа использования земельного участка: строительство, туризм, мелкое и среднее предпринимательство, лесное и сельское хозяйство и т. д.;

– внедрение «дальневосточной ипотеки» и иных мер государственной поддержки переселенцев, позволяющих быстро адаптироваться по новому месту жительства и трудовой деятельности (льготное кредитование, особое налоговое регулирование, а также перспективный механизм развития «опорных арктических агломераций» [5]).

Несмотря на то, что нормативное предоставление и использование дальневосточного и арктического гектаров регулируются одним Законом № 119-ФЗ, различия между двумя программами присутствуют. Наиболее существенное из них – возможность получить гектар Арктики на территории, входящей в состав земель городов. По замыслу законодателя, это будет способствовать значительному ускорению освоения таких земельных участков за счет близости к населенным пунктам и использования их дорожной, энергетической, социальной и иной инфраструктуры. Кроме того, нахождение в черте городов или в непосредственной близости от них позволит более динамично развивать предпринимательскую деятельность в сфере оказания услуг населению, туризма, строительства и т. д.

Второй отличительной чертой арктической гектарной программы является участие в её реализации Общественного совета Арктической зоны – совещательно-консультативного органа, созданного в 2020 году при Министерстве Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Общественный совет обеспечивает участие институтов гражданского общества в мониторинге взаимодействия резидентов Арктической зоны с проживающими на ней коренными малочисленными народами, разработке мероприятий по защите окружающей среды и выработке предложений по повышению эффективности управления северными территориями. Данный подход вводит дополнительный инструмент общественного контроля за гармоничным развитием Арктики, сохранением её этнического разнообразия и уникальных экосистем. О перспективности данных программ свидетельствует также последовательное расширение как их географии, так и субъектного состава участников. Так, если изначально с 2016 года «Дальневосточный гектар» вводился лишь в 9 субъектах Российской Федерации, то теперь его действие распространяется на 18 регионов, дополнительно охватывая земли Республики Бурятия и Забайкальского края [6], а также арктических территорий [7].

Кроме того, на старте проекта подать заявку на его получение могли только граждане России. Однако с 28 марта 2019 года к участию в программе смогли присоединиться граждане зарубежных стран, имеющих статус участников Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию зарубежных соотечественников, а также переселяющиеся с ними на постоянное место жительства члены семей [8].

Аналогично с 1 февраля 2022 года право на предоставление арктического гектара, изначально закрепленное только за жителями Арктической зоны, распространилось на всех граждан Российской Федерации, а также на вышеуказанную категорию переселенцев.

Таким образом, земельный вопрос на северных и дальневосточных территориях призван сыграть значимую роль в важнейшей задаче по освоению Дальнего Востока и Арктики.

Вместе с тем, несмотря на колоссальное стратегическое значение и приоритетный характер для государственной политики России обеих программ, их промежуточные итоги свидетельствуют о том, что преобразовательный потенциал «гектаров» реализован пока далеко не в полном объеме.

Согласно заявлению Председателя Правительства Российской Федерации Михаила Вла-

димировича Мишустина, за 7 лет с момента запуска программы «Дальневосточный гектар» ее участниками стали около 120 тысяч граждан (по состоянию на 31.10.2023) [9]. За два года действия «Арктического гектара», по данным Минвостокразвития России, землю арктических территорий получили лишь 5 тысяч человек [10]. Несмотря на определенную позитивную динамику, указанные показатели далеки от результатов столыпинской реформы и пока не свидетельствуют о серьезном влиянии на демографическую ситуацию в регионах Дальнего Востока и Арктики.

Для повышения эффективности гектарных программ целесообразно инициировать принятие ряда дополнительных мер по дальнейшему совершенствованию как процедуры предоставления земельных участков и их последующей передачи в собственность, так и правоприменительной деятельности государственных органов, ответственных за их реализацию. Так, сегодняшний выбор доступных для получения «гектаров» представляется весьма ограниченным с учетом большого количества территорий, изъятых из программ. К ним относятся, например, месторождения полезных ископаемых, ареалы традиционного природопользования коренных народов, государственные заказники и заповедники, а также не пригодные к ведению какой-либо деятельности земли.

Представляется, что власти субъектов Российской Федерации, участвующие в данных программах, должны более эффективно подбирать потенциально интересные для граждан участки, исходя из их потребности в дальнейшем использовании земель. Отдельного внимания требует вопрос развития тех территорий, которые в настоящее время являются труднодоступными, а поэтому не пользуются интересом у граждан.

Если обратиться к статистике предоставленных в пользование арктических гектаров в привязке к субъектам Российской Федерации, то можно увидеть, что тройка лидеров выглядит вполне предсказуемо: Мурманская область (оформлено 3026 гектаров), Республика Карелия (698 га), Архангельская область (503 га). Четвертое место занимает Ямало-Ненецкий автономный округ с 424 оформленными гектарами, что в 7 раз меньше показателя по лидирующей Мурманской области [11]. Это лишь еще раз подтверждает, что определяющим для граждан мотивом выбора местоположения участков становится близость к уже развитым территориям, в то время как для государства существует потребность в заселении именно дальних регионов с целью их развития и укрепления безопасности страны.

Но даже и в том случае, когда граждане делают свой выбор в пользу не самых востребованных регионов, они сталкиваются со сложностями в оформлении земельных участков. Рассмотрим два примера существующей судебной практики по отказам в предоставлении земельных участков на территории Забайкальского края [12] и Амурской области.

В первом случае участник программы «Дальневосточный гектар» получил в безвозмездное пользование гектар из состава земель лесного фонда на территории Забайкальского края. Определившись с видом разрешенного использования земельного участка (индивидуальное жилищное строительство), он обратился в Министерство природных ресурсов Забайкальского края с заявлением о предоставлении участка в собственность. В ответ на заявление поступил отказ с указанием на то, что земельный участок относится к землям лесного фонда.

Рассматривая материалы дела, суд первой инстанции сделал вывод о неправомерности отказа в предоставлении земельного участка и обязал Министерство природных ресурсов Забайкальского края повторно рассмотреть заявление гражданина. В своем решении суд исходил из положения ч. 6, 8.1 ст. 8 Закона № 119-ФЗ, предусматривающего право использования участка из состава земель лесного фонда, в том числе для индивидуального жилищного строительства, в случае перевода участка в земли иных категорий в уведомительном порядке, не требующем принятия решения о переводе земельного участка из одной категории земель в другую категорию. На момент принятия судебного решения данный земельный участок был переведен в категорию земель населенных пунктов с разрешенным использованием в целях индивидуального жилищного строительства и внесением соответствующих сведений в ЕГРН. Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции оставлено в силе [13].

Стоит оговориться, что проблема отражения сведений о землях, переведенных из состава лесного фонда, в Едином государственном реестре недвижимости неоднократно обсуждалась в научных кругах [14]. Применительно к гектарным программам надлежащие сведения о таких территориях имеют важное значение, поскольку ошибки в их учете служат основанием для отказа в предоставлении земельных участков в собственность. Такие ситуации, как видно из практики, порождают в дальнейшем новые судебные разбирательства.

В качестве второго примера можно привести судебное дело, дошедшее до Верховного Суда Российской Федерации, о признании незаконным отказа администрации г. Тынды Амурской области в предоставлении земельного участка. Получив отказ по причине совпадения местоположения запрашиваемого земельного участка с участком, ранее образованным на основании принятого решения уполномоченного органа, гражданин обратился в районный суд с административным иском с заявлением.

Интересным в данном деле является то, что оспаривался не сам факт совпадения местоположения участков, а ранее принятое решение органа местного самоуправления об утверждении схемы расположения земельного участка. Так, для строительства многоквартирного дома в апреле 2011 года постановлением мэра города была утверждена схема расположения земельного участка. При этом при выборе участка не был соблюден порядок, предусмотренный частью 5 статьи 30 и частями 5, 6 и 8 статьи 31 Земельного кодекса Российской Федерации [15]. Не произведено выполнение кадастровых работ и кадастрового учета земельного участка, оформление акта о выборе земельного участка и принятие решения о его предоставлении для строительства. Отдельно в рамках дела исследовался вопрос о сроке действия решения об утверждении схемы расположения участка и непринятии дальнейших мер со стороны администрации города по предоставлению участка для строительства в течение длительного периода времени. Потратив в общей сложности более трех лет на разбирательства и пройдя все судебные инстанции, гражданин смог в результате добиться отмены решения об отказе в предоставлении земельного участка и признании его незаконным.

Наличие подобных случаев, безусловно, снижает мотивацию потенциальных участников «тектарных программ» и не прибавляет последним популярности. Возникает ситуация, при которой, с одной стороны, разработано правовое регулирование, государство поддерживает граждан, решившихся на переселение, проводит огромную работу, направленную на повышение качества жизни людей, с другой – на практике есть проблемные моменты при оформлении земельных участков.

Учитывая наличие таких спорных ситуаций, органам местного самоуправления предлагается не доводить такие моменты до решения судебных органов, а разрешать вопросы в досудебном порядке, создавая максимально благоприятные

условия для участия граждан в реализации соответствующих государственных программ.

В целом, решение задачи качественного преобразования арктических и дальневосточных земель и динамичного развития данных регионов предполагает, наряду с использованием указанных в статье механизмов, проведение государством просветительской работы. Такая деятельность будет способствовать развитию у граждан России ответственного отношения к труду на земле и пониманию её ценностного значения и обеспечивать пространственное развитие нашей страны. В свою очередь, такой проактивный подход государства будет способствовать как ликвидации со стороны граждан правовой безграмотности, так и «осознанному природопользованию и ощущению себя как мельчайшей частицы окружающей нас природы» [16].

Список источников

1. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.
2. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72951>.
3. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения: монография / ИЗИСП. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2019. С. 24–25.
4. Национальная программа социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года, Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года и Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года.
5. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72097>.
6. Указ Президента РФ от 03.11.2018 № 632 «О внесении изменений в перечень федеральных округов, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2000 г. № 849» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310322/#dst100009.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об особенностях предоставления гражданам земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности и расположенных на территориях субъектов Российской Федерации, входящих в состав Дальневосточного федерального округа, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.06.2021 № 226-ФЗ [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388478/.
8. Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 (ред. от 22.11.2023) «О мерах по оказанию содействия до-

бровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом») [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/.

9. <https://www.interfax-russia.ru/far-east/main/bole-120-tys-chelovek-poluchili-uchastki-po-programmedalnevostochnyy-gektar>.

10. <https://arctic-russia.ru/article/arkticheskiy-gektar-v-2023-godu-promezhutochnye-itogi-programmy/>.

11. https://minvr.gov.ru/press-center/news/za_dva_goda_gektary_v_arktike_vzyali_bolee_5_tysyach_chelovek/.

12. Уникальный идентификатор дела 75RS0025-01-2022-001501-58. https://chitinski--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=306638678&delo_id=41&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1.

13. https://oblsud--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18018196&case_uid=0b98bd6b-20aa-4245-86b0-c5132ded2887&delo_id=42.

14. Липски С.А. Лесная амнистия 2017 года в комплексе текущих правовых проблем лесопользователей // Аграрное и земельное право. 2017. № 9 (153). С. 66–70.

15. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 14.02.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.

16. Межеранов В.И., Плюснина Ю.А., Багреева Е.Г. Уровень правовой культуры россиян в области экологического права // Самоуправление. 2020. № 3 (120). С. 297–290 [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43811859>.

References

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 07.05.2024 № 309 «O nacional'ny`x celyax razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2030 goda i na perspektivu do 2036 goda» [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015>.

2. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72951>.

3. Andrichenko L.V., Plyugina I.V. Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: tendencii razvitiya i praktika primeneniya: monografiya / IZiSP. M.: NORMA, INFRA-M, 2019. S. 24–25.

4. Nacional'naya programma social'no-e'konomicheskogo razvitiya Dal'nego Vostoka na period do 2024 goda i na perspektivu do 2035 goda, Osnovy` gosudarstvennoj politiki Rossijskoj Federacii v Arktike na period do 2035 goda i Strategiya razvitiya Arkticheskoy zony` Rossijskoj Federacii i obespecheniya nacional'noj bezopasnosti na period do 2035 goda.

5. <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72097>.

6. Ukaz Prezidenta RF ot 03.11.2018 № 632 «O vnesenii izmenenij v perechen` federal'ny`x okrugov,

utverzhdenny`j Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 13 maya 2000 g. № 849» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310322/#dst100009.

7. Federal'ny`j zakon «O vnesenii izmenenij v Federal'ny`j zakon «Ob osobennostyax predostavleniya grazhdanam zemel'ny`x uchastkov, naxodyashhixsya v gosudarstvennoj ili municipal'noj sobstvennosti i raspolozhenny`x na territoriyax sub`ektov Rossijskoj Federacii, vxodyashhix v sostav Dal'nevostochnogo federal'nogo okruga, i o vnesenii izmenenij v ot del'ny`e zakonodatel'ny`e akty` Rossijskoj Federacii» i ot del'ny`e zakonodatel'ny`e akty` Rossijskoj Federacii» ot 28.06.2021 № 226-FZ [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388478/.

8. Ukaz Prezidenta RF ot 22.06.2006 № 637 (red. ot 22.11.2023) «O merax po okazaniyu sodejstviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossijskuyu Federaciyu sootchestvennikov, prozhivayushhix za rubezhom» (vmeste s «Gosudarstvennoj programmoj po okazaniyu sodejstviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossijskuyu Federaciyu sootchestvennikov, prozhivayushhix za rubezhom») [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61111/.

9. <https://www.interfax-russia.ru/far-east/main/bole-120-tys-chelovek-poluchili-uchastki-po-programmedalnevostochnyy-gektar>.

10. <https://arctic-russia.ru/article/arkticheskiy-gektar-v-2023-godu-promezhutochnye-itogi-programmy/>.

11. https://minvr.gov.ru/press-center/news/za_dva_goda_gektary_v_arktike_vzyali_bolee_5_tysyach_chelovek/.

12. Unikal'ny`j identifikator dela 75RS0025-01-2022-001501-58. https://chitinski--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=doc&number=306638678&delo_id=41&case_type=0&new=0&text_number=1&srv_num=1.

13. https://oblsud--cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=18018196&case_uid=0b98bd6b-20aa-4245-86b0-c5132ded2887&delo_id=42.

14. Lipski S.A. Lesnaya amnistiya 2017 goda v komplekse tekushhix pravovy`x problem lesopol'zovatelej // Agrarnoe i zemel'noe pravo. 2017. № 9 (153). S. 66–70.

15. Zemel'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. ot 14.02.2024) [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/.

16. Mezheranov V.I., Plyusnina Yu.A., Bagreeva E.G. Uroven` pravovoj kul'tury` rossiyan v oblasti e'kologicheskogo prava // Samoupravlenie. 2020. № 3 (120). S. 297–290 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43811859>.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья
УДК 349.4
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_95

К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ПОНЯТИЯ «ВИДЫ РАЗРЕШЕННОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ»

ЩЕБЛЕНКОВ Максим Евгеньевич

Аспирант Государственного университета по землеустройству
105064, г. Москва, ул. Казакова, д.15, Российская Федерация

Аннотация: Статья посвящена анализу понятия «виды разрешенного использование земельных участков» в контексте земельного и градостроительного права Российской Федерации. Автор рассматривает позиции других исследователей относительно того, какое понятие должно быть закреплено в законодательстве, и предлагает свой собственный вариант определения. Также в работе рассматривается позиция судов по данному вопросу.

Ключевые слова: разрешенное использование земельного участка, земельное право, земельный участок, вид разрешенного использования, судебная практика

Для цитирования: Щебленков М.Е. К вопросу об определении понятия «виды разрешенного использования земельных участков» // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 95. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_95

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

PERMITTED USE OF LAND PLOTS: SOME PROBLEMS IN DEFINING THE CONCEPT

SHCHEBLENKOV Maxim Evgenievich

Postgraduate Student of State University of Land Management
105064, Moscow, Kazakova str., 15, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the analysis of the concept of «types of permitted use of land plots» in the context of land and urban planning law of the Russian Federation. The author examines the positions of other authors on how the concept should be enshrined in legislation, and offers his own version of the definition. The position of the courts on this issue is also being considered.

Keywords: permitted use of land plot, land law, land plot, type of permitted use, court practice

For citation: Shcheblenkov M.E. Permitted Use of Land Plots: Some Problems in Defining the Concept = Eurasian advocacy. 2024;4(69):95. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_95

Проблема управления земельными ресурсами неизменно занимает центральное место в экономическом развитии каждой страны. Эффективное использование земельных ресурсов, их стратегическое распределение и устойчивое сохранение имеют решающее значение для обеспечения стабильного функционирования экономики. Более того, эти методы необходимы для защиты окружающей среды, что является фундаментальным аспектом нашей долгосрочной устойчивости. Мы считаем, что сегодня важность экологической безопасности сравнима с важно-

стью решения глобальных проблем [5]. Актуальность экологических проблем возросла до такой степени, что теперь они требуют нашего внимания и действий с той же степенью серьезности и приоритетности.

Решение земельного вопроса на основе комплексного и дальновидного подхода имеет определяющее значение. Для разработки политики и практических мер, способствующих устойчивому развитию и сохранению окружающей среды, требуются согласованные усилия всех слоев общества. Только благодаря таким целенаправленным

усилиям мы сможем достичь баланса между экономическим прогрессом и экологической устойчивостью, тем самым обеспечив лучшее будущее для планеты и ее обитателей. И совершенствование законодательства является одним из способов решения земельного вопроса.

В силу ст. 42 ЗК РФ собственники и обладатели иных вещных прав на земельный участок обязаны использовать землю как в соответствии с целевым назначением, так и с разрешенным использованием [1]. Таким образом, вид разрешенного использования земельного участка является неотъемлемой частью земельного участка. Поэтому мы считаем, что понятие видов разрешенного использования земельных участков должно быть закреплено в законодательстве.

В настоящее время понятие «виды разрешенного использования земельных участков» остается неопределенным как в законодательстве, так и в юридической науке, что создает двусмысленность и непоследовательность в его применении. Многие специалисты пытались сформулировать данное определение, однако общепринятого термина так и не появилось.

Например, некоторые ученые утверждают, что понятие «виды разрешенного использования земельных участков» относится к конкретному разрешенному целевому использованию земельного участка [7, с. 23]. Они основывают свою аргументацию на том, что суть разрешенного использования заключается в правах человека на использование участка земли. Такая перспектива, на наш взгляд, упрощает понимание и предотвращает двусмысленность в терминологии, тем самым способствуя более четкому пониманию концепции разрешенных видов землепользования. Такая ясность имеет решающее значение для юридического и практического применения, что делает толкование особенно ценным для тех, кто занимается управлением земельными ресурсами и разработкой политики.

С другой стороны, словарь юридических терминов определяет понятие «виды разрешенного использования земельных участков» как часть более широкой правовой категории, называемой «правовой режим земель». Он характеризует это как допустимое использование земельных участков определенной категории земель, рассматривая эту категорию как этап в процессе освоения земель [6, с. 32]. Мы считаем, что эта точка зрения дает более структурированное представление о различных видах разрешенного землепользования. Такая структурированная точка зрения помогает понять, как типы землепользования

вписываются в общую правовую базу, регулирующую управление земельными ресурсами. Она подчеркивает последовательный характер категоризации и использования земель, способствуя более упорядоченному пониманию законного землепользования.

На наш взгляд, наиболее логичным выводом является то, что разрешенное использование земельного участка охватывает ряд параметров и видов допустимого использования полезных свойств земли и природных ресурсов, включая объекты недвижимости в экономических или потребительских целях, как это регулируется законом или иными правовыми нормами [4, с. 33]. Мы считаем, что такая позиция является системной, поскольку она включает в себя многочисленные аспекты использования земельных участков и связанных с ними объектов. Этот подход признает многогранный характер землепользования, включая экономические и потребительские цели, и соответствует правовым нормам. Рассматривая весь спектр использования земли и ресурсов, этот системный подход гарантирует учет всех соответствующих аспектов, способствуя эффективной и законной практике управления земельными ресурсами.

При анализе выводов специалистов становится ясно, что установление четкого определения понятия «виды разрешенного использования земельных участков» имеет важное значение. Отсутствие этого определения в настоящее время приводит к значительной путанице в юридической и судебной сферах. Эта путаница негативно сказывается на эффективности землепользования и охраны земель, подчеркивая настоятельную необходимость совершенствования земельного и градостроительного законодательства.

Так, Арбитражный суд Северо-Кавказского округа считает, что вид разрешенного использования земельного участка представляет собой разрешенное использование земельного участка, основанное на зонировании территории, заключается в определении конкретных видов деятельности, которая может вестись землепользователем на предоставленном ему земельном участке [2].

Арбитражный суд Северо-Кавказского округа подчеркивает необходимость правовой ясности и конкретных рекомендаций в отношении «видов разрешенного использования земельных участков». Данный подход направлен на установление четких правил допустимой деятельности на земельных участках, способствуя последовательности и предсказуемости правоприменительной

практики и снижая риск непропорционального использования.

То, что суд опирается на Земельный кодекс и Градостроительный кодекс Российской Федерации, подчеркивает важность соблюдения установленных правовых рамок. Такой подход обеспечивает структурированную и предсказуемую среду для землепользования, что имеет важное значение для экономической стабильности и правовой согласованности.

Суд уделяет особое внимание зонированию и заранее определенным видам деятельности, его позиция сводит к минимуму правовую двусмысленность. Такая ясность имеет решающее значение как для землевладельцев, так и для властей, поскольку снижает вероятность возникновения споров и обеспечивает использование земли в соответствии с ее целевым назначением. Хотя акцент суда на правовой определенности полезен, в некоторых контекстах он может быть слишком жестким. Такой подход может ограничить гибкость в землепользовании, потенциально препятствуя инновационному или адаптивному использованию земель, которые не вписываются в заранее определенные категории.

По другому делу Третий арбитражный апелляционный суд пришел к выводу, что под видами разрешенного использования земельного участка понимается совокупность параметров и видов допустимого использования полезных свойств земельного участка и расположенных на нем природных ресурсов [3].

Считаем, что данная позиция более гибкая и многоаспектная, учитывая различные способы использования земельных участков и связанных с ними ресурсов. Суд рассматривает разрешенное использование не только в контексте зонирования, но и с точки зрения функционального применения и рационального использования ресурсов. Такая позиция может способствовать более эффективному управлению земельными ресурсами, однако она также может привести к правовой неопределенности и увеличению рисков злоупотреблений.

Позиция Третьего арбитражного апелляционного суда допускает более широкое толкование землепользования. Рассматривая различные способы использования земли и связанных с ней ресурсов, суд признает динамичный характер землепользования, которое может адаптироваться к меняющимся экономическим, социальным и экологическим потребностям.

Этот подход делает акцент на функциональном применении и рациональном использова-

нии земли и ресурсов, способствуя повышению эффективности и практичности. Не будучи чрезмерно предписывающим, он позволяет землепользователям максимально использовать потенциал своих земель в соответствии с правовыми нормами и практическими потребностями.

Однако гибкость, присущая такому подходу, может привести к правовой неопределенности. Без четких определений существует риск непоследовательного применения закона, что может привести к спорам и потенциальным злоупотреблениям. Широкое толкование может также осложнить правоприменение и надзор, затрудняя обеспечение соблюдения нормативных актов.

Каждый суд исходил из той правоприменительной практики, которая сформировалась в рамках данного суда. Однако подобное приводит к тому, что суды могут толковать действующее законодательство в слишком «узких» или в слишком «широких» формулировках, что гарантированно приведет к нарушению прав одной из сторон.

Различия в позициях судов относительно определения «разрешенного использования земельного участка» свидетельствуют о необходимости баланса между правовой определенностью и гибкостью в правоприменении. Арбитражный суд Северо-Кавказского округа обеспечивает стабильность и предсказуемость, тогда как Третий арбитражный апелляционный суд предоставляет гибкость и адаптивность. Обе позиции имеют свои преимущества и недостатки, и важно стремиться к их интеграции для обеспечения справедливости и эффективности в управлении земельными ресурсами.

Установление формального определения понятия «виды разрешенного использования земельных участков» в законодательстве имеет важное значение для обеспечения согласованного толкования и применения закона в различных контекстах. Мы считаем, что виды разрешенного использования земельных участков охватывают конкретные категории, тщательно определенные нормативными актами, которые определяют их допустимость на конкретном участке в строгом соответствии с его целевым назначением, руководящими принципами землепользования и застройки, протоколами по охране окружающей среды и целым рядом других необходимых юридических критериев. Такой комплексный подход не только повышает ясность и согласованность правовых рамок, но и служит для обеспечения целостности практики землепользования в условиях меняющегося нормативно-правового поля.

Таким образом, законодательное закрепление понятия видов разрешенного использования земельного участка является необходимым для единого понимания и единого применения законодательства. Анализ нормативно-правовой базы и судебной практики показывает, что отсутствие точного определения понятия «вид разрешенного использования земельного участка» порождает неопределенность.

Таким образом, крайне важно установить четкое и формальное определение видов разрешенного использования земельных участков в рамках законодательной базы, что будет способствовать единообразию как в понимании, так и в применении правовых норм. Тщательный анализ существующей нормативной базы и судебных прецедентов подчеркивает, что отсутствие конкретного определения приводит к повсеместной двусмысленности и неопределенности. И эта неопределенность может привести к практическим проблемам. Считаем, что для эффективного решения этой проблемы необходимо совершенствование нормативно-правовой базы, улучшение механизмов государственного регулирования в сфере землепользования, а также повышение квалификации специалистов, занятых в этой области.

Список источников

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. 14.02.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. 29 октября. № 44. Ст. 4147.
2. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 25.12.2023 по делу № А18-3967/2022.
3. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 08.08.2016 по делу № А33-23079/2013.
4. Анисимов А.П. Разрешенное использование земельных участков: вопросы теории // Гражданское право. 2006. № 4. С. 32–35.
5. Багреева Е.Г., Землин А.И. Правовая культура законодательства и правовые проблемы экологической безопасности в сфере транспортного комплекса // Юридический мир. 2019. № 6. С. 30–33.

6. Голиченков А.К. Экологическое право России: словарь юридических терминов: учеб. пособ. для студентов вузов, обучающихся по направлению 521400 «Юриспруденция» и специальности 021100 «Юриспруденция»: для юридических факультетов университетов и юридических высших учебных заведений. М.: Городец, 2008.

7. Крассов О.И. Понятие и содержание правового режима земель // Экологическое право. 2003. № 1. С. 20–25.

References

1. Zemel'ny`j kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 № 136-FZ (red. 14.02.2024) // Sbornie zakonodatel'stva RF. 2001. 29 oktyabrya. № 44. St. 4147.
2. Postanovlenie Arbitrazhnogo suda Severo-Kavkazskogo okruga ot 25.12.2023 po delu № A18-3967/2022.
3. Postanovlenie Tret'ego arbitrazhnogo apellyacionnogo suda ot 08.08.2016 po delu № A33-23079/2013.
4. Anisimov A.P. Razreshennoe ispol'zovanie zemel'ny`x uchastkov: voprosy` teorii // Grazhdanskoe pravo. 2006. № 4. S. 32–35.
5. Bagreeva E.G., Zemlin A.I. Pravovaya kul'tura zakonotvorchestva i pravovy`e problemy` e`kologicheskoy bezopasnosti v sfere transportnogo kompleksa // Yuridicheskij mir. 2019. № 6. S. 30–33.
6. Golichenkov A.K. E`kologicheskoe pravo Ros-sii: slovar` yuridicheskix terminov: ucheb. posob. dlya studentov vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu 521400 «Yurisprudenciya» i special'nosti 021100 «Yurisprudenciya»: dlya yuridicheskix fakul'tetov universitetov i yuridicheskix vy`sshix uchebny`x zavedenij. M.: Gorodecz, 2008.
7. Krassov O.I. Ponyatie i sodержanie pravovogo rezhima zemel` // E`kologicheskoe pravo. 2003. № 1. S. 20–25.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРА КОНВЕРТИРУЕМОГО ЗАЙМА В США И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

ТРОФИМОВ Илья Петрович

Аспирант кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, партнёр и руководитель отдела правового консультирования ООО «Консультационная группа «ТИМ»
115054, г. Москва, Стремянный пер., д. 36, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассмотрено регулирование конвертируемого займа в США, договорные конструкции по модели SAFE и KISS, проанализировано регулирование конвертируемого займа в Великобритании, в том числе использование модели ASA.

Ключевые слова: конвертируемый заем, корпоративные отношения, хозяйственное общество, корпоративный договор, инвестиционные вложения

Для цитирования: Трофимов И.П. Особенности правового регулирования договора конвертируемого займа в США и Великобритании // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 99. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_99

SPECIAL ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF A CONVERTIBLE LOAN AGREEMENT IN THE USA AND UNITED KINGDOM

TROFIMOV Ilya Petrovich

Postgraduate student of the Department of Civil Law Disciplines of the Russian Economic University. G.V. Plekhanova, partner and head of the legal consulting department of TIM Consulting Group LLC
115054, Moscow, Stremyanny lane, 36, Russian Federation

Abstract: The article considers the regulation of convertible loan in the U.S., contractual constructions under the SAFE and KISS models, the regulation of convertible loan in the UK is analyzed, including the use of the ASA model.

Keywords: convertible loan, corporate relations, business entity, corporate agreement, investment investments

For citation: Trofimov I.P. Special Aspects of the Legal Regulation of a Convertible Loan Agreement in the USA and United Kingdom = Eurasian advocacy. 2024;4(69):99. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_99

Зарождение современного отечественного корпоративного права берет свое начало с конца XX века. На сегодняшний момент российскому правопорядку известно много новых институтов, включая, в том числе, и исследуемый нами институт конвертируемого займа, который использовался юристами и правоведами в начале 2000-х годов как один из инструментов венчурного финансирования и получил свое дальнейшее развитие в виде отдельного института договора конвертируемого займа, который стал поименованным в российском законодательстве в 2021 году. Законодатель, продолжая тенденцию заимство-

вания зарубежного опыта, институализировал отношения конвертируемого займа, опираясь на страны англосаксонской правовой семьи. Об этом неоднократно упоминалось в существующих на настоящее время работах российских ученых [1].

Таким образом, очевидно, что для отслеживания тенденций развития института конвертируемого займа в российском праве невозможно обойтись без обращения к законодательству стран Соединенного Королевства и США, где рынок венчурных инвестиций уже давно воспринял исследуемую модель корпоративного финансирования. Таким образом, в настоящей статье мы поста-

раем рассмотреть механизмы инвестирования в таких странах, как США и Великобритания, по модели конвертируемого займа, как в классическом варианте CLA (Convertible Loan Agreement), так и в разработанных моделях договора – Simple Agreement for Future Equity (SAFE), Keep it Simple Security (KISS), Advanced Subscription Agreement (ASA).

Следует оговориться, что даже при схожести регулирования корпоративных отношений в исследуемых юрисдикциях (единая правовая семья) каждое из государств имеет свою отличительную специфику как в ведении предпринимательской деятельности, так и на законодательном уровне. В связи с этим представляет интерес применение каждой модели в контексте их апробирования на территории каждой из исследуемых стран.

Соединенные Штаты Америки. Ранее уже были рассмотрены некоторые особенности института конвертируемого займа по модели Simple Agreement for Future Equity (SAFE) на территории США на примере базового законодательства и законодательства штата Калифорнии. Поэтому считаем возможным подробно не останавливаться на указанных вопросах [2].

Между тем специфика законодательства США характерна тем, что каждый штат имеет свое отдельное регулирование, основанное, в том числе, на прецедентах, что предопределяет интерес к его изучению. В частности, очевидно заслуживающим внимания справедливо можно назвать штат Делавэр и имеющееся там правовое регулирование, которое открывает широкие возможности для свободного заключения договоров, что стало одной из предпосылок успешного создания и финансирования стартапов на территории штата, чья практика также была использована и в другом штате – Калифорнии, в сердце IT-индустрии – Кремниевой долине.

В научной литературе зарубежных авторов отмечается, что, по общему правилу, компании, предполагающие осуществление венчурной деятельности (стартапы), регистрируются на территории штата Делавэр и гораздо реже – в родном штате основателей. Предпочтения в выборе рассматриваемой юрисдикции основываются на следующем:

1. Общий закон о корпорациях штата Делавэр (Delaware General Corporation Law (DGCL)) – это современный, актуальный, признанный во всем мире и копируемый корпоративный закон, который ежегодно обновляется с учетом новых изменений в предпринимательской деятельности и судебной практике;

2. В штате Делавэр существует развитое прецедентное право, толкующее DGCL, что способствует определенности в планировании бизнеса;

3. Канцлерский суд штата Делавэр (иное название – Суд справедливости США) считается одним из ведущих хозяйственных судов страны, где судьи, являющиеся экспертами в вопросах предпринимательского права, рассматривают дела в условиях беспристрастности;

4. В штате Делавэр работает эффективный и удобный офис государственного секретаря, позволяющий, в частности, оперативно заверять поданные корпоративные документы [5].

Видится, что основной причиной выбора юрисдикции в ситуации открытия компании, нуждающейся в стороннем финансировании, является именно прогрессивность законодательства, которая позволяет приходить к новым адаптированным под любые запросы предпринимательства моделям инвестирования. В этой связи стоит отметить, что, как и иные штаты, Делавэр в качестве основного инструмента финансирования прибегает к SAFE, что объясняется снижением транзакционных управленческих издержек.

Следующим искомым инструментом, ранее не описанным нами, является Keep It Simple Security (KISS), предложенный в 2014 году другим стартап-акселератором, расположенным в Кремниевой Долине, – 500 Startups.

Эта финансовая модель представлена в двух версиях. Первая из них, получившая название «Долговая версия», представляет собой разработанный под брендом 500 Startups вариант традиционного конвертируемого векселя. Вторая разновидность KISS, названная «Долевой версией», исключает из долговой версии KISS положение о процентах и дату погашения, делая ее по функциональности весьма похожей на SAFE.

Как и SAFE, KISS – это производный контракт на акции, по которому инвестор вкладывает капитал в компанию в обмен на право получить акции компании в момент будущего финансирования. Хотя в 500 Startups считают, что KISS – это нечто иное, чем SAFE, по функциям они очень похожи.

Тем не менее KISS была представлена миру 500 Startups в качестве альтернативы SAFE и все же имеет определенные отличия. Например, при применении модели KISS крупные инвесторы получают корпоративные права, в частности, право на информацию (финансовые показатели компании), а также право на участие во всех будущих финансовых операциях.

Следует отметить, что, как и договор SAFE, договор KISS на законодательном уровне в США

не закреплён, однако это не мешает заинтересованным инвесторам и иным участникам корпоративных отношений применять их на практике на основе общих принципов права.

Таким образом, можно констатировать наличие универсализации на территории США моделей финансирования вне зависимости от внутренних законов штатов. Тем не менее, принимая во внимание такие критерии, как гибкость норм и правил в предпринимательской деятельности, для организации стартапов, нуждающихся во вложении сторонних инвесторов, одним из приоритетных штатов (кроме рассмотренного в других работах штата Калифорния), определено, будет являться штат Делавэр.

Великобритания включает в себя три правовые юрисдикции: Англию и Уэльс, Шотландию и Северную Ирландию. Все три имеют общие черты и основаны на общем праве.

Соединенное Королевство, имея единую законодательную систему, определяет в качестве базового закона для корпоративного права Закон о компаниях 2006 года, где институт конвертируемого займа прямо не поименован, однако законом установлены общие правила, характерные для рассматриваемых отношений.

Во-первых, упомянутый Закон устанавливает общие начала корпоративного финансирования и возможность последующей конвертации ценных бумаг в акции (ст. 549–553).

Во-вторых, ст. 549 исследуемого Закона содержит положения о необходимости получения корпоративного одобрения от совета директоров, так как реализация конвертируемого займа включает в себя привлечение инвестора в компанию и, соответственно, увеличение уставного капитала.

Наконец, исследуемый Закон содержит положения о заемных обязательствах, что в силу природы традиционной модели конвертируемого займа (CLA) может регулироваться на основании общих принципов.

Также о легитимности конвертируемых займов упоминается в Законе о финансовых услугах и рынках 2000 года (ст. 421А) при определении группы лиц. Между тем ещё до принятия законов отношения по финансированию компаний с возможностью последующего приобретения доли участия имели место. По справедливому замечанию О.А. Рябцева, как и отечественный правовой порядок, Великобритания, а точнее судебная власть, сталкивалась с проблемой конвертации при необходимости принудительного увеличения уставного капитала или выпуске акций [3]. При этом если в США традиционные модели финансирова-

ния в виде конвертируемых кредитных векселей (CLN) и конвертируемых кредитных соглашений (CLA) не нашли широкого распространения, то в Великобритании, напротив, их использование являлось обыденным. Во многом такое положение дел обосновывалось повышенной безопасностью для инвестора, в том числе, в случае ликвидации компании.

Дополнительным стимулом к использованию CLN/CLA с мая 2020 г. по декабрь 2021 г. служила программа «Фонд Будущего», запущенная правительством Великобритании для поддержки бизнеса во время экономического спада в связи с распространением инфекции COVID-19 [4].

Между тем инвестирование по модели CLN и CLA не лишено недостатков. В зарубежной литературе в соответствии с законодательством Великобритании выделяется два основных недостатка:

– природа заемного обязательства, при которой полученное финансирование отражается в качестве долга на балансе компании (что при наличии иных моделей, исключая долговой характер, может стать камнем преткновения при поиске контрагентов) [6];

– отсутствует право на применение налоговых льгот по программам Enterprise Investment Scheme (EIS) и Seed Enterprise Investment Scheme (SEIS), разработанных для стимулирования инвестиций в акционерный капитал стартапов [7].

Имеющиеся недостатки предопределили возникновение иной модели финансирования, известной как соглашение о предварительной подписке (ASA), которое является аналогом ранее разработанного в США инструментария – SAFE.

ASA сохраняет основные преимущества своего американского аналога, такие как: простота заключения и исполнения; гибкость при определении условий конвертации; возможность для инвесторов участвовать в росте компании и получать капитализацию.

Но, как и любой инструмент финансирования, ASA имеет свои недостатки, в качестве основных можно выделить:

а) отсутствие должных мер защиты от потерь инвестиций;

б) риск возникновения конфликта в связи с наделением инвестора правами в большем размере, чем при вхождении в состав акционером посредством прямых инвестиций в капитал;

в) установление максимального предела оценки может привести к снижению притока новых инвесторов.

Видится, что какой бы способ участия в капитале венчурного предприятия ни был избран, ис-

ключение рисков не представляется возможным. Между тем по мере того как экосистема стартапов в Великобритании продолжает развиваться, ASA, вероятно, будет играть все более важную роль в финансировании их роста, поскольку предоставляет стартапам и инвесторам эффективный и гибкий инструмент для привлечения капитала и стимулирования инноваций.

Подводя итог вышесказанному, можно резюмировать, что прародители института конвертируемого займа намного продвинулись в построении схем отношений между компанией и инвесторами. Вероятно, что участниками корпоративных отношений накоплен солидный опыт использования принятых в 2013–2014 гг. моделей SAFE и KISS, характерных для США. Чуть более молодая схема инвестирования ASA, также базируясь на длительном опыте апробирования традиционных моделей конвертируемых займов, имеет успешное применение в юрисдикции Соединенного Королевства. Наконец, отечественному правопорядку, опираясь на опыт зарубежных стран, следует уделить внимание недостаткам и проблемам, возникающим при использовании договора конвертируемого займа, в целях снижения повальных злоупотреблений как со стороны инвестора, так и со стороны заинтересованных в финансировании стартапов. Попытку создания аналогичной модели договора в российской юрисдикции в свое время предпринял Фонд развития интернет-инициатив (ФРИИ) после принятия закона 2021 года, когда договор конвертируемого займа стал поименованным в российском законодательстве. Так, на сайте ФРИИ опубликован шаблон договора конвертируемого займа с различными альтернативными формулировками разделов договора с отсылками и комментариями к применимому законодательству. Можно сказать, что движение в сторону создания своих моделей договора в России ведется, и возможно, в будущем бизнес-инкубаторами и акселераторами будут предложены новые модели конвертируемого займа по аналогии с США, Великобританией и другими странами, где рассматриваемый правовой институт используется гораздо дольше, чем в России.

Список источников

1. Молотников А., Янковский Р. Конвертируемый заем и перспективы его имплементации в российскую правовую систему // Актуальные проблемы предпринимательского права / под ред. А.Е. Молотникова. М.: Стартап, 2015. Вып. IV. С. 104–111.
2. Трофимов И.П. Сравнение правового регулирования договора конвертируемого займа в США

и России // Евразийская адвокатура. 2023. № 6 (65). С. 104–108.

3. Рябцев О.А. Конвертируемый заем по модели SAFE: Выпускная квалификационная работа (магистерская диссертация) по направлению подготовки «Юриспруденция», уровень подготовки «Магистр», образовательная программа «Магистр частного права». Москва, 2022 [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/05/24/konvertiruemyj_zayom_po_modeli_safe_-_konceptsiya_i_mehanizm_raboty_po_rossijskomu_pravu.

4. Сайт проекта «Фонд Будущего» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/guidance/future-fund>.

5. Джудичи Паоло, Агстнер Питер. Стартапы и корпоративное право: конкурентное давление Делавэра на Италию (и Европу) // European Business Organization Law Review. 2019. Vol. 20 (4). 14 ноября.

6. Перри Дж. SAFEs как новые финансовые инструменты / J. Perry, M. Bolanos, J. Eatman et al. // Business Law International. 2022. Вып. 23. С. 249.

7. Income Tax Act 2007 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/3/contents/>.

References

1. Molotnikov A., Yankovskij R. Konvertiruemyj zaem i perspektivy ego implementacii v rossijskuyu pravovuyu sistemu // Aktual'ny'e problemy predprinimatel'skogo prava / pod red. A.E. Molotnikova. M.: Startap, 2015. Vy`p. IV. S. 104–111.

2. Trofimov I.P. Sravnenie pravovogo regulirovaniya dogovora konvertiruемого zajma v SShA i Rossii // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 6 (65). S. 104–108.

3. Ryabcev O.A. Konvertiruemyj zaem po modeli SAFE: Vy`pusknaya kvalifikacionnaya rabota (magisterskaya dissertaciya) po napravleniyu podgotovki «Yurisprudenciya», uroven` podgotovki «Magistr», obrazovatel'naya programma «Magistr chastnogo prava». Moskva, 2022 [E`lektronnyj resurs]. URL: https://zakon.ru/blog/2023/05/24/konvertiruemyj_zayom_po_modeli_safe_-_konceptsiya_i_mehanizm_raboty_po_rossijskomu_pravu.

4. Sajt proekta «Fond Budushhego» [E`lektronnyj resurs]. URL: <https://www.gov.uk/guidance/future-fund>.

5. Dzhudichi Paolo, Agstner Piter. Startapy i korporativnoe pravo: konkurentnoe davlenie Delave'ra na Italiyu (i Evropu) // European Business Organization Law Review. 2019. Vol. 20 (4). 14 noyabrya.

6. Perri Dzh. SAFEs kak novy'e finansovy'e instrumenty` / J. Perry, M. Bolanos, J. Eatman et al. // Business Law International. 2022. Vy`p. 23. S. 249.

7. Income Tax Act 2007 [E`lektronnyj resurs]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2007/3/contents/>.

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; одобрена после рецензирования 15.07.2024; принята к публикации 15.07.2024.

The article was submitted 12.07.2024; approved after reviewing 15.07.2024; accepted for publication 15.07.2024.

Научная статья
УДК 341.1/8
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_103

РЕГУЛИРОВАНИЕ КИБЕРПРОСТРАНСТВА С ПОМОЩЬЮ НОРМ ПРАВА

НИКИФОРОВ Илья Евгеньевич

Магистр права, аспирант кафедры публичного права Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения
196135, г. Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 14, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается возможность регулирования киберпространства при помощи норм права. Опровергается мнение о невозможности такого регулирования. Описывается прогресс ООН в данном направлении. На основе анализа принятых данной организацией документов, направленных на регулирование цифрового пространства, автором предлагается классификация норм о поведении государств в сети «Интернет» и раскрывается, почему нормативно-правовое регулирование данного пространства является обоснованным шагом.

Ключевые слова: киберпространство, Интернет, суверенитет, ответственное поведение государств, международная безопасность

Для цитирования: Никифоров И.Е. Регулирование киберпространства с помощью норм права // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 103. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_103

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

REGULATING CYBERSPACE THROUGH LAW

NIKIFOROV Ilya Evgenievich

Postgraduate Student of Department of Public Law of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Master of law
196135, St. Petersburg, Lensoveta str., 14, Russian Federation

Abstract: The article is devoted to the question of the possibility of regulating cyberspace using legal norms. The opinion that such regulation is impossible is refuted. The progress of the UN in this direction is described. Based on an analysis of the documents adopted by this organization aimed at regulating the digital space, the author proposes a classification of norms on the behavior of states on the Internet and substantiates why the legal regulation of this space is a reasonable step.

Keywords: cyberspace, Internet, sovereignty, responsible behaviour of states, international security

For citation: Nikiforov I.E. Regulating Cyberspace through Law = Eurasian advocacy. 2024;4(69):103. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_103

Существует мнение, что цифровое пространство правовому регулированию не поддается. В частности, в неофициальном документе под названием «Декларация независимости киберпространства» сказано, что юридическая концепция собственности к нему не применима, так как она основана на материальной составляющей, а в киберпространстве ее нет [1]. В декларации также открыто заявляется, что правительства суверенитетом в киберпространстве не обладают [1].

Однако данный подход не разделяется как подавляющим большинством исследователей, так и государствами на официальном уровне. Об этом свидетельствует то, что киберпространство не раз становилось предметом обсуждения в ООН, и данной организацией был выработан целый комплекс норм, посвященный такому регулированию.

Известно, что в рамках ООН рассматриваются наиболее актуальные проблемы современности [2].

Так, одной из первых резолюций ООН, направленной на регулирование цифрового пространства, стала резолюция A/RES/53/70 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [3], принятая на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН). В данном документе впервые на самом высоком уровне подчеркивалось, что новые технологии потенциально могут быть использованы в целях, несовместимых с задачами обеспечения международной стабильности и безопасности, и негативно влиять на безопасность государств. Резолюция ГА ООН A/RES/53/70 положила начало широкому обсуждению вопросов международной информационной безопасности и поиска стратегий обеспечения безопасности субъектов международных отношений от новых угроз.

Так, в частности, на 54-й сессии ГА ООН была принята Резолюция A/RES/54/50 «Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения» [4], в которой признаются возможности применения достижений науки и техники как негативный фактор влияния на международную безопасность.

В дальнейшем на 55-й сессии ГА ООН была принята обновленная Резолюция A/RES/55/28 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» [5], которая указала на угрозы международной информационной безопасности в отношении не только гражданской, но и военной сфер. По результатам работы сессии был опубликован доклад Генерального секретаря ООН [6]. В этом документе были сформулированы основные принципы международной информационной безопасности, которые определили нормы поведения государств в информационном пространстве, заложили основу для международных переговоров, в частности под эгидой ООН и других международных организаций по проблемам международной информационной безопасности, а также определили роль ООН в контексте общих усилий в этой сфере. Впервые было приведено значение понятийного аппарата системы международной информационной безопасности, а именно информационное пространство, информационный ресурс, информационная война, информационное оружие, информационная безопасность.

В соответствии с рекомендациями Резолюции A/RES/55/28 (2000) на 55-й сессии ГА ООН был опубликован доклад Генерального секретаря ООН (A/56/164/Add.1) [7], в котором выделены и описаны основные факторы, являющиеся самы-

ми большими угрозами международной информационной безопасности, а именно: разработка и использование средств несанкционированного вмешательства в работу информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), целенаправленное информационное воздействие на критические инфраструктуры другого государства; информационное влияние с целью подрыва политической, экономической и социальной системы других государств; ведение информационных войн и т. д. Согласно Резолюции ГА ООН A/RES/56/19 [8] была одобрена идея создания Группы правительственных экспертов государств – участников ООН для проведения всестороннего исследования проблемы международной информационной безопасности (Группа высокого уровня по вопросам угроз, вызовов и изменений). Мандатом Группы предусматривается рассмотрение существующих и потенциальных угроз в сфере информационной безопасности и возможных совместных мер по их устранению, а также изучение международных концепций, которые были бы направлены на укрепление безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем.

Вопрос международной информационной безопасности постоянно обсуждался на ГА ООН с целью разработки соответствующего международного документа на основе резолюций A/RES/60/51 [9] и A/RES/60/45 [10], в которых содержатся положения о важности противодействия деструктивным воздействиям. В ходе развернувшегося обсуждения на 72-й сессии ГА ООН 11 августа 2017 г. был опубликован доклад Генерального секретаря ООН (A/72/315) [11] в рамках выполнения рекомендаций Резолюции A/RES/71/28 от 5 декабря 2016 г. относительно информирования стран о своей позиции по вопросам общей оценки международной информационной безопасности и усилий, прилагаемых государствами. В этой речи были представлены официальные отчеты правительств 23 государств для укрепления международной безопасности и содействия международному сотрудничеству в этой сфере [12]. В этом контексте, учитывая распространение киберугроз, ГА ООН в 2019 г. приняла резолюцию A/RES/74/28 (2019) [13], в которой подтверждается необходимость создания открытой, безопасной, стабильной, доступной и мирной информационно-коммуникационной среды, установления доверительных отношений между государствами, расширения возможностей стран по сотрудничеству и поощрения использования новейших технологий. Это будет способствовать уменьшению риска возникновения конфликтов, что суще-

ственно важно для обеспечения международной безопасности. Вместе с тем Резолюцией ГА ООН A/RES/74/247 от 27 декабря 2019 г. [14] создан специальный межправительственный комитет открытого состава экспертов и представителей всех регионов для разработки всеобъемлющей международной конвенции о противодействии использованию информационных и коммуникационных технологий в преступных целях.

Помимо резолюций под эгидой ООН были приняты и другие документы, относящиеся к тематике киберпространства. Так, группа правительственных экспертов ООН в докладе «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» за 2013 г. подтвердила, что к киберпространству применимо международное право. В частности, пункт 20 данного документа звучит следующим образом: «Государственный суверенитет и международные нормы и принципы, вытекающие из принципа государственного суверенитета, распространяются на поведение государств в рамках деятельности, связанной с использованием ИКТ, а также на юрисдикцию государств над ИКТ-инфраструктурой на их территории» [15].

Доклад Группы правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности 2015 г. пошел еще дальше, определив конкретные международные нормы и принципы, которые применяются или должны применяться к киберпространству. В частности, пункт 26 данного документа прямо их перечисляет: «При рассмотрении вопроса о применимости норм международного права к использованию ИКТ государствами Группа определила, что важнейшее значение имеют обязанности государств в соответствии со следующими принципами Устава ООН и другими нормами международного права: суверенное равенство; разрешение международных споров мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость; отказ в международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Организации Объединенных Наций; уважение прав человека и основных свобод; невмешательство во внутренние дела других государств» [16]. Пункт 27 Доклада также подчеркивает приверженность суверенитета государства над киберпространством: «Суверенитет государств и международные нор-

мы и принципы, проистекающие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с ИКТ, и к их юрисдикции над ИКТ-инфраструктурой, расположенной на их территориях». Доклад также содержит отдельную главу под названием «Меры укрепления доверия», содержащую рекомендательные нормы по укреплению межгосударственного доверия в целях создания мирной ИКТ-среды.

Список норм, правил и принципов ответственного поведения государств, содержащийся в докладе группы правительственных экспертов 2015 г., получил широкое одобрение государств в качестве своеобразной дорожной карты для повышения уровня их кибербезопасности. Впоследствии эти нормы были одобрены ГА ООН, которая рекомендовала их в качестве руководства для государств [17]. Что касается содержания одиннадцати норм группы правительственных экспертов, изложенных в докладе за 2015 год, то их можно классифицировать следующим образом. К числу норм, наиболее полно отвечающих характеристике «добровольных и необязательных», относится ряд норм, направленных на укрепление сотрудничества между государствами в интересах повышения стабильности и безопасности при использовании ИКТ, противодействия террористическому и криминальному использованию ИКТ, а также оказания помощи в случае злонамеренных кибератак на критическую инфраструктуру [16].

Данные нормы носят рекомендательный характер. Однако призыв к государствам «сотрудничать в разработке и применении мер по повышению стабильности и безопасности при использовании ИКТ и предотвращению практики использования ИКТ, которая является вредной или может представлять угрозу международному миру и безопасности» [16], а также норма, согласно которой государства не должны «осуществлять или сознательно поддерживать деятельность по нанесению ущерба информационным системам уполномоченных групп реагирования на чрезвычайные ситуации другого государства» и использовать такие группы «для участия в злонамеренной международной деятельности» [19], опираются на общее обязательство государств воздерживаться от деятельности, которая может нарушить суверенитет других государств и может рассматриваться не как рекомендация, а как призыв к соблюдению международно-правового обязательства государства по предотвращению осуществления террористической деятельности с его территории. Аналогичным образом норма, касающаяся обмена информацией и помощи в

борьбе с террористическим или преступным использованием ИКТ, нормы в области прав человека [18], содержащие прямую ссылку на ряд резолюций Совета по правам человека [20, 23] и ГА ООН [18, 21], которые, в свою очередь, опираются на различные конвенции по правам человека и судебную практику договорных органов по правам человека, могут относиться, соответственно, к обязательствам государства по существующим конвенциям о борьбе с терроризмом и в области прав человека.

В докладе группы правительственных экспертов по поощрению ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности за 2021 год также перечислены шесть принципов международного права, применимых к киберпространству и кибердеятельности. Одним из них является принцип суверенитета: «суверенитет государств и международные нормы и принципы, проистекающие из суверенитета, применяются к осуществлению государствами деятельности, связанной с ИКТ, и к их юрисдикции над ИКТ-инфраструктурой, расположенной на их территории. К деятельности государств в сфере использования ИКТ применимы существующие обязательства по международному праву. Государства осуществляют юрисдикцию в отношении ИКТ-инфраструктуры на своей территории, в частности, принимая политические и законодательные меры и создавая необходимые механизмы для защиты ИКТ-инфраструктуры на своей территории от связанных с ИКТ угроз» [22].

По результатам анализа нормативных документов ООН можно составить следующую классификацию норм, регулирующих деятельность государств в киберпространстве:

- нормы, призывающие к укреплению межгосударственного сотрудничества (рекомендации по сотрудничеству в области предотвращения вредоносной практики использования ИКТ, обмена информацией и проведения консультаций в случае инцидентов);

- нормы, требующие от государств принятия соответствующих мер внутри страны для укрепления кибербезопасности (нормы, направленные на усиление защиты критических инфраструктур, обеспечение целостности цепочки поставок, а также на расширение информации об уязвимостях ИКТ и доступных средствах защиты);

- нормы, основанные на существующих международных обязательствах государств (правило об ответственном поведении в киберпространстве никак не противоречит правилу о должной осмотрительности).

Таким образом, тезис о невозможности регулирования киберпространства с помощью норм права следует считать ошибочным. Нормативно-правовое регулирование цифрового пространства обосновано по следующим причинам. Во-первых, право выполняет регулятивную функцию, устанавливая принципы и правила, применимые к киберпространству, и тем самым определяя, что является законным, а что – незаконным. Во-вторых, оно выполняет онтологическую функцию, конструируя в юридических терминах понятие и статус киберпространства. Таким образом, международное право натурализует киберпространство, поскольку встраивает его в известные правовые категории и модели регулирования и способствует стабильности и порядку не только в киберпространстве, но и в международной среде на глобальном уровне, приложением к которой оно является.

Список источников

1. A Declaration of the Independence of Cyberspace [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>.
2. Ермолович Г.П., Зябкин А.И. Международное право: учеб.-метод. пособ. СПб.: ГУАП, 2019. С. 96.
3. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (4 января 1999 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF6CF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/a_res_53_70.pdf.
4. Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения (23 декабря 1999 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F54%2F50&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.
5. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности (20 декабря 2000 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F55%2F28&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.
6. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности (10 июля 2000 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/421270?ln=ru&v=pdf>.
7. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности (3 октября 2001 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/%20449994?v=pdf>.
8. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности (7 января 2002 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSym>

bol=A%2FRES%2F56%2F19&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False.

9. Роль науки и техники в контексте международной безопасности и разоружения (8 декабря 2005 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/562559?ln=ru&v=pdf>.

10. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности (8 декабря 2005 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/562444?ln=ru&v=pdf>.

11. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности (11 августа 2017 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1305217?v=pdf>.

12. Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности (22 декабря 2018 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1658328?ln=ru&v=pdf>.

13. Поощрение ответственного поведения государств в киберпространстве в контексте международной безопасности (12 декабря 2019 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F74%2F28&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

14. Противодействие использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (27 декабря 2019 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRes%2F74%2F247&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

15. 68 сессия. Пункт 94 предварительной повестки дня. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. «Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (24 июля 2013 г.) // Веб-сайт ООН. [Электронный ресурс]. URL: [A/68/98\(undocs.org\)](A/68/98(undocs.org)).

16. 70 сессия. Пункт 93 предварительной повестки дня. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. «Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (22 июля 2015 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/70/174\(undocs.org\)](A/70/174(undocs.org)).

17. Резолюция 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (23 декабря 2015 г.), п. 1 и 2«а» // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/res/70/237\(undocs.org\)](A/res/70/237(undocs.org)).

18. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» (18 декабря 2013 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/RES/68/167\(undocs.org\)](A/RES/68/167(undocs.org)).

19. Пункт 13«к» Доклада 70 сессии Пункта 93 предварительной повестки дня. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. «Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации

и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (22 июля 2015 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/70/174\(undocs.org\)](A/70/174(undocs.org)).

20. Резолюция, принятая Советом по правам человека, «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (16 июля 2012 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet:\(un.org\)](The%20promotion,%20protection%20and%20enjoyment%20of%20human%20rights%20on%20the%20Internet:(un.org)).

21. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН «Право на неприкосновенность личной жизни в эпоху цифровых технологий» (18 декабря 2014 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/RES/69/166\(undocs.org\)](A/RES/69/166(undocs.org)).

22. 76 сессия. Пункт 96 предварительной повестки дня. Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. «Группа правительственных экспертов по достижениям в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» (14 июля 2021 г.) // Веб-сайт ООН: [Электронный ресурс]. URL: [A/76/135\(undocs.org\)](A/76/135(undocs.org)).

23. Резолюция, принятая Советом по правам человека, «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете» (14 июля 2014 г.) // Веб-сайт ООН [Электронный ресурс]. URL: [A/HRC/RES/26/13\(undocs.org\)](A/HRC/RES/26/13(undocs.org)).

References

1. A Declaration of the Independence of Cyberspace [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>.

2. Ermolovich G.P., Zybkin A.I. Mezhdunarodnoe pravo: ucheb.-metod. posob. SPb.: GUAP, 2019. S. 96.

3. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti (4 yanvarya 1999 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/a_res_53_70.pdf.

4. Rol` nauki i texniki v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti i razoruzheniya (23 dekabrya 1999 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F54%2F50&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

5. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti (20 dekabrya 2000 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F55%2F28&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

6. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti (10 iyulya 2000 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/421270?ln=ru&v=pdf>.

7. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti (3 oktyabrya 2001 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/%20449994?v=pdf>.

8. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhdunarodnoj bezopasnosti (7 yanvarya 2002 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES>

%2F56%2F19&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False.

9. Rol` nauki i tehniki v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti i razoruzheniya (8 dekabrya 2005 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/562559?ln=ru&v=pdf>.

10. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacii v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti (8 dekabrya 2005 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/562444?ln=ru&v=pdf>.

11. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacii v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti (11 avgusta 2017 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1305217?v=pdf>.

12. Pooshhrenie otvetstvennogo povedeniya gosudarstv v kiberprostranstve v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti (22 dekabrya 2018 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1658328?ln=ru&v=pdf>.

13. Pooshhrenie otvetstvennogo povedeniya gosudarstv v kiberprostranstve v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti (12 dekabrya 2019 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRES%2F74%2F28&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

14. Protivodejstvie ispol'zovaniyu informacionno-kommunikacionny`x tehnologij v prestupny`x celyax (27 dekabrya 2019 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://undocs.org/Home/Mobile?FinalSymbol=A%2FRes%2F74%2F247&Language=E&DeviceType=Desktop&LangRequested=False>.

15. 68 sessiya. Punkt 94 predvaritel'noj povestki dnya. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti. «Gruppa pravitel'stvenny`x e`kspertov po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti» (24 iyulya 2013 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/68/98\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/68/98).

16. 70 sessiya. Punkt 93 predvaritel'noj povestki dnya. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti. «Gruppa pravitel'stvenny`x e`kspertov po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti» (22 iyulya 2015 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/70/174\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/70/174).

17. Rezolyuciya 70-j sessii General'noj Assamblei OON «Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v

kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti» (23 dekabrya 2015 g.), p. 1 i 2«a» // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/res/70/237\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/res/70/237).

18. Rezolyuciya General'noj Assamblei OON «Pravo na neprikosnovennost` lichnoj zhizni v cifrovoj vek» (18 dekabrya 2013 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/RES/68/167\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/RES/68/167).

19. Punkt 13«k» Doklada 70 sessii Punkta 93 predvaritel'noj povestki dnya. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti. «Gruppa pravitel'stvenny`x e`kspertov po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti» (22 iyulya 2015 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/70/174\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/70/174).

20. Rezolyuciya, prinyataya Sovetom po pravam cheloveka, «Pooshhrenie, zashhita i osushhestvlenie prav cheloveka v Internete» (16 iyulya 2012 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet:\(un.org\)](https://undocs.org/A/RES/17/12).

21. Rezolyuciya General'noj Assamblei OON «Pravo na neprikosnovennost` lichnoj zhizni v e`poxu cifrovoy`x tehnologij» (18 dekabrya 2014 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/RES/69/166\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/RES/69/166).

22. 76 sessiya. Punkt 96 predvaritel'noj povestki dnya. Dostizheniya v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti. «Gruppa pravitel'stvenny`x e`kspertov po dostizheniyam v sfere informatizacii i telekommunikacij v kontekste mezhduarodnoj bezopasnosti» (14 iyulya 2021 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/76/135\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/76/135).

23. Rezolyuciya, prinyataya Sovetom po pravam cheloveka, «Pooshhrenie, zashhita i osushhestvlenie prav cheloveka v Internete» (14 iyulya 2014 g.) // Veb-sajt OON [E`lektronny`j resurs]. URL: [A/HRC/RES/26/13\(undocs.org\)](https://undocs.org/A/HRC/RES/26/13).

Статья поступила в редакцию 01.08.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 01.08.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Научная статья
УДК 347.472
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_109

ДОГОВОР ДАРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ СКВОЗЬ ПРИЗМУ АНАЛИЗА ЕГО ПРЕДМЕТНОЙ СТОРОНЫ

НИКОЛАЕВ Сергей Владимирович

Студент Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
117638, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1, Российская Федерация

Аннотация: В настоящей статье подробно исследуется сложная и насыщенная договорная конструкция дарения, которая является одной из самых востребованных сделок в современном гражданском обороте. Она предусматривает в своем обширном предметном инструментарии внушительный набор юридико-технических средств, опосредующих не только передачу имущества в собственность, но и совершение различных юридически значимых действий по передаче прав требований или освобождению от имущественной обязанности, направленных исключительно на безвозмездное увеличение имущественной сферы конкретного лица. В ходе исследования затрагивается крайне насущный вопрос о реальном соотношении двух разнородных категорий в виде предмета и объекта договора дарения, необоснованно смешиваемых законодателем в конструкции дарения в одно множество. Также акцентируется внимание на неверно сложившейся судебной практике относительно того, обязательно ли сопровождать безвозмездную выдачу простого векселя договором дарения под угрозой признания отношений недействительными, где судом выдача векселя была поставлена в зависимость от совершения гражданско-правовых сделок, что, конечно же, противоречит абстрактному характеру конструкции самого векселя, поскольку из его правовой сущности не нужно доказывать основания его выдачи, превращая в каузальное обязательство. Кроме этого, в исследовании проводится детальное сопоставление с договором дарения таких смежных правовых конструкций в виде безвозмездных прощения долга, перевода долга, сингулярной сукцессии, отказа от иска.

Ключевые слова: дарение, уступка права, перевод долга, прощение долга, обязательство, объект договора

Для цитирования: Николаев С.В. Договор дарения в современном гражданском праве сквозь призму анализа его предметной стороны // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 109. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_109

Actual Problems of Advocacy Practice

Original article

A GIFT AGREEMENT IN MODERN CIVIL LAW THROUGH THE PRISM OF AN ANALYSIS OF ITS SUBSTANTIVE SIDES

NIKOLAEV Sergey Vladimirovich

Student of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)
117638, Moscow, st. Azovskaya, 2, bldg. 1, Russian Federation

Abstract: This article examines in detail the complex contractual structure of donation, which provides for an impressive set of legal and technical means in its extensive subject tools, mediating not only the transfer of property into ownership, but also the commission of various legally significant actions to transfer the rights of claims or release from property obligations. In the course of the study, the question of the relationship between the subject and the object of the gift agreement, mixed by the legislator in the design of the gift, is raised. Attention is also focused on the incorrectly established judicial practice regarding whether it is necessary to accompany the gratuitous issuance of a promissory note with a gift agreement under threat of invalidation of the relationship, where the court made the issuance of a promissory note dependent on the commission of civil law transactions, which, of course, contradicts the abstract nature of the design of the promissory note itself, since its legal essence does not need to to prove the grounds for his extradition.

In addition, the study makes a detailed comparison with the donation agreement of such related legal structures in the form of gratuitous debt forgiveness, debt transfer, singular succession, and waiver of a claim.

Keywords: donation, assignment of rights, transfer of debt, debt forgiveness, obligation, object of contract

For citation: Nikolaev S.V. A Gift Agreement in Modern Civil Law Through the Prism of an Analysis of Its Substantive Sides = Eurasian advocacy. 2024;4(69):109. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_109

Из анализа абз. 2 п. 2 ст. 572 ГК РФ можно заметить, что законодатель включил в предмет договора дарения не только действия, но и имущество. Обсуждение данной правовой дилеммы сводится к старой и не прекращающейся дискуссии о соотношении указанных категорий. Так, ярким критиком неоправданного расширения предмета договора дарения выступает И.В. Елисеев [1, с. 122], отмечая, что по настоящее время нет никаких правовых оснований для смешения в одно множество двух разнородных объектов. М.И. Брагинский [2, с. 317] занял иную позицию, считая, что относительно реальной модели дарения предмет надлежит отождествлять исключительно с имуществом, ведь здесь не порождается никакого обязательства, нежели в консенсуальном договоре, где помимо действий имущество является составной частью предмета. Позиция М.И. Брагинского достаточно спорная, поскольку реальная модель дарения предполагает существование бытовой обязанности, а значит, здесь так же есть действие, которое нельзя не учитывать в предмете договора дарения. Поскольку данная дискуссия, не умаляя значение этой позиции для доктрины гражданского права, не препятствует дальнейшему пониманию предметной стороны рассматриваемой правовой конструкции, в целях упрощения исследовательской задачи обусловимся придерживаться понимания категорий объекта и предмета договора дарения с позиций классического подхода [3, с. 70], поддерживаемого, в том числе, И.В. Елисеевым. Сами блага, используя классическую концепцию, будем отождествлять с объектами гражданских прав, закрепленными в ст. 128 ГК РФ, к которым относятся, в частности, вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), иное имущество, имущественные права и др.

Углубляясь в содержание ст. 572 ГК РФ, можно четко провести вычленение собственно предмета и объектов договора дарения. Так, к объектам данного договора законодатель отнес вещи (индивидуально-определенные) и имущественные права, оставив за их рамками результаты работ, оказание услуг, интеллектуальную собственность. Сложный и насыщенный предмет договора дарения может быть условно разбит на пять составных частей, представляющих собой, как справедливо

отмечает М.И. Брагинский, юридико-технические средства, посредством которых дарителем выполняются действия, составляющие содержание предмета договора дарения [2, с. 317]. К таким составным частям (средствам) относятся:

– во-первых, передача дарителем вещи в собственность одаряемого. Это наиболее типичное действие рассматриваемой правовой конструкции, совершаемое по модели как реального, так и консенсуального договора;

– во-вторых, передача дарителем одаряемому имущественного права требования к самому себе. Данная конструкция позволяет одаряемому реализовывать имущественные права требования к дарителю, выразившему на началах добровольности и безвозмездности соответствующее волеизъявление. В качестве примера можно привести ситуацию, когда даритель обязуется безвозмездно оказать услуги одаряемому. Здесь же возникает интересный вопрос, можно ли посредством данного механизма распоряжаться ценными бумагами. Очевидно, что да, однако такие ценные бумаги должны быть бездокументарными, т. е. иметь форму прав требований. В отношении же документарных ценных бумаг имеем дело с имуществом, следовательно, для них закрыт указанный способ реализации предмета дарения, и подарить их можно через предыдущий механизм, как это недвусмысленно вытекает из рассуждений М.И. Брагинского [2, с. 317]. Позиция исследователя является весьма спорной. Так, например, субъект пожелает облагодетельствовать одаряемого и безвозмездно выдаст ему простой вексель (признаваемый, согласно ст. 4 Федерального закона от 11.03.1997 № 48-ФЗ «О переводном и простом векселе», документарной ценной бумагой) с правом требования к себе в размере 100 тысяч рублей. Можно ли в отношении такой разновидности ценной бумаги утверждать, что к ней не применим механизм рассматриваемого элемента предмета дарения, ведь налицо имущественное право требования, возникшее из бумаги?! Смежным же и крайне трепещущим вопросом стал следующий аспект: обязательно ли сопровождать безвозмездную выдачу простого векселя договором дарения под угрозой признания отношений недействительными. Правовая природа векселя ответит на данный вопрос отрицательно, поскольку

ку сам по себе вексель представляет абстрактное, формальное, денежное обязательство, и передача прав по нему происходит на основании индоссаменты. Однако определением Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 305-ЭС17-11408 по делу № А40-76870/2014 был выработан иной подход, где суд отметил, что «организация передала гражданину спорные векселя безвозмездно, взамен гражданин никаких встречных обязательств не имел и не исполнял при отсутствии заключенного в письменной форме договора дарения, и такая сделка в виде выдачи векселя является недействительной в виду несоблюдения письменной формы договора дарения». Тем самым выдача векселя была поставлена в зависимость от совершения гражданско-правовых сделок, что, конечно же, противоречит абстрактному характеру обсуждаемой конструкции [4], поскольку из правовой сущности векселя не нужно доказывать основания его выдачи, превращая в каузальное обязательство;

– в-третьих, передача одаряемому принадлежащего дарителю имущественного права требования к третьему лицу, совершаемая посредством безвозмездной уступки при соблюдении правил сингулярной сукцессии. Поскольку договор уступки требования может заключаться без согласия должника, такая уступка не должна ухудшать положение последнего. Важно понимать, что уступка требования имеет абстрактный характер [4] (может совершаться по различным основаниям) и всегда связана с конкретной гражданско-правовой сделкой. Более того, содержание уступаемого права должно быть индивидуализировано, что крайне важно также и при уступке будущего требования, предусмотренного в ст. 388.1 ГК РФ. В связи с установленным напрашивается вопрос о соотношении договора уступки и договора дарения. Представляется, что безвозмездная уступка требования выступает лишь средством оформления перехода имущественных прав, механизмом реализации предметной конструкции договора дарения, невзирая на то, что по своей природе и договор дарения, и уступка являются двусторонними соглашениями. Как справедливо подчеркивает В.А. Белов, «указанные конструкции не сливаются и не отождествляются, даже несмотря на то, что согласно ст. 389 ГК РФ уступка подчиняется правилам о форме обслуживаемого ею договора» [5, с. 395]. В рамках рассматриваемой предметной стороны дарения необходимо также отметить, что в правоприменительной практике нередки случаи, когда организация под видом уступки права требования маскирует договор дарения в отношении другой коммерческой

организации, в результате чего между ними совершается незаконный имущественный оборот, имеющий различные цели и основания. При квалификации такой уступки в качестве дарения необходимо четко установить, как подтверждается выводом судебной практики на примере постановления Арбитражного суда Московского округа от 21.01.2022 № Ф05-16980/2018 по делу 40-42184/2018, что «в соглашении о цессии должно явствовать очевидное намерение передать право в качестве дара»;

– в-четвертых, освобождение одаряемого от имущественной обязанности перед дарителем. Данное действие сразу же вызывает ассоциацию с прощением долга и поднимает вопрос о соотношении с дарением. Очевидно, что речь идет о совершенно разнопорядковых явлениях. Так, прощение долга является способом прекращения обязательства и представляет собой распорядительное волеизъявление сторон. В доктрине до сих пор не решен вопрос о том, что представляет собой прощение долга – одностороннюю сделку [6] или соглашение [7, с. 650]. Прощение долга надлежит причислять исключительно к двусторонним сделкам, поскольку должник имеет право как заявлять возражения относительно осуществленного прощения, так и отказаться от него, что подтверждает договорную природу рассматриваемой конструкции. Если обратимся к дарению, то рассматриваемое действие представляет собой составную часть его предмета, как и прощение долга является соглашением о прекращении обязательства, поскольку одаряемый выражает свою волю. Как видим, границы соприкосновения данных категорий значительные, и основное отличие выводится исключительно через понимание их сущности. В п. 31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 6) отмечается, что отношения между кредитором и должником по прощению долга квалифицируются судом в качестве дарения только при условии установления намерения кредитора освободить должника от обязанности по уплате долга в качестве дара. В таком случае прощение долга будет подчиняться запретам из договора дарения. М.И. Брагинский [2, с. 322], давая оценку приведенному судебному акту, отмечает, что, как и с уступкой, в отношении прощения долга необходимо руководствоваться презумпцией возмездности договора. Со сказанным можно поспорить, поскольку правила возмездности под-

разумевают типичное встречное предоставление в виде уплаты цены, а, следовательно, к примеру, прощение денежного долга предполагало бы обязательство должника уплатить цену, равную размеру прощенного долга, что обесмысливало бы саму конструкцию прощения долга. Наиболее правильным было бы по умолчанию в отношении прощения долга подразумевать дарственную каузу, ибо иное понимание приводит к абсурду. При анализе исследуемой предметной конструкции дарения возник вопрос, будет ли считаться безвозмездным прощением долга отказ лица от гражданского иска. Причины такого отказа могут быть совершенно различными, что влечет за собой не только процессуальные, но и материальные последствия. Так, в п. 35 Постановления Пленума ВС РФ № 6 судом отмечается, что отказ от иска или части исковых требований по спору об исполнении обязательства сам по себе не означает прощение долга и не влечет прекращения обязательства. Однако важно понять, что речь идет о презумпции, которую можно опровергнуть в конкретных случаях, например, если стороны решат обоюдно простить долги друг друга и в дополнение к этому отзовут иск (иски). Налицо случай прекращения обязательства с использованием инструмента отказа от иска;

– в-пятых, освобождение одаряемого от имущественной обязанности перед третьим лицом. Реализация данного действия происходит путем использования специальных правовых конструкций в виде исполнения обязательства за должника третьим лицом либо посредством перевода долга, когда место должника занимает даритель. Так, согласно первой конструкции, предусмотренной ст. 313 ГК РФ, кредитор обязан принять исполнение, предложенное за одаряемого дарителем (третье лицо), при наличии соответствующего акта возложения. Поскольку в договоре дарения одаряемый выражает свое согласие на облагодетельствование в его адрес, предполагается, что необходим соответствующий акт возложения со стороны последнего, предполагающий направление оферты одаряемым дарителю. При акцепте такой оферты либо посредством совершения фактических действий можно утверждать, что соответствующее возложение состоялось, соблюдена письменная форма договора дарения, и кредитор обязан принять исполнение. Если же такого акта возложения не было, последующее одобрение одаряемым такого действия со стороны дарителя не исключается [2, с. 322]. Если соответствующее обязательство должно быть исполнено лично, кредитор не обязан принимать такое ис-

полнение третьим лицом. Возникает закономерный вопрос: всякое ли исполнение за должника будет признаваться дарением. Очевидно, что нет, так, например, при переадресации исполнения, когда у третьего лица есть обязательства перед должником, за счет исполнения третьим лицом в пользу кредитора (минуя должника) погашается долг как должника перед кредитором, так и третьего лица перед должником. Поскольку исполнение было обусловлено существованием задолженности перед должником, речи о дарении идти не может. Другая же конструкция дарения включает в себя возможность замены участника обязательства на стороне должника дарителем. Речь идет о переводе долга, урегулированном в ст. 391 ГК РФ. Перевод долга производится по соглашению между дарителем и одаряемым и при условии обязательного согласия на такое кредитора под угрозой ничтожности. Перевод долга имеет абстрактный характер [7, с. 680] в отношении той каузальной сделки между старым и новым должником, из которой он возник. Это означает, что перевод долга может иметь под собой как возмездную, так и безвозмездную гражданско-правовую сделку. Перевод долга не сливается и не отождествляется с дарением, он обслуживает его, являясь инструментом реализации, и подчиняется форме дарения.

Таким образом, сложный и насыщенный предмет договора дарения состоит из пяти составных частей, опосредующих в своем содержании не только механизм передачи вещи и предоставление права требования к самому себе, но и использование специальных технико-юридических конструкций, содержащихся в положениях обязательственного права, как то: безвозмездные уступка права требования, перевод долга, исполнение обязательства третьим лицом, а также прощение долга.

Указанные специальные конструкции, несмотря на отдельные проблемные аспекты их применения, носят абстрактный характер и могут подразумевать под собой совершение любых (возмездных или безвозмездных) гражданско-правовых сделок. Следовательно, при квалификации соответствующих действий как дарения важно основываться на положениях об отсутствии обусловленности безвозмездного предоставления дарителем.

Список источников

1. Сергеев А.П. Гражданское право: Учебник / под ред. Ю.К. Толстого. 2018. Ч. II.

2. Брагинский М.И. Договорное право: договоры о передаче имущества / под ред. В.В. Витрянского. 4-е изд. М.: Статут, 2011.

3. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017.

4. Уруков В.Н. Передача (индоссамент) векселя и договор дарения векселя // Вестник арбитражной практики. 2018. № 1. С. 38–41.

5. Белов В.А. Частное право. Материалы для изучения: в 3 т. Т. 2. Проблемы обязательственного и договорного права: учеб. пособ. для вузов. М.: Юрайт, 2023.

6. Варлова Н.С. Проблемные вопросы правового регулирования договора дарения // Гуманитарные научные исследования. 2019. № 5. С. 9.

7. Карапетов А.Г. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022.

References

1. Sergeev A.P. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik / pod red. Yu.K. Tolstogo. 2018. Ch. II.

2. Braginskij M.I. Dogovornoe pravo: dogovory` o peredache imushhestva / pod red. V.V. Vitryanskogo. 4-e izd. M.: Statut, 2011.

3. Suxanov E.A. Veshhnoe pravo: nauchno-poznavatel'ny`j ocherk. M.: Statut, 2017.

4. Urukov V.N. Peredacha (indossament) vekselya i dogovor darenija vekselya // Vestnik arbitrazhnoj praktiki. 2018. № 1. S. 38–41.

5. Belov V.A. Chastnoe pravo. Materialy` dlya izucheniya: v 3 t. T. 2. Problemy` obyazatel'stvennogo i dogovornogo prava: ucheb. posob. dlya vuzov. M.: Yurajt, 2023.

6. Varlova N.S. Problemny`e voprosy` pravovogo regulirovaniya dogovora darenija // Gumanitarny`e nauchny`e issledovaniya. 2019. № 5. S. 9.

7. Karapetov A.G. Ispolnenie i prekrashhenie obyazatel'stva: kommentarij k stat'yam 307–328 i 407–419 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii / A.O. Batišhev, A.A. Gromov, A.G. Karapetov i dr.; отв. red. A.G. Karapetov. M.: M-Logos, 2022.

Статья поступила в редакцию 04.08.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 04.08.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 114.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):114.

Права человека в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 347.51.

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_114

ПРЕДОСТАВЛЕНИЕ КОМПЕНСАЦИЙ ЖЕРТВАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЗА СЧЁТ ПУБЛИЧНЫХ ФОНДОВ – БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ИЛИ ИМУЩЕСТВЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВА?

ПАНФИЛОВ Глеб Павлович

Преподаватель-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета, старший юрист юридической компании VERSUS.legal
190000, г. Санкт-Петербург, пл. Труда, д. 2, оф. 208, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается история формирования механизмов восстановления имущественного положения жертв преступлений за счёт средств публично-правовых образований, финансовые ресурсы которых позволяют избавить потерпевших от риска нераскрытия преступления или отсутствия имущества у совершившего его лица. Рассматриваются перспективы создания публичных фондов компенсаций жертвам преступлений в России и предпринимаемые для достижения данной цели шаги.

Ключевые слова: возмещение вреда, ответственность государства, деликтное право, публичные фонды компенсаций, преступный вред

Для цитирования: Панфилов Г.П. Предоставление компенсаций жертвам преступлений за счёт публичных фондов – благотворительность или имущественная ответственность государства?// Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 114. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_114

Human Rights in Eurasian Space

Original article

PROVIDING COMPENSATION TO VICTIMS OF CRIME FROM PUBLIC FUNDS – CHARITY OR PROPERTY LIABILITY OF THE STATE?

PANFILOV Gleb Pavlovich

Research Lecturer of St. Petersburg State University, Senior Lawyer of VERSUS.legal law firm
190000, St. Petersburg, Truda Pl., 2, office. 208, Russian Federation

Abstract: The article considers the history of the formation of mechanisms for the restoration of the property status of victims of crime at the expense of public-law entities, the financial resources of which allow to save the victim from the risks of the absence of property of the offender and the impossibility of his identification by law enforcement agencies of the state. The paper examines the prospects for the establishment of public funds for compensation to victims of crime in Russia and the steps taken to achieve this goal.

Keywords: damages, state liability, tort law, public compensation funds, harm caused by crime

For citation: Panfilov G.P. Providing Compensation to Victims of Crime From Public Funds – Charity or Property Liability of the State? = Eurasian advocacy. 2024;4(69):114. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_114

Восстановление прав жертв преступлений имеет первостепенное значение для поддержания общественного спокойствия и обеспечения стабильности гражданского оборота. При этом достижение данной цели зачастую оказывается весьма затруднительным в связи с отсутствием у преступника достаточных средств для возмещения вреда потерпевшему или по причине не-

возможности установления лица, совершившего преступление.

В подобных случаях бремя компенсации вреда, причинённого в результате совершения преступления, может быть принято на себя государством, к числу задач и функций которого относятся поддержание правопорядка и защита прав граждан. Кроме того, его финансовые ресур-

сы практически безграничны по сравнению с объёмом имущества отдельного частного лица.

Возникновению данной идеи предшествовало долгое историческое развитие европейских государств, этапами которого являлись переход от частной благотворительности к общественной [12, с. 77–95], формирование концепции гражданского общества и восприятие всего прогресса человеческого развития как этапов на пути к нему [11], а затем и осознание общественного характера борьбы с преступностью, из которого следует обязанность государства создать условия, способные сгладить преступные последствия [4].

Так, в Великобритании [27, р. 155], Индии [28, р. 170–174], Франции [4] и Японии [26, с. 68–69] создание публичных фондов компенсаций жертвам преступлений было вызвано реакцией населения на совершение крупных преступлений или на случаи вопиющей несправедливости действовавших тогда систем возмещения преступного вреда.

Изложенные выше предпосылки привели к возникновению дискуссии о необходимости предъявления требований о возмещении вреда жертвам преступлений силами государственных чиновников и создания общих публичных касс помощи указанным лицам (Конгресс международного общества криминалистов, 1891) [24, с. 268–277], а затем и к институционализации идеи об обязанности государства осуществлять компенсации в пользу потерпевших (Международный пенитенциарный конгресс 1900 года в Брюсселе) [13, с. 48–49].

Упоминания о рассматриваемых идеях можно было встретить и в русской дореволюционной литературе, что свидетельствует об их популярности в академических кругах того времени [8, с. 180].

Прошло более шестидесяти лет, прежде чем высокая правовая идея нашла своё воплощение в текстах законов. Нормативные акты, которые предусматривают выплату компенсаций потерпевшим от преступлений за счёт средств бюджета или общественных фондов, были приняты в Австрии, ФРГ, Новой Зеландии, Великобритании, Франции, Финляндии, отдельных штатах США и провинциях Канады и Австралии [13, с. 48–53].

Данная идея нашла своё воплощение на международно-правовом уровне в 1983 году с принятием Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений [10]. Государства-участники данного международного договора брали на себя обязанность по возмещению вреда жертвам умышленных насильственных преступлений в случае, когда подобная

компенсация не могла быть обеспечена за счёт других источников. При этом государству предоставлялась возможность взыскать с правонарушителя причинённый потерпевшему ущерб в пределах выплаченной последнему суммы (ст. 10).

Прогрессивность содержания конвенции, а также уровень финансовых затрат на реализацию предусмотренных в ней мер первоначально привели к отказу многих стран от присоединения к данному международному договору. Однако впоследствии конвенция становилась всё более популярной среди стран – членов Совета Европы, а её содержание стало восприниматься как отражающее общепринятые принципы и нормы международного права [16, с. 192].

Таким образом, в настоящее время идея о возмещении государством вреда, причинённого его гражданам в результате совершения преступления, широко распространена и находит поддержку во многих странах мира. Исключением не стал и российский правопорядок, который предусматривает механизм возмещения вреда жертвам террористических актов, включающий в себя не только выплату финансовых компенсаций, но и многочисленные мероприятия по социальной реабилитации пострадавших [1].

Ключевой вопрос, касающийся возмещения преступного вреда за счёт государства, связан с определением юридической природы предоставления подобных компенсаций.

Достаточно популярным в доктрине является подход, в соответствии с которым государство, осуществляющее выплаты жертвам преступлений, тем самым несёт ответственность за ненадлежащее выполнение функций по охране общественного порядка, раскрытию преступлений и привлечению виновных лиц к ответственности [25, с. 42].

Противоположная точка зрения господствует в судебной практике, которая воспринимает возмещение преступного вреда лишь как одну из позитивных обязанностей, которые принимает на себя государство [19]. Ярче всего данная мысль выражена в Особом мнении Г.А. Гаджиева к Постановлению Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П: «Истолкование статьи 52 Конституции Российской Федерации как нормы прямого действия, позволяющей компенсировать ущерб от любых преступлений (за счёт государства. – Г.П.), когда не установлен обвиняемый или когда у него недостаточно средств, является преждевременным» [23].

По нашему мнению, при решении рассматриваемого вопроса нельзя оставлять без внима-

ния то обстоятельство, что преступность является естественной и неотъемлемой частью жизни общества, а потому она в принципе не может быть побеждена [9, с. 39–44]. Следовательно, по меньшей мере, наивно предполагать, что каждое преступление может быть предотвращено, а совершившее его лицо привлечено к ответственности. В таких условиях вряд ли можно говорить об ответственности государства и связанной с ней обязанностью по возмещению ущерба потерпевшим, что подтверждается и практикой интеграционных образований [22], и отсутствием на сегодня стран, система компенсаций жертвам преступлений в которых была бы основана на принципе ответственности публично-правовых образований, а не социальной солидарности [5, с. 379–383]. Таким образом, мы склонны согласиться со второй из проанализированных позиций.

По изложенной причине судебные споры, связанные с предоставлением финансовой помощи со стороны государства, должны быть охарактеризованы как носящие публичный, а не исковой характер. Их содержание заключается в контроле за деятельностью государственных органов, наделённых властно-распорядительными полномочиями, по выплате компенсаций в предусмотренных законом случаях.

Несмотря на то, что в настоящее время в России не существует централизованной системы публичных фондов поддержки жертв преступлений, попытки её создания в отечественном праве не прекращаются уже в течение нескольких десятилетий.

В качестве стимула для развития анализируемого правового института в российской юридической науке послужили разработка общетеоретического понятия юридической ответственности [14, с. 11–18] и появление криминологических работ, посвящённых социальным последствиям преступности [2], в 70-е–80-е годы XX века.

Поскольку действовавшее в то время материальное право исходило из крайне ограничительного подхода к объёму и способам возмещения преступного вреда, под влиянием общественности и доктрины практика возмещения преступного вреда была изменена судами, которые в середине 80-х годов допустили его взыскание с государственных учреждений в случае отсутствия имущества у преступника. С молчаливого согласия Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР описанный выше подход был фактически легализован на практике [3, с. 230–231].

В 1990 году обязанность возмещения вреда государством в случае невозможности получения компенсации с преступника была признана в отечественном законодательстве. Так, п. 30 ст. 30 Закона РСФСР от 24.12.1990 № 443-1 «О собственности в РСФСР» предусматривал обязанность государства возместить потерпевшему ущерб, причинённый в результате совершения преступлений против собственности, при этом публично-правовое образование получало право регресса к преступнику [21]. Однако, как отмечают исследователи, данная норма фактически не применялась, а её действие было приостановлено в 1993 году вплоть до отмены содержащего её закона [5, с. 382–383].

По существу, применение рассматриваемого механизма возмещения преступного вреда в отношении неопределённого круга потерпевших в современной России связано с действием анти-террористического законодательства [20], то есть носит крайне ограниченный характер [7, с. 56].

В то же время на заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников Союза Независимых Государств 27.11.2020 был принят модельный законопроект «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» [15], который адекватно отражает современные тенденции развития данного института [6, с. 110–114]. Несмотря на то, что данный акт не накладывает на Российскую Федерацию каких-либо обязательств и – с учётом значительного объёма расходных обязательств бюджета на его практическую реализацию – вплоть до настоящего времени не применяется ни в одной из стран-участниц данного интеграционного объединения, сам факт разработки модельного закона и привлечение внимания, которое было уделено ему со стороны российских исследователей и чиновников, не позволяют относиться к нему как к простой декларации [7, с. 185–186].

Кроме того, отдельные элементы системы «государственного страхования» преступного вреда можно усмотреть в действующей в настоящее время редакции ч. 6 и 8 ст. 43 закона «О полиции» [18], которые предусматривают возмещение вреда, причинённого жизни и здоровью сотрудников полиции или их близких родственников, за счёт государства с последующим взысканием выплаченных сумм в пользу последнего с причинителя вреда в порядке регресса [17, п. 13]. Опыт правоприменения, приобретённый в ходе рассмотрения указанных споров (в том числе, при разрешении вопросов об определении причинной связи и размера подлежащего возмещению ущерба), впоследствии может быть использован

при организации работы системы государственной поддержки жертв преступлений.

Изложенное позволяет утверждать, что в будущем вопрос создания публичного фонда компенсаций жертвам преступлений в России со значительной степенью вероятности перейдет из числа гуманистических идей в область повседневной социальной практики.

Список источников

1. Андреева И.А. Возмещение государством вреда, причиненного в результате террористического акта, как публично-правовой субинститут // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: учеб. пособ. М.: Тип. Академии МВД СССР, 1982.

3. Боннер А.Т. Законность и справедливость в правоприменительной деятельности // Избранные труды: в 7 т. Т. III. Принципы гражданского процессуального права. Применение нормативных актов в гражданском процессе. М.: Проспект, 2017.

4. Возмещение материального вреда потерпевшим. Сравнительно-правовое исследование: науч.-практич. пособ. / отв. ред. С.П. Кубанцев. М.: ИЗиСП: Контракт, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство. М.: Городец, 2022.

6. Губаева А.К., Сидорова Н.А. Возмещение вреда потерпевшим от преступлений в контексте единства публично-правового и частноправового модельного регулирования для государств – участников Содружества Независимых Государств // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы конференций 2020–2021 годов. М.: КноРус, 2021. С. 106–115.

7. Дубровин В.В. Возмещение вреда от преступлений в уголовном судопроизводстве (отечественный, зарубежный, международный опыт правового регулирования): монография. М.: Юрлитинформ, 2011.

8. Духовской М.В. Русский уголовный процесс. М.: Склад издания в книжном складе М.В. Ключкина, типография А.В. Поплавского, 1910.

9. Дюркгейм Э. Норма и патология // Социология преступности. М.: Прогресс, 1966. С. 39–44.

10. Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (заключена в г. Страсбурге 24.11.1983). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Электронная библиотека «Гражданское общество в России» [Электронный ресурс]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf.

12. Ключевский В.О. Исторические портреты. М.: Правда, 1990.

13. Мазалов А.Г., Савицкий В.М. Нерешенная проблема возмещения вреда потерпевшему от преступления // Правоведение. 1977. № 3. С. 47–54.

14. Мильков А.В. Очерки теории гражданско-правовой ответственности: учеб. пособ. М.: Проспект, 2018.

15. Модельный закон «О возмещении причиненного вреда гражданам, потерпевшим от преступлений» (принят на заседании Межпарламентской ассамблеи государств – участников Союза Независимых Государств 27.11.2020) [Электронный ресурс]. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/920.pdf>.

16. Муратова Н.Г., Хасашина Р.Г. Проблемы совершенствования компенсационных механизмов защиты прав потерпевших от преступлений в свете общепризнанных норм и принципов международного права // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2014. Т. 24. Вып. 4. С. 190–196.

17. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3, утверждённый Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900 (в ред. от 04 авг. 2023 г). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 27.12.2005 № 523-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11. Ст. 1146 (в ред. от 10 июля 2023 г). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. О собственности в РСФСР: Закон РСФСР от 24 декабря 1990 г. № 443-1 // Ведомости СНД РСФСР и ВС РСФСР. 1990. № 30. Ст. 416 (утр. силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28.10.1998 «Дело «Осман (Osman) против Соединенного Королевства» (жалоба № 23452/94). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.05.2013 № 10-П [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Савич Г.Г. Конгресс международного общества криминалистов в Христиании // Юридическая летопись. 1891. № 10. С. 256–277.

25. Соловьев П.А. Актуальные проблемы возмещения вреда, причиненного преступлением // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 4. С. 40–42.

26. Уэда К. Преступность и криминология в современной Японии. М.: Прогресс, 1989.

27. Meiers D. Offender and state compensation for victims of crime: Two decades of development and change // International Review of Victimology. 2014. Vol. 20. P. 145–168.

28. Wing-Cheong C. Support for Victims of Crime in Asia. London: Routledge, 2007. Доступ из ЭБС «Amazon Kindle».

References

1. Andreeva I.A. Vozmeshhenie gosudarstvom vreda, prichinennogo v rezul'tate terroristicheskogo akta,

как publichno-pravovoj subinstitut // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 14. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus».

2. Babaev M.M. Social'ny'e posledstviya prestupnosti: ucheb. posob. M.: Tip. Akademii MVD SSSR, 1982.

3. Bonner A.T. Zakonnost' i spravedlivost' v pravoprimeritel'noj deyatel'nosti // Izbranny'e trudy`: v 7 t. T. III. Principy` grazhdanskogo processual'nogo prava. Primenenie normativny`x aktov v grazhdanskom processe. M.: Prospekt, 2017.

4. Vozmeshhenie material'nogo vreda poterpevshim. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie: nauch.-praktich. posob. / otv. red. S.P. Kubancev. M.: IZiSP: Kontrakt, 2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus».

5. Golovko L.V. Gosudarstvo i ego ugolovnoe sudoproizvodstvo. M.: Gorodecz, 2022.

6. Gubaeva A.K., Sidorova N.A. Vozmeshhenie vreda poterpevshim ot prestuplenij v kontekste edinstva publichno-pravovogo i chastnopravovogo model'nogo regulirovaniya dlya gosudarstv – uchastnikov Sodruzhestva Nezavisimy`x Gosudarstv // Nauchnaya shkola ugolovno-go processa i kriminalistiki Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta: materialy` konferencij 2020–2021 godov. M.: KnoRus, 2021. S. 106–115.

7. Dubrovin V.V. Vozmeshhenie vreda ot prestuplenij v ugolovnom sudoproizvodstve (otechestvenny`j, zarubezhny`j, mezhdunarodny`j opy`t pravovogo regulirovaniya): monografiya. M.: Yurlitinform, 2011.

8. Duxovskoj M.V. Russkij ugolovny`j process. M.: Sklad izdaniya v knizhnom sklade M.V. Klyukina, tipografiya A.V. Poplavskogo, 1910.

9. Dyurkgejm E`. Norma i patologiya // Sociologiya prestupnosti. M.: Progress, 1966. S. 39–44.

10. Evropejskaya konvenciya po vozmeshheniyu usherba zhertvam nasil'stvenny`x prestuplenij (zaklyuchena v g. Strasburge 24.11.1983). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus».

11. Kant I. Ideya vseobshhej istorii vo vseмирno-grazhdanskom plane // E`lektronnaya biblioteka «Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii» [E`lektronnny`j resurs]. URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Kant_Idea.pdf.

12. Klyuchevskij V.O. Istoricheskie portrety`. M.: Pravda, 1990.

13. Mazalov A.G., Saviczkiy V.M. Nereshennaya problema vozmeshheniya vreda poterpevshemu ot prestupleniya // Pravovedenie. 1977. № 3. S. 47–54.

14. Mil'kov A.V. Ocherki teorii grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti: ucheb. posob. M.: Prospekt, 2018.

15. Model'ny`j zakon «O vozmeshhenii prichinenogo vreda grazhdanam, poterpevshim ot prestuplenij» (prinyat na zasedanii Mezhpaplamentskoj assamblei gosudarstv – uchastnikov Soyuza Nezavisimy`x Gosudarstv 27.11.2020) [E`lektronnny`j resurs]. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/920.pdf>.

16. Muratova N.G., Xasashina R.G. Problemy` sovershenstvovaniya kompensacionny`x mexanizmov zashhity` prav

poterpevshix ot prestuplenij v svete obshhepriznanny`x norm i principov mezhdunarodnogo prava // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «E`konomika i pravo». 2014. T. 24. Vy`p. 4. S. 190–196.

17. Obzor sudebnoj praktiki Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii № 3, utverzhdyonny`j Prezidiumom Verhovnogo Suda RF 15.11.2023. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tantPlyus».

18. O policii: Federal'ny`j zakon ot 07.02.2011 № 3-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2011. № 7. St. 900 (v red. ot 04 avg. 2023 g). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

19. Opredelenie Konstitucionnogo Suda RF ot 27.12.2005 № 523-O. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

20. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'ny`j zakon ot 06.03.2006 № 35-FZ // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2006. № 11. St. 1146 (v red. ot 10 iyulya 2023 g). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

21. O sobstvennosti v RSFSR: Zakon RSFSR ot 24 dekabrya 1990 g. № 443-1 // Vedomosti SND RSFSR i VS RSFSR. 1990. № 30. St. 416 (utr. silu). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

22. Postanovlenie Evropejskogo Suda po pravam cheloveka ot 28.10.1998 «Delo «Osman (Osman) protiv Soedinennogo Korolevstva» (zhaloba № 23452/94). Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

23. Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 21.05.2013 № 10-P [E`lektronnny`j resurs]. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul'tant Plyus».

24. Savich G.G. Kongress mezhdunarodnogo obshhestva kriminalistov v Xristianii // Yuridicheskaya letopis`. 1891. № 10. S. 256–277.

25. Solov`ev P.A. Aktual'ny`e problemy` vozmeshheniya vreda, prichinyonnogo prestupleniem // Aktual'ny`e voprosy` bor'by` s prestupleniyami. 2016. № 4. S. 40–42.

26. Ue`da K. Prestupnost' i kriminologiya v sovremennoj Yaponii. M.: Progress, 1989.

27. Meiers D. Offender and state compensation for victims of crime: Two decades of development and change // International Review of Victimology. 2014. Vol. 20. P. 145–168.

28. Wing-Cheong C. Support for Victims of Crime in Asia. London: Routledge, 2007. Dostup iz E`BS «Amazon Kindle».

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; одобрена после рецензирования 14.07.2024; принята к публикации 14.07.2024.

The article was submitted 08.07.2024; approved after reviewing 14.07.2024; accepted for publication 14.07.2024.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПРИОРИТЕТЫ

САДРИЕВА Дамира Наильевна

Соискатель кафедры конституционного и административного права Казанского (Приволжского) федерального университета
420008, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18, каб. 145, Российская Федерация

Аннотация: В статье анализируются особенности региональной правовой политики в социальной сфере. Автор обобщает основные подходы к ее пониманию, а также систематизирует сложившийся понятийный ряд. Кроме того, автор рассматривает основные формы и направления ее современного развития.

Ключевые слова: социальная политика, региональная правовая политика, социальная сфера, социальные права и свободы человека и гражданина

Для цитирования: Садриева Д.Н. Региональная правовая политика в социальной сфере: понятие и основные приоритеты // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 119. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_119

Human Rights in Eurasian Space

Original article

REGIONAL LEGAL POLICY IN THE SOCIAL SPHERE: THE CONCEPT AND MAIN PRIORITIES

SADRIEVA Damira Nailiyevna

Candidate of the Department of Constitutional and Administrative Law Kazan (Privolzhie) Federal University
420008, Kazan, st. Kremlevskaya, 18, office. 145, Russian Federation

Abstract: The article analyzes the peculiarities of regional legal policy in the social sphere. The author summarizes the main approaches to its understanding, as well as systematizes the existing conceptual series. In addition, the author examines the main forms and directions of its modern development.

Keywords: social policy, regional legal policy, social sphere, social rights and freedoms of man and citizen

For citation: Sadrieva D.N. Regional Legal Policy in the Social Sphere: the Concept and Main Priorities = Eurasian advocacy. 2024;4(69):119. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_119

Одной из современных тенденций публично-го управления на территории субъектов Российской Федерации является формирование системы гарантий и законодательное регулирование той области жизнедеятельности, которая именуется социальной сферой. В свою очередь, публичное управление данной сферой, как отмечает Ю.Л. Баюшина, характеризуется рядом специфических особенностей, включая целенаправленность и наличие обратных связей, которые наряду с публичностью выступают атрибутами государственной политики любого уровня [1].

В системе научных знаний сложилось множество теоретических конструкций, отражающих деятельность заинтересованных субъектов

социального взаимодействия на территории региона (отдельного субъекта Российской Федерации, группы субъектов Российской Федерации) по развитию указанного сегмента общественной жизни: региональная социально-экономическая политика [2], социальная политика в законотворчестве субъектов Российской Федерации [8], социальная политика в субъектах Российской Федерации [5], региональная социальная политика [3], социальная политика региона [6], правотворческая политика субъектов Российской Федерации в социальной сфере, правовая политика субъекта Российской Федерации в социальной сфере и др.

Как видно, в понятийном ряду преобладают конструкции, распространенные в политических

науках. Что касается юриспруденции, то формализация данного явления отражается в понятиях о правовой политике субъекта Российской Федерации в социальной сфере, правотворческой политике субъектов Российской Федерации в социальной сфере, правоприменительной политике в социальной сфере и т. д.

Для правовой политики субъекта Российской Федерации в социальной сфере (региональной правовой политики в социальной сфере) исходным выступает понятие правовой политики, которая трактуется В.В. Субочевым как приемлемая форма руководства и регулирования общественных отношений, основывающаяся на оптимальном сочетании правовых средств и юридических конструкций, проявляющая себя в различных формах, опосредующая все уровни власти, соответствующая выработанной концепции стратегии развития государства и преследующая социально полезные цели [12].

Вместе с тем для характеристики данного политико-правового явления на уровне субъектов Российской Федерации дополнительно необходимо учитывать специфику объекта политико-правового руководства, генеральные приоритеты, а также учет и сбалансированность федеральных и региональных интересов и ресурсов.

Региональная правотворческая политика в социальной сфере выступает одной из форм руководства и регулирования особой группы общественных отношений, связанных с функционированием, как отмечает А.П. Недригайловой, социальной инфраструктуры и комплекса соответствующих отраслей (образование, здравоохранение, культура, искусство, жилищно-коммунальное хозяйство, общественный транспорт и пр.), формирующих социальное пространство, в котором осуществляется повседневная жизнедеятельность населения [7], а также удовлетворяются базовые социальные потребности и интересы.

Генеральными приоритетами региональной правовой политики в социальной сфере выступают социальные права и свободы, предусмотренные, прежде всего, Конституцией Российской Федерации, конституциями и уставами субъектов Российской Федерации. Это вытекает из смысла и содержания Указа Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года № 13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [10], в котором обеспечение равных возможностей для реализации конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, включая социальные, на всей территории страны

одновременно признается одним из принципов и целью государственной политики регионального развития.

Сбалансированность федеральных и региональных интересов и ресурсов определяется средствами разграничения предметов ведения и полномочий, установленных Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и иными актами федерального законодательства [11].

К примеру, к полномочиям органов государственной власти субъектов Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации относится самостоятельное участие последних за счет средств регионального бюджета в обеспечении беспрепятственного доступа инвалидов к объектам социальной, инженерной и транспортной инфраструктур. При этом, если федеральные органы исполнительной власти, осуществляющие функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в установленных сферах деятельности, включая сферу социальной защиты населения, определяют порядок обеспечения условий доступности для инвалидов данных объектов и предоставляемых ими услуг, то органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, следуя требованиям федерального и регионального законодательства, несут ответственность за инструктирование или обучение специалистов, работающих с инвалидами, по вопросам, связанным с обеспечением доступности для них объектов социальной, инженерной и транспортной инфраструктур и услуг [13, 14].

Конкретизация возможных форм региональной правовой политики отражается в понятии правотворческой политики субъектов Российской Федерации, представляющей собой, по мнению А.Ю. Лаврика, особое явление политико-правовой действительности, выражающееся в научно обоснованной, планомерной и системной деятельности, осуществляемой на различных уровнях правового регулирования и направленной на обеспечение необходимых условий для эффективного правотворчества [4]. Итак, особенность данного политико-правового явления выражается в том, что оно призвано обеспечить в субъектах Российской Федерации развитие регионального правотворчества и правотворческой деятельности.

Вместе с тем наряду с правотворческой политикой существует и другая форма правовой поли-

тики, а именно правоприменительная политика, которая, как отмечает В.А. Рудковский, представляет собой выраженную в системе политико-правовых установок, организационно-управленческих средств и тенденций правоприменительной деятельности стратегию и тактику государства в сфере реализации юридических норм [9]. Таким образом, региональная правоприменительная политика концентрируется на формах реализации на территории субъекта Российской Федерации правовых норм с помощью средств, способов и приемов, которые установлены, помимо специального законодательства, в документах стратегического планирования федерального и регионального значения.

Таким образом, региональная правовая политика в социальной сфере представляет собой форму руководства и регулирования органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации системы общественных отношений, устанавливающих механизмы реализации и защиты социальных прав и свобод человека и гражданина, основанную на сочетании правовых средств и юридических конструкций, присущих, в том числе, институту разграничения предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, соответствующую выработанной концепции государственной политики регионального развития.

Основными формами региональной правовой политики в социальной сфере выступают правотворческая и правоприменительная. Если региональная правотворческая политика в социальной сфере представляет собой форму руководства созданием системы законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, устанавливающих механизмы реализации и порядок защиты социальных прав и свобод человека и гражданина на ее территории, то региональная правоприменительная политика – форму последовательной деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации по обеспечению их соблюдения и применения с учетом содержания политико-правовых установок.

Список источников

1. Балюшина Ю.Л. Социальная политика: понятие и сущность // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 6. С. 56.
2. Баранова С.В., Лидинфа Е.П. Социально-экономическая политика регионов: цели, задачи, факторы

объективного взаимодействия // Вестник сельского развития и социальной политики. 2020. №2 (26). С. 25.

3. Заболев Ю.В. Региональный менеджмент в условиях реформирования бюджетной системы и социальной сферы в Российской Федерации // Социология власти. 2008. № 3. С. 62.

4. Лаврик А.Ю. Общефедеральный, региональный и муниципальный уровни правотворческой политики в современной России: теоретические аспекты взаимодействия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7.

5. Масловская М.В., Кушаева Ю.Х. Социальная политика в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Мордовия) // Огарёв-Online. 2018. № 13(127). С. 1.

6. Мухометьярова О.И. Законотворческая деятельность как инструмент управления социальной политикой региона // Общество, экономика, управление. 2017. № 1. С. 37.

7. Недригайлова А.П. Социальная сфера // Экономика и социум. 2020. № 12 (79). С. 844, 845.

8. Подкорытова Р.М. Законотворческая деятельность субъектов Российской Федерации в сфере социальной защиты населения: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000. С. 56.

9. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права. Волгоград, 2009. С. 288.

10. Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 4. Ст. 637.

11. Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973.

12. Субочев В.В. Правовая политика современной России в сфере лоббизма. Теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 145.

13. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», ст. 15 (ч. 3) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014513/titles/1MH6OU9>.

14. Федеральный закон от 21 декабря 2021 года № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», ст. 44 (ч. 1, п. 53) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 52. Ч. I. Ст. 8973 [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014513/titles/1MH6OU9>.

References

1. Balyushina Yu.L. Social'naya politika: ponyatie i sushnost' // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarny'e i social'ny'e nauki. 2009. № 6. S. 56.

2. Baranova S.V., Lidinfa E.P. Social'no-e'konomicheskaya politika regionov: celi, zadachi, faktory` ob`ektivnogo vzaimodejstviya // Vestnik sel'skogo razvitiya i social'noj politiki. 2020. №2 (26). S. 25.

3. Zabollev Yu.V. Regional'ny`j menedzhment v usloviyax reformirovaniya byudzhethnoj sistemy` i social'noj sfery` v Rossijskoj Federacii // Sociologiya vlasti. 2008. № 3. S. 62.

4. Lavrik A.Yu. Obshhedefederal'ny`j, regional'ny`j i municipal'ny`j urovni pravotvorcheskoj politiki v sovremennoj Rossii: teoreticheskie aspekty` vzaimodejstviya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2008. S. 7.

5. Maslovskaya M.V., Kushaeva Yu.X. Social'naya politika v sub`ektax Rossijskoj Federacii (na primere Respubliki Mordoviya) // Ogaryov-Online. 2018. № 13(127). S. 1.

6. Muxomet'yarova O.I. Zakonotvorcheskaya deyatelnost' kak instrument upravleniya social'noj politikoj regiona // Obshchestvo, e'konomika, upravlenie. 2017. № 1. S. 37.

7. Nedrigajlova A.P. Social'naya sfera// E'konomika i socium. 2020. № 12 (79). S. 844, 845.

8. Podkory'tova R.M. Zakonotvorcheskaya deyatelnost' sub`ektov Rossijskoj Federacii v sfere social'noj zashhity` naseleniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2000. S. 56.

9. Rudkovskij V.A. Pravovaya politika i osushhestvlenie prava. Volgograd, 2009. S. 288.

10. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2017. № 4. St. 637.

11. Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. № 52. Ch. I. St. 8973.

12. Subochev V.V. Pravovaya politika sovremennoj Rossii v sfere lobbizma. Teoreticheskie problemy`: dis. ... kand. jurid. nauk. Saratov, 2002. S. 145.

13. Federal'nyj zakon ot 24 noyabrya 1995 goda № 181-FZ «O social'noj zashhite invalidov v Rossijskoj Federacii», st. 15 (ch. 3) [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014513/titles/1MH6OU9>.

14. Federal'nyj zakon ot 21 dekabrya 2021 goda № 414-FZ «Ob obshhix principax organizacii publichnoj vlasti v sub`ektax Rossijskoj Federacii», st. 44 (ch. 1, p. 53) // Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii. 2021. № 52. Ch. I. St. 8973 [E'lektronnyj resurs]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9014513/titles/1MH6OU9>.

Regional Legal Policy in the Social Sphere: the Concept and Main Priorities (extended annotation)

One of the modern trends in public administration in the territory of the subjects of the Russian Federation is the formation of a system of guarantees and legislative regulation of that area of life, which is called the social sphere. In turn, public management of this sphere, as noted by Y.L. Balyushina, is characterized by a number of specific features, including purposefulness and the presence of feedback, which, along with publicity, act as attributes of public policy at any level.

There are many theoretical structures in the system of scientific knowledge that reflect the activities of interested subjects of social interaction in the territory of the region (a separate subject of the Russian Federation, a group of subjects of the Russian Federation) for the development of this segment of public life: regional socio-economic policy, social policy in the lawmaking of the subjects of the Russian Federation, social policy in the subjects of the Russian Federation, regional social policy, social policy of the region, law-making policy of the subjects of the Russian Federation in the social sphere, legal policy

of the subject of the Russian Federation in the social sphere, etc.

As can be seen, the constructions common in political sciences prevail in the conceptual series. As for jurisprudence, the formalization of this phenomenon is reflected in the concepts of the legal policy of the subject of the Russian Federation in the social sphere, the law-making policy of the subjects of the Russian Federation in the social sphere, law enforcement policy in the social sphere, etc.

For the legal policy of the subject of the Russian Federation in the social sphere (regional legal policy in the social sphere), the concept of legal policy is the starting point, which is interpreted by V.V. Subochev as an acceptable form of leadership and regulation of public relations, based on an optimal combination of legal means and legal structures, manifesting itself in various forms, mediating all levels of government, corresponding to the developed concepts of the state development strategy and pursuing socially useful goals.

At the same time, in order to characterize this political and legal phenomenon at the level of the subjects of the Russian Federation, it is additionally necessary to take into account the specifics of the object of political and legal leadership, general priorities, as well as consideration and balance of federal and regional interests and resources.

Regional law-making policy in the social sphere is one of the forms of leadership and regulation of a special group of public relations related to the functioning, as noted by A.P. Nedrigajlova, of social infrastructure and a complex of relevant industries (education, healthcare, culture, art, housing and communal services, public transport, etc.), forming a social space in which, the daily life activities of the population are carried out, as well as basic social needs and interests are met.

The general priorities of the regional legal policy in the social sphere are social rights and freedoms provided, first of all, by the Constitution of the Russian Federation, constitutions and charters of the subjects of the Russian Federation. This follows from the meaning and content of Decree No. 13 of the President of the Russian Federation dated January 16, 2017 «On Approval of the Fundamentals of the State Policy of Regional Development of the Russian Federation for the period up to 2025», in which ensuring equal opportunities for the realization of constitutional rights and freedoms of citizens of the Russian Federation, including social ones, throughout the country is simultaneously recognized as one of the the principles and purpose of the state policy of regional development.

The balance of federal and regional interests and resources is determined by the means of delineating the subjects of competence and powers established by the Constitution of the Russian Federation, Federal Law No. 414-FZ of December 21, 2021 «On General Principles of the Organization of Public Power in the Subjects of the Russian Federation» and other acts of federal legislation».

For example, the powers of the state authorities of the subjects of the Russian Federation on subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation include the independent participation of the latter at the expense of the regional budget in ensuring unhindered access of persons with disabilities to social, engineering and transport infrastructure facilities. At the same time, if the federal executive authorities responsible for the development and implementation of state policy and regulatory regulation in established areas of activity, including the sphere of social protection of the population, determine the procedure for ensuring accessibility conditions for disabled people of these facilities and services provided by them, then the executive authorities of the subjects of the Russian Federation, following the requirements of the federal and regional They are responsible for instructing or training specialists working with people with disabilities on the following issues, related to ensuring the accessibility of social, engineering and transport infrastructure and services for them.

The concretization of possible forms of regional legal policy is reflected in the concept of the law-making policy of the subjects of the Russian Federation, which, according to A.Y. Lavrik, is a special phenomenon of political and legal reality, expressed in scientifically based, planned and systematic activities carried out at various levels of legal regulation and aimed at providing the necessary conditions for effective law-making. So, the peculiarity of this political and legal phenomenon is expressed in the fact that it is designed to ensure the development of regional law-making and law-making activities in the subjects of the Russian Federation.

At the same time, along with law-making policy, there is another form of legal policy, namely, law en-

forcement policy, which, as V.A. Rudkovsky notes, represents the strategy and tactics of the state in the field of implementation of legal norms expressed in the system of political and legal attitudes, organizational and managerial means and trends in law enforcement activities. Thus, regional law enforcement policy focuses on the forms of implementation of legal norms on the territory of the subject of the Russian Federation using means, methods and techniques that are established, in addition to special legislation, in strategic planning documents of federal and regional significance.

Thus, the regional legal policy in the social sphere is a form of management and regulation by the state authorities of the Russian Federation and the state authorities of the subjects of the Russian Federation of the system of public relations, establishing mechanisms for the implementation and protection of social rights and freedoms of man and citizen, based on a combination of legal means and legal structures inherent, including the institution of differentiation subjects of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, corresponding to the developed concept of the state policy of regional development.

The main forms of regional legal policy in the social sphere are law-making and law enforcement. If regional law-making policy in the social sphere is a form of leadership in the creation of a system of laws and other normative legal acts of a subject of the Russian Federation that establish mechanisms for the implementation and protection of social rights and freedoms of man and citizen on its territory, then regional law enforcement policy is a form of consistent activity of state authorities of the subjects of the Russian Federation to ensure their observance and application taking into account the content of political and legal guidelines.

Статья поступила в редакцию 26.06.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 26.06.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 124.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):124.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 343.13

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_124

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ПРИ СОВЕРШЕНИИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ

ЧВОРОВИЧ Драгана

Доктор юридических наук, Преподаватель Университета уголовных расследований и полиции
11080, г. Белград, ул. Царя Душана, д. 196, Республика Сербия

БАГРЕЕВА Елена Геннадиевна

Доктор юридических наук, кандидат педагогических наук, профессор, профессор Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, ведущий научный сотрудник Государственного университета по
землеустройству

125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье обсуждаются общие замечания о причинах использования технических средств в уголовном судопроизводстве и международно-правовых актах. Проведен анализ норм уголовно-процессуального законодательства на примере Республики Сербия и Российской Федерации, касающихся возможности использования технических средств в уголовном судопроизводстве. Сформулирована тенденция дальнейшего расширения сферы применения норм позитивного уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: технические средства, видеосвязь, уголовный процесс, процессуальное действие, процессуальный орган, суд, свидетель

Для цитирования: Чворович Д., Багреева Е.Г. Международный опыт использования технических средств при совершении уголовно-процессуальных действий // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 124. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_124

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE USE OF TECHNICAL MEANS IN THE COMMISSION OF CRIMINAL PROCEDURAL ACTIONS

CVOROVIC Dragana

Doctor of Law, Teacher of University of Criminal Investigation and Police Studies
11080, Belgrade, Cara Dusana Street, 196, Republic of Serbia

BAGREEVA Elena Gennadijevna

Doctor of Law, Professor, PhD, Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Leading Researcher at the State University of Land Management
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The article discusses general observations on the reasons for the use of technical means in criminal proceedings and international legal acts. The analysis of the norms of criminal procedure legislation on the example of the Republic of Serbia and the Russian Federation concerning the possibility of using technical means in criminal proceedings is carried out. The tendency of further expansion of the scope of application of the norms of positive criminal procedure legislation is formulated.

Keywords: technical means, video communication, criminal proceedings, procedural action, procedural body, court, witness

For citation: Cvorovic D., Bagreeva E.G. International Experience in the Use of Technical Means in the Commission of Criminal Procedural Actions = Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):124. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_124

Трансформация миропорядка последних лет, а также глобальные процессы (наступление коронавирусной инфекции, геополитические события, бурное развитие искусственного интеллекта) существенно повлияли на все стороны жизни людей на планете, но жизнь не остановили. Возникла лишь необходимость ее переформатирования. И то, что Российская Федерация и Республика Сербия последние десять лет уделяли большое внимание развитию уголовно-процессуального законодательства и совершенствованию работы с использованием технических средств (включая внедрение видеосвязи в уголовное судопроизводство и процессуальную деятельность), позволило обеспечить полноценное функционирование правовых систем обеих стран, несмотря на происходящие изменения.

Необходимо признать, что для правосудия любой страны «создание электронного уголовного дела с использованием цифровых технологий, технических средств видеосвязи – важный шаг на пути достижения демократизации и открытости уголовного судопроизводства, защиты его от фальсификации, злоупотреблений и коррупционных рисков» [6].

Учитывая вышесказанное, необходимо определить правовые причины обоснования стандартизации в уголовно-процессуальном законодательстве возможности реализации тех или иных действий в рамках уголовного процесса посредством технологий, позволяющих провести аудио- или видеоконференцию, а также доказать достоверность совершаемых действий при применении указанной технологии.

С целью решения указанных задач были применены диалектический метод познания, метод компаративного анализа, индукции, дедукции. Исследование является структурированным и выстроено в соответствии с принципами логики. Избранная методология исследования позволила провести комплексный анализ международных документов, регламентирующих процесс правосудия; рассмотреть нормативно-правовую базу сербского и российского законодательства, а также изучить практику применения возможности использования технических средств как способа совершения уголовно-процессуальных действий в уголовном судопроизводстве с учетом новых реалий.

Особую актуальность использование технических средств видеосвязи приобрело в сфере межгосударственного правосудия. С учетом геополитических событий последних лет эта проблема имеет особое значение. На протяжении послед-

него десятилетия идет активный процесс развития правового регулирования использования технических средств в уголовном судопроизводстве (в частности, видеосвязи). Так, например, эти проблемы подняты в Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности (Палермской конвенции), принятой в 2000 году [18].

Обратимся к Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных надругательств [9]. Необходимо признать, что статуты и правила, регламентирующие процедуру доказывания в постоянном Международном уголовном суде, имеют еще более либеральный подход к использованию технических средств видеосвязи в уголовном судопроизводстве, который в нескольких своих правилах относительно процедуры доказывания предусматривает возможность осуществления процессуальных действий с помощью видеосвязи. Так, Правило 81 бис предусматривает, что «по просьбе любой из сторон или *proprio motu* судья или коллегия может, если это соответствует интересам правосудия, распорядиться, чтобы разбирательство проводилось посредством видеоконференции».

Кроме того, существует Директива 20/1229 ЕС, устанавливающая минимальные стандарты в области прав, поддержки и защиты жертв преступлений [12]. Данная Директива предусматривает ряд мер по защите жертв преступлений. Если речь идет о жертвах с особой потребностью в защите во время уголовного судопроизводства, то предусмотрены «меры, позволяющие избежать визуального контакта между жертвой и преступником даже во время представления доказательств, с использованием надлежащих средств, включая использование коммуникационных технологий» [5].

Также стоит обратить внимание на тот факт, что в большом количестве заключенных двусторонних соглашений о правовой помощи по гражданским и уголовным делам между Республикой Сербия и другими странами (например, с Боснией и Герцеговиной, Черногорией, Македонией, Хорватией) в положениях, регулирующих так называемую международную уголовно-правовую помощь, также предусмотрено, что слушание может проводиться с помощью аудио-или видеоконференции [8].

Что касается двусторонних договоров о правовой помощи между Российской Федерацией и другими странами, то их анализ показал отсутствие прямых указаний на возможность использования аудио- и видеоконференцсвязи. Так, ряд

договоров заключены еще в момент существования СССР, когда указанные технологии не применялись, а последующие договоры уже в статусе РФ не включают в себя прямого указания на возможность использования рассматриваемых технологий. Тем не менее ряд многосторонних международных договоров, участником которых является Российская Федерация, устанавливает возможность применения видеосвязи. Например, в соответствии с Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, ратифицированной Россией Федеральным законом от 30 декабря 2021 г. № 452-ФЗ, компетентные учреждения юстиции договаривающихся сторон при оказании правовой помощи вправе по взаимному согласию использовать средства видеосвязи. При этом применение видеосвязи должно осуществляться с учетом правил внутреннего законодательства (в случае с российским – с учетом положений ст. 241.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ). При этом ряд ученых считает, что в уголовно-процессуальное законодательство РФ необходимо включить дополнительные нормы, устанавливающие правовую регламентацию применения видеоконференцсвязи при международном сотрудничестве в сфере уголовного процесса [5].

В уголовно-процессуальной практике Республики Сербия соблюдаются положения и решения, предусматриваемые международно-правовыми актами и действующим сербским уголовно-процессуальным законодательством, касающимся возможности использования в уголовном процессе технических средств (в том числе видеосвязи). В настоящее время в Республике Сербия уголовно-процессуальное законодательство состоит из трех основных нормативных актов, в которых предусматривается возможность применения указанной технологии (Уголовно-процессуальный кодекс Республики Сербия, Закон о несовершеннолетних уголовных правонарушителях и уголовной защите несовершеннолетних (LJCOCP)), Закон о международной правовой помощи по уголовным делам (LILACM)).

При этом в Уголовно-процессуальном кодексе Республики Сербия наибольшее внимание вполне обоснованно уделяется стандартизации вопроса, связанного с использованием технических средств видеосвязи в уголовном судопроизводстве [11]. В свою очередь, ст. 241.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации выделяет некоторые процессуальные особенности применения рассматриваемой технологии, например недопущение использования видео-

конференцсвязи при рассмотрении дела с участием присяжных заседателей.

Стоит отметить, что сербские коллеги выделяют несколько правовых причин столь высокой степени актуальности этого вопроса. Исследовательский интерес представляет сравнение указанных причин с мнением российских ученых.

Во-первых, повышение эффективности уголовного судопроизводства как одна из ключевых целей процесса реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Сербия, который длится уже двадцать лет. На повышение эффективности указывают и российские ученые: за последние 13 лет проведено 650 тыс. сеансов видеосвязи, из них более 24 тыс. в «многоточечном режиме» при удаленном участии осужденного [5].

Во-вторых, предотвращение виктимизации – вредного воздействия ведения уголовного судопроизводства на определенные категории обязательных субъектов уголовного судопроизводства (например, в отношении несовершеннолетних потерпевших и других категорий особо чувствительных свидетелей). Российскими исследователями данная причина выделяется в меньшей степени, однако в ряде работ все же указывается, что преимуществом использования видеоконференцсвязи является обеспечение безопасности свидетелей [4].

В-третьих, гуманизация уголовного судопроизводства. Например, если свидетель по делу тяжело болен, то проведение допроса с использованием видеосвязи обеспечит ему возможность избежать явки в суд и дать показания, не выходя из квартиры или больничной палаты [7]. Россияне также считают, что в случае нахождения свидетеля или иного участника процесса в другом регионе данная технология может способствовать снижению затрат [1].

В-четвертых, обеспечение функционирования судебной системы в особых ситуациях, с которыми может столкнуться не только конкретное государство, но и международное сообщество в целом (например, пандемия Covid-19). Российские праведы уверены в том, что коронавирусная инфекция сподвигла суды использовать не только традиционные инструменты аудио- и видеосвязи, но и существующие мессенджеры, такие как WhatsApp [3].

В Республике Сербия в период пандемии был принят Указ о порядке участия обвиняемых в основном судебном разбирательстве по уголовным делам, проводимым во время чрезвычайного положения [17]: в связи с опасностью распростра-

нения инфекционного заболевания обвиняемый мог участвовать в судебном разбирательстве по видеосвязи, при этом остальные участники уголовного судопроизводства, включая защитника, адвоката обвиняемого, должны были находиться в зале суда. Фактически указ легализовал «дистанционное» судебное производство [19]. Он утратил силу в день прекращения чрезвычайного положения (6 мая 2020 года). Однако даже за столь короткий срок его действия была подтверждена его целесообразность и необходимость пересмотра УПК Сербии в части возможностей и условий использования технических средств в уголовном судопроизводстве [15]. Согласно УПК Сербии [14], использование видеосвязи возможно в пяти случаях: допрос особо важных свидетелей; допрос свидетелей, находящихся под защитой; опрос свидетелей и экспертов вне основного судебного разбирательства; поддержание порядка на основном судебном разбирательстве; предоставление обвиняемым возможности участвовать в заседании коллегии и судебном разбирательстве в суде второй инстанции.

В соответствии с УПК РФ при наличии технической возможности суд вправе по ходатайству подсудимого (при рассмотрении уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях – по ходатайству любой из сторон) принять решение о его участии в судебном заседании путем использования систем видеоконференцсвязи.

Таким образом, обсуждая современные вызовы, которые существенным образом влияют на уголовное судопроизводство, необходимо:

– расширить нормативную базу применения технических устройств для передачи изображений и звука (видеосвязь) в процедуре принятия решения об условно-досрочном освобождении осужденного в уголовном судопроизводстве;

– провести дополнительные мероприятия по оснащению уголовного производства техническими устройствами;

– расширить практику применения технических средств видеосвязи в уголовном производстве, организовав обучение субъектов уголовного судопроизводства.

Актуальность уголовного судопроизводства Сербии, России и других стран, связанного с организованной преступностью, военными преступлениями, преступлениями международного характера, многократно возросла. Многие российские ученые и юристы, благодаря энтузиазму отдельных руководителей судебных органов, предлагают совершенствовать судопроизводство путем создания электронного уголовного дела с

использованием цифровых технологий и технических средств видеосвязи. Безусловно, эти процедуры нуждаются не только в более полном и четком нормативном регулировании, но также в материальной и технической поддержке.

Список источников

1. Бурлачук И.А. Роль защитника при использовании видеоконференцсвязи в уголовном процессе // Сибирское юридическое обозрение. 2011. № 14. С. 17–19.
2. Волеводз А.Г. Правовые основы взаимной правовой помощи по уголовным делам с использованием видеоконференцсвязи // Военно-юридический вестник Приволжского региона. Самара: Изд-во Самарской гуманитарной академии, 2003. С. 70–96.
3. Иванов В.В., Сержантова Л.А. Развитие электронного судопроизводства в период пандемии Covid-19 // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 34–36.
4. Семенов А.В. Использование системы видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве: положительные и негативные черты // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5 (13). С. 25–30.
5. Фарафонова О.А. Видеоконференцсвязь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. № 3 (90). С. 18–22.
6. Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex russica. 2019. № 5. С. 117–131.
7. Bejatović S. Criminal procedure law // Official Gazette. 2019.
8. Bejatović S. The use of technical means in criminal proceedings and the adequacy of the state reaction to crime // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2019. P. 117–137.
9. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse // Official Gazette of the RS – International Agreements. 2010. № 1.
10. Criminal Procedure Code of the Republic of Serbia // Official Gazette. 2019. № 72/11, 101/11, 121/12, 32/13, 55/14, 35.
11. Čvorović D. The Public Prosecutor as a Powerful Figure of the Modern Criminal Procedural Legislation, Crime and Society of Serbia. Belgrade: Institute for Criminological and Sociological Research, 2015. P. 80–95.
12. Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime, and replacing Council Framework Decision 2001/220/JHA // EUR-Lex [Электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2012/29/oj>.
13. Law on International Legal Assistance in Criminal Matters // Official Gazette of the RS. 2009. № 20.
14. Law on Juvenile Criminal Offenders and Criminal Protection of Juveniles // Official Gazette of RS. 2005. № 85.

15. Mijalković S., Čvorocić D., Turanjanin V. Efficiency as an International Standard in Criminal Procedural Legislation of the Republic of Serbia – Toward European Union // Towards a better future: Democracy, EU Integration and Criminal Justice. 2019. P. 134–147.

16. Rome Statute of the International Criminal Court // ICC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>.

17. Škulić M., Miljuš I. Participation of procedural subjects in criminal proceedings through technical means for image and sound transmission // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2021. P. 137–179.

18. United Nations Convention against Transnational Organized Crime // Official Gazette of the FRY – International Agreements. 2001. № 6.

19. Čvorović D. Use of video link in criminal proceedings // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2015. P. 180–192.

References

1. Burlachuk I.A. Rol' zashhitnika pri ispol'zovanii videokonferenczsvyazi v ugovnom processe // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2011. № 14. C. 17–19.

2. Volevodz A.G. Pravovy'e osnovy' vzaimnoj pravovoj pomoshhi po ugovnom delam s ispol'zovaniem videokonferenczsvyazi // Voenno-yuridicheskij vestnik Privolzhskogo regiona. Samara: Izd-vo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2003. S. 70–96.

3. Ivanov V.V., Serzhantova L.A. Razvitie e'lektronogo sudoproizvodstva v period pandemii Covid-19 // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarny'e i obshhestvenny'e nauki. 2021. № 4. C. 34–36.

4. Semenov A.V. Ispol'zovanie sistemy' videokonferenczsvyazi v ugovnom sudoproizvodstve: polozhitel'ny'e i negativny'e cherty' // Sibirskie ugovno-processual'ny'e i kriminalisticheskie chteniya. 2016. № 5 (13). C. 25–30.

5. Farafonova O.A. Videokonferenczsvyaz' v ugovnom sudoproizvodstve Rossijskoj Federacii // Nauchny'j vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. 2023. № 3 (90). C. 18–22.

6. Sheremet'ev I.I. Ispol'zovanie cifrovyx texnologij pri rassmotrenii ugovny'x del v sude: real'nost' i perspektivy' // Lex russica. 2019. № 5. S. 117–131.

7. Bejatović S. Criminal procedure law // Official Gazette. 2019.

8. Bejatović S. The use of technical means in criminal proceedings and the adequacy of the state reaction to crime // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2019. P. 117–137.

9. Council of Europe Convention on the Protection of Children against Sexual Exploitation and Sexual Abuse // Official Gazette of the RS – International Agreements. 2010. № 1.

10. Criminal Procedure Code of the Republic of Serbia // Official Gazette. 2019. № 72/11, 101/11, 121/12, 32/13, 55/14, 35.

11. Čvorović D. The Public Prosecutor as a Powerful Figure of the Modern Criminal Procedural Legislation, Crime and Society of Serbia. Belgrade: Institute for Criminological and Sociological Research, 2015. P. 80–95.

12. Directive 2012/29/EU of the European Parliament and of the Council of 25 October 2012 establishing minimum standards on the rights, support and protection of victims of crime, and replacing Council Framework Decision 2001/220/JHA // EUR-Lex [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://data.europa.eu/eli/dir/2012/29/oj>.

13. Law on International Legal Assistance in Criminal Matters // Official Gazette of the RS. 2009. № 20.

14. Law on Juvenile Criminal Offenders and Criminal Protection of Juveniles // Official Gazette of RS. 2005. № 85.

15. Mijalković S., Čvorocić D., Turanjanin V. Efficiency as an International Standard in Criminal Procedural Legislation of the Republic of Serbia – Toward European Union // Towards a better future: Democracy, EU Integration and Criminal Justice. 2019. P. 134–147.

16. Rome Statute of the International Criminal Court // ICC [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.icc-cpi.int/resource-library/documents/rs-eng.pdf>.

17. Škulić M., Miljuš I. Participation of procedural subjects in criminal proceedings through technical means for image and sound transmission // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2021. P. 137–179.

18. United Nations Convention against Transnational Organized Crime // Official Gazette of the FRY – International Agreements. 2001. № 6.

19. Čvorović D. Use of video link in criminal proceedings // Serbian Association for Criminal Theory and Practice. 2015. P. 180–192.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРИМЕНЕНИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

КРАСНЕНКОВА Елена Валерьевна

Кандидат юридических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

АЛЕШКО Борислав Евгеньевич

Студент 3 курса юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуются актуальные вопросы института освобождения от уголовной ответственности в российском законодательстве. Выявляются основные проблемные аспекты правового регулирования в данной сфере, связанные с недостаточной определенностью и конкретизацией условий освобождения от ответственности. Особое внимание уделяется несовершенству законодательной регламентации отдельных видов освобождения от уголовной ответственности. Также рассмотрены задачи реализации эффективности применения норм освобождения от уголовной ответственности.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, судебный штраф, индивидуальный подход, институт уголовной политики, эффективность применения

Для цитирования: Красненкова Е.В., Алешко Б.Е. Эффективность применения освобождения от уголовной ответственности // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 129. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_129

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

THE EFFECTIVENESS OF THE APPLICATION OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY

KRASNENKOVA Elena Valerievna

Candidate of Law, Associate Professor at the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

ALESHKO Borislav Evgenievich

Student at the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky ave., 49, Russian Federation

Abstract: The article considers topical issues of the institution of exemption from criminal responsibility in the Russian legislation. The article identifies main problematic aspects of legal regulation in this sphere, connected with lack of certainty and specification of conditions of discharge from responsibility. Special attention is paid to the inadequacy of the legislative regulation of certain types of exemption from criminal responsibility, and the tasks of implementing the effective application of the norms of exemption from criminal responsibility are also considered.

Keywords: exemption from criminal liability, active repentance, reconciliation with the victim, court fine, individual approach, institution of criminal policy, effectiveness of application

For citation: Krasnenkova E.V., Aleshko B.E. The Effectiveness of the Application of Exemption from Criminal Liability = Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):129. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_129

В отечественной правовой доктрине существуют различные определения, раскрывающие сущность освобождения от уголовной ответственности. По мнению А.В. Бриллиантова, «освобождение от уголовной ответственности означает выраженное в официальном акте компетентного государственно-

го органа решение освободить лицо, совершившее преступление, от обязанности подвергнуться судебному осуждению и претерпеть меры государственно-принудительного воздействия» [1, с. 63].

В свою очередь, обращаясь к нормам действующего законодательства, можно отметить похо-

жее определение в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, где освобождение от уголовной ответственности является «отказом государства от применения санкций в отношении лица, совершившего преступление» (в частности, от осуждения и наказания такого лица) [2].

Неоспоримость и важность социального значения института освобождения от уголовной ответственности не подлежит дискуссии. Состоявшийся институт в уголовном праве периодически дополняет и / или расширяет уже имеющиеся нормы на предмет более широкого спектра оснований для освобождения. Безусловно, государство, применяя данные нормы, рассчитывает на правомерное поведение со стороны субъекта преступления. Практика показывает, что не всегда доверие государства к указанным лицам оправдывается. Освобождение от уголовной ответственности не является основанием для реабилитации, так как для нее необходимо признать лицо невиновным априори (оправдательный приговор или вердикт). При освобождении лица от уголовной ответственности государство демонстрирует принципы гуманизма и справедливости, рассчитывая на исправление виновного без применения карательных мер, предусмотренных уголовным законодательством. Кроме того, данный институт позволяет сократить государственные расходы на реализацию исполнения наказаний и содержания осужденных.

Исследовав работы современных правоведов, можно отметить, что институт освобождения от уголовной ответственности обладает специфическими особенностями. В частности, в своей исследовательской работе Е.С. Дубровина отмечает, что данный «институт по своему содержанию шире, чем институт освобождения от наказания» [3, с. 271]. Е.С. Дубровина также обращает внимание на предупредительное значение освобождения от уголовной ответственности. «Достигается экономия бюджетных средств, снижается уровень рецидивной преступности, а также сокращается число лиц, осуждаемых за преступления и отбывающих наказание в пенитенциарных учреждениях» [3]. Применение оснований для освобождения государством стимулирует отсутствие нигилизма в посткриминальном поведении лиц, в отношении которых были возбуждены уголовные дела. Возможность освобождения побуждает их к деятельному раскаянию, сглаживанию причиненного вреда, примирению с потерпевшими, что повышает вероятность восстановления нарушенных отношений.

На основе анализа приведенной характеристики института освобождения от уголовной ответственности можно выделить характерные для него черты, в частности: применяется к ограниченному кругу лиц, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести; суды обязаны проверять наличие оснований для применения такого института по каждому уголовному делу; УК РФ предусмотрены специальные виды освобождения, прописанные в непосредственных самостоятельных составах преступления; применение норм освобождения от уголовной ответственности решается не только на судебной стадии, но и на досудебной.

Пример специальной нормы особенной части, где предусмотрено освобождение от уголовной ответственности: согласно ст. 291 УК РФ, лицо подлежит освобождению от уголовной ответственности при условии, что оно активно участвовало в раскрытии и расследовании преступления, а также если в отношении него совершено вымогательство взятки со стороны должностного лица. Кроме того, лицо освобождается от уголовной ответственности за дачу взятки, если после совершения деяния сообщило о таком преступлении соответствующему правоприменительному лицу. В УК РФ имеется ряд других составов: ст. 110.2, 122, 126, 206 и др.

В 2024 г. УК РФ дополнился новым видом освобождения от уголовной ответственности «в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» (ст. 78.1 УК РФ). Указанное основание применяется не ко всем субъектам преступления, которые были призваны на военную службу в период мобилизации или военное время, заключили контракт о прохождении военной службы в указанные периоды либо совершили преступление в период прохождения военной службы в данные периоды. Исключением является совершение преступлений террористической и экстремистской направленности; преступлений против половой свободы и неприкосновенности в отношении несовершеннолетних; против национальной безопасности и др.

Освобождение от уголовной ответственности по данному основанию осуществляется в двух случаях: «1) со дня награждения лица государственными наградами, полученными в период прохождения военной службы; 2) со дня увольнения

с военной службы по основанию», предусмотренному п. 1 ст. 51 ФЗ РФ от 28.03.1998 № 53-ФЗ (в ред. от 23.03.2024 № 61-ФЗ) «О воинской обязанности и военной службе».

Дополнение данным основанием освобождения от уголовной ответственности детерминировано стремлением законодателя стимулировать граждан к исполнению воинского долга в условиях мобилизации военного времени, поощрить их за добросовестную воинскую службу в указанный период.

Задача уголовных норм состоит в эффективности применения, в том числе, и оснований освобождения от уголовной ответственности. В зависимости от многих признаков применение наказания, как и основание для применения освобождения от уголовной ответственности, должно быть дифференцировано и индивидуализировано по отношению к лицам, совершившим общественно опасные деяния. Применяя любое основание, государство исходит из нецелесообразности или неэффективности применения к нему мер уголовной ответственности ввиду наличия возможности достижения целей исправления и перевоспитания иными средствами.

Согласно данным судебной статистики, в 2023 году по ст. 75 УК РФ было прекращено 10 610 дел. В 2022 году этот показатель составлял 12 130 дел [4].

Освобождение от ответственности в связи с деятельным раскаянием способствует достижению цели исправления виновных. Совершая активные действия, направленные на устранение или смягчение вредных последствий преступления, лицо демонстрирует свое раскаяние, готовность вернуться к законопослушному образу жизни.

Для повышения эффективности освобождения от ответственности в связи с деятельным раскаянием представляется необходимым:

- разработать чёткие критерии оценки признаков деятельного раскаяния и закрепить их в руководящих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ;

- обеспечить проведение регулярного мониторинга практики применения ст. 75 УК РФ для выявления типичных ошибок и принятия мер по их устранению;

- обеспечить совершенствование механизмов контроля за поведением лиц, освобождённых от ответственности в связи с деятельным раскаянием, в целях предупреждения с их стороны новых преступлений.

Еще одним часто применяемым видом освобождения является освобождение от уголовной

ответственности в связи с примирением с потерпевшим (ст. 76 УК РФ). По данным судебной статистики, в 2023 году по ст. 76 УК РФ было прекращено 94 451 дело. В 2022 году этот показатель составлял 105 409 дел.

Важным условием освобождения от ответственности по данному основанию является заглаживание причинённого преступлением вреда. В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ разъясняется, что под «заглаживанием вреда» следует понимать не только возмещение материального ущерба, но и иные меры, направленные на восстановление нарушенных прав и законных интересов потерпевшего» [2]. В частности, данный перечень содержится в п. 2.1 вышеуказанного постановления.

Возмещение вреда и определение размера определяется не виновным и / или должностным лицом, а потерпевшим, т. е. подчеркивается обеспечение приоритета прав, свобод и интересов потерпевшего лица в преступлении и предоставление ему возможности повлиять на возмещение (компенсацию) причиненного вреда. Такой подход представляется оправданным, поскольку именно потерпевший, как никто другой, имеет право оценивать характер и размер негативных последствий.

В целях единообразного толкования ст. 76 УК РФ представляется обоснованным дополнить упомянутое Постановление Пленума Верховного Суда РФ перечнем мер, которые будут способствовать компенсации ущерба в зависимости от категоризации преступлений и характера вреда. Данные меры позволят упростить применение оснований освобождения от уголовной ответственности.

Освобождение от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) является относительно новым основанием освобождения. Несмотря на непродолжительный период действия, данная норма получила широкое применение на практике. По данным судебной статистики, в 2023 году по ст. 76.2 УК РФ было прекращено 15061 уголовных дел, а в 2022 году – 5607.

Назначение судебного штрафа оказывает предупредительное воздействие на лицо, освобожденное от ответственности. Угроза реального применения мер уголовно-правового характера в случае неоплаты штрафа или совершения новых преступлений служит сдерживающим фактором, который стимулирует виновного к правомерному поведению. Так, в соответствии со ст. 104.4 УК РФ в случае неуплаты судебного штрафа в установ-

ленный судом срок судебный штраф отменяется, и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ.

Эффективность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа во многом обусловлена чёткостью и определённой условиями его применения, закрепленных в ст. 76.2 УК РФ. При этом, согласно п. 16.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19, «освобождение от ответственности возможно при наличии следующих условий: лицо впервые совершило преступление небольшой или средней тяжести; лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред» [2].

Обращаясь к современной правовой доктрине, А.А. Ключев и Р.А. Эфрикян определяют ряд существенных проблем института освобождения от уголовной ответственности.

Одной из проблем они определяют соотношение частных и общественных интересов. В контексте освобождения от уголовной ответственности А.А. Ключев и Р.А. Эфрикян утверждают, что «необходимо признавать сочетание частных и общественных интересов при принятии процессуального решения» [5, с. 101]. Это означает, что общественное решение правоохранительных органов не должно игнорировать мнение потерпевшего от преступления.

Как справедливо отмечает В.Н. Романенко, «количество случаев освобождения от ответственности не в полной мере соответствует задачам современной уголовно-правовой политики, ориентированной на гуманизацию и рационализацию уголовный репрессии» [6, с. 331].

Действующее законодательство не устанавливает чётких критериев и механизмов, позволяющих удостовериться в добровольности, например, примирения сторон. В силу этого решение вопроса о прекращении уголовного дела по ст. 76 УК РФ во многом зависит от усмотрения правоприменителя и обстоятельств конкретного дела. При этом отсутствуют процессуальные гарантии, которые обеспечивают подлинное волеизъявление потерпевшего при заявлении о примирении с обвиняемым.

В.Н. Романенко считает, что решением данной проблемы является «внедрение в уголовное судопроизводство института медиации. Использование медиативных механизмов в процессе примирения сторон позволило бы обеспечить реальную добровольность принимаемых решений, исключить возможное давление на потерпевшего

со стороны виновного лица или иных заинтересованных субъектов» [6, с. 330].

Одним из дискуссионных вопросов является определение размера судебного штрафа. Действующей редакцией ст. 76.2 УК РФ предусматривается, что размер штрафа не может превышать половины максимального размера штрафа, предусмотренного санкцией соответствующей статьи Особенной части УК РФ. При этом минимальный размер штрафа законом не установлен, что порождает правовую неопределённость и создаёт риски назначения низких сумм, не отвечающих целям уголовно-правового воздействия.

Одним из направлений совершенствования законодательства является расширение возможности применения восстановительных технологий при освобождении от уголовной ответственности. В частности, заслуживает поддержки идея закрепления в УПК РФ института медиации – процедуры примирения сторон с участием независимого посредника. Это позволило бы обеспечить подлинную добровольность примирения потерпевшего с обвиняемым, вполне учесть интересы сторон, способствовало бы заглаживанию не только материального, но и морального вреда, причинённого в результате деяния.

Реализация предложенных мер по совершенствованию законодательства позволит повысить эффективность института освобождения от уголовной ответственности, обеспечить его соответствие принципам справедливости, гуманизма. Это будет способствовать дальнейшей дифференциации индивидуализации ответственности, а также сокращению рецидива преступлений, достижению оптимального баланса частных и публичных интересов в сфере уголовной юстиции.

Важно отметить, что совершенствование правового регулирования института освобождения от ответственности должно осуществляться комплексно, с учётом необходимости внесения изменений в УК РФ и УПК РФ. Только системный подход к решению данного вопроса позволит обеспечить его максимальную эффективность.

Список источников

1. Бриллиантов А.В. Уголовное право России. Части Общая и Особенная. М.: Проспект, 2015.
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Дубровина Е.С. Проблемы совершенствования институтов освобождения от уголовной ответственности

сти и наказания в условиях гуманизации уголовного законодательства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 24 (314). С. 268–277.

4. <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/11/s/1?ysclid=lw17vah5vd2623198>.

5. Ключев А.А., Эфрикян Р.А. Проблемы правовой природы освобождения от уголовной ответственности // Право и практика. 2022. № 3. С. 98–102.

6. Романенко В.Н. Освобождение от уголовной ответственности: проблемные аспекты // Молодой ученый. 2024. № 17 (516). С. 330–332.

References

1. Brilliantov A.V. Uголовное право Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya. M.: Prospekt, 2015.

2. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 27.06.2013 № 19 (red. ot 29.11.2016) «O primeneniі sudami zakonodatel'stva, reglamentiruyushhego osnovaniya i poryadok osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti». Dostup iz sprav.-pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

3. Dubrovina E.S. Problemy` sovershenstvovaniya institutov osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti i nakazaniya v usloviyax gumanizacii ugolovnoy zakonodatel'stva v Rossijskoj Federacii // Molodoj uchenyj. 2020. № 24 (314). С. 268–277.

4. <https://stat.api-пресс.rf/stats/ug/t/11/s/1?ysclid=lw17vah5vd2623198>.

5. Klyuev A.A., E`frikyan R.A. Problemy` pravovoj prirody` osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti // Pravo i praktika. 2022. № 3. С. 98–102.

6. Romanenko V.N. Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti: problemny`e aspekty` // Molodoj uchenyj. 2024. № 17 (516). С. 330–332.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 343.3

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_134

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В ГОСУДАРСТВАХ – ЧЛЕНАХ ЕАЭС

КОПЕНКИН Игорь Олегович

Соискатель Российского университета адвокатуры и нотариата им. Г.Б. Мирзоева, член коллегии адвокатов «Юков и партнеры»

105120, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Актуальность темы исследования заключается в том, что в условиях увеличения количества информации, объемов ее обработки и диверсификации способов доступа к ней соответственно увеличивается количество пользователей цифровых услуг, а вместе с тем все более актуальной становится проблема защиты персональных данных. Современный мир трансформируется и все более погружается в цифровое пространство, в результате чего вопрос защиты персональных данных касается не только отдельно взятых физических лиц, но и экономики в целом. Являясь одним из приоритетных направлений национальной безопасности Российской Федерации, Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС, Союз) играет важную роль в процессе региональной и межрегиональной интеграции. Исходя из этого, целью данного исследования является сравнительный анализ уголовного законодательства государств – членов ЕАЭС. Основными исследовательскими методами, которые были использованы в ходе разработки темы, являются метод анализа и сравнительно-правовой метод. В результате научной разработки темы исследования были обнаружены значительные расхождения в подходах, диспозициях и санкциях уголовного законодательства всех государств – членов ЕАЭС и необходимость его гармонизации для дальнейшей интеграции. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что полученные результаты возможно применить в законотворческой деятельности через совершенствование норм права, которые посвящены установлению уголовной ответственности за неправомерное использование персональной информации.

Ключевые слова: персональные данные, частная жизнь, врачебная тайна, тайна переписки, тайна усыновления, Евразийский экономический союз, ЕАЭС, уголовное право, защита сведений, защита информации

Для цитирования: Копенкин И.О. Уголовная ответственность за незаконный оборот персональных данных в государствах – членах ЕАЭС // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 134. [https:// doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_134](https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_134)

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF THE CRIMINAL LEGISLATION OF THE EAEU MEMBER STATES IN THE FIELD OF PROTECTION OF PERSONAL DATA

KOPENKIN Igor Olegovich

Applicant at the Russian University of Advocacy and Notariat named after. G.B. Mirzoev, Member of the Bar Association «Yukov and Partners»

105120, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, building 1, Russian Federation

Abstract: The relevance of the research topic lies in the fact that in the context of an increase in the amount of information, the volume of its processing and the diversification of ways to access it, the number of users of digital services increases accordingly, and at the same time, the problem of protecting personal data becomes more and more urgent. The modern world is transforming and more and more immersed in the digital space, as a result of which the issue of personal data protection concerns not only individual individuals, but also the economy as a whole. Being one of the priority areas for the national security of the Russian Federation, the Eurasian Economic Union) plays an important role in the process of regional and interregional integration. Based on this, the purpose of this study is a comparative analysis of the criminal legislation of the member states of the EAEU. The main research methods that were used during

the development of the topic are the method of analysis and the comparative legal method. As a result of the scientific development of the research topic, significant differences were found in the approaches, dispositions and sanctions of the criminal legislation of all EAEU member states and the need for its harmonization for further integration. The practical significance of the results of the study of the topic lies in the fact that the results obtained can be applied in legislative activities through the improvement of the rules of law, which are devoted to establishing criminal liability for the misuse of personal information.

Keywords: personal data, private life, medical secrecy, secrecy of correspondence, secrecy of adoption, Eurasian Economic Union, EAEU, criminal law, data protection, information protection

For citation: Kopenkin I.O. Comparative Legal Analysis of the Criminal Legislation of the EAEU Member States in the Field of Protection of Personal Data = Eurasian advocacy. 2024;4(69):134. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_134

В рамках ЕАЭС Коллегией Евразийской экономической комиссии была принята Рекомендация от 21.11.2017 № 27 «Об общих подходах к проведению государствами – членами ЕАЭС согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом», в которой предложен порядок обработки персональных данных в ходе реализации товаров дистанционным способом, а также отмечается, что ответственность за раскрытие и (или) распространение персональных данных без согласия субъекта персональных данных возлагается на операторов персональных данных и иных лиц, получивших доступ к этим персональным данным [3]. Указанная рекомендация была имплементирована в российском законодательстве и нашла отражение в п. 2 ст. 13.11 КоАП РФ, предусматривающем штраф для физических, юридических и должностных лиц.

В целях данного исследования предлагается условно разделить персональные данные на несколько категорий: информация о частной жизни, тайна переписки и корреспонденции, врачебная тайна, тайна усыновления.

Государства – члена ЕАЭС, являясь одновременно членами Содружества Независимых Государств, в своем национальном законодательстве использовали подходы к установлению ответственности за нарушение конфиденциальности персональных данных своих граждан, выработанные в Модельном уголовном кодексе СНГ, принятом постановлением Межпарламентской Ассамблеи СНГ 17 февраля 1996 г. и являющемся рекомендательным законодательным актом [4]. В связи с этим во многом уголовное законодательство государств – членов ЕАЭС сходно.

Первоначально рассмотрим особенности защиты персональной информации, касающейся частной жизни, как наиболее широкого понятия персональных данных.

Уголовные кодексы Республики Армения (ст. 144), Республики Беларусь (ст. 203-1), Россий-

ской Федерации (ст. 137), Республики Казахстан (ст. 147) и Кыргызской Республики (ст. 190) предусматривают ответственность за сбор и распространение информации о частной (личной и семейной) жизни лиц без их разрешения.

Отличительной особенностью законодательства Республики Беларусь и Республики Казахстан является то, что за распространение персональной информации предусмотрена более серьезная ответственность, чем за ее сбор. В Республике Армения и Кыргызской Республике наравне со сбором и распространением аналогичная ответственность предусмотрена также и за хранение персональной информации.

В Республике Армения, Республике Казахстан и Кыргызской Республике отягчающим обстоятельством выступает незаконное использование либо распространение личной или семейной тайны в производстве, при выступлении в СМИ либо ином публичном выступлении.

В Республике Казахстан к вышеуказанным обстоятельствам распространения информации также приравнены использование сетей телекоммуникаций, в том числе сети «Интернет». Помимо этого, как и в Республике Беларусь, в данную диспозицию входят случаи, когда распространение личной информации было совершено в отношении лица или его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности или выполнением общественного долга.

Отдельно Уголовный кодекс Республики Казахстан предусматривает персональную ответственность лиц, на которые возложены меры по защите персональных данных, в случае их раскрытия, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам граждан. Уголовное право Республики Беларусь (ст. 203-2) предусматривает ответственность за подобные нарушения, однако деятельность таких лиц ограничена только обработкой персональных данных. В остальных государствах – членах ЕАЭС подобных положений в уголовном законодательстве нет.

В Российской Федерации и Кыргызской Республике ответственность также предусмотрена за незаконное использование или распространение (в Республике Казахстан – за сбор и обработку) личных сведений, совершенные лицом с использованием своего служебного положения.

Далее рассмотрим тайну переписки и корреспонденции как отдельное преступление, связанное с нарушением конфиденциальности персональных данных.

Уголовные кодексы Республики Армения (ст. 146) [5], Республики Беларусь (ст. 203) [6], Республики Казахстан (ст. 148) [7], Кыргызской Республики (ст. 193) [8] и Российской Федерации (ст. 138) предусматривают ответственность за нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений, а также уголовную ответственность.

Ответственность во всех государствах-членах за такое деяние предусматривает штраф и исправительные работы. И если уголовное законодательство Республики Армения ограничивается только этими видами наказаний, то в Республике Казахстан, Республике Беларусь и Кыргызской Республике также предусмотрены общественные работы.

Кроме того, в Республике Беларусь также в виде наказания может быть назначен арест, в Республике Казахстан и Кыргызской Республике – лишение свободы, а в Республике Казахстан, помимо этого, еще и ограничение свободы. В Российской Федерации могут быть также назначены обязательные работы.

Дополнительно во всех указанных государствах предусмотрена особая ответственность за нарушение тайны переписки для лиц, использующих свои служебные полномочия. В Республике Казахстан и Республике Беларусь в данную диспозицию включены также случаи, когда такое деяние совершено с использованием специальных технических средств, предназначенных для негласного получения информации.

Во всех государствах-членах в качестве ответственности, несомненно, предусмотрено лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Помимо этого, во всех государствах-членах за исключением Республики Армения в качестве дополнительных мер ответственности за подобные правонарушения также включено лишение свободы. Арест предусмотрен в Республике Армения как замена лишению свободы, а в Республике Беларусь и Российской Федерации – как еще одна дополнительная мера, однако в этих трех государствах, в

отличие от других, также в виде наказания может быть назначен штраф.

В Российской Федерации за нарушение тайны переписки лицом, превысившим свои служебные полномочия, помимо указанного, также предусмотрены обязательные и принудительные работы.

Перейдем к следующему частному случаю нарушения конфиденциальности персональных данных и другой тайне – медицинской.

Уголовные кодексы Республики Армения (ст. 145), Республики Беларусь (ст. 178), Республики Казахстан (ст. 321), Кыргызской Республики (ст. 153) предусматривают ответственность за раскрытие сведений о заболевании или результатах медицинского освидетельствования пациента. В этом отношении примечателен тот факт, что принцип медицинской тайны в российском уголовном законодательстве не выделен в отдельную статью, а подпадает под положения, касающиеся частной жизни.

Персональные данные, попадающие под правовой режим медицинской тайны, представляют наибольшие риски в том случае, когда они представляют собой не столько общие персональные данные (ФИО, контактные данные пациента), сколько те самые «чувствительные» персональные данные, содержащие в себе информацию о состоянии здоровья, заболеваниях, особенностях организма отдельного субъекта [1]. Данные о состоянии здоровья гражданина входят в перечень специальных категорий персональных данных, обработка которых не допускается в Республике Армения [9], Республике Беларусь [10], Кыргызской Республике [11] и Российской Федерации [12].

Необходимо отметить, что во всех указанных государствах – членах ЕАЭС ответственность предусмотрена в тех случаях, когда раскрытие подобной информации повлекло тяжкие последствия, однако в Республике Казахстан и Кыргызской Республике раскрытие медицинской тайны предусматривает наказание исключительно при наличии этих условий. В Республике Армения и Республике Беларусь тяжкие последствия являются отягчающим обстоятельством к любому раскрытию медицинской информации. Однако если в Республике Армения наказание предусмотрено за раскрытие такой информации по неосторожности, то в Республике Беларусь для уголовной ответственности оно должно быть умышленным. За любое раскрытие медицинской информации в обоих государствах предусмотрены штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в

Республике Армения за подобное деяние может также быть назначен арест.

В случае наличия тяжких последствий раскрытия медицинских сведений во всех рассматриваемых государствах предусмотрено лишение свободы или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. В Республике Казахстан и Кыргызской Республике за подобное деяние могут быть назначены штраф или исправительные работы, дополнительно в Республике Казахстан предусмотрены также общественные работы или ограничение свободы.

В Республике Беларусь и Республике Казахстан предусмотрены специфические диспозиции нормы, содержащие разглашение врачебной тайны, выразившееся в сообщении сведений о наличии у лица ВИЧ (в Беларуси это также касается и заболевания СПИД). При этом в Беларуси не важен субъект преступления, тогда как в Казахстане четко указан медицинский работник, раскрывший врачебную тайну без профессиональной или служебной необходимости. Для такого вида нарушения в обоих государствах предусмотрены арест или лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Дополнительно в Республике Беларусь в качестве ответственности указано ограничение свободы, в Республике Казахстан – штраф, общественные и исправительные работы. Подобное положение в уголовном законодательстве Республики Армения и Кыргызской Республики отсутствует.

В уголовном праве Республики Армения, Республики Беларусь и Республики Казахстан есть положения о случаях, когда раскрытие врачебной тайны повлекло тяжкие последствия, ответственность за которые также сходна – лишение свободы и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью (на срок не свыше трех лет в Республике Армения и Республике Казахстан). Различен в данном случае только срок лишения свободы, максимальный из которых предусмотрен в Казахстане – до четырех лет, в Беларуси он составил до трех лет, в Армении самый короткий – до четырех месяцев. И если законодательство Республики Армения ограничилось только такими видами ответственности, то в Республике Казахстан и Республике Беларусь также предусмотрены штрафы, а в Казахстане еще и исправительные и общественные работы, а также ограничение свободы.

В отличие от тайны переписки и корреспонденции в подходах рассматриваемых государств к

врачебной тайне наблюдается больше различий. Так, в Республике Казахстан статья Уголовного кодекса, посвященная врачебной тайне, включает в себя диспозиции только в случае наличия тяжких последствий, а также в случае раскрытия информации касательно заболевания ВИЧ. В этом отношении можно судить о том, что в Республике Армения персональная информация, составляющая врачебную тайну и касающаяся сведений о заболевании ВИЧ и СПИД, не рассматривается в качестве требующей особой защиты и специализированной ответственности за ее раскрытие.

В Республике Казахстан и Республике Армения к ответственности за разглашение персональной информации, исходя из диспозиций указанных статей национальных уголовных кодексов, может быть привлечен только медицинский работник, который раскрыл врачебную тайну без профессиональной или служебной необходимости, в то время как в Республике Беларусь в определенных случаях субъектом может выступить любой гражданин. Исходя из проведенного анализа, можно сказать, что в Беларуси врачебная тайна является наиболее регулируемой, охватывая сферы жизни, одновременно прописанные в диспозициях норм уголовного права как Армении, так и Казахстана.

Примечательно, что положения, регулирующие данные преступления, находятся в разных статьях уголовного кодекса каждой из стран. И если в Армении, Беларуси и Киргизии они называются «Разглашение врачебной тайны», то в Казахстане – «Разглашение тайны медицинского работника». Таким образом, само понятие врачебной тайны в уголовном кодексе отсутствует, а фокус статьи смещается от персональных данных физического лица в сторону профессиональной тайны.

В заключение рассмотрим еще одну тайну, содержащую персональную информацию, а именно тайну усыновления.

Уголовное право Республики Армения (ст. 169), Республики Беларусь (ст. 177), Республики Казахстан (ст. 138), Кыргызской Республики (ст. 184) и Российской Федерации (ст. 155) предусматривает ответственность за разглашение тайны усыновления (удочерения), и во всех этих государствах она представляет собой штраф и исправительные работы.

Помимо этого, в Республике Казахстан ответственность за раскрытие тайны усыновления (удочерения) включает в себя как арест (как в Республике Армения и Российской Федерации), так и общественные работы (как в Республике

Беларусь). Лишение свободы за подобное деяние предусмотрено лишь в Кыргызской Республике. В Российской Федерации также могут быть назначены обязательные работы.

Помимо этого, в диспозиции статьи Республики Беларусь отсутствуют субъект и цель раскрытия тайны усыновления, тогда как в Республике Армения, Республике Казахстан и Российской Федерации диспозиция включает в себя положение «из корыстных или иных низменных побуждений», а также «лицом, обязанным хранить факт усыновления как служебную или профессиональную тайну» [2].

Таким образом, мы видим, что в рассматриваемых государствах были созданы единые подходы к уголовному регулированию преступлений, связанных с раскрытием тайны усыновления. При этом более серьезная ответственность предусмотрена в Республике Армения и Республике Казахстан, которые, в отличие от Республики Беларусь, законодательно предусмотрели возможность ареста, а также ответственности для лиц, профессия которых обязывает их защищать тайну усыновления. Однако только в Республике Беларусь указано право совершеннолетнего самостоятельно (при определенных условиях) получить сведения, касающиеся его усыновления.

Исходя из изложенного, можно сказать, что в государствах – членах ЕАЭС используются разные подходы к уголовному законодательству в сфере защиты персональных данных. При этом такие различия становятся заметны как в диспозиции норм, так и в части санкций. Так как защита персональных данных перестает быть значимой исключительно в жизни физических лиц, а на современном этапе играет роль в цифровом пространстве в целом, то данные различия могут стать препятствием к достижению одной из целей Союза.

Считаем целесообразным учитывать опыт государств – членов ЕАЭС в российском уголовном законодательстве. Так, например, персональные данные, составляющие врачебную тайну, на наш взгляд, требуют специфического регулирования, так как относятся к специальной категории сведений, требующих особой защиты. Считаем также необходимым учесть опыт Республики Беларусь и Республики Казахстан и рассмотреть возможность включить в положения Уголовного кодекса Российской Федерации персональную ответственность для лиц, на которые возложены меры по защите персональных данных, в случае их раскрытия, если это деяние причинило существенный вред правам и законным интересам лиц.

Список источников

1. Возможность трансграничной передачи связанных со здоровьем персональных данных в рамках ЕАЭС: реальность, перспективы / И.М. Акулин, Е.А. Чеснокова, Н.Е. Гурьянова и др. // Менеджер здравоохранения. 2020. № 7. С. 65–73.
2. Кручинина Н.В., Пятибратова Н.Д. Расследование преступлений против семьи: монография. М.: Проспект, 2019.
3. Рекомендация Коллегии Евразийской экономической комиссии от 21.11.2017 № 27 «Об Общих подходах к проведению государствами – членами Евразийского экономического союза согласованной политики в сфере защиты прав потребителей при реализации товаров (работ, услуг) дистанционным способом». М., 2005. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Модельный уголовный кодекс СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/2566472/>.
5. Уголовный кодекс Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show>.
6. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=2438;-53#pos=2438;-53&sdoc_params=text=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8&mode=indoc&topic_id=31575252&spos=1&tSynonym=1&tShort=1&tSuffix=1&sdoc_pos=1.
8. Уголовный кодекс Кыргызской Республики [Электронный ресурс]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>.
9. <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114851>.
10. <https://md1.by/polozhenie-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>.
11. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269#:~:text=Персональные данные предоставляются субъектом лично, законодательством Кыргызской Республики электронной подписью>.
12. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/26edb2934b899bf9c74c3a8f7e574651c6565e6d/.

References

1. *Vozmozhnost` transgranichnoj peredachi svyazanny`x so zdorov`em personal`ny`x danny`x v ramkax EAE`S: real`nost`, perspektivy` / I.M. Akulin, E.A. Chesnokova, N.E. Gur`yanova i dr. // Menedzher zdravooxraneniya. 2020. № 7. S. 65–73.*
2. *Kruchinina N.V., Pyatibratova N.D. Rassledovanie prestuplenij protiv sem`i: monografiya. M.: Prospekt, 2019.*
3. *Rekomendaciya Kollegii Evrazijskoj e`konomicheskoy komissii ot 21.11.2017 № 27 «Ob Obshhix podhodax k provedeniyu gosudarstvami – chlenami Evrazijskogo e`konomicheskogo soyuza soglasovannoj politiki v sfere zashhity` prav potrebitelej pri realizacii tovarov (rabot, uslug) distancionny`m sposobom». M., 2005. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy` «Konsul`tantPlyus».*

4. Model`ny`j ugovny`j kodeks SNG [E`lektronny`i resurs]. URL: <https://base.garant.ru/2566472/>.
5. Ugolovny`j kodeks Respubliki Armeniya [E`lektronny`i resurs]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=1349&lang=rus&sel=show>.
6. Ugolovny`j kodeks Respubliki Belarus` [E`lektronny`i resurs]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk9900275>.
7. Ugolovny`j kodeks Respubliki Kazaxstan [E`lektronny`i resurs]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252&pos=2438;-53#pos=2438;-53&sdoc_params=text=%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BA%D0%B8&mode=indoc&topic_id=31575252&pos=1&tSynonym=1&tShort=1&tSuffix=1&sdoc_pos=1.
8. Ugolovny`j kodeks Ky`rgy`zskoj Respubliki [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/112309>.
9. <https://www.arlis.am/documentview.aspx?docid=114851>.
10. <https://md1.by/polozenie-o-zashhite-personalnyh-dannyh/>.
11. <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202269#:~:text=Personal`ny`e danny`e predostavlyayutsya sub``ektom lichno, zakonodatel`stvom Ky`rgy`zskoj Respubliki e`lektronnoj podpis`yu>.
12. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/26edb2934b899bf9c74c3a8f7e574651c6565e6d/.

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 18.07.2024; принята к публикации 18.07.2024.

The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 18.07.2024; accepted for publication 18.07.2024.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 349.6

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_140

ОРГАНЫ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ПРИРОДООХРАННОГО И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, И ИХ КОМПЕТЕНЦИЯ

ДЁМИНА **Елизавета Петровна**

Соискатель Юридического института Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Российская Федерация

РИЗАЕВА **Дана Эльдаровна**

Кандидат юридических наук, ассистент департамента экономики и управления Института экономики, управления и права Московского городского педагогического университета
129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, Российская Федерация

Аннотация: Базовая статистика с сайтов прокуратур показывает, что каждый год увеличивается объем работы российской прокуратуры. Это связано с опытом и усиленной деятельностью сотрудников. Однако оценить эффективность этой работы сейчас еще рано, так как сейчас цифры стали основным показателем профессионализма в правоохранительной сфере.

Ключевые слова: экология, экологическое законодательство, контроль, природоохранные органы, прокурорский надзор, государство

Для цитирования: Дёмина Е.П., Ризаева Д.Э. Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, и их компетенция // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 140. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_140

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

ORGANS EXERCISING STATE CONTROL OVER THE IMPLEMENTATION OF ENVIRONMENTAL PROTECTION AND ENVIRONMENTAL LEGISLATION, AND THEIR COMPETENCE

DEMINA **Elizaveta Petrovna**

Applicant of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia
117198, Moscow, Miklouho-Maclay st., 6, Russian Federation

RIZAEVA **Dana Eldarovna**

Candidate of Law, Assistant of the Department of Economics and Management of the Institute of Economics of Management and Law of the Moscow City Pedagogical University
129226, Moscow, 2nd Agricultural Passage, 4, Russian Federation

Abstract: Basic statistics from the websites of the prosecutor's offices show that the volume of work of the Russian prosecutor's office increases every year. This is due to the experience and increased activity of employees. However, it is still too early to assess the effectiveness of this work, since now the figures have become the main indicator of professionalism in the law enforcement sphere.

Keywords: ecology, environmental legislation, control, environmental authorities, public prosecutor's supervision, the state

For citation: Demina E.P., Rizaeva D.E. Organs Exercising State Control over the Implementation of Environmental Protection and Environmental Legislation, and their Competence = Eurasian advocacy. 2024;4(69):140. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_140

В настоящее время одной из самых актуальных и обсуждаемых тем в современном обществе является тема экологии, поскольку от состояния последней напрямую зависит жизнь человека.

Современный этап развития характеризуется существенным возрастанием комплексного изучения и регулирования взаимоотношений между обществом и природой. Негативное воздействие человека на природу имеет давнюю историю, но никогда прежде эти изменения и нарушения не происходили с такой скоростью, как сейчас. В этой связи в последнее время в научной среде все чаще возникают вопросы, касающиеся проблем сохранения природной среды в её естественном состоянии для будущего поколения. К сожалению, нужно признать, что масштабы антропогенного воздействия на окружающую природную среду стали слишком велики, приблизились и превысили предел. С каждым годом человечество всё больше загрязняет окружающую среду бытовым мусором, создаёт огромное количество вредных выбросов, что приводит к нарушению экологического состояния планеты [7, с. 80].

В этой связи возрастает роль государства как регулятора общественных отношений в экологической сфере. Крайне тревожное состояние экологии вследствие возрастания негативного воздействия на природу предопределило появление относительного нового направления в деятельности государства – экологической функции, без которой современное государство не может существовать. Её центральным элементом является формирование, разработка и реализация государственной экологической политики, направленной на сохранение и воспроизводство здоровой и безопасной среды. Усиление антропогенного воздействия на природу, истощение природных ресурсов придают этому направлению деятельности государства особое значение. Возникающая угроза нарушения экологического равновесия может быть решена только путём разработки и реализации грамотных управленческих решений [2].

К органам, осуществляющим государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, можно отнести: Президента РФ, Правительство РФ, исполнительные органы государственной власти субъектов РФ [3].

Поскольку Президент Российской Федерации является гарантом прав и свобод граждан, включая право на благоприятную окружающую среду и доступ к информации о ней, он также выступает в качестве защитника экологических прав. Пре-

зидент выражает интересы всех граждан, включая экологические интересы, и обязан при помощи своих полномочий обеспечивать их защиту со стороны государственных органов.

Помимо этого, Президент Российской Федерации обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти [3]. Эта функция является достаточно значимой, поскольку в рамках её реализации происходит формирование системы и структуры федеральных органов исполнительной власти в области экологии. К числу важных полномочий следует отнести определение основных направлений внутренней и внешней политики Российской Федерации, в том числе внутренней и внешней политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Для выражения содержания государственной экологической политики Президент РФ использует различные формы, например утверждение доктрин, концепций, основ политики. Полномочий у Президента РФ очень много, и деятельность в сфере управления охраной окружающей среды представляет лишь их часть. Следующим органом общей компетенции является Правительство РФ. Применительно к рассматриваемой сфере можно выделить следующие полномочия: обеспечение проведения в Российской Федерации единой государственной политики в области охраны окружающей среды и экологической безопасности [10].

Особую роль в экологической политике России играет государственный экологический контроль (надзор), который представляет собой установленную нормативными правовыми актами деятельность, осуществляемую специально уполномоченными федеральными или региональными контрольно-надзорными органами в области охраны окружающей среды, которая направлена на предотвращение, выявление и пресечение нарушений законодательства в области охраны окружающей среды субъектами хозяйственной деятельности.

Экологический аудит (экологическое аудирование) – это независимая документированная оценка соблюдения субъектом хозяйствования государственных и международных требований в области охраны окружающей среды и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности [9]. Осуществляется в двух формах: добровольная – на основании заказа заинтересованного субъекта с согласия владельца объекта экологического аудита, обязательная – по заказу органов исполнительной власти или органов местного са-

моуправления в отношении объектов, которые составляют повышенную экологическую опасность. Государственный учёт – это деятельность органов государственной власти, включающая в себя сбор, обработку и регистрацию информации, предполагает ведение государственных реестров, кадастров, регистров.

Органы, осуществляющие государственный контроль за исполнением природоохранного и экологического законодательства, считают, что совершенствование законодательства должно основываться на:

- включении экологической безопасности в число приоритетных направлений социально-экономического развития;
- ориентации на использование экологически чистых технологий и практик во всех отраслях народнохозяйственного комплекса;
- бассейновом подходе к управлению природопользованием и охраной окружающей природной среды;
- использовании региональных экологических нормативов, норм и правил природопользования [4].

Прокуратура имеет важную функцию в осуществлении надзора за соблюдением законов, что не является главной задачей для органов контроля. Например, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования не только контролирует соблюдение экологического законодательства, но и выполняет дополнительные функции, такие как организация экологической экспертизы, выдача разрешений на ввоз вредных веществ и лицензирование деятельности по обезвреживанию отходов.

За невыполнение законных требований прокурора устанавливается ответственность (ст. 17.7 КоАП РФ), которая подчеркивает обязательность исполнения требований прокурора, характеризуется умыслом и может быть выражена как в активном действии, так и в бездействии граждан, должностных лиц, обязанных исполнять требования указанных лиц. С учетом характера и степени общественной опасности неисполнения законных требований прокурора, вытекающих из его полномочий (в результате неисполнения требований прокурора вред может быть весьма значительным, могут существенно пострадать интересы граждан, а также связанные с ними интересы общества и государства в сфере экологических отношений), представляется, что верхний предел санкции должен быть увеличен. Повышение санкций позволит суду при рассмотрении дела о неисполнении законных требований прокурора учесть

при назначении наказания степень общественной опасности соответствующего правонарушения, будет способствовать активизации возбуждения прокурорами дел об административных правонарушениях в связи с неисполнением их законных требований, поскольку, как показали результаты интервьюирования прокурорских работников, в отдельных случаях неисполнения их законных требований такие дела не возбуждаются именно в связи с низкими размерами установленных в ст. 17.7. КоАП РФ санкций.

Таким образом, исследование факторов обеспечения экологической безопасности выявило, что в настоящее время нет единообразного подхода и классификации факторов, методов и показателей обеспечения экологической безопасности. Тем не менее при изучении факторов обеспечения экологической безопасности выявлено, что при их оценке исходят из классификации экологических угроз на внешние и внутренние. Факторы обеспечения экологической безопасности могут быть обусловлены различными причинами.

Одним из важнейших средств регулирования общественных отношений в той или иной сфере было и остается право, которое является необходимой формой реализации государственной экологической политики. Правовой блок формируется всей совокупностью нормативных правовых актов, устанавливающих требования в области охраны окружающей среды, механизмы их исполнения и применения ответственности. Главная роль в этом отводится Конституции РФ. Также основу для реализации требований в области экологии составляют нормы федеральных и региональных законов и подзаконных нормативных правовых актов [8].

В ходе анализа нормативных правовых актов выяснилось, что в законодательстве существует ряд пробелов. Так, например, в российском законодательстве не дано чёткого определения, что представляет собой государственная экологическая политика, а лишь фрагментарно называются схожие понятия. Отсутствие формального определения затрудняет уяснение обозначаемого различно правового понятия. Исследование показало, что главным звеном в системе экологического права являются нормы, закрепляющие неотъемлемое право каждого человека на благоприятную окружающую среду [6, с. 33].

Анализируя деятельность органов прокуратуры по контролю за исполнением законодательства об охране атмосферного воздуха, обозначим следующие нарушения, которые имеют наибольшую распространенность и географическую при-

надлежность. Связаны они с ненадлежащим осуществлением органами государственной власти, МСУ, контролирующими органами возложенных на них полномочий, невнесением или несвоевременным внесением хозяйствующими субъектами платы за негативное воздействие на окружающую среду, выбросы загрязняющих веществ в атмосферу без разрешения уполномоченного органа, функционированием стационарных источников загрязнения без утвержденных проектов нормативов ПДВ или с их превышением, необеспечением проведения регулярного производственного контроля и др.

Например, в Калужской области органами прокуратуры в 2023 г. было выявлено 52 природопользователя, которые вовсе не предоставили расчеты платы за негативное воздействие на окружающую среду, и областное управление Росприроднадзора мер по привлечению виновных к ответственности, взысканию задолженности по указанной плате не принимало. Калужским межрайонным природоохранным прокурором руководителю управления было внесено представление, виновные должностные лица привлечены к дисциплинарной ответственности, все необходимые расчеты и выплаты произведены. В большинстве случаев после вмешательства органов прокуратуры пресекаются и устраняются выявленные нарушения законодательства об охране атмосферного воздуха хозяйствующими субъектами. Недавним примером может служить вызвавшее широкий резонанс в обществе дело о резком повышении содержания ртути и сероводорода в воздухе Москвы в ноябре 2023 года из-за неконтролируемого выброса загрязняющих веществ. В начале 2024 года природоохранный прокурор Москвы возбудил по этому случаю дело в отношении «Газпромнефть-МНПЗ» [2].

Меры прокурорского реагирования должны быть применены лишь тогда, когда полномочий существующих органов экологического контроля (надзора) недостаточно, или они их не применяют в силу каких-либо причин, когда совершаются серьезные правонарушения, объектом которых становятся жизнь и здоровье населения, либо когда затрагиваются интересы большого круга субъектов.

Список источников

1. О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре) (вместе с Положением о федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)): постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1096 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401332036/#review>.
2. В отношении Московского НПЗ возбуждено дело о несоблюдении экологических требований [Электронный ресурс]. URL: <http://www.interfax.ru/business/416343>.
3. Алпацкая Е.Г. Современные требования к реализации государственного экологического контроля и земельного надзора // Общество, экономика, управление. 2022. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trebovaniya-k-realizatsii-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-kontrolya-i-zemelnogo-nadzora>.
4. Винокуров А.Ю. Обязательные требования в экологической сфере и вопросы прокурорского надзора // Искусство правождения. The art of law. 2022. № 3 (3) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-trebovaniya-v-ekologicheskoy-sfere-i-voprosy-prokurorskogo-nadzora>.
5. Королев С.Ю. Правовая политика в сфере государственного земельного контроля (надзора): некоторые аспекты понятия контрольно-надзорной деятельности в контексте исторического развития // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 3. С. 33–47.
6. Младенова Е.В. Понятие и назначение государственного экологического контроля (надзора) // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 5. С. 78–87.
7. Младенова Е.В. Понятие и назначение государственного экологического контроля (надзора) // Вестник Поволжского института управления. 2021. № 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-kontrolya-nadzora>.
8. Назина М.А. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 11-1 (86) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-ekologicheskogo-zakonodatelstva-2>.
9. Умарова М.Х., Исраилова С.А., Исмаилов А.А. Применение информационной системы в экологическом мониторинге окружающей среды // Индустриальная экономика. 2023. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnoy-sistemy-v-ekologicheskoy-monitoringe-okruzhayushey-sredy>.

References

1. O federal`nom gosudarstvennom e`kologicheskom kontrole (nadzore) (vmeste s Polozheniem o federal`nom gosudarstvennom e`kologicheskom kontrole (nadzore)): postanovlenie Pravitel`stva RF ot 30 iyunya 2021 g. № 1096 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401332036/#review>.
2. V otnoshenii Moskovskogo NPZ vobuzhdeno delo o nesoblyudenii e`kologicheskix trebovanij [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.interfax.ru/business/416343>.
3. Alpaczkaya E.G. Sovremenny`e trebovaniya k realizacii gosudarstvennogo e`kologicheskogo kontrolya i zemelnogo nadzora // Obshhestvo, e`konomika, up-

ravlenie. 2022. № 4 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-trebovaniya-k-realizatsii-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-kontrolya-i-zemelnogo-nadzora>.

4. Vinokurov A.Yu. Obyazatel`ny`e trebovaniya v e`kologicheskoy sfere i voprosy` prokurorskogo nadzora // *Iskusstvo pravovedeniya. The art of law*. 2022. № 3 (3) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obyazatelnye-trebovaniya-v-ekologicheskoy-sfere-i-voprosy-prokurorskogo-nadzora>.

5. Korolev S.Yu. Pravovaya politika v sfere gosudarstvennogo zemel'nogo kontrolya (nadzora): nekotory`e aspekty` ponyatiya kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti v kontekste istoricheskogo razvitiya // *Pravovaya politika i pravovaya zhizn`*. 2022. № 3. S. 33–47.

6. Mladenova E.V. Ponyatie i naznachenie gosudarstvennogo e`kologicheskogo kontrolya (nadzora) // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2021. № 5. S. 78–87.

7. Mladenova E.V. Ponyatie i naznachenie gosudarstvennogo e`kologicheskogo kontrolya (nadzora) // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya*. 2021. № 5 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-naznachenie-gosudarstvennogo-ekologicheskogo-kontrolya-nadzora>.

8. Nazina M.A. Prokurorskiy nadzor za ispolneniem e`kologicheskogo zakonodatel'stva // *Mezhdunarodny`j zhurnal gumanitarny`x i estestvenny`x nauk*. 2023. № 11-1 (86) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokurorskiy-nadzor-za-ispolneniem-ekologicheskogo-zakonodatelstva-2>.

9. Umarova M.X., Israilova S.A., Ismailov A.A. Primenenie informacionnoj sistemy` v e`kologicheskom monitoringe okruzhayushhej sredy` // *Industrial'naya e`konomika*. 2023. № 4 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-informatsionnoy-sistemy-v-ekologicheskom-monitoringe-okruzhayushchey-sredy>.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.05.2024; одобрена после рецензирования 10.06.2024; принята к публикации 11.06.2024.

The article was submitted 27.05.2024; approved after reviewing 10.06.2024; accepted for publication 11.06.2024.

ПРИОРИТЕТЫ ИНФОРМАЦИОННОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ СУДОПРОИЗВОДСТВА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

КАСУМОВ Нихад Фирдовсиович

Аспирант Департамента международного и публичного права юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация: В последние два десятилетия произошли большие революционные изменения в обыденной жизни общества и государства. Основной движущей силой этих преобразований стала масштабная цифровизация. Этот процесс охватывает разнообразные сферы, включая образование, обслуживание, экономику и организацию государственных услуг. Цифровизация затрагивает не только повседневную жизнедеятельность, но и область права, включая судебную систему. В этой связи особую значимость приобретает электронное правосудие, которое представляет собой комплекс мер и технических средств, позволяющих осуществлять судопроизводство с использованием электронных технологий.

Ключевые слова: электронное правосудие, технологии, цифровизация, судопроизводство

Для цитирования: Касумов Н.Ф. Приоритеты информационного сопровождения судопроизводства в законодательстве Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 145. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_145

PRIORITIES OF INFORMATION SUPPORT OF LEGAL PROCEEDINGS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

KASUMOV Nihad Firdovsiovich

Postgraduate student of Department of International and Public Law of Faculty of Law of Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky Pr., 49/2, Russian Federation

Abstract: In the last two decades, revolutionary and major changes have taken place in the everyday life of society and the state. The main driving force behind these transformations has been large-scale digitalization. This process covers a variety of areas, including education, services, economics and the organization of public services. Digitalization affects not only everyday life, but also the field of law, including the judicial system. In this regard, electronic justice is of particular importance, which is a set of measures and technical means that allow conducting legal proceedings using electronic technologies.

Keywords: electronic justice, technologies, digitalization, judicial proceedings, judicial system

For citation: Касумов Н.Ф. Priorities of Information Support of Legal Proceedings in The Legislation of the Russian Federation = Eurasian advocacy. 2024;4(69):145. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_145

Современные технологии значительно упрощают процессы в судебной системе. В современной юридической практике стали возможны представление документации в цифровом виде, осуществление диспетчеризации уведомлений и подготовка досье для судопроизводства с применением цифровых технологий. Процессуальные

действия теперь могут вестись на основе электронных документов, а юридически значимые акты выпускаться в цифровом эквиваленте. Дополнительно функционируют онлайн-платформы, предоставляющие сервисы для дистанционной отправки судебных решений и их реплик; а значительный импульс развитию электронной

юстиции придала пандемия COVID-19, в ходе которой были разработаны новые нормативы для удалённого взаимодействия сторон в судебных слушаниях. В конечном итоге, через интернет-конференции с соблюдением установленных технических стандартов участники могут вовлекаться в процессуальные мероприятия.

На сегодняшний день существует термин, возникший вследствие интеграции цифровых технологий в отдельные аспекты судопроизводства, который в контексте российской практики (гражданской и уголовной) обычно обозначается как электронное правосудие. Следует подчеркнуть, что это определение имеет скорее теоретический характер и применяется в законодательных дискуссиях для описания данного феномена. Несмотря на отсутствие юридического определения этого института в законодательных документах, термин находит активное применение в научных трудах по процессуальному праву и фигурирует в стратегическом документе, посвященном развитию информационного общества в Российской Федерации на период с 2017 по 2030 год.

Судебная система гарантирует высокую степень защиты прав и гуманности в правовом государстве, а также воспитывает у граждан посредством повседневной деятельности судов уважение к закону и правовое сознание. С развитием ИТ, которые оказали непосредственное влияние на все аспекты жизни, включая государственное управление, судебные органы стремятся к активному внедрению основных начал электронной демократии, что способствует партнерству между индивидами, гражданским обществом и государственными институтами [1].

Все поправки к Конституции РФ, которые были приняты в рамках всероссийского голосования 1 июля 2020 г., привели к значительным изменениям в судебной системе страны. Эти изменения затронули как структуру судов, так и их полномочия. Одним из наиболее важных изменений стало закрепление в Конституции РФ принципа единства судебной системы; статья 75.1 Конституции РФ обеспечивает создание условий для экономического роста и благосостояния граждан, поддерживает социальное доверие и солидарность и отражает стремление к использованию технологических изменений для улучшения жизни граждан. Цифровизация в России играет очень важную роль в формировании электронного правосудия (ЭП). Благодаря цифровизации обеспечивается доступность, прозрачность. Однако цифровизация сегодня требует постоянного обновления и улучшения, дабы ИТ могли обеспе-

чить справедливую и в то же время эффективную систему правосудия. Опишем особенности ЭП: ускорение обработки дел; упрощение доступа к материалам; повышение прозрачности судебной системы.

Дальнейший успех ЭП зависит от следующих аспектов: современной инфраструктуры; скоростных интернет-сетей; квалифицированных специалистов.

Россия благодаря цифровизации достигает новых горизонтов в развитии ЭП – автоматизации судебных процессов и предоставлении электронных услуг гражданам [2].

Концепция электронного правосудия была воплощена в жизнь благодаря комплексу преобразований (инновационных, нормативных и структурных), и это стало осуществимо именно в свете эволюции законодательных норм, касающихся законодательства (материального, процессуального). В.В. Глоба подчеркивает: механизмы работы цифрового государства, а также электронного правосудия в Российской Федерации строятся на фундаментальных началах прозрачности, гарантирования свободного доступа к сведениям о судебной системе и её работе, также основные принципы должны быть зафиксированы в законодательных актах, которые возлагают обязанности на соответствующие институты госрегулирования [3]. Курс на интеграцию ИКТ в механизмы правосудия РФ был задан на заре нового тысячелетия; мотивацией послужили как дефицит финансов и техники у судов, так и рост числа дел и длительности их рассмотрения; законодательный толчок дало утверждение программы по модернизации судебной системы на период с 2002 по 2006 г., закреплённое Постановлением № 805 от 20.11.2001 [4].

Основные цели Программы включили в себя информационное сопровождение системы судебного производства, а также модернизацию управления (процессуального типа) и кроме того, интеграцию ИТ; в рамках утверждённой Программы судебные органы РФ были оснащены автоматизированными рабочими местами для судей и сотрудников, а также локальными вычислительными сетями с необходимыми информационными ресурсами, что последовало за первой Федеральной целевой программой, утверждённой Правительством РФ решением № 583 от 21 сентября 2006 года, и продолжилось второй программой «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы [5].

Основными приоритетами этой программы были:

1. Развитие информационных технологий, способствующих повышению эффективности работы судебной системы.

2. Повышение открытости и доступности судебной системы для населения.

В результате реализации программы была модернизирована инфраструктура судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Были созданы веб-сайты судов, и внедрена система электронного документооборота.

С 2007 года в Российской Федерации стали внедряться информационные, программные и технические решения в систему «Правосудие»: охвачены судебные органы общей юрисдикции, региональные подразделения Судебного департамента.

Трансформация системы судопроизводства России основывается на фундаментальных положениях, прописанных в федеральной программе («Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» [6]), по улучшению судебной инфраструктуры России в 2013–2020 годах, зарубежных стандартах демократических процессов и укреплении социальной стабильности, а также на методах создания и реализации нормативно-правовых актов. Исполнение заданий, определённых в данной программе, может послужить крепким фундаментом для развития концепции правового государства, где свободный обмен информацией о работе судебных органов будет способствовать защите прав и свобод граждан в рамках демократического устройства.

Инициатива, получившая название «Электронное правосудие» (ЭП), предполагает цифровизацию процессов взаимодействия и доступа к информации в судебной системе; упомянутая мера направлена на повышение прозрачности и оперативности судопроизводства, а также на формирование консистентной судебной практики, что, в свою очередь, должно укрепить доверие граждан к судебной власти. Для того чтобы российские суды могли эффективно функционировать и конкурировать на глобальном уровне, необходимы:

– современное техническое оснащение: включает в себя не только компьютерное оборудование, но и программное обеспечение, которое позволяет судьям и судебному персоналу эффективно обрабатывать дела; например, автоматизированные системы управления делами могут значительно ускорить процесс рассмотрения дел;

– независимость судебной системы: означает защиту судов от политического и иного внешнего давления, что является залогом справедливого

правосудия; например, законодательные гарантии независимости судей отражаются в их праве на несменяемость и неприкосновенность;

– высокое качество исполнения судебных решений и проведенных экспертиз: важно для обеспечения верховенства права и справедливости решений; качественно проведенные экспертизы и исполнение решений повышают доверие к судебной системе и ее авторитет.

Конституционные обязанности судов по защите интересов государства и прав граждан подразумевают не только соблюдение установленных процедур, но и активное участие в развитии правовой системы; это включает в себя не только рассмотрение дел, но и разъяснительную работу среди населения, например через публикацию судебных актов и разъяснение правовых норм. Таким образом, суды способствуют не только разрешению конкретных споров, но и формированию правовой культуры в обществе [7].

В обращении главы российского государства, датированном 2018 годом, было подчеркнуто: современный мир обладает значительным запасом технологических достижений, которые открывают перспективы для прорывного улучшения жизненного уровня населения, для преобразований в экономике, для обновления инфраструктурных объектов и оптимизации механизмов управления государственными процессами.

Для иллюстрации: технологический потенциал может быть представлен развитием цифровых технологий, которые упрощают доступ к образовательным и медицинским услугам, тем самым повышая качество жизни; экономическая модернизация проявляется через внедрение инновационных производственных технологий, что ведет к росту производительности труда и экономическому росту; улучшение инфраструктуры затрагивает обновление транспортной сети, что обеспечивает более эффективное перемещение людей и товаров; государственное управление усовершенствуется благодаря внедрению систем электронного документооборота, что повышает прозрачность и скорость административных процедур.

Таким образом, акцентируется важность использования накопленного технологического багажа для достижения социально-экономического прогресса и укрепления государственных институтов. Важность процессов цифровизации неоспорима, особенно с учетом их влияния на саму систему; это стало особенно заметно именно во время COVID-19 в 2020 г., поскольку происходили такие процессы: внедрение технологий (компьютерных) в функционирование судов и структур управлен-

ческого характера системы судопроизводства; углубление применения передовых ИТ в процессе судебных процессов; разработка соответствующей инфраструктуры для осуществления сбора, сохранения, обработки и предоставления доступа к информации, а также её дальнейшего использования и распространения. Появилась возможность отправки документов в суд в электронном формате, а также удалённое участие в судебных слушаниях; помимо этого, создана система электронного судопроизводства, облегчающая процессуальное взаимодействие сторон через обмен документацией, подачу заявлений и выполнение других процедурных действий в онлайн-режиме.

Законодательное регулирование в сфере электронного судопроизводства пока что находится на раннем этапе формирования, и множество нормативных документов не полностью отражают уникальность этого направления; в течение длительного времени представители научного сообщества выступают с предложениями о введении термина «электронное правосудие» в ряд законодательных актов. Значительный прогресс в узаконивании электронного судопроизводства начался после утверждения Концепции развития информационных технологий в системе судебной власти до 2020 года от 19 февраля 2015 года, которая предусматривает формирование соответствующих условий для обеспечения взаимодействия разнообразных органов в электронном формате, в частности интеграцию электронного судопроизводства в общую информационную среду судов общей юрисдикции и, кроме того, арбитражных судов.

Интеграция новейших информационных решений в судебную инфраструктуру России существенно способствует упрощению доступа к правосудию, повышает стандарты судопроизводства и ускоряет процесс рассмотрения юридических дел; направление является ключевым в оптимизации работы судов и укреплении правовой системы страны. Одним из важнейших вопросов, стоящих перед судебной системой в настоящее время, является дальнейшее развитие электронного правосудия.

Список источников

1. Невалин И.А. Проблемы внедрения электронного правосудия в России // Вестник Науки и Творчества. 2023. № 6 (88). С. 42–45.
2. Кузнецов А.А., Гриценко В.Д. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Наукосфера. 2022. № 4-1. С. 208–212.
3. Попова Е.С. Проблемы и перспективы развития электронного правосудия // Актуальные вопросы юри-

дических наук: материалы V Международной науч. конференции. 2019. № 2. С. 12–14.

4. Борисова Л.В. Об основных направлениях становления и развития электронного правосудия в современной России // Право и цифровая экономика. 2020. № 2 (8). С. 32–35.

5. Постановление Правительства РФ от 21.09.2006 № 583 (ред. от 01.11.2012) «О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России» на 2007–2012 годы» // Российская газета. 2006. № 245.

6. Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // Собрание законодательства РФ. 2012. 1 ноября. № 40. Ст. 5474.

7. Гордиенко Е.Л. Электронное правосудие: генезис и перспективы // Научные горизонты. 2019. № 5-1 (21). С. 129–134.

8. Савельева Т.А. К вопросу о формировании электронного правосудия в России // Цивилистика: право и процесс. 2019. № 4 (8). С. 88–90.

References

1. Nevalin I.A. Problemy` vnedreniya e`lektronnoho pravosudiya v Rossii // Vestnik Nauki i Tvorchestva. 2023. № 6 (88). S. 42–45.

2. Kuznecov A.A., Gricenko V.D. Problemy` i perspektivy` razvitiya e`lektronnoho pravosudiya // Naukosfera. 2022. № 4-1. S. 208–212.

3. Popova E.S. Problemy` i perspektivy` razvitiya e`lektronnoho pravosudiya // Aktual`ny`e voprosy` yuridicheskix nauk: materialy` V Mezhdunarodnoj nauch. konferencii. 2019. № 2. S. 12–14.

4. Borisova L.V. Ob osnovny`x napravleniyax stanovleniya i razvitiya e`lektronnoho pravosudiya v sovremennoj Rossii // Pravo i cifrovaya e`konomika. 2020. № 2 (8). S. 32–35.

5. Postanovlenie Pravitel`stva RF ot 21.09.2006 № 583 (red. ot 01.11.2012) «O federal`noj celevoj programme «Razvitie sudebnoj sistemy` Rossii» na 2007–2012 gody`» // Rossijskaya gazeta. 2006. № 245.

6. Rasporyazhenie Pravitel`stva RF ot 20.09.2012 № 1735-r «Ob utverzhdenii Konceptcii federal`noj celevoj programmy` «Razvitie sudebnoj sistemy` Rossii na 2013–2020 gody`» // Sobranie zakonodatel`stva RF. 2012. 1 noyabrya. № 40. St. 5474.

7. Gordienko E.L. E`lektronnoe pravosudie: genезis i perspektivy` // Nauchny`e gorizonty`. 2019. № 5-1 (21). S. 129–134.

8. Savel`eva T.A. K voprosu o formirovanii e`lektronnoho pravosudiya v Rossii // Civilistika: pravo i process. 2019. № 4 (8). S. 88–90.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Правосудие и правоохранительная деятельность в евразийском пространстве

Научная статья

УДК 343.1

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_149

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НОРМ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ОБЖАЛОВАНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕЙСТВИЙ И РЕШЕНИЙ (ЛИБО БЕЗДЕЙСТВИЯ) ВЛАСТНЫХ СУБЪЕКТОВ, И ПРАКТИКИ ИХ ПРИМЕНЕНИЯ В СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

ВОЛКОЛУПОВ Владимир Георгиевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Волгоградской академии Министерства внутренних дел России

400075, г. Волгоград, ул. Историческая, д. 130, Российская Федерация

ВОЛКОЛУПОВА Валентина Александровна

Кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

400066, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, д. 8, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматриваются актуальные проблемы, относящиеся к регламентации института обжалования в стадии предварительного расследования. На основе проведенного анализа современной правоприменительной практики и теоретических положений доктрины выявлены отдельные проблемы в правовой регламентации данной разновидности обжалования. В работе предложены и возможные пути совершенствования соответствующих уголовно-процессуальных норм.

Статья публикуется для расширения читательской аудитории в отношении ранее разработанных авторами предложений.

Ключевые слова: обжалование, предварительное расследование, регламентация, уголовно-процессуальное законодательство, жалоба

Для цитирования: Волколупов В.Г., Волколупова В.А. Проблемы совершенствования норм, регламентирующих обжалование процессуальных действий и решений (либо бездействия) властных субъектов, и практики их применения в стадии предварительного расследования // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 149. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_149

Justice and Law-Enforcement Activity in the Eurasian Space

Original article

PROBLEMS OF IMPROVING THE NORMS GOVERNING THE APPEAL OF PROCEDURAL ACTIONS AND DECISIONS (OR INACTION) OF GOVERNMENT ENTITIES, AND THE PRACTICE OF THEIR APPLICATION AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

VOLKOLUPOV Vladimir Georgievich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

400075, Volgograd, Historicheskyy str., 130, Russian Federation

VOLKOLUPOVA Valentina Alexandrovna

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics of the Volgograd Institute of Management – branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

400066, Volgograd, Gagarin str., 8, Russian Federation

Abstract: The article deals with topical issues related to the regulation of the institution of appeal at the stage of preliminary investigation. Based on the analysis of modern law enforcement practice and theoretical provisions of the doctrine, separate problems in the legal regulation of this type of appeal have been identified. The paper also suggests possible ways to improve the relevant criminal procedural norms.

The article is published to broaden the readership in relation to previously developed proposals.

Keywords: appeal, preliminary investigation, regulation, criminal procedure legislation, complaint

For citation: Volkolupov V.G., Volkolupova V.A. Problems of Improving the Norms Governing the Appeal of Procedural Actions and Decisions (or Inaction) of Government Entities, and the Practice of Their Application at the Stage of Preliminary Investigation = Eurasian advocacy. 2024;4(69):149. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_149

Социально-экономические преобразования, происходящие в России на современном этапе ее развития, объективно обуславливают необходимость последовательного усиления правовых гарантий, обеспечивающих реализацию конституционного права каждого на судебную защиту своих прав и свобод, в том числе посредством обжалования принятых органами государственной власти, в том числе правоохранительными органами предварительного расследования, и их должностными лицами решений и совершенных ими действий (или бездействия).

Представляется, что названные положения особенно востребованы в уголовном судопроизводстве, поскольку в этой сфере применяются достаточно строгие меры государственного принуждения, практика реализации которых, к сожалению, не исключает случаи неправомерного ограничения прав и свобод тех лиц, в отношении которых данные меры направлены.

На несовершенство отдельных законодательных положений и на неудовлетворенность существующей правовой регламентацией процедуры обжалования постоянно обращают внимание и ученые, и сами участники уголовно-процессуальной деятельности [1, 2, 3]. При этом особую неудовлетворенность реализацией института обжалования подавляющее большинство авторов связывают с деятельностью властных субъектов в досудебном производстве, обоснованно признаваемом наименее открытым не только для широкой общественности, но и для сторон уголовного процесса. Можно отметить, что за последние пять лет российскими судами в среднем удовлетворяется лишь чуть более 4 % поданных в порядке ст. 125 УПК РФ жалоб [9].

Реализация права на обжалование участниками уголовного процесса предполагает соблюдение установленного законом порядка подачи жалобы. Но, к сожалению, в действующем УПК РФ не регламентируется сам алгоритм принятия, регистрации и предварительной проверки жалобы на процессуальные действия и решения или бездействие властных субъектов в стадиях досудебного производства.

Поскольку в УПК РФ применительно к стадиям досудебного производства также не установле-

ны нормативные требования к форме приносимой жалобы в порядке ст. 124, 125 УПК РФ, это означает, что заявитель может самостоятельно выбрать любую форму жалобы. В современной правоприменительной практике самыми распространенными являются письменные жалобы участников уголовного судопроизводства по поводу совершения таких процессуальных действий и решений или бездействия властных субъектов, которые, по мнению заявителя, нарушают его права, свободы или законные интересы. Однако устные жалобы, заявленные на личном приеме у прокурора или руководителя следственного органа, влекут такие же юридически значимые последствия, как и при подаче письменной жалобы.

В эпоху происходящих в мире, в том числе в России, процессов «цифровой трансформации» под влиянием стремительно развивающихся цифровых технологий оказалась и сфера уголовного правосудия, которая также подверглась соответствующим видоизменениям. В доктрине уголовного процесса все чаще высказываются суждения о том, что для реализации принципа свободы обжалования в уголовном судопроизводстве на современном этапе процедура подачи жалоб должна отвечать объективным потребностям информационного общества и государства в развитии цифровизации и расширении сферы использования цифровых технологий [4–8]. Однако вопрос о возможности подачи в досудебных стадиях уголовного судопроизводства жалобы в электронной форме решается в правоприменительной практике неоднозначно.

Представляется, что следует внести соответствующие изменения в действующее уголовно-процессуальное законодательство, предусмотрев в нем возможность подачи жалобы в досудебных стадиях в электронной форме, а также разработать в этих целях необходимые подзаконные акты.

Кроме того, на наш взгляд, целесообразно было бы включить в гл. 16 УПК РФ новую ст. 123.1 «Форма и содержание жалобы», в которой закрепить обязательный минимум требований, предъявляемых к форме и содержанию жалобы, подаваемой прокурору, руководителю следственного органа, а также в суд первой инстанции, изложив данную норму в следующей редакции:

«Статья 123.1. Форма и содержание жалобы

1. Жалоба в порядке, установленном статьями 124 и 125 настоящего Кодекса, может быть подана в устной или письменной форме, а также в форме электронного документа.

2. Жалоба должна содержать:

1) наименование органа, в который она подается;

2) данные о лице, подавшем жалобу, с указанием его места жительства или места нахождения и процессуального положения;

3) указание на процессуальные действия и (или) решения либо бездействие, которые обжалуются, и данные о должностном лице, их осуществившем;

4) указание на допущенные нарушения прав, свобод или законных интересов заявителя с приведением доводов, свидетельствующих об их взаимосвязи с обжалуемым процессуальным действием и (или) решением либо бездействием;

5) просьбу об устранении последствий допущенного нарушения прав, свобод или законных интересов заявителя и (или) об их восстановлении;

6) перечень материалов, подтверждающих приведенные в жалобе доводы, которые заявитель прилагает к жалобе;

7) подпись лица, подавшего жалобу. К жалобе, поданной защитником, прилагается ордер или другой удостоверяющий его полномочия документ.».

В нормах, предусмотренных гл. 16 УПК РФ об обжаловании, не устанавливаются предельные сроки подачи жалобы на процессуальные действия и решения или бездействие властных субъектов, осуществляющих уголовное преследование, ни при обращении заявителя к прокурору, руководителю следственного органа, ни при его обращении в суд первой инстанции. Следовательно, срок подачи жалобы в досудебных стадиях производства по уголовному делу формально ограничен лишь сроками осуществления предварительного расследования, которые зависят от его формы (предварительное следствие, дознание, дознание в сокращенной форме), правовой, а также фактической сложности уголовного дела и других юридически значимых обстоятельств. Лишь в отдельных случаях законодатель устанавливает предельные сроки подачи жалобы. Так, постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в апелляционном порядке в течение трех суток со дня его вынесения; решение о выдаче иностранному государству для уголовного преследования или исполнения

приговора может быть обжаловано соответствующими лицами в течение 10 суток с момента получения уведомления.

Представляется, что любые процессуальные решения, которые препятствуют дальнейшему движению уголовного дела, приостанавливают предварительное расследование либо вообще исключают производство по уголовному делу, целесообразно обжаловать в разумный срок. На наш взгляд, этот срок не должен превышать 10 суток с момента получения заявителем уведомления о принятии такого решения.

Нормативное закрепление в УПК РФ указанного срока обжалования будет способствовать предупреждению случаев вступления в силу незаконных и необоснованных процессуальных решений, затрудняющих доступ заинтересованных лиц к правосудию.

В то же время жалобы на такие процессуальные действия и решения или бездействие, которые ограничивают закрепленные в Конституции РФ и гарантированные государством основные, общепризнанные права и свободы, например решение об избрании меры пресечения (ст. 101 УПК РФ), несоблюдение сроков предварительного расследования (ст. 162, 223 УПК РФ) и др., не должны ограничиваться какими-либо сроками.

Таким образом, представляется целесообразным включить в гл. 16 УПК РФ еще одну новую ст. 123.2 «Сроки подачи жалоб», изложив данную норму в следующей редакции:

«Статья 123.2. Сроки подачи жалоб

Жалобы в порядке, установленном статьями 124 и 125 настоящего Кодекса, могут быть поданы в течение всего досудебного производства по уголовному делу. Жалобы на решения, препятствующие дальнейшему движению дела, приостанавливающие предварительное расследование либо исключаящие производство по уголовному делу, могут быть поданы в течение 10 суток с момента получения уведомления о принятом решении.».

В соответствии с ч. 2 ст. 125 УПК РФ заявитель вправе подать жалобу в районный суд как непосредственно, так и через соответствующего властного субъекта уголовного судопроизводства, действия которого обжалуются. В то же время в ст. 124 УПК РФ такая возможность для заявителя жалобы не предусмотрена. В законе лишь установлено, что прокурор, руководитель следственного органа рассматривают жалобу в течение трех суток со дня ее получения, а в исключительных случаях этот срок может быть увеличен до 10 суток. Думается, что предоставление в УПК РФ

возможности принесения жалобы прокурору, руководителю следственного органа через властных субъектов уголовного судопроизводства, деятельность которых обжалуется, способно ускорить процесс ее последующего рассмотрения.

В случае принятия такого законодательного решения следователь или другой властный субъект, получив жалобу, должны будут направить ее в течение 24 часов прокурору, руководителю следственного органа и одновременно с ней представить этим лицам свои возражения и материалы, подтверждающие (или опровергающие) правомерность обжалуемых действий и решений или бездействия. Кроме того, властные субъекты, чья деятельность обжалуется, ознакомившись с изложенными в жалобе доводами, могут с ними согласиться и сами, не дожидаясь результатов ее рассмотрения, принять решение о прекращении или изменении соответствующих действий, решений или бездействия (например, изменить ранее избранную меру пресечения).

Таким образом, в целях создания дополнительных гарантий реализации прав участников уголовного судопроизводства в ст. 124 УПК РФ предлагается ввести ч. 1.1, предусмотрев в ней возможность подачи жалобы непосредственно прокурору, руководителю следственного органа либо через властных субъектов уголовного судопроизводства, деятельность которых обжалуется.

На практике жалоба нередко подается и через «промежуточное» звено. Согласно ст. 126 УПК РФ жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей, немедленно направляются прокурору или в суд через администрацию места содержания под стражей (как правило, следственного изолятора).

Однако сам алгоритм такой подачи жалобы в УПК РФ тоже не регламентирован. Кроме того, в содержании нормы, предусмотренной в ст. 126 УПК РФ, руководитель следственного органа как получатель жалобы почему-то законодателем не называется.

Представляется целесообразным уточнить в законе и время, в течение которого должностные лица администрации места содержания подозреваемого или обвиняемого под стражей обязаны передать жалобы этих лиц прокурору, руководителю следственного органа или в суд. В статье 126 УПК РФ этот срок тоже не конкретизирован, а законодателем используется весьма «расплывчатый» и неопределенный оценочный термин «немедленно».

С учетом изложенного предлагается сформулировать диспозицию ст. 126 УПК РФ в следую-

щей редакции: «Администрация места содержания под стражей в течение 24 часов с момента регистрации направляет прокурору, руководителю следственного органа или в суд адресованные им жалобы подозреваемого, обвиняемого, содержащегося под стражей.».

Подача жалобы в порядке ст. 124, 125 УПК РФ не приостанавливает производство обжалуемого действия и исполнение обжалуемого решения, если это не сочтет нужным сделать соответствующий властный субъект. Хотя при подаче жалобы, на наш взгляд, целесообразно было бы приостанавливать реализацию такого важного процессуального решения, как прекращение уголовного дела или уголовного преследования, что вполне логично, поскольку, например, принесение апелляционной жалобы приостанавливает исполнение приговора суда первой инстанции. Тем более, что вынесенные следователем решения о прекращении уголовного дела или уголовного преследования достаточно часто отменяются, а негативные последствия даже кратковременной остановки производства могут оказаться не менее существенными, чем при исполнении подлежащего отмене приговора (а именно освобождение обвиняемого из-под стражи, возврат вещественных доказательств законному владельцу и др., что в дальнейшем – после отмены незаконного и необоснованного постановления – значительно усложнит осуществление уголовного преследования).

Таким образом, целесообразно включить в ст. 213 УПК РФ ч. 5.1 и закрепить в ней следующее положение: «5.1. Постановление о прекращении уголовного дела или уголовного преследования может быть обжаловано прокурору, руководителю следственного органа или в суд в течение 5 суток с момента получения его копии. Обжалование постановления о прекращении уголовного дела или уголовного преследования приостанавливает его исполнение.».

Представляется, что реализация на законодательном уровне данных изменений и дополнений в действующем УПК РФ будет способствовать повышению качества предварительного расследования и снижению случаев нарушения права на обжалование со стороны властных субъектов уголовного судопроизводства, в том числе следователей Следственного комитета РФ.

Список источников

1. Власова С.В. К вопросу о приспособливании уголовно-правового механизма к цифровой реальности //

Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2018. № 1. С. 9–18.

2. Воскобитова Л.А. Использование функционального подхода для цифровизации уголовного судопроизводства // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 10 (74). С. 34–35.

3. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // LEX RUSSICA (РУССКИЙ ЗАКОН). 2019. № 5 (150). С. 91–104.

4. Гришин Д.А. Цифровизация досудебного уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 455. С. 208–215.

5. Курышева Н.С. Производство по жалобе на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя и прокурора: в порядке ст. 125 УПК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Саранск, 2008.

6. Лалиев А.И. Проблемы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011.

7. Рудакова С.В. Уголовно-процессуальное обжалование и его система в отечественном досудебном производстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар, 2023.

8. Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2020. № 3 (134). С. 193–200.

9. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019–2023 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

References

1. Vlasova S.V. K voprosu o prisposablivanii ugovolno-pravovogo mexanizma k cifrovoj real'nosti // Biblioteka kriminalista. Nauchny'j zhurnal. 2018. № 1. S. 9–18.

2. Voskobitova L.A. Ispol'zovanie funkcional'nogo podxoda dlya cifrovizacii ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA). 2020. № 10 (74). S. 34–35.

3. Voskobitova L.A. Ugolovnoe sudoproizvodstvo i cifrovye tehnologii: problemy` sovместimosti // LEX RUSSICA (RUSSKIJ ZAKON). 2019. № 5 (150). S. 91–104.

4. Grishin D.A. Cifrovizaciya dosudebnogo ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2020. № 455. S. 208–215.

5. Kury'sheva N.S. Proizvodstvo po zhalobe na dejstviya (bezdeystvie) i resheniya doznatelya, sledovatelya i prokurora: v poryadke st. 125 UPK RF: dis. ... kand. jurid. nauk. Saransk, 2008.

6. Laliyev A.I. Problemy` sudebnogo obzhalovaniya dejstvij (bezdeystviya) i reshenij organov predvaritel'nogo rassledovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar, 2011.

7. Rudakova S.V. Ugolovno-processual'noe obzhalovanie i ego sistema v otechestvennom dosudebnom proizvodstve: dis. ... d-ra jurid. nauk. Krasnodar, 2023.

8. Spesivov N.V., Titov A.A. Pandemiya COVID-19 kak faktor «vy`nuzhdennoj cifrovizacii» rossijskogo ugovolnogo sudoproizvodstva // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoj akademii. 2020. № 3 (134). S. 193–200.

9. Svodny`e statisticheskie svedeniya o deyatelnosti federal'ny`x sudov obshhej yurisdikcii i mirovy`x sudej za 2019–2023 gg. // Sudebny`j departament pri Verxovnom Sude Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 06.08.2024; принята к публикации 06.08.2024.

The article was submitted 02.08.2024; approved after reviewing 06.08.2024; accepted for publication 06.08.2024.

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 154.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):154.

Политика и экономика Евразии

Научная статья

УДК 342

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_154

ФУНКЦИИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

КОЛСАРИЕВА Назира Шаршенбековна

Кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права юридического факультета Ошского государственного университета
723500, г. Ош, ул. Ленина, д. 331, Кыргызская Республика

Аннотация: Данная статья посвящена функциям современной политической системы. Она содержит материалы из различных источников, а также результаты исследований автора. В статье дается подробный анализ некоторых функций современной политической системы. Автор не ограничивается лишь одной классификацией функций, а использует несколько классификаций, что дает возможность сравнить их. Подобный подход позволил намного глубже изучить функции современной политической системы и проанализировать их.

Ключевые слова: государство, политическая система, функции, политические нормы, политическое руководство, политика, политическая стабильность

Для цитирования: Колсариева Н.Ш. Функции современной политической системы // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С.154. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_154

Policy and Economy of Eurasia

Original article

FUNCTIONS OF MODERN POLITICAL SYSTEM

KOLSARIEVA Nazira Sharshenbekovna

Candidate of Law, Associate Professor of the Theory and History of State and Law of Law Faculty of Osh State University
723500, Osh, Lenina st., 331, Kyrgyz Republic

Abstract: This article is devoted to the functions of the modern political system. It contains materials from various sources, as well as the results of the author's research. The article gives a detailed analysis of some functions of the modern political system. The author does not limit to only the classification of functions, but used several categorizations, which provided an opportunity to compare them. Such approach to the study of the functions of the modern political system allowed to research and analyze them much more deeply.

Keywords: state, political system, functions, political norms, political leadership, politics, political stability

For citation: Kolsarieva N.Sh. Functions of Modern Political System = Eurasian advocacy. 2024;4(69):154. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_154

Для детального изучения политической системы необходимо разобраться с понятием «политика», которое составляет основу термина «политическая система». Объектом данного исследования является сама политическая система, изучаемая с учетом постоянного развития и изменения. Предмет исследования составили выполняемые ею функции.

При проведении исследования функций политической системы нами использованы такие методы познания, как сравнительный, логический и исторический. Актуальность исследуемой темы обусловлена спецификой существования

и функционирования политических систем современных государств, что дает возможность, во-первых, изучить функции современных политических систем различных государств, во-вторых, их сравнить. Ибо не во всех источниках их рассматривают в таком ракурсе.

Новизна проведенного исследования заключается в том, что авторы не ограничились изучением одной классификации функций политической системы.

Общеизвестно, что «политика» – греческое слово, означающее в буквальном смысле «грязное дело». Участники не брезгают пользоваться раз-

личными, порой грязными, методами; этим объясняется пренебрежительное отношение к ней. Но, несмотря на такой смысл, политика играет огромную роль в жизни каждого гражданина. Официальное ее определение следующее: «Политика – деятельность государственной власти, партии или общественных групп в области внутрисоциальных или внешних отношений, определяемая интересами этой власти, партии, группы» [1]. Политика функционирует совместно с экономикой, культурой, правом и другими сферами. Невозможно ее одиночное и отдельное существование и функционирование. Для полного понимания функционирования политической системы проследим и выявим принципы ее взаимодействия с другими сферами общественной жизни. Например, Д. Истон определил два вида связи – вход и выход. Такое взаимодействие политической системы выполняет еще и дополнительные функции в соответствии со своим назначением. Функции эти имеют форму, реагирующую на изменения ее внутреннего состояния и внешней среды. Политическая система выполняет определенные функции для выявления и разрешения противоречий, как внутренних, так и внешних. Посредством этого она решает такие задачи:

- 1) властно-политические, коррелирующие общественные интересы;
- 2) выражение и определение интересов как индивидов, так и общества;
- 3) социально-приобретенные, направленные на включение людей в целенаправленную деятельность.

В соответствии с этими задачами политическая система выполняет следующие функции:

- 1) определение целей и задач общества;
- 2) привлечение общественных ресурсов для достижения целей;
- 3) объединение элементов общества вокруг социальных и политических целей;
- 4) руководство политическими процессами;
- 5) распределение общественных ценностей;
- 6) контроль исполнения законов и превенция нарушений политических норм.

Следовательно, политическая система — это сложная система открытого типа, обладающая некоторыми особенностями, такими как регулирующая, реализующая и другие [2].

Кроме указанных выше функций политическая система современного государства выполняет и другие, такие как:

- 1) определение интересов всех слоев населения, а также социальных групп;
- 2) конкретизация целей развития общества;

3) объединение различных социальных групп и их активизация;

4) разработка и предложение политических идей, формирование политической идеологии и общественного мнения;

5) борьба за власть и участие в ее осуществлении;

6) участие в разработке нормативных правовых актов и контроль за их исполнением;

7) контроль за исполнением законов не только со стороны населения, но и государства.

Полагаясь на указанные функции, можно прийти к выводу, что политическая система функционирует, охватывая все сферы общественной жизни. Об этом можно говорить, изучив структуру политической системы.

Вообще сама политическая система формируется либо создается именно для выполнения соответствующих функций в целях контроля и регулирования политической жизни общества. Кроме этого, цель ее формирования или создания заключается в определении целей, задач и направлений общественного развития не только в политической сфере, но и во всех сферах общественной жизни. Ну, а основной задачей и, соответственно, функцией является контроль за решением этих задач, а также за их соблюдением и исполнением. В зависимости от целей и задач, поставленных перед политической системой общества, формируются выполняемые им функции. К ним часто относят следующие:

1) равномерное и справедливое распределение материальных и духовных ценностей;

2) контроль за недопущением противоречий интересов государства и населения, а также социальных групп;

3) формирование и развитие политического сознания населения;

4) контроль за стабильностью политического и государственного строя;

5) контроль за исполнением правовых и политических норм;

6) разработка концепций и программ общественного и политического развития;

7) поиск средств для решения поставленных задач и достижения целей;

8) объединение всех элементов политической системы для интеграции политических ценностей и политической культуры.

Следовательно, политическая система общества представляет собой целостную систему, отличающуюся от других систем самоорганизанностью и саморегуляцией, что придает ей официальный характер политической организа-

ции или же организации политической власти. В силу этих специфических черт политическая система обладает некими возможностями, такими как экстракционная, регулирующая, дистрибутивная, реагирующая и т. д. [3]. Для полного раскрытия этих возможностей рассмотрим каждую из них по отдельности. Что касается первой, то она направлена на извлечение из общества ресурсов, как человеческих, так и материальных. Это означает привлечение людей в политику в различных качествах, начиная от избирателя до политических деятелей, ибо политическая система существует именно за счет ресурсов, предоставляемых обществом. А вот следующая возможность, так называемая регулирующая, обеспечивает управление и регулирование поведения и деятельности как индивидов, так и социальных слоев, политических группировок, а также политических институтов.

Кроме этого, она обеспечивает возможность влияния на гражданское общество, основной элемент политической системы. И все это обеспечивается посредством традиций, мнения общности и других социокультурных ценностей. Не исключена и возможность применения принудительных мер обеспечения. Что касается дистрибутивной возможности, то она способна переопределять произведенный продукт, предоставляя тем самым возможность населению получать определенные социальные блага от государства, и не только получать, но и планировать их. А вот посредством реагирующей возможности политическая система реагирует на воздействия извне, под которыми подразумеваются требования населения и индивидов [4].

Таким образом, вышерассмотренные возможности политической системы формируют основу успешного ее функционирования. Именно они создают те условия, посредством которых политическая система формирует и решает задачи, поставленные перед ней. А решение задач – это и есть выполнение соответствующих функций. Следовательно, и задачи, и возможности политической системы играют важную роль в ее функционировании и выполнении определенных функций. В силу этого мы считаем, что целесообразно рассмотреть указанные ранее нами функции, выполняемые политической системой. Следует отметить, что, несмотря на то, что в различных государствах основные функции почти одинаковые, мы указали несколько категорий функций политической системы с учётом специфики этих государств. Но для полного понимания мы рассмотрим лишь наиболее общие из них.

К примеру, начнем с равномерного и справедливого распределения материальных и духовных ценностей. Что касается данной функции, то она выполняется политической системой во всех государствах, ибо в любом государстве блага должны распределяться равномерно и по справедливости. Следовательно, данная функция выполняется для установления баланса при распределении общественных ценностей. А вот следующая функция – контроль за недопущением конфликтов интересов государства и населения – является наиболее сложной, ибо установить и сохранить баланс интересов государства и населения – задача трудно решаемая, так как любое государство считает себя гегемоном в расстановке приоритетов и не всегда отдает приоритет интересам населения. Поэтому не допустить конфликта интересов очень сложно. Если рассуждать по справедливости, то эта функция почти не выполняемая, и очень редко встречаются политические системы, способные ее выполнить. В силу этого во многих государствах часто прослеживаются конфликты между государственной властью и населением. Насколько выполняема данная функция, зависит от руководителя государства и его политической дальновидности.

Функция формирования и развития политического сознания населения не уступает по своей значимости предыдущей, так как формировать и поднять уровень политического сознания населения – одна из сложных и требующих времени задач. И в любом случае мы уверены, что она реализуется не до конца в силу того, что невозможно физически и практически поднять уровень политического сознания всего населения. Если в некоторых государствах уровень политического сознания высок или относительно высок, это не говорит о том, что все население данного государства политически сознательно и грамотно. Уровень политического сознания оценивается относительно всего населения, то есть такая оценка дается уровню политического сознания большинства. Соответственно, выполнение данной функции зависит от того, насколько будет высок уровень сознания населения в количественном или же в процентном соотношении. Еще одна функция, относящаяся к так называемым сложным, – это функция контроля за стабильностью политического и государственного строя. Сложность ее выполнения подтверждает само название. Самая сложная задача – это обеспечение в стране стабильности, как политической, так и государственной. В принципе, эту функцию можно отнести не только к функциям политической системы, но и к функциям

ям государства. Ибо без помощи государства политическая система не в силах ее выполнять. Для обеспечения стабильности необходимы не только человеческие, духовные, материальные ресурсы, порой приходится прибегать и к силовым ресурсам. В связи с этим данная функция представляет сложность не только по своей природе, но и по выполнению. Но какой бы сложной она ни была, ее следует выполнять.

Следующая функция – контроль за исполнением правовых и политических норм – означает надзор за исполнением общепринятых политических норм. Конечно, на первый взгляд, задача не из сложных: осуществить контроль, но на деле ее усугубляют последствия контроля или надзора. Иначе говоря, данная функция должна выполняться в два этапа. Первый – осуществление контроля, а второй – принятие мер относительно нарушителей политических норм. Сложность данной функции в том, что не всегда удается принять справедливое решение по отношению к нарушителю политических норм, особенно если им оказывается само государство.

Наиболее выполнимой считается функция разработки концепций и программ общественного и политического развития. Она по своей природе относится к теоретическим и идеологическим, так как здесь речь идет о теоретической части функциональных обязанностей политической системы. Ее особенность заключается в том, что очень важно правильно и грамотно разработать концепцию и программу стратегического развития. От правильно выбранной стратегии зависит эффективность функционирования политической системы. Поэтому данная функция в теоретическом плане по своей значимости не уступает рассмотренным ранее.

Следующая функция касается поиска средств для решения поставленных задач и достижения целей. Здесь речь о материальной стороне функционирования политической системы. На сегодняшний день многие государства располагают достаточными ресурсами, необходимыми для финансирования деятельности политической системы. В связи с этим данная функция во многих государствах выполняется немного легче, чем другие функции политической системы. Руководством современных государств на первый план выдвигается стабильность в стране, что облегчает выполнение рассматриваемой нами функции. Насколько ценна и важна для руководителя политическая стабильность в государстве, настолько она и будет оценена в материальном или в денежном отношении. Конечно, в данной ситуации нельзя прини-

жать роль человеческих ресурсов. Именно они решают, настолько правильно и финансово грамотно будут использованы материальные ресурсы.

Одной из наиболее важных также является функция объединения всех элементов политической системы для интеграции политических ценностей и политической культуры. Самым сложным в деятельности и функционировании политической системы, на наш взгляд, является интегрирование всех ее элементов. Задача объединения чего-либо или кого-либо всегда представляла собой большую проблему, ибо у объединяемых разный статус, положение, ценность и так далее. Объединение и приведение в единую систему различных элементов – задача не из простых, но решаемых. В данном случае большую роль играют политическая культура и политические ценности. Они являются решающими факторами при выполнении данной функции. Особую роль играет политическая культура, которая способствует решению проблемы в рамках компромисса.

Кроме изученных выше функций политической системы можно отметить и функцию адаптации, подразумевающую процесс отбора и подготовки политического персонала для выполнения соответствующих политических ролей, а также политическую социализацию, то есть адаптацию индивидов к политической среде [5].

Резюмируя проведенное исследование, можно сделать следующие выводы:

1. Современная политическая наука проводит исследование функций политической системы посредством моделирования, которое позволяет разделить их на обеспечивающие ее жизнедеятельность (в науке их еще называют функциями входа) и способствующие адаптации индивидов к политической среде (иначе называются функциями выхода).

2. Функции политической системы формируются из задач, стоящих перед ней, позволяющих определить ее цели.

3. Решение поставленных задач осуществляется политическими лидерами и руководством, политическая система обязана решать не только задачи, поставленные перед обществом, но выражающие интересы населения.

4. Политическая система интегрирует политические, культурные и другие ценности, создавая посредством политической культуры и деятельности политических институтов новые более благоприятные условия для дальнейшего функционирования политической системы общества.

5. Любая политическая система функционирует за счет информации как внутреннего, так и

внешнего характера, что позволяет ей своевременно реагировать на политические процессы, происходящие в стране.

Обобщая вышесказанное, следует отметить, что нами, во-первых, предприняты некоторые попытки определения спектра задач, подлежащих решению политической системой; во-вторых, конкретизированы функции, то есть направления деятельности политической системы, вытекающие из соответствующих задач. Результаты можно применять в ходе исследований как сравнительного, так и познавательного плана.

Таким образом, политическая система, обладающая специфическими свойствами и признаками, отличающаяся от других систем, имеет широкий спектр задач и функций и отвечает за политическую стабильность в обществе.

Изучив мнения и предложения ученых-политологов, правоведов и лиц, сведущих в политике, мы пришли к выводу, что определенных, однозначных и окончательных функций политической системы нет. Это, на наш взгляд, объясняется тем, что, во-первых, каждое государство располагает собственной политической системой в зависимости от своей специфики; во-вторых, каждое государство имеет свои специфические особенности, в связи с чем формируются и функционируют политические системы; в-третьих, функции политической системы напрямую зависимы от задач, выполняемых ею; в-четвертых, и государство, и политическая система – постоянно развивающиеся, динамичные явления.

Список источников

1. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 4-е изд., испр. и доп. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1960. С. 544.
2. Истон Д. Новая революция в политической науке / перев. с англ. Т. Землякова // Judgment Journal. 2015. Vol. I. № 1. С. 1–11.
3. <https://foxford.ru/wiki/obshchestvoznaniye>.
4. Каменская Г.В., Родионов А.Н. Политические системы современности. М., 1994. С. 132.
5. Зосименко И.А. Функции политической системы: субъектно-деятельностный аспект [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article>.

References

1. Ozhegov S.I. Slovar` russkogo yazy`ka. 4-e izd., ispr. i dop. M.: Gosudarstvennoe izdatel`stvo inostranny`x i nacional`ny`x slovarej. 1960. S. 544.
2. Iston D. Novaya revolyuciya v politicheskoy nauke / perev. s angl. T. Zemlyakova // Judgment Journal. 2015. Vol. I. № 1. С. 1–11.
3. <https://foxford.ru/wiki/obshchestvoznaniye>.
4. Kamenskaya G.V., Rodionov A.N. Politicheskie sistemy` sovremennosti. M., 1994. S. 132.
5. Zosimenko I.A. Funkcii politicheskoy sistemy`: sub`ektno-deyatel`nostny`j aspekt [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article>.

Статья поступила в редакцию 02.08.2024; одобрена после рецензирования 08.08.2024; принята к публикации 08.08.2024.

The article was submitted 02.08.2024; approved after reviewing 08.08.2024; accepted for publication 08.08.2024.

Научная статья
УДК 340.13
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_159

АКТ ОРГАНА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ КАК ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ОСНОВА ДЛЯ САМОРЕГУЛИРОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫМИ ХОЗЯЙСТВЕННЫМИ ОБЩЕСТВАМИ

ЯКОВЛЕВ Александр Юрьевич

Доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук 117218, г. Москва, Нахимовский пр., д. 32, Российская Федерация

Аннотация: Правовому регулированию подвержена большая часть сфер жизни общества. Многие из них практически лишены возможностей для саморегулирования. Одной из областей с множеством правовых актов, где наличествует простор для саморегулирования, выступает управление государственными хозяйственными обществами.

Ключевые слова: правовое регулирование, правовой акт, саморегулирование, саморегулирование управления, хозяйственное общество с государственным участием

Для цитирования: Яковлев А.Ю. Акт органа исполнительной власти как элемент правового регулирования и основа для саморегулирования управления государственными хозяйственными обществами // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 159. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_159

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ACT OF THE EXECUTIVE BODY AS AN ELEMENT OF LEGAL REGULATION AND THE BASIS FOR GOVERNANCE SELF-REGULATION OF STATE COMPANIES

YAKOVLEV Alexander Yurievich

Doctor of Political Sciences, Leading Researcher of Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences 117218, Moscow, Nakhimovsky prospect, 32, Russian Federation

Abstract: Most areas of society are subject to legal regulation. Many of them have virtually no opportunities for self-regulation. One of the areas where there are many legal acts, but there is scope for self-regulation, is state companies governance.

Keywords: legal regulation, legal act, self-regulation, governance self-regulation, joint-stock company with state participation

For citation: Yakovlev A.Yu. Act of the Executive Body as an Element of Legal Regulation and the Basis for Governance Self-Regulation of State Companies = Eurasian advocacy. 2024;4(69):159. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_159

В основе управления государственными хозяйственными обществами лежит система правовых актов. Часть регулирующих данный процесс норм определена федеральным законодательством, другая является результатом саморегулирования (или саморегламентации).

Необходимо отметить, что остается дискуссионным вопрос относительно того, где проходит черта между регулированием и саморегулированием, в особенности когда речь идет о государ-

ственных хозяйственных обществах. Государство, с одной стороны, устанавливает общеобязательные нормы для участников процессов управления организациями всех форм собственности, с другой, являясь акционером (участником) в рамках полномочий общих собраний, вводит дополнительные нормы внутриорганизационного характера. Во втором случае государство по саморегулируемому потенциалу сходно с иным собственником пакетов акций (долей). Однако с федеральными и

региональными хозяйственными обществами ситуация осложняется расщеплением функций акционера (участника) между органами власти и должностными лицами. Нередко у госслужащих отличаются представления относительно порядка управления организациями. Это порождает различного рода правовые и управленческие противоречия, создает юридические нагромождения, затягивает принятие решений.

Во многом наличием большого числа лиц, участвующих в управлении, и обусловлена повышенная подверженность государственных хозяйственных обществ различного рода дополнительному регулированию и саморегулированию.

Автор в настоящей работе под саморегулированием управления будет понимать введение дополнительных норм, регламентирующих управленческие процессы в хозяйственных обществах с участием государства, не предусмотренных законодательством РФ.

Базовым актом подзаконного характера для акционерных обществ с участием РФ служит постановление Правительства РФ 2004 г. [1], распространяющееся на большую часть федеральных акционерных обществ. Акты похожего содержания законодательного [2] или подзаконного характера [3] существуют и в регионах страны.

По причине концентрации значительной части полномочий по управлению организациями с участием государства в специализированном органе его акты представляют особый интерес. Они преимущественно имеют форму приказов.

На федеральном уровне, если несколько упростить ситуацию с распределением полномочий между органами власти [12, 13], то большая часть полномочий в интересующей нас области сосредоточена у Росимущества. По этой причине остановимся на его актах в сфере управления хозяйственными обществами. Таких документов за годы существования данного органа вышло не очень много. Акты касались вопросов утверждения методики самооценки качества корпоративного управления, методических рекомендаций по формированию положений о ревизионной комиссии, о вознаграждениях и компенсациях членов ревизионной комиссии, по организации работы внутреннего аудита, по разработке дивидендной политики, по организации работы комитета по аудиту совета директоров акционерного общества с участием федерального центра и др.

Остановимся более подробно на приказе, посвященном методике самооценки качества корпоративного управления. Документ содержит

состав, структуру, компоненты проведения самооценки. Методика включает в себя 6 разделов: права акционеров; совет директоров; исполнительное руководство; прозрачность и раскрытие информации; управление рисками, внутренний контроль и внутренний аудит; корпоративная социальная ответственность, деловая этика, комплаенс [7]. Некоторые из использованных в названиях разделов слова и словосочетания выглядят в глазах юристов странно. В частности, термин «исполнительное руководство», который не фигурирует ни в законодательстве страны, ни в каких-либо подзаконных актах.

За прошедшие с момента подписания приказа годы частью организаций он полностью или частично игнорировался, другими максимально возможно исполнялся, вокруг него возникали дискуссии по содержанию, споры о необходимости отмены. Говоря о дальнейшей судьбе документа, стоит отметить следующее. Учитывая крайне высокий динамизм российской правовой системы, более предпочтительным в сравнении с признанием приказа утратившим силу является внесение в него изменений. Сохранение действия приказа с одновременной его актуализацией будет способствовать формированию крепкого подзаконного базиса управления государственными хозяйственными обществами в особо активно изменяемом в последние несколько лет нормативно-правовом пространстве России. Дополнительным аргументом сохранения приказа является то, что в августе 2024 года исполняется 10 лет с момента его вступления в силу. Юбилейный характер даты можно использовать как для подведения итогов работы в рамках документа, так и для общественных (профессиональных) обсуждений направлений его совершенствования.

Если заводить речь об изменениях в приказе, то они могли бы быть следующие.

В структуре методики раздел «Исполнительное руководство» имело бы смысл переименовать на «Коллегиальный и единоличный исполнительные органы». Новая формулировка сделает термины в приказе соответствующими понятиям российского законодательства.

Вполне можно было бы дополнить структуру методики разделом «Ревизионная комиссия». Документ выглядит несколько фрагментарным без контрольного органа, формируемого в большей части государственных хозяйственных обществ и играющего важную роль в проверке достоверности отчетных документов организаций.

Целесообразно скорректировать содержание раздела «Прозрачность и раскрытие информа-

ции» в связи с наличием санкционных рисков для юридических лиц и физических лиц, входящих в органы управления, и принятием актов Правительства РФ, позволяющих организациям отказываться от раскрытия или ограниченно раскрывать часть информации, фигурирующей в разделе.

Подавляющее число актов Росимущества, посвященных управлению хозяйственными обществами, вышло в 2014 г. Одним из исключений является датированный годом ранее приказ по методическим рекомендациям относительно организации работы совета директоров [4]. Причина концентрированного появления приказов в Росимуществе в тот период – позиция руководства агентства, желавшего перенести опыт из частного сектора в государственный. С тех пор ни в этом, ни в ином органе исполнительной власти страны такого качества и количества актов не выходило. Несмотря на спорность некоторых норм в принятых документах, сам факт проделывания органом власти существенного объема работы с привлечением внешних экспертов представляется уникальным и маловероятным для повторения в обозримом будущем.

Органы исполнительной власти достаточно широко практикуют введение типовых форм внутренних документов для хозяйственных обществ с государственным участием. Обосновывается это целями совершенствования стандартов корпоративного управления и контроля. Примерами могут служить «типовые уставы», используемые для большинства обществ вне зависимости от сферы деятельности и масштабов юридических лиц, а также различные положения. Например, о совете директоров, ревизионной комиссии [8], их вознаграждении [6], комитете совета директоров [5], закупках [17] и проч. В некоторых приказах напрямую не фигурирует «типовое положение», но текст приложений актов практически идентичен структуре и содержанию такого рода документов. Помимо этого, в приказах содержатся нормы о рекомендациях формировать положения с учетом информации актов агентства. Часто госслужащие рекомендательный характер приказа посредством своих требований к органам управления обществ пытаются преобразовать в обязательный. Подобный подход нивелирует позитивный потенциал, заключенный в возможностях саморегулирования вопросов построения управленческого механизма со стороны организаций.

Существует ошибочное заблуждение касательного того, что принятие и действие по акту органа исполнительной власти освобождает лицо от наступления субсидиарной [15, 16] или

иной [14] ответственности. При возникновении негативных последствий им будет даваться соответствующая правовая оценка [10] уполномоченными органами. Судебная практика формирует все большее число решений о привлечении представителей органов управления к различной ответственности.

При здравом подходе в целом представляется целесообразным введение определенного набора типовых форм внутренних документов хозяйственных обществ с государственным участием. Они способны нести в себе положительный потенциал: облегчать подготовку хозяйственными обществами внутренних документов, упорядочивать и стандартизировать корпоративные отношения в хозяйственных обществах с участием государства, исключать пробелы и неоднозначные формулировки и др. Несмотря на возможный позитивный эффект типовых форм, их введению в действие должно предшествовать обсуждение проектов документов с участием представителей заинтересованных органов исполнительной власти, профессиональных и научных организаций.

Необходимо обратить внимание на некорректность отождествления актов органов исполнительной власти с документами бирж, ассоциаций, саморегулируемых и иных организаций, в которые общества добровольно вступают, например Кодексом корпоративного управления [9]. Кодекс не только изначально имеет рекомендательный характер, но и его исполнение, за исключением отдельных случаев относительно определенных организаций, не предусматривает никаких санкций.

Таким образом, акты органов исполнительной власти могут выступать как элемент правового регулирования и служить саморегуляционным базисом в управлении государственными организациями.

Несмотря на достаточно широкую практику ввода различными органами власти актов в обозначенной сфере, сложно оценить регулирующее воздействие [11] и оказываемое ими влияние на эффективность финансово-хозяйственной деятельности организаций. Многое зависит от действий конкретных должностных лиц, вовлеченных в управленческие процессы.

Список источников

1. Постановление Правительства РФ от 03.12.2004 № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обще-

ствами («золотой акции»)» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Закон Московской области от 04.03.2011 № 22/2011-ОЗ «Об управлении находящимися в собственности Московской области акциями и долями в уставных капиталах хозяйственных обществ» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Постановление Правительства Москвы от 03.07.2007 № 576-ПП «О порядке взаимодействия органов исполнительной власти города Москвы при реализации прав акционера...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Приказ Росимущества от 21.11.2013 № 357 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Совета директоров в акционерном обществе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Приказ Росимущества от 20.03.2014 № 86 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Комитетов по аудиту Совета директоров в акционерном обществе с участием Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Приказ Росимущества от 09.07.2014 № 253 «Об утверждении методических рекомендаций по формированию положения о вознаграждениях и компенсациях членов ревизионной комиссии...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Приказ Росимущества от 22.08.2014 № 306 «Об утверждении Методики самооценки качества корпоративного управления в компаниях с государственным участием» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Приказ Росимущества от 16.09.2014 № 350 «Об утверждении Методических рекомендаций по формированию Положения о Ревизионной комиссии...» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Аминов Д.И., Бацанова Т.А., Зайцева-Савкович Е.В., Опокин А.Б. Правовая оценка нерассмотрения судом ходатайств сторон в гражданском процессе // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 320–322.

11. Вечернин Д.С. Эволюция института оценки регулирующего воздействия: проблемы и перспективы // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2014. № 4. С. 22–28.

12. Глазунова И.В. Делегирование полномочий между органами исполнительной власти и органами местного самоуправления // Актуальные вопросы современной экономики. 2022. № 12. С. 291–299.

13. Глазунова И.В. Передача полномочий как инструмент реализации управленческих функций // Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса. «Лазаревские чтения–2023»: сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции. М., 2023. С. 39–47.

14. Глазунова И.В. Проблемные вопросы публично-правовой ответственности юридического лица // Сибирское юридическое обозрение. 2019. № 4. С. 512–517.

15. Павлов А.Ю., Данилов И.А. О критериях субсидиарной ответственности // Юридический мир. 2022. № 3. С. 48–49.

16. Петухов С.В., Рачеева Ю.В. Субсидиарная ответственность контролирующих лиц в контексте принципа правовой определенности // Евразийская адвокатура. 2023. № 3. С. 62–65.

17. Смотрицкая И.И., Анчишкина О.В., Черных С.И. Проблемы и стратегические задачи развития института общественных закупок // Проблемы прогнозирования. 2017. № 5. С. 70–78.

References

1. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 03.12.2004 № 738 «Ob upravlenii naxodyashhimisya v federal'noj sobstvennosti akcijami akcionerny'x obshhestv i ispol'zovanii special'nogo prava na uchastie Rossijskoj Federacii v upravlenii akcionerny'mi obshhestvami («zolotoj akcii»)» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Zakon Moskovskoj oblasti ot 04.03.2011 № 22/2011-OZ «Ob upravlenii naxodyashhimisya v sobstvennosti Moskovskoj oblasti akcijami i dolyami v ustavnny'x kapitalax hozyajstvenny'x obshhestv» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

3. Postanovlenie Pravitel'stva Moskvyy` ot 03.07.2007 № 576-PP «O poryadke vzaimodejstviya organov ispolnitel'noj vlasti goroda Moskvyy` pri realizacii prav akcionera...» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Prikaz Rosimushhestva ot 21.11.2013 № 357 «Ob utverzhdanii Metodicheskix rekomendacij po organizacii raboty` Soveta direktorov v akcionernom obshhestve» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

5. Prikaz Rosimushhestva ot 20.03.2014 № 86 «Ob utverzhdanii Metodicheskix rekomendacij po organizacii raboty` Komitetov po auditu Soveta direktorov v akcionernom obshhestve s uchastiem Rossijskoj Federacii» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Prikaz Rosimushhestva ot 09.07.2014 № 253 «Ob utverzhdanii metodicheskix rekomendacij po formirovaniyu polozheniya o voznagrazhdeniyax i kompensaciyax chlenov revizionnoj komissii...» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Prikaz Rosimushhestva ot 22.08.2014 № 306 «Ob utverzhdanii Metodiki samoocenki kachestva korporativnogo upravleniya v kompaniyax s gosudarstvenny'm uchastiem» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Prikaz Rosimushhestva ot 16.09.2014 № 350 «Ob utverzhdanii Metodicheskix rekomendacij po formirovaniyu Polozheniya o Revizionnoj komissii...» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

9. Pis'mo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 «O Kodekse korporativnogo upravleniya» [E'lektronny'j resurs]. URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Aminov D.I., Baczanova T.A., Zajceva-Savkovich E.V., Opokin A.B. Pravovaya ocenka nerassmotreniya sudom xodatajstv storon v grazhdanskom processe // Vestnik e'konomicheskoy bezopasnosti. 2019. № 3. S. 320–322.

11. Vechernin D.S. E'voluciya instituta ocenki reguliruyushhego vozdejstviya: problemy` i perspektivy` //

Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2014. № 4. S. 22–28.

12. Glazunova I.V. Delegirovanie polnomochij mezhdu organami ispolnitel'noj vlasti i organami mestnogo samoupravleniya // Aktual'ny'e voprosy` sovremennoj e`konomiki. 2022. № 12. S. 291–299.

13. Glazunova I.V. Peredacha polnomochij kak instrument realizacii upravlencheskix funkcij // Aktual'ny'e problemy` nauki administrativnogo prava i administrativnogo processa. «Lazarevskie chteniya–2023»: sbornik nauchny`x trudov po materialam mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. M., 2023. S. 39–47.

14. Glazunova I.V. Problemny'e voprosy` publichno-pravovoj otvetstvennosti yuridicheskogo licza // Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie. 2019. № 4. S. 512–517.

15. Pavlov A.Yu., Danilov I.A. O kriteriyax subsidiarnoj otvetstvennosti // Yuridicheskij mir. 2022. № 3. S. 48–49.

16. Petuxov S.V., Racheeva Yu.V. Subsidiarnaya otvetstvennost` kontroliruyushhix licz v kontekste principa pravovoj opredelennosti // Evrazijskaya advokatura. 2023. № 3. S. 62–65.

17. Smotriczkaya I.I., Anchishkina O.V., Cherny`x S.I. Problemy` i strategicheskie zadachi razvitiya instituta obshhestvenny`x zakupok // Problemy` prognozirovaniya. 2017. № 5. S. 70–78.

Статья поступила в редакцию 05.08.2024; одобрена после рецензирования 09.08.2024; принята к публикации 09.08.2024.

The article was submitted 05.08.2024; approved after reviewing 09.08.2024; accepted for publication 09.08.2024.

Научная статья

УДК 347.961

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_164

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИЙ В ИСЛАМСКОМ БАНКИНГЕ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

КЫРЛАН Марчел Георгиевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: В статье исследуются актуальные аспекты инвестирования в исламский банкинг, рассматривается опыт двух стран. Исламский банкинг предлагает инвестиционные возможности с учетом принципов шариата, что делает его привлекательным для тех, кто стремится соответствовать религиозным убеждениям. Статья обращает внимание на практику использования инструментов, таких как сукук, мурабаха, мудараба и другие, для совершения сделок в соответствии с исламским правом. Эксперимент с партнерским финансированием, проводимый в России с 2023 по 2025 год, направлен на определение эффективности регулирования этой системы. Обсуждаются требования участия в эксперименте для различных организаций, их обязанности и ограничения, соответствующие принципам исламского финансирования. Сравнение опыта России и Азербайджана позволяет выявить сходства и различия в подходах к инвестициям в исламский банкинг. Подробно рассматриваются различия в использовании инструментов инвестирования, таких как ипотечные кредиты, доверительное управление финансированием, лизинг и другие.

Ключевые слова: исламский банкинг, инвестирование, сукук, эксперимент, мушарака, мурабаха

Для цитирования: Кырлан М.Г. Правовое регулирование инвестиций в исламском банке: опыт Российской Федерации и Азербайджанской Республики // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 164. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_164

Policy and Economy of Eurasia

Original article

LEGAL REGULATION OF INVESTMENTS IN ISLAMIC BANKING: EXPERIENCE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

KYRLAN Marchel Georgievich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky Ave., 49, Russian Federation

Abstract: The article examines current aspects of investing in Islamic banking, considering the experience of two countries. Islamic banking offers investment opportunities that adhere to Shariah principles, making it attractive to those seeking to comply with religious beliefs. The article draws attention to the practice of using instruments such as sukuk, murabaha, mudaraba and others to carry out transactions in accordance with Islamic law. An experiment with partnership financing, conducted in Russia from 2023 to 2025, is aimed at determining the effectiveness of regulation of this system. The requirements for participation in the experiment for various organizations, their responsibilities and restrictions in accordance with the principles of Islamic finance are discussed. Comparing the experiences of Russia and Azerbaijan allows us to identify similarities and differences in approaches to investment in Islamic banking. The differences in the use of investment instruments, such as mortgage loans, trust management of financing, leasing, and others are discussed in detail.

Keywords: islamic banking, investment, sukuk, experiment, musharakah, murabaha

For citation: Kirlan M.G. Legal Regulation of Investments in Islamic Banking: Experience of the Russian Federation and the Republic of Azerbaijan = Eurasian advocacy. 2024;4(69):164. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_164

Исламский банкинг становится все более актуальной и привлекательной инвестиционной сферой для многих людей по всему миру [5, с. 7]. Основанный на принципах шариата, он предоставляет возможность инвестировать в соответствии с религиозными убеждениями и принципами [1, с. 111]. Инвестирование в исламском банке представляет собой надежный способ разнообразить свой инвестиционный портфель, обеспечивая при этом соответствие принципам шариата. Кроме того, исламские инвестиции обычно направлены на реальные сектора экономики, что способствует стимулированию роста и развития бизнеса. Таким образом, все больше инвесторов обращают внимание на исламский банкинг как этически и финансово устойчивый способ инвестирования, отвечающий их ценностям и убеждениям.

Исламское инвестирование в банковской сфере основано на принципах шариата, которые исключают участие в операциях, связанных с процентами (рентой) [2, с. 58]. Вместо этого исламские банки предлагают альтернативные инвестиционные продукты, соответствующие принципам исламского права. Одним из таких инструментов является Мудараба, где клиент может инвестировать свои средства в бизнес-проект и получать долю в прибыли. Еще один популярный инструмент – Мурабаха, при котором банк покупает товары с последующей их продажей клиенту по цене с прибылью. Также в исламском банке широко используются Сукук, инвестиционные сертификаты, которые представляют собой долю в собственности или активах проекта. Кроме того, инвесторы могут участвовать в структурном финансировании и осуществлении проектов по принципу совместного участия. Исламские банки разрабатывают инвестиционные продукты, учитывая требования шариата, чтобы клиенты могли вкладывать свои средства согласно религиозным убеждениям и принципам [6, с. 17].

С 1 сентября 2023 года в России начался эксперимент по партнерскому финансированию, соответствующему принципам исламского банкинга, который проводится в республиках со значительной мусульманской общиной. Эксперимент продлится до 1 сентября 2025 года, целью его являются выявление популярных форм финансирования, оценка эффективности регулирования и разработка путей для улучшения этой системы. Также задачей эксперимента является привлечение как внутренних, так и внешних инвесторов, учитывая разнонаправленное сотрудничество России с другими странами.

Регламентация эксперимента установлена Федеральным законом от 4 августа 2023 года № 417-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования для создания условий для партнерского финансирования в определенных субъектах Российской Федерации». Для участия в эксперименте могут подать заявку различные организации, такие как кредитные учреждения, некредитные финансовые организации, потребительские кооперативы, общественно полезные фонды и другие, которые соответствуют требованиям резидентства на территории проведения эксперимента.

Участники эксперимента не могут устанавливать процентные ставки в качестве вознаграждения и финансировать деятельность, связанную с табачными и алкогольными продуктами, оружием, игорным бизнесом, что соответствует принципам исламского финансирования. В настоящее время в реестре участников эксперимента числится восемь организаций, включая крупные банки и другие финансовые учреждения [7, с. 6].

Сравним данный опыт с Азербайджанской Республикой. Актуальность сравнения правового регулирования инвестиций в исламском банке в Российской Федерации и Азербайджанской Республике заключается в необходимости изучения и анализа опыта другой страны для совершенствования собственной системы. Россия и Азербайджан имеют свои особенности и специфику в сфере финансового регулирования, и изучение подходов к инвестициям в исламском банке в обеих странах может помочь выявить лучшие практики и принципы для улучшения законодательства и регуляторной среды.

Сравнение правового регулирования инвестиций в исламском банке в России и Азербайджане позволит выявить сходства и различия в подходах к этой сфере деятельности, а также поможет определить потенциальные возможности для развития сектора и привлечения инвестиций. Изучение практики другой страны может стимулировать обмен опытом и сотрудничество между государствами в области финансового регулирования, способствуя развитию рыночных отношений и повышению прозрачности и эффективности финансовой системы.

В Азербайджанской Республике пока инвестирование в исламском банке не регулируется. Эксперты считают, что в закон о банках необходимо внести новые разделы, касающиеся исламского банкинга. Эти изменения позволят уже действующим банкам предлагать продукты, характерные для исламского банкинга.

Согласно отчету, вносимые изменения должны включать в себя не только требования к самим исламским банкам, но и принципы формирования Шариатского совета [3]. Однако на практике уже используется ряд инструментов, которые можно сравнить с применяемыми в рамках эксперимента в Российской Федерации (таблица 1).

Сравнивая инструменты инвестирования исламского банкинга в России и Азербайджане,

можно выделить несколько отличий. Например, в Российской Федерации ипотечный кредит является популярной формой финансирования, в то время как в Азербайджанской Республике на это установлен запрет [4, с. 692]. Также важно отметить, что в большинстве исламских банков Азербайджана основой инвестиционных счетов является инвестиционное партнерство, в то время как в России данная практика менее распространена.

Таблица 1

Сравнительный анализ инструментов инвестирования в исламском банкинге в соответствии с российской и азербайджанской практикой (составлено автором на основе анализа ряда исследований [2, 6, 7])

Механизм инвестирования	На арабском	Российская Федерация	Азербайджанская Республика
Беспроцентное финансирование	Мурабаха	Ипотечный кредит	Установлен запрет на данную форму финансирования
Кредитование в части торговой деятельности	Мудараба	Проектное финансирование	Инвестиционное партнерство, лежит в основе инвестиционных счетов в большинстве исламских банков
Доверительное управление финансированием	Мушарака	Долевое предприятие	Долевое предприятие
Партнерство как форма финансирования	Иджара	Лизинг с выкупом	Лизинг с выкупом
Форвардное соглашение о поставке	Салам и истисна	Форвардный договор	Установлен запрет на данную форму финансирования
Вексельное финансирование	Сукук	Не найдено в практике	Клиент эмитирует вексель и продает его банку по номинальной стоимости

Формы беспроцентного финансирования, такие как Мурабаха и Мудараба, используются и в России, и в Азербайджане, но выявлены также и различия: в Азербайджане более распространено доверительное управление финансированием через Мушараку, в то время как в России это более связано с долевым предприятием.

Лизинг с выкупом является популярной формой партнерства в обеих странах. Однако азербайджанская практика включает иного вида лизинг – лизинг с выкупом, чем российская. Салам и истисна используются в Азербайджане как форма форвардного соглашения о поставке, тогда как в России данная форма финансирования запрещена.

Таким образом, сравнение практик инвестирования в исламском банкинге в России и Азербайджане позволяет выявить различия в использовании различных инструментов и подходов, что может быть полезным для обеих стран в плане адаптации и совершенствования своих финансовых систем. Абсолютно очевидно, что данный вопрос требует проработки с точки зрения законодательства, особенно в условиях становления многополярного мира [6, с. 17].

Список источников

1. Идрисов Х.В. Исламские финансово-договорные инструменты в призме экспериментального регулирования деятельности «партнерского банкинга» (на при-

мере Чеченской Республики) // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2024. № 1(53). С. 111–123.

2. Мамедов З., Валиев Р., Фараджогл А. Проблемы развития исламского банкинга в Азербайджане // Россия и мусульманский мир. 2013. № 3(249). С. 58–60.

3. Определены шаги по внедрению исламского банкинга в Азербайджане [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/finansy/opredeleny-shagi-povnedreniyu-islamskogo-bankinga-v-azerbajdzhanе>.

4. Редькин О.И., Рудоквас А.Д., Тенберга И. Инвестиционные технологии исламских банков и перспективы становления беспроцентного банковского сектора в России // Правоведение. 2018. Т. 62. № 4. С. 692–713.

5. Ручкина Г.Ф., Шайдуллина В.К. Финансовые технологии в России и за рубежом: тенденции правового регулирования создания и использования // Банковское право. 2018. № 2. С. 7–17.

6. Севимов С. Исламские финансы и их применение в Азербайджане // Кавказ и глобализация. 2008. № 3. С. 17.

7. Хаванова И. Исламские (партнерские) финансы. Будни эксперимента // ЭЖ-Бухгалтер. 2024. № 5. С. 6.

References

1. Idrisov X.V. Islamskie finansovo-dogovorny`e instrumenty` v prizme e`ksperimental`nogo regulirovaniya deyatel`nosti «partnerskogo bankinga» (na primere Chechenskoj Respubliki) // Vestnik Chechenskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.A. Kady`rova. 2024. № 1(53). S. 111–123.

2. Mamedov Z., Valiev R., Faradzhogl A. Problemy` razvitiya islamskogo bankinga v Azerbajdzhanе // Rossiya i musul`manskij mir. 2013. № 3(249). S. 58–60.

3. Opredeley` shagi po vnedreniyu islamskogo bankinga v Azerbajdzhane [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://report.az/ru/finansy/opredeley-shagi-po-vnedreniyu-islamskogo-bankinga-v-azerbajdzhane>.

4. Red`kin O.I., Rudokvas A.D., Tenberga I. Investicionny`e texnologii islamskix bankov i perspektivy` stanovleniya besprocentnogo bankovskogo sektora v Rossii // Pravovedenie. 2018. T. 62. № 4. S. 692–713.

5. Ruchkina G.F., Shajdullina V.K. Finansovy`e texnologii v Rossii i za rubezhom: tendencii pravovogo regulirovaniya sozdaniya i ispol`zovaniya // Bankovskoe pravo. 2018. № 2. S. 7–17.

6. Sevimov C. Islamskie finansy` i ix primenenie v Azerbajdzhane // Kavkaz i globalizaciya. 2008. № 3. S. 17.

7. Xavanova I. Islamskie (partnerskie) finansy`. Budni e`ksperimenta // E`Zh-Buxgalter. 2024. № 5. S. 6.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья

УДК 346.6; 347.73

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_168

ЦИФРОВЫЕ ВАЛЮТЫ ЦЕНТРАЛЬНЫХ БАНКОВ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕАЭС: КОНЦЕПЦИИ, ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

БРЫКИН Константин Игоревич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева
105120, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: Статья направлена на исследование молодого феномена в юридической науке – цифровой валюты центрального банка (ЦВЦБ, или Central Bank Digital Currencies, CBDC). Автором проанализированы доклады и концепции цифровых валют стран – участниц ЕАЭС (цифровой рубль, цифровой белорусский рубль, цифровой сом, цифровой тенге, цифровой драм), выявлены тенденции использования CBDC и необходимость трансформации законодательства. С учетом доктринальных подходов, существующих в праве и экономике, отражены преимущества и риски использования CBDC. Автор приходит к выводу о необходимости проработки вопроса более глубокой экономической интеграции государств – членов ЕАЭС, в том числе создания валютного союза на базе эмиссии региональной CBDC ЕАЭС.

Ключевые слова: ЕАЭС, цифровая валюта центрального банка (ЦВЦБ), региональная валюта, цифровой рубль, цифровой белорусский рубль, цифровой сом, цифровой тенге, цифровой драм, смарт-контракт, валютный контроль

Для цитирования: Брыкин К.И. Цифровые валюты центральных банков государств – членов ЕАЭС: концепции, финансово-правовое регулирование, тенденции развития // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 168. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_168

Policy and Economy of Eurasia

Original article

DIGITAL CURRENCIES OF THE CENTRAL BANKS OF THE EAEU MEMBER STATES: CONCEPTS, FINANCIAL AND LEGAL REGULATION, DEVELOPMENT TRENDS

BRYKIN Konstantin Igorevich

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law of the Russian Named by G.B. Mirzoev
105120, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, building 1, Russian Federation

Abstract: The article is aimed at researching a phenomenon that is young in legal science – the digital currency of the central bank (Central Bank or Central Bank Digital Currencies, CBDC). The author analyzes the reports and concepts of digital currencies of the EAC member countries (digital ruble, digital Belarusian ruble, digital som, digital tenge, digital dram), identifies trends in the use of CBDC and the need to transform legislation. Taking into account the doctrinal approaches existing in law and economics, the advantages and risks of using CB DC are reflected. The author comes to the conclusion that it is necessary to work out the issue of deeper economic integration of the EAEU member states, including the creation of a monetary union based on the issuance of the regional system of the EAEU.

Keywords: EAEU, Central Bank Digital Currencies (CBDC), regional currency, digital ruble, digital belarusian ruble, digital som, digital tenge, digital dram, smart contract, currency control

For citation: Brykin K.I. Digital Currencies of the Central Banks of the EAEU Member States: Concepts, Financial and Legal Regulation, Development Trends = Eurasian advocacy. 2024;4(69):168. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_168

Ассоциация ФинТех провела исследование «3х10 трендов 2024 года» [1], целью которого стало выявление 30 ключевых трендов 2024 года, значимых для развития международного финансового рынка. Одним из ключевых мировых трендов назван «CBDC без границ». Авторы исследования под CBDC (Central Bank Digital Currencies), или ЦВЦБ (цифровая валюта центрального банка), понимают выпущенные центральным регулятором цифровые деньги центрального банка, являющиеся альтернативой ранее существовавшим средствам платежа. Такая валюта является обязательством выпустившего ее регулятора, а также законным платежным средством страны-эмитента, что позволяет использовать ее как на территории государства, так и за его пределами при оплате внешнеторговых контрактов. Указанный тренд приравнивают к «революции мировой финансовой системы», поскольку использование цифровых валют позволит обеспечить более высокую скорость совершения платежей и сократить операционные издержки. Так, например, уже в феврале 2024 г. регулятор ОАЭ осуществил первый перевод цифровых дирхамов в эквиваленте \$13,6 млн в Китай, а в рамках инициативы Project Mariana Банк международных расчетов (BIS) совместно с регуляторами Швейцарии, Сингапура и Франции исследуют вопрос возможности совершения расчетов с использованием DeFi-протоколов, т. е. технологии, которая позволяет цифровизировать совершение операций при расчетах децентрализованными валютами.

Определяя перспективы развития российского финтех в 2024 году, ассоциация ФинТех, среди прочего, выделяет в качестве отдельного направления «цифровой рубль и развитие взаимодействия с цифровыми валютами центральных банков дружественных стран».

В отечественном законодательстве под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, денежной единицей иностранного государства и (или) международной денежной или расчетной единицей, и (или) в качестве инвестиций и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных, за исключением оператора и (или) узлов информационной системы, обязанных только обеспечивать соответствие порядка выпуска этих электронных данных и осуществления в их отно-

шении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам [2].

В целях реализации подготовленной Банком России концепции цифрового рубля [3] подготовлен ряд нормативных актов, направленных на регулирование отношений, связанных с правовым статусом, эмиссией, использованием российской CBDC, а также надзором в указанной сфере (см. Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля»).

В аналитическом докладе Центробанка, связанном с вопросом цифровизации платежей и внедрения инноваций на платежном рынке, отмечаются следующие тенденции развития российской CBDC [4]:

1) масштабирование пилотного проекта (увеличение объема и количества операций, расширение возможностей платформы цифрового рубля и субъектного состава в части банков, физических и юридических лиц);

2) развитие платформенных возможностей (внедрение динамических QR-кодов, сервисов автоплатежей, подписки и B2B (переводов между юридическими лицами), смарт-контрактов, а также обеспечение неукоснительного исполнения процедур ПОД/ФТ, валютного контроля и иных требований законодательства);

3) проработка вопросов использования российской CBDC в бюджетном процессе, включая систему казначейских платежей;

4) совершенствование интерфейсов взаимодействия платформы цифрового рубля с другими платформами и инфраструктурами, в том числе с зарубежными.

А как обстоит дело с CBDC наших партнеров по ЕАЭС?

В Концепции цифрового белорусского рубля [5] одним из преимуществ цифровых валют названо расширение использования национальных валют государств – членов ЕАЭС при осуществлении расчетов во внешнеэкономической деятельности. В документе цифровой белорусский рубль определен как национальная валюта Республики Беларусь, которая эмитируется Национальным банком Республики Беларусь и учитывается на цифровых счетах участников

платформы путем отражения соответствующих записей в распределенном реестре платформы.

Риски белорусской CBDC раскрываются через следующие факторы: недостаточная производительность блокчейн-платформы, неготовность инфраструктуры финансовых и торгово-сервисных организаций, риски резкого оттока ликвидности и использования программно-аппаратного и программного комплекса, риски, связанные с легализацией доходов, полученных преступным путем, финансированием террористической деятельности и финансированием распространения оружия массового поражения, а также риски, связанные с конфиденциальностью информации в распределенном реестре, с реализацией офлайн-режима и возможностью подрыва криптографической защиты.

С точки зрения правовой квалификации и особенностей правового регулирования Республики Беларусь CBDC может быть рассмотрена как неовещественная форма денег, представленных в виде безналичных денежных средств на цифровых счетах, в отличие от безналичных денежных средств на счетах в банках. Регулятор указывает на необходимость изменений в законодательстве, поскольку операции на платформе белорусской CBDC будут представлять собой реальное движение денежных средств, а также принятия совместного решения Национального банка Республики Беларусь и центрального / национального банка страны-партнера для дальнейшего использования цифровой валюты.

Концепция цифрового сома [6] определяет цифровой сом как одну из форм национальной валюты (цифровое дополнение существующих наличных и безналичных сомов), т. е. предполагается, что CBDC объединит в себе свойства и преимущества как наличных, так и безналичных сомов.

Среди преимуществ кыргызской CBDC для государства отмечается возможность осуществления более жесткого контроля за расходованием бюджетных средств, снижение издержек на администрирование бюджетных платежей и упрощение проведения трансграничных платежей за счет интеграции в дальнейшем платформы цифрового сома с аналогичными платформами CBDC других стран.

В части законодательного регулирования внедрение кыргызской CBDC потребует внесения изменений: в гражданское законодательство путем его дополнения определением цифрового сома и установления возможности осуществления платежей с использованием цифрового сома; в бюд-

жетное законодательство – в части использования цифровых сомов в доходной и расходной частях республиканского и местных бюджетов, а также в бюджетных платежах; в банковское законодательство и законодательство о платежной системе – в части расширения функций и задач Национального банка Кыргызской Республики, определения вопросов выпуска и обращения цифрового сома, использования платежной инфраструктуры при обращении цифрового сома и др.

Национальный Банк Казахстана еще в 2021 г. представил доклад о результатах пилотного проекта «Цифровой тенге» [7], в ходе которого реализованы базовые сценарии жизненного цикла CBDC – от эмиссии и распределения до покупок и переводов с использованием ЦТ. Среди достигнутых преимуществ реализованного технологического решения выделены: токенизация права собственности, платежи в офлайн-режиме, настраиваемая анонимность, токены специального назначения и простота интеграции. По итогам проекта были подтверждены гипотезы о технологической реализуемости концепции цифрового тенге, выработаны первичная модель оценки влияния на экономику, финансовую стабильность и денежно-кредитную политику, а также возможные подходы к регулированию.

В документе «White Paper – 2023. Результаты реализации первой фазы» [7] отмечаются три группы направлений дальнейшего развития проекта:

1) бизнес-процессы (расширение числа банков второго уровня, развитие механизма социальных выплат и государственных закупок, проведение пилотного проекта по эмиссии стейблкоинов и интеграции с DeFi (Decentralized finance – децентрализованные финансы), реализация смарт-контрактов с участниками рынка, ввод в эксплуатацию механизма трансграничных расчетов, проведение пилотного проекта по офлайн-транзакциям);

2) регулирование (определение легального статуса цифрового тенге, разработка нормативно-правовой базы, определение нормативных документов для внесения изменений в рамках межинституционального взаимодействия, работа по цифровым финансовым активам);

3) технология (целевая архитектура, информационная безопасность, доработка платформы в части нефункциональных требований).

Регулятор Армении также изучает вопрос выпуска цифрового драма.

Исследуемая в рамках настоящей статьи тематика CBDC заставляет задуматься о весьма непро-

стных вопросах, связанных с денежно-кредитной политикой, финансовой устойчивостью и трансформацией мировой валютной системы в целом.

К преимуществам CBDC часто относят расширение возможностей для субъектов малого и среднего предпринимательства из развивающихся юрисдикций в части доступа к мировым рынкам, повышение прозрачности и безопасности финансовых операций за счет снижения риска мошенничества. В доктрине также справедливо отмечают, что с учетом текущей внешнеэкономической и геополитической ситуации CBDC будет способствовать защите интересов отечественной экономики и бизнеса: «Применение ЦВЦБ теоретически может помочь создать замкнутый контур для расчетов России с дружественными государствами. Возможность санкций недружественных государств против российских контрагентов может быть сокращена, так как третьи страны не смогут отключить от национальных либо международных платежных систем финансовые учреждения России и стран-партнеров, использующие системы расчетов на основе ЦВЦБ» [8]. Отмечается и «повышение эффективности государственного регулирования экономики, а также увеличение надежности и скорости функционирования национальных платежных систем и снижение их операционных рисков» [9].

С другой стороны, в юридической и экономической доктрине выделяют минусы и возможные риски использования CBDC. Так, например, указывая на риск дисбаланса международной монетарной системы [10], доктор юридических наук, член-корреспондент РАН А.В. Габов отмечает риск позиционирования платформы цифрового рубля как «замены существующей банковской системы, что при определенных условиях может иметь негативные последствия для экономики» [11]. Экономисты выделяют следующие риски CBDC: киберустойчивости CBDC, безопасности и угрозы, связанные с проблемами фондирования кредитных организаций, удорожания и сокращения их балансов, порождаемыми в ходе выполнения кассовых операций банков, риск паритета покупательной способности (*purchasing power parity*), системные риски (диспропорции на глобальном и национальном уровнях), кредитные риски и риски ликвидности, риски понижения доступности наличных денег, денежно-кредитной политики, а процесс дезинтермедиации может породить риски дебанкоризации финансового рынка [12].

Подводя итог, стоит указать на неизбежную цифровизацию всех сфер общества, включая

финансово-расчетную инфраструктуру, используемую публично-правовыми образованиями, организациями и гражданами. При проведении пилотных проектов и дальнейшей эксплуатации CBDC необходимо помнить не только о положительных аспектах цифровых валют, но и о рисках (необходимости обеспечения финансовой устойчивости государства, сбалансированности банковской и бюджетной систем, информационно-технологической безопасности и др.). Как справедливо отмечает профессор Ю.А. Крохина, «определение юридической идентификации цифровой валюты критически необходимо для преодоления беспочвенных санкционных ограничений недружественных юрисдикций» [13]. С учетом западных рестрикций представляется перспективным возвращение к вопросу более глубокой экономической интеграции государств – членов ЕАЭС, в том числе создание валютного союза на базе эмиссии региональной CBDC ЕАЭС.

Список источников

1. Международное исследование «3x10 трендов 2024 года» / Пресс-центр ФинТех [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fintechru.org/analytics/issledovanie-3kh10-trendov-na-2024-goda/>.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31. Ч. I. Ст. 5018.
3. Концепция цифрового рубля [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.
4. Цифровизация платежей и внедрение инноваций на платежном рынке [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/161600/analytical_report_20240605.pdf.
5. Концепция цифрового белорусского рубля [Электронный ресурс]. URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble/concept.pdf.
6. Концепция цифрового сома [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nbkr.kg/printver.jsp?item=2685&lang=RUS&material=108460>.
7. Цифровой тенге / Национальный Банк Казахстана [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/page/Digital-Tenge>.
8. Капустин Н.А., Пичков О.Б. Трансграничное применение цифровых валют центральных банков: возможности для России // Экономика, предпринимательство и право. 2024. Т. 14. № 2. С. 582.
9. Ваганова О.В., Сидибеев М., Прядко Е.А. Исследование и анализ цифровых валют центральных банков (CBDC) // Экономика. Информатика. 2022. Т. 49. № 3. С. 543.
10. Юзефальчик И. Цифровые валюты центральных банков: подходы к внедрению и роль в финансовой системе // Банковский вестник. 2019. № 11(676). С. 33.

11. Габов А.В. Цифровой рубль центрального банка как объект гражданских прав // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4. С. 64.

12. Шакер И.Е. Анализ рисков цифровой валюты центрального банка в новой финансовой экосистеме // Банковские услуги. 2018. № 11. С. 9–19.

13. Крохина Ю.А. Налогообложение цифровой валюты: баланс частных и публичных интересов в условиях санкционного режима // Мониторинг правоприменения. 2022. № 3(44). С. 6.

References

1. Mezhdunarodnoe issledovanie «3x10 trendov 2024 goda» / Press-centr FinTex [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.fintechru.org/analytics/issledovanie-3kh10-trendov-na-2024-goda/>.

2. Federal`ny`j zakon ot 31.07.2020 № 259-FZ «O cifrovyy`x finansovy`x aktivax, cifrovoj valyute i o vnesenii izmenenij v ot del`ny`e zakonodatel`ny`e akty` Rossijskoj Federacii» // SZ RF. 2020. № 31.Ch. I. St. 5018.

3. Konceptiya cifrovogo rublya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf.

4. Cifrovizaciya platezhej i vnedrenie innovacij na platezhnom ry`nke [E`lektronny`j resurs]. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/161600/analytical_report_20240605.pdf.

5. Konceptiya cifrovogo belorusskogo rublya [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.nbrb.by/payment/digital_ruble/concept.pdf.

6. Konceptiya cifrovogo soma [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.nbkr.kg/printver.jsp?item=2685&lang=RUS&material=108460>.

7. Cifrovoy tenge / Nacional`ny`j Bank Kazaxstana [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.nationalbank.kz/ru/page/Digital-Tenge>.

8. Kapustin N.A., Pichkov O.B. Transgranichnoe primeneniye cifrovyy`x valyut central`ny`x bankov: vozmozhnosti dlya Rossii // E`konomika, predprinimatel`stvo i pravo. 2024. T. 14. № 2. S. 582.

9. Vaganova O.V., Sidibe M., Pryadko E.A. Issledovanie i analiz cifrovyy`x valyut central`ny`x bankov (CBDC) // E`konomika. Informatika. 2022. T. 49. № 3. S. 543.

10. Yuzefal`chik I. Cifrovyy`e valyuty` central`ny`x bankov: podxody` k vnedreniyu i rol` v finansovoj sisteme // Bankovskij vestnik. 2019. № 11(676). S. 33.

11. Gabov A.V. Cifrovoy rubl` central`nogo banka kak ob`ekt grazhdanskix prav // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2021. T. 16. № 4. S. 64.

12. Shaker I.E. Analiz riskov cifrovoj valyuty` central`nogo banka v novej finansovoj e`kosisteme // Bankovskie uslugi. 2018. № 11. S. 9–19.

13. Kroxina Yu.A. Nalogooblozheniye cifrovoj valyuty`: balans chastny`x i publiczny`x interesov v usloviyax sankcionnogo rezhima // Monitoring pravoprimereniya. 2022. № 3(44). S. 6.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024; одобрена после рецензирования 16.06.2024; принята к публикации 15.06.2024.

The article was submitted 11.06.2024; approved after reviewing 16.06.2024; accepted for publication 16.06.2024.

Научная статья
УДК 340.13
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_173

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ «ЗЕЛЕННОГО КАМУФЛЯЖА» В МАРКЕТИНГЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

СОЛДАТОВА Наталья Федоровна

Кандидат экономических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: Распространение мирового тренда ответственного потребления на российскую почву обеспечило повышение стандартов ведения бизнеса для части российских компаний. Рост количества потребителей, сознательно отказывающихся от товаров (услуг), оказывающих негативное влияние на окружающую среду, заставил часть компаний интенсивно применять маркетинговый инструмент «greenwashing».

Ключевые слова: ответственное потребление, «зеленый камуфляж», репутационные риски, обман потребителя, законодательное регулирование

Для цитирования: Солдатова Н.Ф. Практика применения технологии «зеленого камуфляжа» в маркетинге и защита прав потребителей // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 173. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_173

Policy and Economy of Eurasia

Original article

THE PRACTICE OF USING «GREEN CAMOUFLAGE» TECHNOLOGY IN MARKETING AND CONSUMER PROTECTION

SOLDATOVA Natalya Fedorovna

Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Financial University under the Government of the Russian Federation
125167, Moscow, Leningradsky pr., 49, Russian Federation

Abstract: The spread of the global trend of responsible consumption to the Russian soil has ensured an increase in business standards for some Russian companies. The growing number of consumers who consciously refuse goods (services) that have a negative impact on the environment has forced some companies to intensively use the marketing tool «greenwashing».

Keywords: responsible consumption, «green camouflage», reputational risks, consumer deception, legislative regulation

For citation: Soldatova N.F. The Practice of Using «Green Camouflage» Technology in Marketing and Consumer Protection = Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):173. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_173

За последние несколько лет на отечественных рынках сформировалась новая категория потребителей, называемых «ответственными», которые демонстрируют более экологически ответственное потребление, более этичное по отношению к окружающей среде, обществу. Все более усиливающаяся озабоченность российского сообщества относительно экологических вызовов отражается на образе жизни потребителей. Одним из проявлений активной позиции стал тренд на развитие и расширение категории покупателей, предпочи-

тающих приобретать экологически безопасную и полезную продукцию, несмотря на более высокие цены, – «люди LOHAS» («Lifestyles of Health and Sustainability»).

Рынок LOHAS, по оценке российских экспертов, представляет собой быстрорастущий рынок товаров и услуг, ориентированный на потребителей, ведущих здоровый образ жизни и мониторящих свое личное влияние на окружающую среду. Для этой категории потребителей чувства экологической и социальной ответственности яв-

ляются определяющими в принятии решения о покупке товаров и оплате услуг. Как правило, такая категория потребителей, занимающих активную экологическую и социальную позицию, активно влияет на других потребителей в части заботы о природе и окружающей среде. Природа роста данной категории потребителей обусловлена развитием следующих взаимообусловленных и связанных процессов:

- растет количество покупателей, заботящихся о своем личном здоровье и самочувствии, а также о состоянии окружающей среды в районе проживания индивида;

- каждый потребитель, ориентированный на экопродукт (услугу), постепенно эволюционирует, расширяя спектр товаров (услуг), к которым он применяет критерии безопасности и этичности, постепенно увеличивая объемы покупок и ассортимент, меняя таким образом привычки и образ жизни;

- увеличивается количество российских компаний, которые внедряют экологические и социальные стандарты в управленческие процессы, а не только в производство экологических товаров (услуг) [5].

Как показали результаты маркетингового исследования, проведенного компанией «Dentsu International» в 2021 году, компании, не реализующие стратегию, ориентированную на экологическую устойчивость, обязательно столкнутся с негативными отзывами потребителей в ближайшие несколько лет. Таким образом, спрос на товары, производимые экологически устойчивым способом и применяемые потребителем без ущерба для окружающей среды, будет неуклонно расти, а продажа экологических товаров становится крайне привлекательной для бизнеса. Современные маркетологи во всем мире применяют популярный экологический подход в бизнесе, включая экологические аспекты в бизнес-процессы компании, а часть компаний предпочитает применять относительно новый маркетинговый инструмент, который называется «зеленый камуфляж», или «greenwashing». Такое специфичное название, несомненно, имеет негативный оттенок, за которым, возможно, стоит обман потребителя.

«Зеленый камуфляж» представляет собой маркетинговый инструмент, применение которого позволяет создать «образ» экологически ответственной компании. Этот инструмент компании используют для продвижения своей продукции на рынке или поддержания имиджа экологически ориентированной компании и наращивании продаж. Greenwashing – это вид маркетинга, в

котором активно применяется «зеленый» PR, а также методы, задачей которых является ввести в заблуждение потребителей относительно экологичности продукта. Такой вид маркетинга, как правило, применяют сомнительные компании, особенно после пандемии COVID-2019, когда забота о здоровье стала одной из серьезных потребностей россиян, поэтому резко возрастает спрос на продукцию с терминами «органический», «без добавок», «натуральный» и т. д. [1].

«Зеленый» PR – это инструмент, направленный на продвижение идеи социальной ответственности компаний и индивидуальных предпринимателей в сфере охраны окружающей среды. Этот инструмент формируется с приходом и развитием «зеленого» движения в мире, целью которого считается сведение к минимуму негативного воздействия на окружающий мир. Одни компании, например такие как ПАО «СБЕРБАНК», считают, что внедрение концепции ответственного потребления является частью жизненного цикла продукта компании. При реализации плана Устойчивого развития и роста качества жизни потребителей ПАО «СБЕРБАНК» активно масштабирует бизнес при одновременном снижении негативного воздействия на природу и общество. Компания внедрила в практику хозяйственной деятельности раздельный сбор мусора, резко сократила расходы на бумагу в бизнес-процессах, так как выстраивает цифровые экосистемы с партнерами. Примеров такого ответственного бизнеса среди российских компаний немало.

Другая группа компаний использует целый спектр маркетинговых инструментов для создания позитивного экоимиджа, реально не затратив усилий для снижения негативного воздействия на окружающую среду. Так, например компания Volkswagen громко заявила о выпуске инновационной модели с «чистым дизелем», у которой практически отсутствуют выбросы в окружающую среду. Позже разразился скандал: выяснилось, что измерение занижало реальные показатели выбросов. Все больше и больше российских производителей товаров и услуг используют новые триггеры в поведении потребителей, в частности их установки на охрану окружающей среды и защиту социальных прав членов общества, цепляют к товару зеленые бирки, ярлыки, рисуют зеленые ветки или листья, создавая экофейк.

Сложная ситуация будет сохраняться до 1 сентября 2024 года: в действующем ФЗ «Об экологической продукции» не дана правовая трактовка терминов «эко», «био» применительно к продукту. Это может способствовать нарушению прав

потребителей, а именно введению в заблуждение относительно состава продукта. Федеральный закон от 24.07.2023 № 367-ФЗ «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» предполагает исправить данную ситуацию и разрешает использовать при маркировке органической продукции слова «органический», «биодинамический», «биологический», «экологический», «экологически чистый», «зеленый», «эко», «био» [4].

В зарубежной практике «greenwashing» рассматривается только как экологическое позиционирование компании [6].

В Европейском союзе за ложную экомаркировку продукции предусматривается административное наказание, как правило, штраф. Несмотря на серьезную юридическую ответственность за рубежом, объем «greenwashing» растет. Европейская комиссия совместно с национальными организациями по защите прав потребителей опубликовала ежегодный доклад о нарушениях закона ЕС о защите прав потребителей. Ежегодная проверка потребительских веб-сайтов свидетельствует о росте ложных утверждений об экологичности различных потребительских товаров (более чем на 42 % рассмотренных сайтов) [2].

Помимо судебных разбирательств, с которыми сталкиваются компании из-за чрезмерного применения инструмента «greenwashing», компания может потерять часть выручки и прибыли в связи с активной позицией нового поколения потребителей, а именно игнорированием брендов, не выполняющих своих экологических обязательств. Суть маркетингового инструмента «greenwashing» состоит в том, что формируется экологический образ компании, некие «намекы» на экологические преимущества, которые детально не раскрываются. Такие эко-обещания не являются конкретными, и такие бренды не пройдут проверку у потребителя.

Российские ритейлеры, особенно в крупных мегаполисах, предоставляют места на своих прилавках товарам с наклейками «био- или «экопродукты». Но нельзя с полной уверенностью подтвердить, что такая продукция действительно является экологичной. Так, по словам члена общественного Совета при Министерстве сельского хозяйства РФ Сергея Коршунова, около 90 % такой российской продукции – это экофейк.

Практика российских маркетологов свидетельствует о том, что «greenwashing» можно применять для решения различных задач; соот-

ветственно, оценивать данный инструмент нельзя однозначно – только с позиции продвижения «уникального» товара и получения прибыли.

О.В. Кожевина в своей работе отмечает, что «greenwashing» применяется во всем мире как инструмент недобросовестной конкуренции, ограничивающий интеллектуальную собственность, и строится на неразвитости рынка экологичной и органической продукции в Российской Федерации [3]. В Российской Федерации ответственность за применение инструмента «greenwashing» рассмотрена в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях (статья 14.7 «Обман потребителей»): введение в заблуждение в части потребительских свойств товара влечет за собой административный штраф в размере: для граждан – от трех до пяти тысяч рублей, должностных лиц – от двенадцати до двадцати тысяч рублей и юридических лиц – от ста до пятисот тысяч рублей.

Председатель Национального союза защиты прав потребителей Павел Шапкин отметил, что, по результатам исследования общественного союза, около 80 % всех нарушений обусловлены неправильным информированием потребителя о цене товара, искажением характеристик продукта или услуги.

Пресс-служба Роспотребнадзора сообщает, что в 2023 году было подано более 10 тысяч исков в защиту прав потребителей, и присуждено потребителям около 3,2 млрд руб. возмещений, что на 140 % больше, чем в 2022 году. В компетенцию Роспотребнадзора входит контроль за качеством товаров и услуг и надзор за соблюдением законодательства в части правоотношений с потребителем [7].

Всемирная организация потребителей декларирует основные права: право на информацию, на безопасность, на осознанный выбор, право быть услышанным, право на возмещение ущерба, потребительское образование, удовлетворение базовых потребностей, а также право на здоровую окружающую среду [8].

Подводя итог исследованию использования российскими компаниями маркетингового инструмента «greenwashing», следует отметить следующее: чтобы снизить негативные последствия от его применения для потребителей в части искажения информации об качествах продукта (услуги) или об экологической ориентированности компании-производителя, необходимо заниматься экологическим просвещением российских потребителей, создавать экологическую культуру в обществе.

Рост числа ответственных потребителей и развитие предложений дифференцирующих продуктов (услуг) за счет учета новых требований создают новые возможности для роста и масштабирования бизнеса, но и формируют новые риски. Увеличивается количество отечественных компаний, которые пересматривают состав продукта в сторону полезного для клиента или менее вредного для окружающей среды, совершенствуется упаковочное производство, осуществляется переход на перерабатываемую упаковку, перевод цикла утилизации товара с потребителя на производителя, получение соответствующей сертификации и повышение узнаваемости среди потребителей.

Постепенный рост конкуренции среди компаний, предлагающих безопасную и экологичную продукцию, увеличивает риски, но рост ответственных потребителей и развитие потребностей в таких продуктах (услугах) снижают репутационные риски по сравнению с традиционными компаниями. Те компании, которые сфокусированы не на трансформации своих бизнес-процессов в части ответственного производства, а на применении «greenwashing», наоборот, увеличивают репутационные риски со всеми вытекающими экономическими последствиями.

Российская практика подтверждает, что ожидания ответственных потребителей в условиях жесточайших экономических санкций стали катализатором для повышения стандартов ведения бизнеса отечественными товаропроизводителями и внедрения программ устойчивого развития.

Конечно, в России существуют причины, тормозящие развитие ответственного потребления, в том числе неразвитость регулирования ответственного потребления, низкий уровень информированности населения, особенно проживающего в сельской местности, которые создают разрыв между потенциальной готовностью приобретать экологичный и полезный продукт и фактическим потреблением.

Список источников

1. Абросимова Ю.А., Быкова К.В., Бобрешова И.В. Экологический маркетинг: осуществление «зеленых» стратегий или гринвошинг // Экономика устойчивого развития. 2021. № 4. С. 240–243.
2. Воронина Н.П. Гринвошинг: правовой механизм противодействия // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 3. С. 28–36.
3. Кожевина О.В. Проблемы гринвошинга и недобросовестной коммерческой практики субъектов

предпринимательства в условиях зеленой экономики // Конкурентное право. 2022. № 4. С. 12–15.

4. Кротов А.С. Юридическая ответственность за ложную эко-маркировку в России и зарубежных странах // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 1. С. 159–164.

5. Устюкова В.В. Производство органической продукции и продукции с улучшенными характеристиками: сходство и различия в правовом регулировании // Сельское хозяйство. 2022. № 4. С. 17–25.

6. Финогентова А.В. К понятию гринвошинга // Здоровая окружающая среда – основа безопасности регионов: материалы Первого Международного экологического форума в Рязани. Рязань, 2017. С. 366.

7. Более 10 тыс. исков в защиту прав потребителей было подано в суд Роспотребнадзором за 2023 год // Агентство городских новостей. Москва [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3368523?ysclid=lxw2sh9xu636494045>.

8. <https://www.mskagency.ru/materials/3368523>.

References

1. Abrosimova Yu.A., By`kova K.V., Bobreshova I.V. E`kologicheskij marketing: osushhestvlenie «zeleny`x» strategij ili grinvoshing // E`konomika ustojchivogo razvitiya. 2021. № 4. S. 240–243.

2. Voronina N.P. Grinvoshing: pravovoj mexanizm protivodejstviya // Vestnik universiteta imeni O.E. Kutfina. 2023. № 3. S. 28–36.

3. Kozhevina O.V. Problemy` grinvoshinga i nedobrovestnoj kommercheskoj praktiki sub``ektov predprinimatel`stva v usloviyax zelenoj e`konomiki // Konkurentnoe pravo. 2022. № 4. S. 12–15.

4. Krotov A.S. Yuridicheskaya otvetstvennost` za lozhnuyu e`ko-markirovku v Rossii i zarubezhny`x stranax // Gumanitarny`e i yuridicheskie issledovaniya. 2018. № 1. S. 159–164.

5. Ustyukova V.V. Proizvodstvo organicheskoy produkcii i produkcii s uluchshenny`mi karakteristikami: sxodstvo i razlichiya v pravovom regulirovanii // Sel`skoe xozyajstvo. 2022. № 4. S. 17–25.

6. Finogentova A.V. K ponyatiyu grinvoshinga // Zdorovaya okruzhayushhaya sreda – osnova bezopasnosti regionov: materialy` Pervogo Mezhdunarodnogo e`kologicheskogo foruma v Ryazani. Ryazan`, 2017. S. 366.

7. Bolee 10 ty`s. iskov v zashhitu prav potrebitelej by`lo podano v sud Rospotrebnadzorom za 2023 god // Agentstvo gorodskix novostej. Moskva [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.mskagency.ru/materials/3368523?ysclid=lxw2sh9xu636494045>.

8. <https://www.mskagency.ru/materials/3368523>.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья
УДК 339.52
doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_177

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ НЕСЫРЬЕВОГО НЕЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ЭКСПОРТА РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ¹

УСТИНОВА Ольга Евгеньевна

Кандидат экономических наук, доцент кафедры стратегического и инновационного развития факультета «Высшая школа управления» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации 125993, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49, Российская Федерация

Аннотация: Развитие экспортной деятельности является одним из приоритетов государственной экономической политики. При этом высокий экспортный потенциал выступает в качестве ключевого элемента устойчивого долгосрочного экономического роста, одним из источников которого является несырьевой неэнергетический экспорт. В статье рассматриваются особенности роста благосостояния страны за счет сырьевого экспорта и его влияния на другие сектора экономики. Приводятся анализ состояния несырьевого неэнергетического экспорта под влиянием внешнего санкционного давления и меры, направленные на поддержку российских предпринимателей при выходе на зарубежные рынки.

Ключевые слова: несырьевой неэнергетический экспорт, предпринимательство, государственная поддержка, внешний рынок

Для цитирования: Устинова О.Е. Особенности развития несырьевого неэнергетического экспорта российских предпринимателей // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 177. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_177

Original article

PECULIARITIES OF DEVELOPMENT OF NON-RESOURCE EXPORTS OF RUSSIAN ENTREPRENEURS

USTINOVA Olga Evgenievna

Candidate of Economical Sciences, Associate Professor of the Management and Innovation Department of Faculty of Higher School of Management of Financial University under the Government of the Russian Federation 125993, Moscow, Leningradsky pr., 49, Russian Federation

Abstract: The development of export activity is one of the priorities of the state economic policy. At the same time, high export potential acts as a key element of sustainable long-term economic growth, one of the sources of which is non-resource non-energy exports. The article considers the peculiarities of the country's welfare growth at the expense of raw material exports and its impact on other sectors of the economy. The article analyses the state of non-resource non-energy exports under the influence of external sanctions pressure and measures aimed at supporting Russian entrepreneurs to enter foreign markets.

Keywords: non-resource non-energy exports, entrepreneurship, state support, foreign market

For citation: Ustinova O.E. Peculiarities of Development of Non-Resource Exports of Russian Entrepreneurs = Eurasian advocacy. 2024;4(69):177. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_177

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Во многих странах экспорт является важным источником ВВП, а также решающим фактором эффективности ценообразования и распределения ресурсов в наиболее экспортёмких секторах. Высокий экспортный потенциал является ключевым элементом устойчивого долгосрочного экономического роста. В этой связи важное значение имеет исследование текущего состояния российского несырьевого неэнергетического экспорта, проблем, вызванных внешним санкционным давлением на российских предпринимателей, и мер государственной поддержки экспортного развития. Методологическую основу исследования составили модели интернационализации, формы международной предпринимательской деятельности. В работе использованы сравнительный и статистические методы, позволившие сформулировать выводы и выявить проблемы, связанные с выходом российских предпринимателей на внешние рынки, и обозначить меры поддержки российского экспорта.

В 2022 году макроэкономическим трендом в России стало укрепление национальной валюты с незначительными колебаниями в течение длительного периода. Данная ситуация напомнила состояние экономики Нидерландов 1970-х годов прошлого столетия. Феномен голландской болезни впервые был замечен, когда Нидерланды обнаружили и начали разрабатывать запасы природного газа. Этот внезапный рост благосостояния страны привел к потере в других секторах экономики, при этом экономический капитал страны неуклонно падал, безработица снизилась с 1,1 до 5,1 %, а первоначальные экспортные рынки столкнулись с менее конкурентоспособной позицией на мировом рынке [8]. Эта парадигма позднее наблюдалась во многих других развитых странах с аналогичными добывающими секторами, включая британскую и канадскую экономики. Это явление наблюдалось и во многих развивающихся странах, а также при открытиях месторождений нефтяных и других природных ресурсов, которые стимулировались различной степенью экономических недостатков. Некоторые примечательные примеры касаются Венесуэлы, Тринидада и Тобаго, Нигерии, Пакистана и Филиппин [13].

С экономической точки зрения, термин «голландская болезнь» относится к неблагоприятным последствиям роста внутренней валюты страны из-за быстрого экономического развития ресурсов из невозобновляемого сектора, а также снижения возобновляемых ресурсов из других секторов [6]. Основные последствия «голландской болезни», описанные в литературе, приводят к значитель-

ному увеличению импорта при падении конкурентоспособного экспорта. Это парадоксальное явление влечет за собой резкое негативное воздействие на экономику из-за положительного роста иностранной валюты и бурно развивающейся промышленности [11].

Богатство природных ресурсов многих развивающихся стран доминирует на экспортном рынке страны на основе сравнительных преимуществ. Однако это может привести к самоуспокоенности страны и ее диверсификации за пределы рынка экспорта природных ресурсов. Кроме того, развивающиеся страны часто экспортируют первичные природные ресурсы с очень небольшой добавленной стоимостью, а затем импортируют более дорогостоящие промышленные товары, что влияет на их торговый и платежный баланс. Таким образом, рыночная структура, основанная на экспорте природных ресурсов, а также фискальная и монетарная политика, лежащая в основе этой структуры, могут усугубить последствия «голландской болезни», особенно если в стране наблюдается ресурсный бум [6].

Традиционно считалось, что структура экспорта стран зависит от относительной обеспеченности факторами, что приводило к состоянию, когда более развитые страны специализировались на производстве более технологичных товаров, в то время как менее развитые страны специализировались на более ресурсоемких и трудоемких товарах. В этой связи важной составляющей экономики является развитие несырьевого неэнергетического экспорта. Кроме того, из-за введенных санкционных ограничений в отношении российских компаний требуется корректировка соотношений импорта и экспорта.

Высокие технологии стали неотъемлемой частью промышленности развитых стран за последние 20 лет, когда на смену индустриальному пришло информационное общество. Несмотря на различные проявления экономических кризисов, современные потребители нацелены на приобретение новых цифровых технологий, которые позволили бы им чувствовать себя комфортно в быту и бизнес-среде. Высокотехнологичные решения также позволяют развивать критически важные отрасли жизнедеятельности, например медицину, и обеспечивать функционирование сложных производств, которые вносят вклад в национальный ВВП (в том числе за счет экспорта).

За счет доступа к капиталу и НИОКР развитые страны достигают более высоких показателей экспорта высокотехнологичной продукции. Средний показатель за 2022 год по 138 странам

составил 21021,81 млн долларов США. На рисунке 1 представлен рейтинг топ-10 стран по экспорту высокотехнологичной продукции за период с 2007 по 2022 г. Среднее значение высокотехнологичного экспорта для Китая за данный промежуток времени составило 614 243 млн долл. США, наивысшее его значение пришлось на 2021 год – 342 574 млн долл. США. В 2022 году данный показатель снизился до 769 699 млн долл. США. Для сравнения, среднее значение мирового показателя экспорта достигает всего лишь 21 022 млн долл.

США [10]. На втором месте в рейтинге находится Германия, выручка от экспорта которой составила 197 272 млн долл. США. Третье место занимает Гонконг со значением экспортных операций высокотехнологичной продукции в размере 120 338 млн долл. США. Замыкают первую четверку США, экспорт которых составил 173 106 млн долл. США. К сожалению, сведений по экспорту высокотехнологичной продукции Российской Федерации на данном информационном ресурсе не представлено.

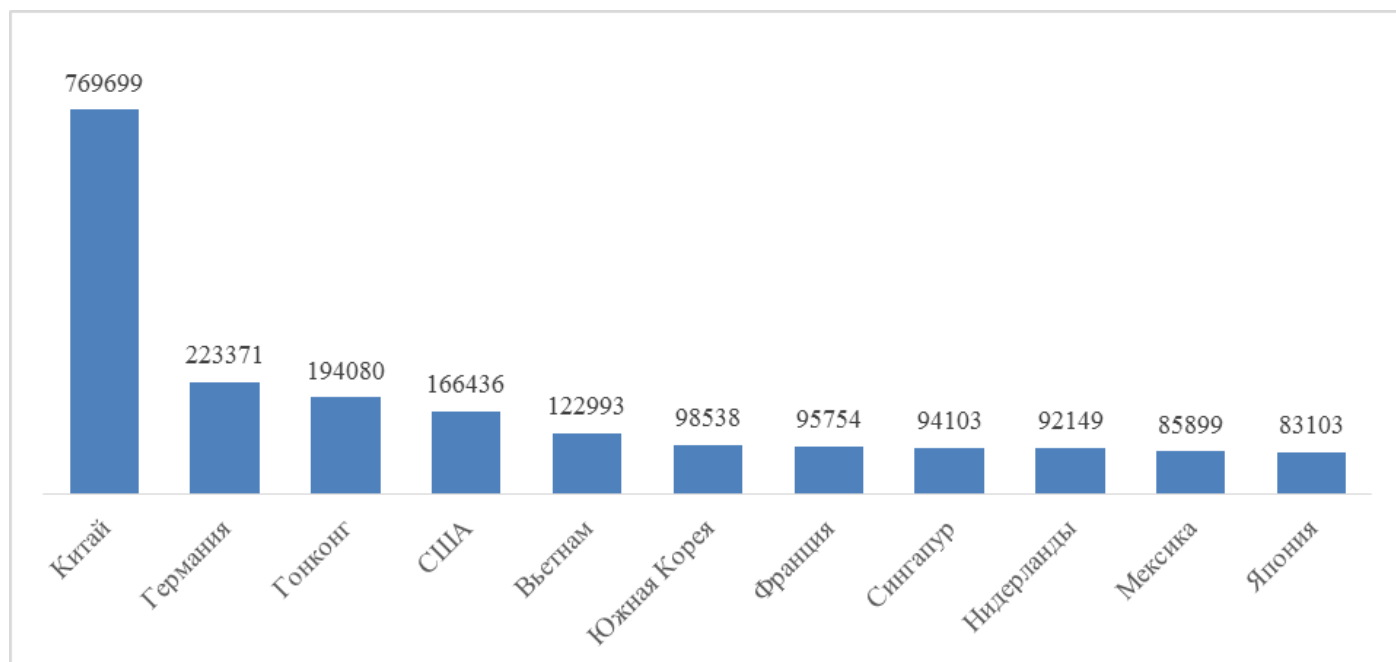

Рисунок 1. Рейтинг стран по экспорту высоких технологий за период с 2007 по 2022 г., млн долларов США (составлено автором на основе данных GlobalEconomy [10])

Вместе с тем следует отметить, что доля высокотехнологичных товаров в общем объеме российского экспорта неуклонно росла с небольшими колебаниями, начиная с 2014 г., и в 2020 г. экспорт практически удвоился (рис. 2).

Проведенные исследования деятельности компаний ряда стран, включая Россию, свидетельствуют о большей эффективности тех, кто ориентирован не только на внутренний, но и на внешние рынки. Данное обстоятельство объясняется тем, что предприниматели, выпускающие продукцию для зарубежных рынков, больше интегрированы в глобальные цепочки добавленной стоимости, используют импортное сырье, материалы и оборудование [7, 9, 12]. Одной из ключевых целей национального проекта «Международная кооперация и экспорт» выступает увеличение объема несырьевого неэнергетического экспорта к концу 2024 года до 250 млрд долларов [4]. Проектом предусмотрены меры, включающие в себя устранение негативных факторов, препятствующих

расширению объема экспортных поставок. К ним следует также отнести модернизацию товаропроизводящей инфраструктуры, в том числе рост пропускной способности транспортных магистралей, создание экспортно-ориентированных распределительных центров. Для обеспечения доступа к целевым рынкам следует разработать комплекс мер по преодолению торговых барьеров. Кроме того, потребуется создание системы продвижения и позиционирования российской продукции на внешних рынках под зонтичными брендами. При этом важно подчеркнуть наличие рисков, связанных с реализацией данного проекта, одним из которых выступает возможность прекращения поставок импортной техники, оборудования и необходимых материалов.

Стоит отметить, что несырьевой неэнергетический экспорт России в 2023 году сократился на 23 % по сравнению с предыдущим годом – до 46,3 млрд долл. Экспорт в 2021 году составил 194,2 млрд долл., в 2022 году – 190,4 млрд [2]. Как

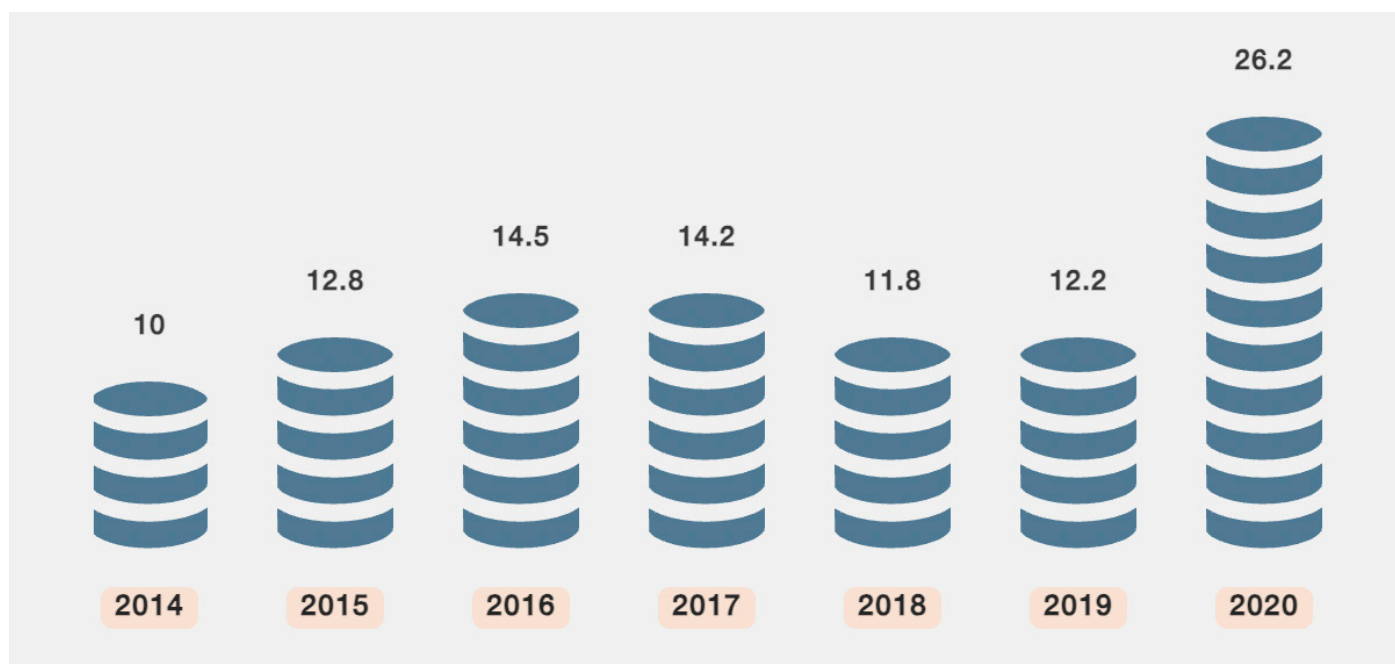

Рисунок 2. Доля высокотехнологичных товаров в общем объеме российского экспорта, % [3]

отметил бывший вице-премьер и министр промышленности и торговли Денис Мантуров, «Основной вклад (в 2021 году) внесли металлургия, химическая отрасль и машиностроение. Таким образом, промышленность в сочетании с агропромышленным комплексом начали процессы структурной трансформации экспортных доходов России. В 2014 году доля несырьевого неэнергетического экспорта в общем объеме поставок в другие страны составила 28 %, тогда как сейчас она составляет 35 %» [2]. Отметим влияние внешних факторов на объемы поставок на зарубежные рынки. Вместе с тем происходит перенаправление экспортных потоков в Азию, Африку, Латинскую Америку и на Ближний Восток.

Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) и АНО «Национальные приоритеты» представили итоги опросов, связанных с обсуждением перечня мер господдержки для компаний, которые выходят на зарубежные рынки. Анализ результатов исследования позволил определить основные направления государственной поддержки российских предпринимателей, среди которых: увеличение присутствия российских компаний за рубежом за счёт развития портовой инфраструктуры; создание транспортно-логистических центров и промышленных площадок; формирование механизма субсидирования пробных поставок партий товаров на новые рынки; частичная компенсация расходов, связанных с выходом высокотехнологичной продукции на зарубежные рынки; сертификация Российского экспортного центра (РЭЦ) по программе «Сделано в России» и др. Кроме того, системные меры

развития международной кооперации и экспорта включают разработку комплексной цифровой экосистемы поддержки «Одно окно» на базе РЭЦ [1].

Важным инструментом повышения конкурентоспособности российских предпринимателей является соглашение о реализации корпоративных программ повышения конкурентоспособности за счёт получения доступа к определённым механизмам льготного кредитования на увеличенные объемы производства и реализации продукции. При этом экспертное сообщество выделило ряд потенциально неблагоприятных для экспортёров условий, среди которых временные ограничения, когда производитель, получивший соответствующее финансирование на организацию экспортно-ориентированного производства, должен начать экспортировать продукцию в определённый срок. Более того, российским предпринимателям довольно непросто выполнить условия соглашения о реализации, согласно которому не менее 30 % ежегодного объема выручки должно приходиться на экспортируемую продукцию.

Учитывая сложившиеся внутренние ограничения и внешнее санкционное давление, меры государственной поддержки призваны открыть возможности развития несырьевого неэнергетического экспорта для отечественных предпринимателей. Усиление диверсификации экспортной корзины при активности власти и бизнеса позволит рассчитывать на то, что Россия в скором будущем сможет стать заметным поставщиком товаров в мире за счет системы реализации существующих экспортных возможностей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Национальные проекты [Электронный ресурс]. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/eksport/podderzhka_eksporterov.
2. Российское информационное агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.com/economy/1746119>.
3. Научно-технологическое развитие Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--m1agf.xn--p1ai/indicators-and-ratings/indicator/cube43/>.
4. РБК: Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2024/6662f90e9a79476d072ff90a>.
5. Behzadan N., Chisik R., Onder H., Battaile B. Does inequality drive the Dutch disease? // Theory and evidence. Journal of International Economics. 2017. 106. P. 104–118.
6. Bjørnland H.C., Thorsrud L.A., Torvik R. Dutch disease dynamics reconsidered // European Economic Review. 2019. 119. P. 411–433.
7. Bernard A.B., Jensen J.B., Redding S.J., Schott P.K. Firms in International Trade // Journal of Economic Perspectives. 2007. Vol. 21(3). P. 105–30.
8. Chen K., Lee D. Commodity currency reactions and the Dutch disease: The role of capital controls. 2020, July.
9. Goldberg P.K., Khandelwal A.K., Pavcnik N., Topalova P. Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India. Quarterly Journal of Economics. 2010.
10. Global Economy [Электронный ресурс]. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/High_tech_exports/.
11. Mien E., Goujon M. 40 years of dutch disease literature: lessons for developing countries // Comparative Economic Studies. 2021. № 12. P. 1–33 [Электронный ресурс]. URL: <https://ezpro.fa.ru:2117/10.1057/s41294-021-00177-w>.
12. Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N. Import Dependence and Its Substitution in the Russian Manufacturing: Business Viewpoint // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. № 4. P. 25–45.
13. Wenner M., Bollers E., Hosein R. The dutch disease phenomenon and lessons for guyana: trinidad and tobago's experience. Technical Note IDB-TN-1470, inter-american development bank. 2018.

References

1. Nacional'ny'e proekty` [E`lektronny`j resurs]. URL: https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/eksport/podderzhka_eksporterov.

2. Rossijskoe informacionnoe agentstvo [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://tass.com/economy/1746119>.
3. Nauchno-texnologicheskoe razvitie Rossijskoj Federacii [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://xn--m1agf.xn--p1ai/indicators-and-ratings/indicator/cube43/>.
4. RBK: Oficial'ny`j sajt [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/07/06/2024/6662f90e9a79476d072ff90a>.
5. Behzadan N., Chisik R., Onder H., Battaile B. Does inequality drive the Dutch disease? // Theory and evidence. Journal of International Economics. 2017. 106. R. 104–118.
6. Bjørnland H.C., Thorsrud L.A., Torvik R. Dutch disease dynamics reconsidered // European Economic Review. 2019. 119. R. 411–433.
7. Bernard A.B., Jensen J.B., Redding S.J., Schott P.K. Firms in International Trade // Journal of Economic Perspectives. 2007. Vol. 21(3). R. 105–30.
8. Chen K., Lee D. Commodity currency reactions and the Dutch disease: The role of capital controls. 2020, July.
9. Goldberg P.K., Khandelwal A.K., Pavcnik N., Topalova P. Imported Intermediate Inputs and Domestic Product Growth: Evidence from India. Quarterly Journal of Economics. 2010.
10. Global Economy [E`lektronny`j resurs]. URL: https://www.theglobaleconomy.com/rankings/High_tech_exports/.
11. Mien E., Goujon M. 40 years of dutch disease literature: lessons for developing countries // Comparative Economic Studies. 2021. № 12. R. 1–33 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://ezpro.fa.ru:2117/10.1057/s41294-021-00177-w>.
12. Simachev Y., Kuzyk M., Zudin N. Import Dependence and Its Substitution in the Russian Manufacturing: Business Viewpoint // Foresight and STI Governance. 2016. Vol. 10. № 4. P. 25–45.
13. Wenner M., Bollers E., Hosein R. The dutch disease phenomenon and lessons for guyana: trinidad and tobago's experience. Technical Note IDB-TN-1470, inter-american development bank. 2018.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья

УДК 339.138

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_182

СУЩНОСТЬ, ХАРАКТЕРИСТИКА И НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УПРАВЛЕНИЯ КЛИЕНТСКИМ ОПЫТОМ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ

Рожков Илья Вячеславович

Кандидат экономических наук, доцент кафедры маркетинга и спортивного бизнеса Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, член Некоммерческого Партнерства «Гильдия маркетологов» 125167, г. Москва, Ленинградский пр., д. 49/2, Российская Федерация

Аннотация: В статье рассматривается клиентский опыт как объект маркетингового управления в цифровой среде. Представлен комплексный процесс управления клиентским опытом. Рассмотрены современные инструменты управления клиентским опытом в цифровой среде. Проведен анализ нормативно-правовой базы управления клиентским опытом. Выделены основные объекты регулирования в цифровой среде, сделан вывод о необходимости совершенствования законодательства в части защиты персональных данных и регулирования взаимодействия компаний и потребителей.

Ключевые слова: клиентский опыт (CX), карта пути клиента (CJM), интернет-маркетинг, пользователь, стратегия

Для цитирования: Рожков И.В. Сущность, характеристика и нормативно-правовое регулирование управления клиентским опытом в цифровой среде // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 182. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_182

Policy and Economy of Eurasia

Original article

ESSENCE, CHARACTERISTICS AND LEGAL REGULATION OF CUSTOMER EXPERIENCE MANAGEMENT IN THE DIGITAL ENVIRONMENT

ROZHKOV Ilya Vyacheslavovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing and Sports Business of Financial University under the Government of the Russian Federation, Member of the Non-Commercial Partnership «Guild of Marketers»

125167, Moscow, Leningradsky pr., 49/2, Russian Federation

Abstract: The article examines customer experience as an object of marketing management in the digital environment. A comprehensive customer experience management process is presented. Modern tools for managing customer experience in the digital environment are considered. An analysis of the regulatory framework for customer experience management was carried out. The main objects of regulation in the digital environment are highlighted. It is concluded that it is necessary to improve legislation regarding the protection of personal data and regulation of interaction between companies and consumers.

Keywords: customer experience (CX), customer journey map (CJM), internet marketing, user, strategy

For citation: Rozhkov I.V. Essence, Characteristics and Legal Regulation of Customer Experience Management in the Digital Environment = Eurasian advocacy. 2024;4(69):182. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_182

Клиентский опыт в современной научной литературе рассматривается как реакция клиента на взаимодействие с организацией по различным каналам до, во время или после покупки или по-

ребления. Управление клиентским опытом в цифровой среде представляет собой комплексный процесс, состоящий из нескольких ключевых этапов [9]:

1. Сбор и консолидация данных о клиентах

На данном этапе производится сбор и анализ данных о клиентах, проводится сегментация на основании выбранных критериев [8]. Исследование потребителей проводят при помощи онлайн-анкет и опросов, сервисов аналитики (Google Analytics, Яндекс.Метрика, TG.Stat и др.), мониторинга социальных сетей, анализа отзывов и рейтингов и др. [5] В результате формулируются гипотезы, на основании которых строятся карты пути клиента.

2. Исследование и аудит клиентского опыта

2.1. Диагностика

Для исследования CX чаще всего применяются кастдевы и глубинные интервью [3]. UX анализируется с помощью юзабилити-тестов и интервью Experience Sampling;

2.2. Построение карты пути клиента (CJM, Customer Journey Map);

2.3. Анализ результатов.

3. Проектирование клиентского опыта

Проектирование клиентского опыта подразумевает процесс, в ходе которого разрабатываются сквозные сценарии, затрагивающие все бизнес-процессы и каналы коммуникаций [4]. На данном этапе выявляются ключевые цели, которых должен достичь клиент в каждой точке контакта, и разрабатываются стратегии для улучшения опыта клиентов.

4. Тестирование

Тестирование предполагает имитацию клиентского взаимодействия с учетом внедрения новых стратегий по итогам исследования. В рамках данного этапа формируются группы людей, ко-

торые тестируют разработанные на предыдущем этапе сценарии.

5. Внедрение изменений

После положительных результатов тестирования начинается реализация изменений в соответствии с разработанными стратегиями.

6. Оптимизация

Данный этап предполагает создание системы обратной связи, в которую входят разработка механизмов для сбора впечатлений и отзывов клиентов и их анализ. На основании полученной информации вносятся коррективы в стратегии управления опытом клиентов.

Алгоритм управления клиентским опытом в цифровой среде предполагает использование различных методов и инструментов. Рассмотрим основные инструменты в области управления CX.

Одним из наиболее популярных инструментов исследования CX является построение карт пути клиента, или Customer Journey Map (CJM). CJM – это инструмент управления опытом клиента, основанный на визуальном представлении его пути с момента осознания потребности и до повторных касаний [1]. Карта пути клиента должна быть представлена в виде графика и отражать ключевые точки взаимодействия клиента и организации / продукта.

CJM может иллюстрировать как существующий опыт, так и будущий, или планируемый. В первом случае карта основывается на заранее проведенных исследованиях, а во втором – на предположениях.

Карта состоит из следующих элементов (рис. 1):

Рисунок 1. Элементы CJM [1]

Главной целью создания карты клиентского пути является выявление положительного опыта потребителя и установление устойчивого взаимодействия клиентов с продуктом. В результате необходимо также понять, каким образом человек осуществляет выбор, какие критерии он учитывает, и какие из них являются ключевыми.

Создание CJM должно привести к выработке конкретных стратегий для преодоления выявленных барьеров. После внедрения данных стратегий также важно систематически обновлять карту, чтобы отслеживать точки взаимодействия с клиентами и предотвращать появление новых препятствий.

Следующим инструментом является концепция «Jobs to be Done» [2]. Специалисты проводят Jobs to be Done-интервью, в ходе которого определяются мотивация и цели пользователей, и на основании полученных результатов формулируют Job Story и User Story.

Основной посыл концепции заключается в том, что клиенты стремятся «нанять» ту или иную работу для решения их проблем. Вместо того чтобы фокусироваться на продукте, эта концепция акцентирует внимание на задачах и целях, которых клиенты стремятся достичь через использование продукта или услуги.

Метод персон (или создание клиентских персон) представляет собой инструмент управления клиентским опытом, направленный на создание детализированных и живых описаний воображаемых представителей целевой аудитории. Метод персон основывается на формировании собирательного образа пользователя. Каждая клиентская персона создается на основе реальных данных, анкет, обзоров и других источников, чтобы лучше понять потребности, характеристики и мотивации клиентов.

CRM (Customer Relationship Management) также является мощным инструментом управле-

ния клиентским опытом, осуществляющим сбор, хранение и передачу данных о пользователях [6]. CRM-системы позволяют эффективно управлять взаимодействием с пользователями, дифференцировать их, выстраивать персонализированный подход и оптимизировать обслуживание клиентов, тем самым улучшая клиентский опыт [7].

Для улучшения клиентского опыта применяются принципы CX-дизайна, который представляет собой систему взаимодействия бренда с клиентом на всех этапах [2]. CX-design – это комплексный подход, включающий в себя набор инструментов и методов, обеспечивающий проведение исследований, выявление возможностей, а также генерацию идей и создание прототипов перед внедрением продукта.

Деятельность по управлению клиентским опытом включает в себя сбор и анализ нормативно-правовой базы в области работы с потребителями, так как в РФ активно действуют законы и нормативно-правовые акты, регулирующие взаимоотношения между организацией и клиентами. Так, в таблице 1 представлены основные положения, которые необходимо учитывать в процессе формирования рекламных кампаний.

Таблица 1

Законодательные аспекты в области рекламы [4]

Объект регулирования	Содержание
Рекламное сообщение	Реклама должна быть добросовестной, достоверной, уважительной, честной и однозначной, не должна оказывать негативное влияние
Товары, которые запрещено рекламировать	Существует ряд товаров, которые на территории РФ запрещено рекламировать. К ним относятся табак и изделия для курения, взрывчатые вещества, товары без государственной лицензии и сертификатов, услуги по написанию дипломов и др.
Товары, которые рекламируются с ограничениями	С ограничениями можно рекламировать лекарственные средства, медицинские товары и услуги, БАДы и продукты детского питания, финансовые услуги и финансовую деятельность, продукцию военного назначения и др. Ограничения могут затрагивать время и место трансляции рекламы, а также состав креатива

Таблица 2

Законодательные аспекты маркетинга в цифровой среде [2, 4]

Объект регулирования	Содержание
Персональные данные клиентов	Если на сайте присутствует любая форма обратной связи, собирающая данные клиентов, необходимо размещать ссылку на политику конфиденциальности и запрашивать согласие пользователей на сбор и обработку персональных данных. Пользователей также необходимо уведомлять об использовании Cookie на сайте
Информация	Если на сайте осуществляется продажа каких-либо товаров, то обязательна к размещению оферта, где будут расписаны все права и обязанности покупателей, порядок покупки и возврата товара. Пользователю также необходимо предоставить всю необходимую информацию о товаре
Согласие на получение рекламы	Необходимо размещать согласие на получение рекламных сообщений везде, где есть форма для сбора данных для рассылки
Авторские права и торговые марки	Использование материалов на сайте не должно нарушать авторских прав. При необходимости следует получить разрешение на использование материалов

Отдельно стоит рассмотреть законодательство в области маркетингового взаимодействия с клиентом в цифровой среде (таблица 2).

В процессе управления опытом клиентов важно также учитывать и другие законодательные акты, которые косвенно влияют на рекламу. К ним относятся ГК РФ, Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», Фе-

деральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 № 135-ФЗ, Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» от 29.12.2010 № 436-ФЗ, Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О СМИ».

Стоит отметить, что с развитием цифровых технологий, с ростом цифровых технологий и увеличением объема персональных данных, соби-

раемых компаниями о своих потребителях в целях управления их клиентским опытом, следует расширить сферу нормативно-правового регулирования взаимодействия компаний и потребителей. Особенно остро этот вопрос стоит в отечественной практике в сфере защиты персональных данных. Это позволит добиться повышения удовлетворенности клиентов без нарушения их прав.

Список источников

1. Искандарова Е.С. Карта путешествия клиента как инструмент управления клиентским опытом // Экономика глазами молодых: материалы Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 29–30 апреля 2021 года. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2021. С. 39–41.

2. Истратова О.В. Новые инструменты управления клиентским опытом в ритейле // Современные проблемы и перспективы развития туризма и сферы услуг: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции, Владимир, 10 ноября 2022 года / под общ. ред. И.Ф. Жуковской. Владимир: Издательско-полиграфическая компания «Транзит-ИКС», 2022. С. 60–62.

3. Карпова С.В., Рожков И.В., Воронина В.С. Особенности влияния рекламных стимулов на поведение потребителей // Экономика и управление в машиностроении. 2019. № 5. С. 43–46.

4. Новые парадигмы развития маркетинговых инструментов в условиях трансформации современной экономики: монография / А.Л. Абаев, С.П. Азарова, О.А. Артемьева и др.; под общ. ред. проф. С.В. Карповой; отв. ред. И.В. Рожков. 2-е изд., доп. М.: ИТК «Дашков и К°», 2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1996263>.

5. Рожков И.В. Совершенствование технологий маркетинговой деятельности в процессе информатизации общества // Экономика. Бизнес. Банки. 2013. № 4(5). С. 79–91.

6. Рожков И.В. Реализация принципов клиентоориентированного бизнеса на основе информационных технологий (обзор зарубежных журналов) // Экономика и управление в машиностроении. 2014. № 5. С. 63–64.

7. Рожков И.В. Информационные основы становления и развития теории и практики маркетинга // Экономика. Налоги. Право. 2015. № 4. С. 28–37.

8. Рожков И.В. Методические подходы к формированию осознанного покупательского поведения в цифровой среде // Экономика и управление в машиностроении. 2020. № 2. С. 48–52.

9. Шевчук Е.В., Никифорова Ж.А. Карта пути клиента в цифровом пространстве как инструмент усовершенствования клиентского опыта // Мир в эпоху глобализации экономики и правовой сферы: роль биотехнологий и цифровых технологий: сборник научных статей по итогам работы круглого стола с международным участием, Москва, 15–16 января 2022 года. М.: КОНВЕРТ, 2022. С. 161–163.

References

1. Iskandarova E.S. Karta puteshestviya klienta kak instrument upravleniya klientskim opy`tom // E`konomika glazami molody`x: materialy` Mezhdunarodnoj konferencii studentov, aspirantov i molody`x ucheny`x, Tomsk, 29–30 aprelya 2021 goda. Tomsk: Izdatel`skij Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2021. S. 39–41.

2. Istratova O.V. Novy`e instrumenty` upravleniya klientskim opy`tom v ritejle // Sovremenny`e problemy` i perspektivy` razvitiya turizma i sfery` uslug: sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Vladimir, 10 noyabrya 2022 goda / pod obshh. red. I.F. Zhukovskoj. Vladimir: Izdatel`sko-poligraficheskaya kompaniya «Tranzit-IKS», 2022. S. 60–62.

3. Karpova S.V., Rozhkov I.V., Voronina V.S. Osobennosti vliyaniya reklamny`x stimulov na povedenie potrebitelej // E`konomika i upravlenie v mashinostroenii. 2019. № 5. S. 43–46.

4. Novy`e paradigmy` razvitiya marketingovy`x instrumentov v usloviyax transformacii sovremennoj e`konomiki: monografiya / A.L. Abaev, S.P. Azarova, O.A. Artem`eva i dr.; pod obshh. red. prof. S.V. Karpovoj; otv. red. I.V. Rozhkov. 2-e izd., dop. M.: ITK «Dashkov i K°», 2021 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1996263>.

5. Rozhkov I.V. Sovershenstvovanie texnologij marketingovoj deyatel`nosti v processe informatizacii obshhestva // E`konomika. Biznes. Banki. 2013. № 4(5). S. 79–91.

6. Rozhkov I.V. Realizaciya principov klientoorientirovannogo biznesa na osnove informacionny`x texnologij (obzor zarubezhny`x zhurnalov) // E`konomika i upravlenie v mashinostroenii. 2014. № 5. S. 63–64.

7. Rozhkov I.V. Informacionny`e osnovy` stanovleniya i razvitiya teorii i praktiki marketinga // E`konomika. Nalogi. Pravo. 2015. № 4. S. 28–37.

8. Rozhkov I.V. Metodicheskie podxody` k formirovaniyu osoznannogo pokupatel`skogo povedeniya v cifrovoj srede // E`konomika i upravlenie v mashinostroenii. 2020. № 2. S. 48–52.

9. Shevchuk E.V., Nikiforova Zh.A. Karta puti klienta v cifrovom prostranstve kak instrument usovershenstvovaniya klientskogo opy`ta // Mir v e`poxu globalizacii e`konomiki i pravovoj sfery`: rol` biotexnologij i cifrovyy`x texnologij: sbornik nauchny`x statej po itogam raboty` kruglogo stola s mezhdunarodny`m uchastiem, Moskva, 15–16 yanvarya 2022 goda. M.: KONVERT, 2022. S. 161–163.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Научная статья

УДК 349.442

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_186

ПРОЕКТ «СЕМЕЙНЫЙ ЛЕС» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

ЕВГРАФОВА Анна Георгиевна

Аспирант Государственного университета по землеустройству
105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15, Российская Федерация

Аннотация: Проблема реализации общественных экологических инициатив, связанных с созданием лесов, парков, аллей, посадкой отдельных деревьев, в свете государственной политики в области народосбережения и экологического благополучия приобретает особую актуальность как инструмент объединения стран, народов, регионов, поколений и даже укрепления семей. При этом важно соблюдать лесное, экологическое, земельное, градостроительное право и другие нормативно-правовые акты. Работа основывается на непосредственном практическом взаимодействии субъекта и объекта исследования посредством создания субъектом исследования команды по реализации проекта, разработки плана мероприятий и его реализации.

Ключевые слова: семейный лес, Лесной кодекс, лесовосстановление, озеленение, благоустройство, патриотизм, семейные ценности, семейные традиции

Для цитирования: Евграфова А.Г. Проект «Семейный лес» как инструмент реализации государственной политики в области народосбережения и экологического благополучия // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 186. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_186

Original article

«FAMILY FOREST» PROJECT AS A TOOL FOR THE REALIZATION OF THE STATE POLICY IN THE FIELD OF PUBLIC CONSERVATION AND ENVIRONMENTAL WELL-BEING

EVGRAFOVA Anna Georgievna

Postgraduate Student of State University of Land Management
105064, Moscow, Kazakova St., 15, Russian Federation

Abstract: The problem of implementing public environmental initiatives related to the creation of forests, parks, alleys, and planting individual trees, in the light of state policy in the field of conservation and environmental well-being, is becoming particularly relevant as a tool for uniting countries, peoples, regions, generations, and even strengthening families. At the same time, it is important to comply with forest, environmental, land, urban planning law and other normative legal acts. The work is based on direct practical interaction between the subject and the object of research through the creation of a project implementation team by the subject of the study, the development of an action plan and its implementation.

Keywords: family forest, forest code, reforestation, landscaping, landscaping, patriotism, family values, family traditions

For citation: Evgrafova A.G. «Family Forest» Project as a Tool for the Realization of the State Policy in the Field of Public Conservation and Environmental Well-Being = Eurasian advocacy. 2024;4(69):186. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_186

Вопросы народосбережения и экологического благополучия являются важнейшими в государственной политике Российской Федерации. В своей речи на инаугурации 7 мая 2024 г. Президент нашей страны В.В. Путин подчеркнул, что «мы до-

стойно пройдем через этот трудный, рубежный период, станем ещё сильнее и обязательно реализуем долгосрочные планы и масштабные проекты, направленные на достижение целей развития. А это, прежде всего, народосбережение. Уверен,

что поддержка многовековых семейных ценностей, традиций и впредь будет объединять общественные и религиозные объединения, политические партии, все уровни власти. Наши решения по развитию страны и регионов должны быть эффективными и справедливыми, повышать благосостояние, качество жизни российских семей» [1].

В тот же день Президентом РФ был подписан Указ № 309, который определяет национальные цели развития страны на ближайшие десятилетия. В нем закреплены приоритеты устойчивого экономического и социального развития. Одна из важнейших национальных целей также «Экологическое благополучие». Сохранение лесов и биологического разнообразия в том числе является задачей данной национальной цели [2].

Таким образом, Президент Российской Федерации четко поставил на первое место в государственной политике социальный блок, права граждан на достойный уровень жизни, а также благоприятную экологическую среду. И только затем идут экономика, информационные технологии, безопасность. Это свидетельствует об изменении мышления и общества в целом. Сегодня первостепенными становятся не деньги и не экономика, они лишь призваны сопутствовать решению других проблем, а именно касающихся сохранения традиционных семейных ценностей, природных ресурсов, повышения качества жизни людей.

Значимым является и Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809, в котором значительное внимание уделяется защите духовно-нравственных ценностей страны [3].

Сохранение и укрепление традиционных ценностей в российском обществе способствуют защите суверенитета страны, развитию человеческого потенциала, обеспечивают единство многонационального и многоконфессионального населения, сохраняют культурное наследие. Важно учитывать традиционные ценности и культурно-исторический опыт для эффективного реагирования на изменения в обществе [8].

Государственная политика по укреплению традиционных ценностей, особенно в семейной сфере, осуществляется в различных областях: образование, работа с молодежью, межнациональные и межрелигиозные отношения, а также международное сотрудничество. В этом участвуют не только государственные органы, но и общественные объединения.

Такие меры ведут к укреплению единства российского общества, к осознанию необходимости сохранения и поддержания традиционных цен-

ностей в условиях глобального кризиса ценностей, который приводит к потере нравственных ориентиров и принципов.

Крепкая семья, многодетность, созидательный труд, позитивный вклад каждого человека в развитие России – это базис, который призван сплотить общество духовными скрепами. Термин «духовные скрепы» полностью раскрылся как духовные основы, способные скреплять общество, и приобрел инструментальный вид в виде проекта «Семейный лес», который заработал на практике. Деревья – это скрепы, которые в буквальном и переносном смысле скрепляют своими могучими корнями семьи, поколения, народы, регионы, страны.

Государственно-частное партнерство в сфере экологии активно развивается в России [6,7].

В Чувашской Республике с 2022 года реализуется эколого-просветительский и патриотический проект «Семейный лес» (далее – Проект), который за два года вышел на всероссийский уровень. Он поддерживается лесничествами, администрациями муниципальных округов, общественными объединениями и организациями, а также неравнодушными гражданами. Акции в рамках проекта проводятся в основном в весенний и осенний лесовосстановительный периоды.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определены цели и задачи проекта [3].

Целями государственной политики по данному направлению являются сохранение и укрепление традиционных ценностей, обеспечение их передачи от поколения к поколению, противодействие распространению деструктивной идеологии, формирование на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей.

Главной целью Проекта является укрепление традиционных семейных ценностей, экологическое просвещение всех категорий населения, озеленение населенных пунктов, создание ветрозащитных, берегоукрепительных, противоэрозионных участков и покрытых лесами земель.

Стремление народов сохранить свою идентичность в ситуации неопределенности и хаоса приводит к возрождению идеи о традиционных ценностях. Человечество обращается к своим историческим корням и традициям, формирует

структуры, способные стабилизировать общество.

Обращение к нашим традиционным ценностям открывает новые пути развития, уникальные и характерные только для нашей страны. Важным показателем этой концепции является поддержка традиционных идей большинством наших граждан, особенно молодым поколением, которое будет формировать будущую картину развития российского общества.

В соответствии с федеральной задачей на территории Чувашии решаются вопросы сохранения традиционных семейных ценностей, привития любви к своей Родине именно через вышеуказанный Проект.

Проект зародился как инициатива многодетной мамы Анны Георгиевны Евграфовой, на начало реализации – студентки Поволжского государственного технологического университета. Жизненный опыт, знания и желание приносить добро, сохранить в нашем обществе традиционные семейные ценности, сделать мир вокруг нас лучше, приобщить детей к совместному труду и сплотить людей, общество, а также отсутствие внутреннего противоречия и мыслей о невозможности проекта дали старт мероприятиям.

Реализация проекта «Семейный лес» позволяет создавать объективный источник красоты, а также благо, в будущем совершенно независимые от человека и его отношения к себе и к окружающему миру.

Концепция проекта «Семейный лес» была сформулирована в конце 2021 – начале 2022 годов, в то время, когда третьему ребенку автора не было еще и одного года. И его душа требовала новых идей и действий, чтобы не застрять в бытии, а развиваться, двигаться и объединять людей.

Основные барьеры для воплощения идеи в жизнь находились внутри подсознания автора. Так, ставился вопрос о том, так ли нужен «Семейный лес», если уже есть проекты «Сад памяти», «Посади лес» и ряд других, получивших признание на федеральном уровне. Старту проекта весной 2022 года помешали также сомнения в собственных силах, ресурсах, возможностях и даже отсылка к отсутствию времени.

Проект «Семейный лес» направлен на совместный труд взрослых и детей при создании аллей, парков, полезащитных и иных лесных насаждений. Основной принцип – создавать лесные насаждения семьями только там, где это действительно нужно, и обеспечивать последующий агротехнический уход над созданными лесными насаждениями для их приживаемости и роста

посредством закрепления за высаженными деревьями ответственных лиц. Это могут быть определенные школы, классы и даже отдельные частные лица.

В ходе подготовки и проведения мероприятий в рамках проекта выявлено, что в настоящее время не существует четко регламентированного порядка проведения экологических акций, мероприятий по посадке лесов с привлечением общественности. Открытым остается вопрос о том, кто должен в дальнейшем проводить агротехнический уход за лесными культурами и растительными насаждениями, созданными в рамках реализации общественных экологических инициатив.

Анализ показывает, что часто реализация общественных проектов происходит без учета градостроительной документации, при создании лесных культур – в рамках лесовосстановительных работ, предусмотренных государственным заданием, но с использованием труда волонтеров. Следовательно, может возникнуть вопрос о том, на какие цели направляются или на какие затраты списываются средства, предусмотренные на оплату труда за проведение лесовосстановительных работ.

Без должного последующего ухода за созданными культурами фиксируются низкие показатели приживаемости. Например, в рамках Постановления администрации Мариинско-Посадского района № 183 от 07.04.2010 был объявлен день дерева «Посади дерево и сохрани его», в рамках которого было посажено 3500 деревьев и 498 кустарников, в том числе в д. Аксарино Мариинско-Посадского района Чувашской Республики была создана ветрозащитная полоса протяженностью 400 м в три ряда вдоль дороги республиканского значения «Волга – Марпосад – Октябрьское – Козловка» с участием местного населения (добровольцев). Из-за отсутствия последующего ухода из высаженных 1000 деревьев выжили и выросли только три сосны [4].

Опыт создания семейных лесов был в Чувашии всегда. И один из таких опытов описывается в книге А.П. Айдака «И взойдут семена»: «У нас у каждой семьи есть выращенный им кусочек леса. Потому что все трудоспособные, проживавшие на территории колхоза, в честь 60-летия Октябрьской революции в 1977–79 годах посадили, потом вели уход и вырастили на общественных началах, т. е. бесплатно, по 100 корней деревьев. Немало семей, вырастивших по 300–400 деревьев. Таким образом, выращено 45 гектаров леса. А весь созданный в хозяйстве комплекс овражно-балочных, полезащитных и водорегулирующих полос в настоящее время занимает 217 га» [5].

Впервые проект «Семейный лес» был реализован 24 сентября 2022 года в д. Карабаши Мариинско-Посадского района Чувашской Республики. Для создания семейной аллеи из саженцев сосны, можжевельника, липы, ели и дубов собралось порядка 200 участников. В целом проект был воспринят положительно, только один человек высказал мысль о несогласии с выбранным местом для создания аллеи.

Весной проект перешел в межрегиональный и международный формат. 22 апреля в режиме онлайн-связи к площадке в д. Астакасы Мариинско-Посадского района Чувашской Республики подключились Гродненская область Республики Беларусь (г. Лида), Республика Таджикистан, Калининградская, Омская, Ульяновская области. В Чувашской Республике посадки семейного леса осуществлялись также в д. Бичурга-Баишево Шемуршинского района, д. Пуканкасы Вурнарского района, с. Яльчики, г. Шумерля. Всего более 500 участников и свыше 2000 посаженных деревьев.

«Семейный лес» стал настоящим символом единения народов и регионов России. Акция прошла под эгидой: «Россия – это одна большая семья». Эколого-патриотический проект получил широкий резонанс.

В рамках проекта весной 2024 года были высажены 1500 саженцев и сеянцев различных лесных культур (дуб, липа, кедр, тополь белый, ель колючая, ель европейская, лиственница, береза), а также более 1500 цветов и кустарников. В мероприятиях приняли участие около 2000 человек.

Реализуемые мероприятия позволяют донести до общественности мысли о необходимости подобной созидательной поддержки.

Проект «Семейный лес» приобрел особую актуальность в «Год семьи», а также в «Год экологической культуры и бережного природопользования в Чувашии». Важность проекта также заключается в том, что он готовит подрастающее поколение, семьи и общество в целом к предстоящим масштабным лесовосстановительным работам. Для проведения лесовосстановительных мероприятий предлагается привлечь не только работников лесной отрасли, но также общественность и другие регионы России, в частности, Чувашскую Республику.

Общественные мероприятия в рамках проекта «Семейный лес» позволяют воспитать поколение, которое в полной мере будет готово помогать государству в проведении лесовосстановительных работ, а также любить свое Отечество, Родину, природу, сохранять семейные ценности, почитать традиции.

Список источников

1. <https://www.kp.ru/daily/27603.3/4928468/?ysclid=lykji390po976588532>.
2. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykjksoqtj179886117>.
3. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46. Ст. 7977.
4. Решение Собрания депутатов Мариинско-Посадского муниципального округа от 29.11.2023 № 20/3 «Об утверждении Правил благоустройства территории Мариинско-Посадского муниципального округа Чувашской Республики» [Электронный ресурс]. URL: https://marpos.cap.ru/doc/laws/2023/11/29/meeting_decision-20-3.
5. Айдак А.П. И взойдут семена. Чебоксары: Чувашское книжное изд-во, 1993.
6. Котегова Л.А., Халил М.А. Реализация Экологических проектов на Принципах государственно-частного партнерства // Journal of Monetary Economics and Management. 2020. № 4 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-ekologicheskikh-proektov-na-printsipah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva/>.
7. Татаренко Т.А., Заикин В.В. Финансирование и реализация экологических проектов в России: Актуальные проблемы // E-Scio. 2022. № 6 (69) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-i-realizatsiya-ekologicheskikh-proektov-v-rossii-aktualnye-problemy>.
8. Шаожева Н.А. Традиционные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балканского научного центра РАН. 2017. № 3. С. 101–106.

References

1. <https://www.kp.ru/daily/27603.3/4928468/?ysclid=lykji390po976588532>.
2. <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?ysclid=lykjksoqtj179886117>.
3. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 09.11.2022 № 809 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoj politiki po soxraneniyu i ukrepleniyu tradicionny`x rossijskix duxovno-nravstvenny`x cennostej» // Sobranie zakonodatel`stva Rossijskoj Federacii. 2022. № 46. St. 7977.
4. Reshenie Sobraniya deputatov Mariinsko-Posadskogo municipal`nogo okruga ot 29.11.2023 № 20/3 «Ob utverzhdenii Pravil blagoustrojstva territorii Mariinsko-Posadskogo municipal`nogo okruga Chuvashskoj Respubliki» [E`lektronny`j resurs]. URL: https://marpos.cap.ru/doc/laws/2023/11/29/meeting_decision-20-3.
5. Ajdak A.P. I vzojdut semena. Cheboksary`: Chuvashskoe knizhnoe izd-vo, 1993.
6. Kotegova L.A., Xalil M.A. Realizaciya E`kologicheskix proektov na Principax gosudarstvenno-chastnogo partnerstva // Journal of Monetary Economics and Management. 2020. № 4 [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-ekologicheskikh-proektov-na-printsipah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva/>.

ru/article/n/realizatsiya-ekologicheskikh-proektov-na-print-sipah-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva/.

7. Tatarenko T.A., Zaikin V.V. Finansirovanie i realizatsiya e`kologicheskix projektov v Rossii: Aktual`ny`e problemy` // E-Scio. 2022. № 6 (69) [E`lektronny`j resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/finansirovanie-i-realizatsiya-ekologicheskikh-proektov-v-rossii-aktualnye-problemy>.

8. Shaozheva N.A. Tradicionny`e cennosti: k probleme opredeleniya ponyatiya s tochki zreniya sinergeticheskogo podxoda // Izvestiya Kabardino-Balkanskogo nauchnogo centra RAN. 2017. № 3. S. 101–106.

Статья поступила в редакцию 01.07.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024; принята к публикации 10.07.2024.

The article was submitted 01.07.2024; approved after reviewing 10.07.2024; accepted for publication 10.07.2024.

Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката

Евразийская адвокатура. 2024. № 4 (69). С. 191.
Eurasian advocacy. 2024;(4(69)):191.

Профессиональная этика и дисциплинарная ответственность адвоката

Научная статья

УДК 347.965.31

doi 10.52068/2304-9839_2024_69_4_191

РИСКИ, СВЯЗАННЫЕ С ЭТИЧЕСКИМИ АСПЕКТАМИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДВОКАТА, В РАБОТАХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ: СУЩНОСТЬ И ТРАКТОВКИ

МАРЧЕВА Полина Евгеньевна

Кандидат юридических наук, адвокат, доцент Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
123242, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1, Российская Федерация

Аннотация: В статье автор анализирует работы зарубежных исследователей в области профессиональной этики адвоката. Автор выявляет и рассматривает четыре тезиса, широко обсуждаемых в научных кругах: о необходимости рассматривать вопросы профессиональной этики «в контексте», учитывая все факты и обстоятельства; о существовании этических «слепых пятен» как на индивидуальном, так и на организационном уровнях; о выявлении трех факторов, которые могут стать причиной неэтичного и неправомерного поведения адвоката при оказании квалифицированной юридической помощи; о существовании трех основополагающих концептуальных дихотомий юридической этики, которые могут оказать влияние на понимание и возможные решения фундаментальных вопросов этики представления интересов доверителей.

Ключевые слова: адвокат, этика, этические нормы, этические риски профессиональной деятельности адвоката, управление рисками, зарубежные исследования

Для цитирования: Марчева П.Е. Риски, связанные с этическими аспектами профессиональной деятельности адвоката, в работах зарубежных исследователей: сущность и трактовки // Евразийская адвокатура. 2024. № 4(69). С. 191. https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_191

Professional Ethics and Disciplinary Responsibility of Advocates

Original article

RISKS ASSOCIATED WITH ETHICAL ASPECTS OF PROFESSIONAL ACTIVITIES OF AN ADVOCATE IN SCIENTIFIC WORKS OF FOREIGN RESEARCHERS: HIGHLIGHTS AND INTERPRETATIONS

MARCHEVA Polina Evgenievna

Candidate of Law, Associate Professor of Moscow State Law University (MSAL), advocate
123242, Moscow, st. Sadovaya-Kudrinskaya, 9/1, Russian Federation

Abstract: In the article the author analyzes scientific works of foreign researchers in the field of professional ethics of an advocate. The author identifies and considers four theses widely discussed in scientific circles: the necessity to consider issues of professional ethics «in the context», taking into account all the facts and circumstances; the existence of ethical «blind spots» at both individual and organizational levels; the identification of three factors that may cause unethical and unlawful conduct of an advocate in the provision of qualified legal assistance; the existence of three fundamental conceptual dichotomies of legal ethics that may influence the understanding and possible solutions to fundamental ethical issues of representing the interests of principals.

Keywords: advocate, ethics, standards of ethics, ethical risks of professional activities of an advocate, risk management, foreign research

For citation: Marcheva P.E. Risks Associated with Ethical Aspects of Professional Activities of an Advocate in Scientific Works Of Foreign Researchers: Highlights and Interpretations = Eurasian advocacy. 2024;4(69):191. (In Russ.). https://doi.org/10.52068/2304-9839_2024_69_4_191

С древних времен человечество размышляло над проблемой поведения человека в обществе, поэтому уже в древние времена существовали определенные разрешительные и запретительные нормы, которые необходимо было соблюдать. Необходимость соблюдения этих норм имеет важное значение и в настоящее время, особенно для представителей тех профессий, которые связаны непосредственно с общением с людьми. Одной из таких профессий является адвокатская профессия.

При оказании квалифицированной юридической помощи доверителям адвокату приходится коммуницировать с достаточно широким кругом лиц. Это могут быть доверители, другие адвокаты, сотрудники адвокатских образований, представители следственных, судебных органов, должностные лица государственных органов, СМИ и др. Регулятором такого широкого и сложного круга взаимоотношений являются как правовые, так и этические нормы, несоблюдение которых особенно опасно для адвоката, так как может привести к подрыву доверия не только к нему, но и ко всему адвокатскому сообществу.

Безусловно, организация адвокатуры и адвокатской профессии в каждой отдельной стране могут отличаться, но все адвокаты должны быть едины в том, что добиваться наилучшего результата в разрешении правовой проблемы доверителя необходимо, используя законные способы и методы, а также соблюдая этические нормы и принципы профессиональной деятельности.

Анализ публикаций зарубежных исследователей в области профессиональной этики позволяет обозначить некоторые из обсуждаемых в научных кругах тезисов.

Во-первых, это тезис о том, что этические обязанности лучше всего понимать «в контексте». Данный тезис поддерживают многие зарубежные исследователи [10, р. 697–698; 6, р. 357, 379; 23, р. 127]. Такая точка зрения заключается в признании профессиональной этики в действии – то, как каждый адвокат понимает свои профессиональные обязанности и действует соответствующим образом в процессе предоставления квалифицированной юридической помощи. Если такое понимание и действия соответствуют целям профессиональной ответственности, то можно принять их как достойные уважения [9, р. 211, 213].

Реалистическая точка зрения применима к профессиональной деятельности как отдельно адвоката, так и адвокатского образования или юридической фирмы. Так, например, оценка профессиональной этики в контексте предполагает рассмотрение стратегии управления рисками в

культуре юридической фирмы [2, р. 991, 993]. Как отмечают Тони Альфиери [3, р. 1909–1911], Митт Риган [21, р. 143, 146–147] и другие [11, р. 691, 692], этическая инфраструктура юридической фирмы создается с целью управления различными формами риска, включая риски, связанные с конфликтом интересов и удержанием клиентов [18, р. 5]. Суждения о том, являются ли приоритеты управления рисками, как правило, разрушительными для этических обязательств [3, р. 1910–1911], или же они вдохновляют и институционализируют здоровое отношение к делу [1, р. 96], не имеют существенного значения. Значение в данном случае имеет распространенность оценки рисков в этической инфраструктуре юридической фирмы.

Второй тезис заключается в том, что и адвокаты, оказывая квалифицированную юридическую помощь, и руководители адвокатских образований могут заблуждаться по причине так называемых «слепых пятен»; данное состояние еще называют «этической слепотой».

Поведенческие «исследования показали, что неэтичное поведение часто проистекает из действий, которые субъекты не признают неэтичными» [20, р. 77]. Это может происходить как на индивидуальном, так и на организационном уровнях.

На индивидуальном уровне лица, принимающие решения, сталкиваются с этическими «слепыми пятнами», когда они не замечают этических проблем, связанных с принятием решения, или когда они считают, что любые потенциальные этические проблемы могут быть легко преодолены [17, р. 1007, 1116]. Бывает, что адвокаты отождествляют этическое поведение с минимальными стандартами, позволяющими избежать дисциплинарных взысканий в соответствии с правилами профессионального поведения. Такой подход является очень узким, сводящим «этику» к определению того, касаются ли дисциплинарные правила конкретных вопросов. Когда правила не касаются сложившейся ситуации, адвокаты могут прекратить обсуждение и не вдумываться в этические последствия своих индивидуальных решений [17, р. 1127].

«Этическая слепота» проявляется и на организационном уровне, когда коллеги и руководители организации не могут точно оценить неэтичное поведение отдельных людей. В контексте адвокатской деятельности это может происходить внутри адвокатских образований, адвокатских фирм и адвокатских групп, когда адвокаты игнорируют неэтичное поведение своих коллег, сосредотачиваясь только на исполнении своих

профессиональных обязанностей по отношению к доверителям – оказании квалифицированной юридической помощи. Причины такого поведения могут быть различными. Некоторые адвокаты предпочитают «не судить других адвокатов», игнорируя их неэтичное поведение, другие же находятся под влиянием того, что теоретики называют термином «мотивированная слепота», определяемым как «тенденция людей не замечать неэтичное поведение других, когда замечать нарушение не в их интересах» [4, р. 79].

Третий тезис в исследованиях зарубежных ученых заключается в существовании трех факторов, которые могут влиять на неэтичное и неправомерное поведение адвокатов.

Первый фактор – это отсутствие или недостаток опыта профессиональной деятельности. С практикой адвокаты приобретают профессиональные знания и навыки профессиональной деятельности, которые, в том числе, способствуют поддержанию надлежащего поведения в процессе предоставления квалифицированной юридической помощи. Профессор права и политологии юридического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе Джоэл Хэндлер еще в 1967 году отмечал, что «у недавно принятых в профессию адвокатов были более низкие профессиональные доходы, более бедные клиенты – физические лица и более непостоянные клиенты», и поэтому они сталкивались с «большим давлением и большими возможностями нарушить закон, чем... адвокаты, которые занимались практикой дольше» [15, р. 127]. В тот же период социолог Джером Карлин провел опрос 800 практикующих в Нью-Йорке адвокатов и установил, что адвокаты, недавно начавшие оказывать квалифицированную юридическую помощь, сталкивались с повышенным давлением на них в процессе осуществления профессиональных обязанностей, подталкивающим к неэтичным действиям. Трудности, которые возникают из-за отсутствия доверителей, сложности зарабатывания стабильных средств к существованию, в нестабильных условиях при недостатке профессиональных знаний и опыта могут послужить предпосылками, способствующими компенсаторному неэтичному поведению [7].

Второй фактор, который может влиять на совершение дисциплинарных проступков адвокатами, по мнению зарубежных исследователей, связан со стратификационной иерархией профессии. Данная точка зрения основана на том, что, несмотря на то, что адвокатура представляет собой единую корпорацию с общими квалифика-

ционными требованиями, деятельность конкретного адвоката сильно стратифицирована [16; 14, р. 9–56; 12, р. 882–903]. Такое расслоение можно описать по-разному, но общее мнение сводится к тому, что адвокаты, практикующие индивидуально, находятся в самом низу иерархии [19, р. 47–54]. Исследователями в данной области отмечалось, что практикующие индивидуально адвокаты ассоциируются с низшими судебными инстанциями и нестабильной практикой в определенных «проблемных» специализациях. В качестве примера они приводят сферы уголовного, семейного права, дела о причинении вреда здоровью. Так, например, Джером Карлин предполагал, что «адвокаты, находящиеся внизу статусной лестницы, максимально подвержены давлению, вынуждающему их нарушать этические нормы» [7, р. 168], с этим соглашался и Джоел Хэндлер [15, р. 116]. Таким образом, второй фактор, являющийся предпосылкой неэтичного поведения и совершения профессиональных проступков, – это внутри-профессиональная стратификационная система, которая подвергает адвокатов, практикующих индивидуально, повышенному риску неправомерного поведения.

Третий фактор, являющийся предпосылкой неэтичного поведения адвокатов и совершения профессиональных проступков, – это влияние на адвокатов макроэкономических изменений в обществе в целом. Несмотря на свой профессиональный статус, адвокаты уязвимы к колебаниям экономического цикла [13, р. 152–176]. Беспокойство по поводу неправомерных действий адвокатов может возрастать в периоды экономического спада, подобно моральной панике в отношении состояния правопорядка в целом [8]. Поскольку саморегулирование профессии включает в себя реагирование на окружающие социальные и экономические тенденции, преследование адвокатов за совершение неправомерных действий может усиливаться в ответ на макроэкономические спады.

Указанные три фактора – отсутствие или недостаток опыта профессиональной деятельности, индивидуальная практика и макроэкономическая рецессия – не только, по общему мнению, увеличивают количество проступков, совершаемых адвокатами, они являются источником относительной беспомощности отдельного адвоката, попавшего в ситуацию риска [5, р. 772–773].

Данные точки зрения, безусловно, не бесспорны, зависят от моделей организации адвокатской профессии и адвокатуры в каждой отдельной стране, поэтому, принимая во внимание общие

выявленные зарубежными исследователя факторы, необходимо рассматривать каждый отдельно взятый случай вероятного дисциплинарного проступка адвоката, как было указано ранее, «в контексте».

Четвертый тезис зарубежных исследователей связан с выявлением в основе вопросов профессиональной этики адвоката трех основополагающих концептуальных дихотомий, которые влияют на понимание и поиск решений при возникновении рисков, связанных с этическими аспектами профессиональной деятельности адвоката, на всех уровнях: от крупномасштабной теории и политики, через формулирование общих правил или принципов, и вплоть до рассмотрения конкретных ситуаций и поведения.

В частности, в своей статье 2015 года «Три дихотомии юридической этики (с особым вниманием к работе с корпоративными клиентами)» профессор колледжа права им. Штурма Денверского университета Стивен Пеппер [22, р. 1069–1134] определяет и исследует каждую из этих трех категорий по очереди. В статье, в частности, рассматривается, как каждая дихотомия может повлиять на понимание и возможное решение фундаментальных вопросов этики представления интересов корпораций.

Первая дихотомия рассматривает вопрос о том, что является риском, от которого, в свою очередь, профессиональная этика является средством защиты. Риск или особую необходимость предполагает само существование специального органа профессиональной этики и профессионального регулирования в случае, когда не являются достаточными повседневная мораль и обычная этика, а также уголовное и гражданское право. При этом возникают следующие вопросы: какой риск несет в себе понятие особой профессии? Кто и от чего нуждается в защите?

Традиционно понимаемая ситуация, создающая необходимость существования «профессии», – это ситуация, когда относительно слабый и нуждающийся клиент (пациент, доверитель) взаимодействует с относительно сильным, знающим профессионалом, прошедшим специальное обучение и ставшим способным оказать помощь в отношении тех жизненных аспектов, которые считаются особенно важными или необходимыми. Данную ситуацию можно представить и иным способом, то есть уязвимый клиент (пациент, доверитель), нуждающийся в помощи, и профессионал, готовый оказать такую помощь, но также имеющий все возможности для эксплуатации зависимого от него клиента (пациента, доверителя).

Несмотря на то, что профессиональные обязательства и этические нормы призваны обеспечить оказание необходимой помощи и предотвратить возможную эксплуатацию, в профессиональной этике адвокатов в последние несколько десятилетий преобладает совсем другое видение: влиятельный доверитель, которому искусственный адвокат помогает в реализации проекта или совершении действий, могущих нанести неоправданный ущерб или вред третьим лицам либо обществу. Часто парадигматическим доверителем в этом образе является крупная корпорация. При таком альтернативном видении не доверитель является уязвимым и подверженным риску, а третьи стороны и общество в целом.

Вторая дихотомия обращается не к основному риску, а к средствам защиты. Вопрос заключается в том, должна ли профессиональная этика адвокатов состоять в основном из правил, которые они должны соблюдать, как это происходит в настоящее время, или будет более полезным и эффективным обратиться к индивидуальному характеру, практической мудрости и усмотрению адвоката как основе для принятия этических решений.

Третья дихотомия, разработанная в рассматриваемой статье менее полно, чем две другие, сосредоточена на основополагающей ориентации этических обязательств адвоката – являются ли они обязательствами перед отдельным доверителем или перед более широкими общественными интересами. Какова основополагающая ориентация адвокатов? Служат ли адвокаты в первую очередь своим конкретным доверителям, а также их предпочтениям, выбору и автономии? Или же адвокаты в первую очередь преданы некой общественной или коллективной цели или интересам, отличным от конкретных целей или интересов доверителя?

Каждая из этих трех категорий представляет собой фундаментальное различие в том, как воспринимаются и решаются вопросы адвокатской этики. Каждая из них влияет на понимание и анализ проблемы на многочисленных уровнях: 1) от определения надлежащего или требуемого поведения в конкретной ситуации; 2) к разработке конкретного правила или подхода для определенной категории случаев и 3) до выработки более общей или абстрактной теории или политики. Отношение человека к каждой из этих дихотомий влияет на то, к каким выводам он придет на каждом из указанных уровней анализа, однако эти склонности и предположения часто остаются неисследованными и неартикулированными.

Позиция человека по каждой из дихотомий, как правило, структурирует его подход к проблеме и определяет полученный результат, однако без того, чтобы обратиться к соответствующим аспектам и выбору напрямую либо даже оставляя их незамеченными [22].

Таким образом, освещение в данной статье четырех тезисов, выявленных в результате анализа научных публикаций зарубежных исследователей в области профессиональной этики адвокатов, направлено на углубление научного знания в данной области с целью продолжения поиска путей минимизации этических рисков в профессиональной деятельности адвокатов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Anthony E. Davis. Legal Ethics and Risk Management: Complementary Visions of Lawyer Regulation // *Georgetown journal of legal ethics*. 2008. Vol. 21.
2. Anthony V. Alfieri. Big Law and Risk Management: Case Studies of Litigation, Deals, and Diversity // *Georgetown journal of legal ethics*. 2011. Vol. 24.
3. Anthony V. Alfieri. The Fall of Legal Ethics and the Rise of Risk Management // *Georgetown Law Journal*. 2006. Vol. 94.
4. Bazerman Max, Tenbrunsel Ann. Blind Spots: Why We Fail to Do What's Right and What to Do about it? Princeton University Press, 2011.
5. Bruce L. Arnold, John Hagan. Careers of Misconduct: The Structure of Prosecuted Professional Deviance Among Lawyers // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57.
6. Bruce A. Green, Less Is More: Teaching Legal Ethics in Context. Vol. 39. *William and Mary Law Review*, 1998.
7. Carlin Jerome. Lawyers' Ethics: A Survey of the New York City Bar. New York: Russell Sage Foundation, 1966.
8. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. London: MacGibbon and Kee, 1972.
9. Deborah L. Rhode, Legal Ethics in Compliance // *Gonzaga Law Review*. 2020. Vol. 56.
10. Douglas N. Frenkel et al. Bringing Legal Realism to the Study of Ethics and Professionalism // *Fordham Law Review*. 1998. Vol. 67.
11. Elizabeth Chambliss, David B. Wilkins. Promoting Effective Ethical Infrastructure in Large Law Firms: A Call for Research and Reporting // *Hofstra Law Review*. 2002. Vol. 30.
12. Erlanger Howard. The Allocation of Status Within Occupations: The Case of the Legal Profession // *Social Forces*. 1980. Vol. 58.
13. Galanter Marc. Larger Than Life: Mega-Law and Mega-Lawyering in the Contemporary United States, 1983.
14. Hagan John, Marie Huxter, Patricia Parker. Class Structure and Legal Practice: Inequality and Mobility Among Toronto Lawyers // *Law and Society Review*. 1988. Vol. 22.
15. Handler Joel. The Lawyer and His Community. Madison: University of Wisconsin Press, 1967.
16. Heinz John P. and Edward O. Lauman. Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar. New York: Russell Sage Foundation and American Bar Foundation, 1982.

17. Jennifer K. Robbennolt, Jean R. Sternlight. Behavioral Legal Ethics // *Arizona State Law Journal*. 2013. Vol. 45.
18. Jonathan T. Molot, Purism and Pragmatism in the Legal Profession // *The Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2018. Vol. 31.
19. Ladinsky Jack. Careers of Lawyers: Law Practice and Legal Institutions // *American Sociological Review*. 1963. Vol. 28.
20. Ovul Sezer et al. Ethical Blind Spots: Explaining Unintentional Unethical Behavior // *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 6.
21. Regan Jr., Milton C. Nested Ethics: A Tale of Two Cultures // *Hofstra Law Review*. 2013. Vol. 42.
22. Stephen Pepper. Three Dichotomies in Lawyers' Ethics (with Particular Attention to the Corporation as Client) // *Georgetown Journal of Legal Ethics*. 2015. Vol. 28.
23. William H. Simon. Solving Problems vs. Claiming Rights: The Pragmatist Challenge to Legal Liberalism // *William and Mary Law Review*. 2004. Vol. 46.

References

1. Anthony E. Davis. Legal Ethics and Risk Management: Complementary Visions of Lawyer Regulation // *Georgetown journal of legal ethics*. 2008. Vol. 21.
2. Anthony V. Alfieri. Big Law and Risk Management: Case Studies of Litigation, Deals, and Diversity // *Georgetown journal of legal ethics*. 2011. Vol. 24.
3. Anthony V. Alfieri. The Fall of Legal Ethics and the Rise of Risk Management // *Georgetown Law Journal*. 2006. Vol. 94.
4. Bazerman Max, Tenbrunsel Ann. Blind Spots: Why We Fail to Do What's Right and What to Do about it? Princeton University Press, 2011.
5. Bruce L. Arnold, John Hagan. Careers of Misconduct: The Structure of Prosecuted Professional Deviance Among Lawyers // *American Sociological Review*. 1992. Vol. 57.
6. Bruce A. Green, Less Is More: Teaching Legal Ethics in Context. Vol. 39. *William and Mary Law Review*, 1998.
7. Carlin Jerome. Lawyers' Ethics: A Survey of the New York City Bar. New York: Russell Sage Foundation, 1966.
8. Cohen Stanley. Folk Devils and Moral Panics. London: MacGibbon and Kee, 1972.
9. Deborah L. Rhode, Legal Ethics in Compliance // *Gonzaga Law Review*. 2020. Vol. 56.
10. Douglas N. Frenkel et al. Bringing Legal Realism to the Study of Ethics and Professionalism // *Fordham Law Review*. 1998. Vol. 67.
11. Elizabeth Chambliss, David B. Wilkins. Promoting Effective Ethical Infrastructure in Large Law Firms: A Call for Research and Reporting // *Hofstra Law Review*. 2002. Vol. 30.
12. Erlanger Howard. The Allocation of Status Within Occupations: The Case of the Legal Profession // *Social Forces*. 1980. Vol. 58.
13. Galanter Marc. Larger Than Life: Mega-Law and Mega-Lawyering in the Contemporary United States, 1983.
14. Hagan John, Marie Huxter, Patricia Parker. Class Structure and Legal Practice: Inequality and Mobility Among Toronto Lawyers // *Law and Society Review*. 1988. Vol. 22.
15. Handler Joel. The Lawyer and His Community. Madison: University of Wisconsin Press, 1967.

16. Heinz John P. and Edward O. Lauman. Chicago Lawyers: The Social Structure of the Bar. New York: Russell Sage Foundation and American Bar Foundation, 1982.

17. Jennifer K. Robbennolt, Jean R. Sternlight. Behavioral Legal Ethics // Arizona State Law Journal. 2013. Vol. 45.

18. Jonathan T. Molot, Purism and Pragmatism in the Legal Profession // The Georgetown Journal of Legal Ethics. 2018. Vol. 31.

19. Ladinsky Jack. Careers of Lawyers: Law Practice and Legal Institutions // American Sociological Review. 1963. Vol. 28.

20. Ovul Sezer et al. Ethical Blind Spots: Explaining Unintentional Unethical Behavior // Current Opinion in Psychology. 2015. Vol. 6.

21. Regan Jr., Milton C. Nested Ethics: A Tale of Two Cultures // Hofstra Law Review. 2013. Vol. 42.

22. Stephen Pepper. Three Dichotomies in Lawyers' Ethics (with Particular Attention to the Corporation as Client) // Georgetown Journal of Legal Ethics. 2015. Vol. 28.

23. William H. Simon. Solving Problems vs. Claiming Rights: The Pragmatist Challenge to Legal Liberalism // William and Mary Law Review. 2004. Vol. 46.

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 01.08.2024; принята к публикации 01.08.2024.

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 01.08.2024; accepted for publication 01.08.2024.